

Борис ВИШНЕВСКИЙ

ДВОЙНАЯ ЗВЕЗДА

МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

Дом Галича

Борис ВИШНЕВСКИЙ

ДВОЙНАЯ ЗВЕЗДА

МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2022

ББК 84(2Рос-Рус)6
В55

Вишневский Б. Л.

В55 Двойная звезда: Миры братьев Стругацких. — Санкт-Петербург: Дом Галича, 2022. — 456 с. + Вклейка XXXII с.

ISBN 978-1-4709-1687-9

Третье издание книги Бориса Вишневского — известного петербургского публициста, обозревателя «Новой газеты», лауреата премии Союза журналистов «Золотое перо России», депутата Законодательного Собрания Санкт-Петербурга.

Книга содержит биографические материалы, беседы с Борисом Стругацким, записанные автором в 1992–2011 годах, и размышления автора о произведениях братьев Аркадия и Бориса Стругацких.

В этом издании частично сокращено то, что входило в первые два, и добавлены новые статьи. Отдельная глава посвящена тому, каким мог быть фильм по повести «Трудно быть богом», если бы реализовался сценарий, написанный авторами в 1966–1968 годах. Приведен текст этого сценария и выдержки из «Сценарного дела», найденные в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга. В биографическую главу добавлена статья о работе отца братьев Стругацких, Натана Залмановича, в Государственной публичной библиотеке в 1937–1941 годах (его личное дело найдено в архиве ГПБ), а также некоторые другие архивные документы, материалы и фотографии.

ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-1-4709-1687-9

© Вишневский Б. Л., 2022

ОТ АВТОРА

Перед читателем третье издание моей книги об Аркадии и Борисе Стругацких «Двойная звезда» — измененное, дополненное и переработанное.

Первоначально книга планировалась в бумажной версии. Макет был практически готов и оставались лишь мелкие детали.

А затем наступило 24 февраля 2022 года и так называемая «специальная операция» в Украине. Со всеми вытекающими последствиями.

Поэтому книга будет пока только в электронной — но максимально удобно читаемой, — версии. Конечно, совершенно бесплатной и для чтения, и для распространения, которому буду только рад.

Третье издание «Двойной звезды» выходит не просто почти через два десятилетия после первого — но уже в совсем иной исторической эпохе.

Первое издание готовилось весной 2003-го — во время первого президентского срока Владимира Путина.

Да, позади уже были «Курск» и «Норд-Ост», и уже было уничтожено старое НТВ, и закрыты телеканалы ТВ-6 и ТВС.

Но все же премьером был Михаил Касьянов, и в Госдуме были «Яблоко» и СПС, Григорий Явлинский и Борис Немцов, Владимир Лукин и Сергей Ковалев, Игорь Артемьев и Юлий Рыбаков, Алексей Арбатов и Юрий Щекочихин, Александр Шишлов и Николай Травкин.

И в парламент вносили вопрос о вотуме недоверия правительству (что давно представляется ненаучной фантастикой).

И губернаторов выбирали, причем, без всякого «филтра», а выборы были реально конкурентными, а не в присутствии одних лишь спарринг-партнеров, как потом.

И еще на свободе был Михаил Ходорковский.

И еще живы были Анна Политковская и Юрий Щекочихин. Второе издание вышло через десять лет.

Это десятилетие вместило Беслан и отмену губернаторских выборов, разгоны «маршей несогласных» и «болотное дело», убийство Анны Политковской, Натальи Эстемировой и Александра Литвиненко, войну с Грузией и «рокировочку» Путина и Медведева, зачистку Госдумы от оппозиции и принятие законов об НКО и «иностранных агентах» и запрете иностранного усыновления.

И все же, это был еще мир «Града обреченного», в котором возражения начальству не считались подвигом.

Прошло еще одно десятилетие — и третье издание книги выходит в причудливой смеси миров «Гадких лебедей», «Обитаемого острова» и «Трудно быть богом».

Это десятилетие вместило «присоединение» Крыма и интервенцию на востоке Украины, убийство Бориса Немцова, «обнуление» президентских сроков Владимира Путина в 2020 году, новую серию законов о запретах, наказаниях и поражениях в правах, объявляющих любое несогласие с властью наказуемым деянием, появление в стране сотен политических заключенных, приговариваемых порой к гигантским срокам, ликвидацию «Мемориала», хранящего память как о прежних, так и о нынешних политических репрессиях, и превращение парламента в «пять оттенков серого» — набор пяти «партий Путина» в разных костюмах, дружно одобряющих любые его предложения. И, конечно, — «спецоперацию» в Украине, с последовавшим уничтожением многих независимых СМИ и арестами за плакат «Фашизм не пройдет».

После двух десятилетий несменяемого правления, на третьем десятилетии торжествующая серость сменила окраску на черную.

Словно в «Понедельнике, начинающемся в субботу», налицо эффект контрамоции: политическое время, — в отличие от физического, — движется назад. И не только для У-Януса Полуэктовича, а для всех нас и для страны.

Мы возвращаемся в то прошлое, которое прекрасно помнили, — и в котором жили, — братья Стругацкие.

И поэтому написанное ими снова становится невероятно актуальным.

Потому что снова надобны не умные, а верные.

И снова наказывают за невосторженный образ мыслей.

И снова горожане стали очень серьезными и совершенно точно знают, что необходимо для блага государства.

И снова правда — это то что сейчас во благо королю, а все остальное — ложь и преступление.

Мы вернулись во времена тоталитарного государства, стремящегося полностью контролировать человека, который не более чем винтик и «пыль под ногами» государственной машины.

Во времена «органов», которые «не ошибаются», когда под каток репрессивной машины может попасть любой, кто посмеет возмутиться происходящим. Или поддержать преследуемых.

Во времена оруэлловского двоемыслия и «министерства правды», бесстыдной государственной лжи и оглушающей государственной пропаганды.

Когда объявляет «террористами» тех, у кого показания выбиты пытками, а «экстремистами» — тех, кто требует честных выборов, политической конкуренции и легальной смены власти.

Когда преследуют «врагов народа» (только под другим названием — «иностранные агенты» или «нежелательные организации»), а недовольным властью грозят лишением гражданства.

Когда конституционные права превращены в ничего не значащую бумажку, могущую в любой момент быть отброшенной за ненадобностью.

Когда страна «осажденная крепость», окруженная врагами снаружи и подрываемая «национал-предателями» изнутри.

Когда у начальства, считающего себя Отечеством, только два союзника: армия и полиция. Правда, и врага у него только два — наука и образование.

Времена, в которые мы возвращаемся, Борис Стругацкий в разговоре со мной называл «глухими, цементно-болотными, абсолютно беспросветными».

Но он же, — оглядываясь на то, что произошло в нашей стране потом — говорил: «...теперь мы знаем: тоталитаризм *точно* не вечен, даже самый глухой и безнадежный. Поэтому перспектива — есть. И надо делать все от тебя зависящее, чтобы эту перспективу приблизить».

Эти слова обращены к тем, кто воспитан на книгах братьев Стругацких,

Именно они, — те, кто впитал в себя свободу написанного ими, выводящую из организма страх, — и приближают эту перспективу.

Они обязательно построят то будущее, которое, — пусть и не для себя, — создавали Аркадий и Борис Стругацкие.

В этой книге частично сокращено то, что входило в первые два издания, в том числе биографическая часть и глава 3, содержащая интервью с Борисом Натановичем (оставлены только самые актуальные тексты).

Добавлена новая глава «Трудно быть богом» — о том, каким мог быть фильм по этой повести, если бы реализовался сценарий, написанный авторами в 1966–1968 годах. Приведен текст этого сценария и выдержки из «Сценарного дела», найденные в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга. Также в эту главу с любезного согласия Венеры Галеевой включена ее статья об этом сценарии, напечатанная в феврале 2020 года на «Фонтанке.Ру».

В Биографическую главу добавлена статья «Личное дело» — о работе отца братьев Стругацких, Натана Залмановича, в Государственной публичной библиотеке в 1937–1941 годах (его личное дело найдено в архиве ГПБ), а также некоторые другие архивные документы, материалы и фотографии.

Благодарю за помощь в создании книги Анатолия Разумова, Алексея Ельшевича, Венеру Галееву, Алину Клименко, Дмитрия Анисимова, Григория Михнова-Вайтенко, Андрея Чернова и Наталию Введенскую.

Книгу посвящаю светлой памяти Романа Арбитмана, Михаила Нахмансона (Ахманова) и Юрия Флейшмана.

Борис Вишневский
Март 2022

ГЛАВА ПЕРВАЯ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ

«ЭТО БЫЛА ПОТЕРЯ ПОЛОВИНЫ МИРА»

*Борис Стругацкий — об Аркадии Стругацком**

БВ (Борис Вишневский). В глазах подавляющего большинства поклонников творчества братьев Стругацких вы с Аркадием Натановичем абсолютно неотделимы друг от друга. Но все же какие-то существенные отличия у вас были?

БС (Борис Стругацкий). Что неотделимы — это, что называется, «медицинский факт»: не существует двух авторов, Аркадия и Бориса Стругацких, которые писали вдвоем, есть один автор — братья Стругацкие. Но при всем при том мы, конечно, были очень разными людьми. Хотя в разное время у нас были разные отличия — в последние годы, например, мы стали похожи друг на друга так, как становятся похожи долго прожившие вместе супруги. Аркадий Натанович был более общительным и более веселым человеком, чем я, он был оптимистом, всегда верил в лучший исход — а я всегда исходил из худшего. Он был педантичен и аккуратен — а я ленив и небрежен. Он был эмоционален и склонен к экспромтам, я — более логичен и расчетлив. Он был отчаянный гедонист и всю жизнь пользовался невероятным успехом у женщин — я никогда не отличался этими качествами...

БВ. О вашем методе совместного написания книг сложено великое множество легенд. Начиная с того, что вы с братом, живущие соответственно в Ленинграде и Москве, встречаетесь в буфете станции Бологое, напиваетесь чаю и садитесь писать, и заканчивая

* Интервью записано автором книги в августе 1995 г. Опубликовано в петербургской газете «Невское время» 28 августа 1995 года — в день 70-летия Аркадия Стругацкого.

тем, что Аркадий Натанович представлял собой столь брызжущий идеями фонтан, что только Вы могли его остановить и заявить: «Стоп! Это мы записываем» — и начиналась Книга...

БС. Враки это все, Боря! Легенду о буфете в Бологом я и комментировать не буду — тем более что есть значительно более сочная: Стругацкие съезжаются на подмосковной правительственной даче, накачиваются наркотиками до одури — и за машинку... А что касается нашего творческого метода, то, во-первых, Аркадий Натанович вовсе не был никаким «фонтаном», нуждающемся в затыкании. Конечно, он был прекрасным рассказчиком, всегда верховодил на любом застолье, когда он был в ударе, рассказы складывались у него как бы сами собой, и все они были блестящими и готовыми к немедленной публикации. Правда, в последние годы он сделался гораздо менее разговорчив и куда более сдержан... А работали мы всегда именно так, как всем честно рассказывали, — хотя в это никто почему-то не верит: слово за словом, фраза за фразой, страница за страницей. Один сидит за машинкой, другой рядом. Каждая предлагаемая фраза обсуждается, критикуется, шлифуется и либо отбрасывается совсем, либо заносится на бумагу. Другого разумного способа нет! А этот, между прочим, вовсе не так сложен, как некоторым кажется.

БВ. И все-таки: какое-то «разделение труда» у вас было?

БС. В основном последние лет двадцать пять оно было таким: Аркадий Натанович сидел за пишущей машинкой, а я — рядом, сидел или лежал на диване. Иногда ходил. Аркадий Натанович утверждал, что я печатаю плохо и неаккуратно. Ну и я с удовольствием соглашался с такой оценкой моих способностей. Рукописи у меня и вправду всегда получаются довольно неряшливыми, с кучей поправок, опечаток и ляпов. Аркадий Натанович, который много лет проработал редактором, всего этого разгильдяйства совершенно не терпел и стремился к тому, чтобы рукопись представлялась в издательство в идеальном виде, — отсюда его желание сидеть за машинкой лично. У нас было правило: окончательный

вариант перепечатывался начисто в двух, а то и в трех экземплярах, первый — в издательство, остальные — в архив.

БВ. Часто ли у вас с братом возникали споры?

БС. Вся наша работа была сплошным спором. Если одному из нас удавалось убедить другого в своей правоте — прекрасно. Если нет — бросался жребий, хотя это случалось довольно редко. У нас существовало простое правило: кому-то из соавторов не нравится фраза? Что же, это его право, но тогда его обязанность — предложить другую. После второго варианта может быть предложен третий, и так далее до тех пор, пока не возникает вариант, в ответ на который предлагать уже нечего. Или незачем.

БВ. Кому чаще удавалось убедить другого?

БС. В литературной работе я бы не взялся устанавливать какую-то статистику. Другое дело — обычные споры за рюмкой чая. Там чаще побеждал я, потому что был всегда более логичен, а Аркадий Натанович — более эмоционален.

БВ. Много лет в предисловиях к вашим книгам указывалось, что Аркадий Натанович — переводчик с японского, а Вы — астроном. Как Вы считаете, «отпечаталась» ли такая нестандартная профессия на его личности — и на вашем творчестве?

БС. В первую очередь она повлияла на тот багаж знаний, который у него был. Аркадий Натанович очень много знал и очень много читал, у него была прекрасная библиотека на японском. Ему очень нравилось переводить, по мнению многих, он был одним из лучших переводчиков с японского. Но когда говорят, что все «японское», что есть в наших произведениях, — это от Аркадия Натановича, а все астрономическое — от меня, то здесь все с точностью до наоборот! Если взять японскую поэзию, которая частенько присутствует в нашем творчестве, то в ней как раз, так сказать, специалистом был именно я. Аркадий Натанович был равнодушен к стихам, а моей жене когда-то подарили томик японской поэзии,

и из него я постоянно извлекал подходящие к случаю строчки и эпиграфы. В свою очередь Аркадий Натанович превосходно разбирался в астрономии и прочитывал все, что выходило в этой области. Он вообще любил астрономию с детства — ведь именно он приучил меня к ней, он, школьником, делал самодельные телескопы, наблюдал солнечные пятна и учил меня этим наблюдениям. Так что 90 процентов астрономических сведений в наших книгах (за исключением самых специальных) — именно от него... Между прочим, нежную любовь к хорошей оптике он сохранил до конца дней своих. Вы не могли сделать ему лучший подарок, нежели мощный бинокль или какую-нибудь особенную подзорную трубу.

БВ. Есть еще известная легенда, что Аркадий Натанович был настолько добрым человеком, что всем начинающим писателям давал замечательные рецензии и очень многие пользовались этой его добротой...

БС. Это как раз не легенда, а святая правда: он действительно с таким сочувствием относился к начинающим писателям, что привлечь его на свою сторону было крайне легко. Я — другое дело, я более жесткий человек, хотя тоже иногда иду на поводу у молодого таланта. А когда я начинал ругать Аркадия Натановича за излишнюю мягкость, он отвечал: ведь от этого никто не пострадает, а человеку приятно, человек-то славный, надо же ему помочь. Впрочем, многое у него зависело от настроения в данный момент. Не дай бог вам было попасть ему под горячую руку — он мог быть и резок и свиреп.

БВ. Обладал ли Аркадий Натанович способностью предвидеть будущее, особенно — ближайшее?

БС. Думаю, что нет — так же, как и все прочие: таким даром не обладает никто. Предсказать, что случится в ближайшие 3–4 года, можно только случайно. Общую тенденцию указать несложно, — а вот сделать конкретный прогноз...

БВ. А когда вы с Аркадием Натановичем все-таки решались на прогнозы — они у вас совпадали?

БС. Принципиальных разночтений я не помню. Может быть, к концу жизни Аркадий Натанович стал более пессимистичен, чем я, — но эта разница была чисто количественной, а не качественной. Вообще-то, он был добр не только к людям, он был добр к человечеству, а значит — к будущей его истории.

БВ. Как Вы думаете, как бы мог отнестись Аркадий Натанович ко всему, что произошло после 1991 года: так же, как и Вы?

БС. Это совершенно однозначно: в общих чертах — так же, как и я. Конечно, могли быть какие-то разночтения в оценках отдельных лидеров и поступков, но в общем — мы были бы едины. Он безусловно резко отрицательно отнесся бы, например, к войне в Чечне — я в этом не сомневаюсь ни на секунду. Он одобрил бы реформы Гайдара — и в этом я уверен абсолютно. И конечно, резко, как он это умел, выступал бы против красно-коричневых.

БВ. Что Аркадий Натанович больше всего любил — и чего не терпел?

БС. На этот вопрос трудно ответить однозначно: Аркадий Натанович 60-х годов и Аркадий Натанович 80-х годов — это два разных человека. Если говорить о последнем десятилетии, то он больше всего ценил покой, стабильность, устойчивость. То, чего ему всю жизнь больше всего не доставало. И соответственно, не любил он всевозможные передряги, встряски, сюрпризы и катастрофы.

БВ. Тот период нашей истории, на который пришлось последнее десятилетие жизни Аркадия Натановича, кажется, не отличался особыми катаклизмами и теперь именуется «застоем»... Полная стабильность — чего же еще?

БС. Аркадий Натанович ценил стабильность, но не любил гниения! Мы иногда с ностальгией вспоминаем о застое, когда все было так спокойно и устойчиво, но забываем, что это было спокойствие гниющего болота. Конечно, если бы вопрос встал

так: такое вот гниение — или мировая война, в результате которой погибнет половина человечества, Аркадий Натанович выбрал бы гниение. Но между гниением и эволюционными бескровными изменениями он, конечно, выбрал бы последнее, хотя прекрасно понимал, что это такое: жить в эпоху перемен.

БВ. Его нелюбовь к «передрягам» связана с тем, что пришлось испытать в жизни, особенно в военные годы?

БС. Да, судьба трепала его без всякой пощады, особенно в первой половине жизни, — блокада, эвакуация, армия, бездомная жизнь, армейские будни, всевозможные «приключения тела»... Но нелюбовь его к передрягам — это все-таки скорее свойство возраста. В молодые-то годы мы оба с ним были р-р-радикалами и р-р-революционерами с тремя «р». Любителями быстрого движения истории, резких скачков и переломов. С годами приходит стремление к покою, начинаешь ценить его и понимать всю неуютность исторических передряг. Без перемен — никуда, перемены нужны и неизбежны, — но их следует воспринимать как неизбежное зло, как горькую расплату за прогресс. Но это мы осознали позднее, а в молодости любые перемены казались нам прекрасными уже потому, что обещали новое. «Тот, кто в молодости не был радикалом, — не имеет сердца, кто не стал в старости консерватором — не имеет ума».

БВ. У кого из вас в большей степени присутствовал интерес к прекрасному полу?

БС. У Аркадия Натановича, конечно. Он был женолюб и любимец женщин, он ведь был красавец, кавалергард! Конечно, с годами он несколько успокоился, охладел, а в молодости был большим ценителем женского пола и хорошо разбирался в этом вопросе...

БВ. Братской конкуренции у вас никогда не возникало?

БС. Таких случаев я не припомню. И это, в общем, понятно — мы на самом деле не так часто общались, чтобы конкурировать,

ведь жили-то большую часть жизни в разных городах и встречались только во время совместной работы. Даже если бы нам и пришла в голову сумасбродная мысль «пойти по бабам» — не было бы времени ее реализовать. Восемь-десять часов ежедневно сочинять, придумывать, ломать голову, перевоплощаться в других людей — занятие изматывающее, оно убивает, по-моему, всякий любовный азарт. «Дети и книги делаются из одного материала». А кроме того, эта сфера жизни оставалась для нас по некоему негласному соглашению — сугубо приватной и глубоко интимной. Вот нас иногда упрекают: почему в книгах Стругацких практически нет никакого секса? Это — от взаимного нашего нежелания обсуждать вопросы такого рода. Нам было неинтересно об этом говорить. И более того — неловко. Не помню разговоров на эту тему, разве что в далекой молодости.

БВ. Если это можно как-то сформулировать: чем был для Вас Аркадий Натанович?

БС. Когда я был школьником — Аркадий был для меня почти отцом. Он был покровителем, он был учителем, он был главным советчиком. Он был для меня человеко-богом, мнение которого было непререкаемо. Со времен моих студенческих лет Аркадий становится самым близким другом — наверное, самым близким из всех моих друзей. А с конца 50-х годов он — соавтор и сотрудник. И в дальнейшем на протяжении многих лет он был и соавтором, и другом, и братом, конечно, — хотя мы оба были довольно равнодушны к проблеме «родной крови»: для нас всегда дальний родственник значил несравненно меньше, чем близкий друг. И я не ощущал как-то особенно, что Аркадий является именно моим братом, это был мой друг, человек, без которого я не мог жить, без которого жизнь теряла для меня три четверти своей привлекательности. И так длилось до самого конца... Даже в последние годы, когда Аркадий Натанович был уже болен, когда нам стало очень трудно работать и мы встречались буквально на 5–6 дней, из которых работали лишь два-три, он оставался для меня фигурой, заполняющей значительную часть моего мира. И потеряв его, я ощутил себя так, как, наверное, чувствует

себя здоровый человек, у которого оторвало руку или ногу. Я почувствовал себя инвалидом.

БВ. Это ощущение сохраняется у Вас и сейчас?

БС. Конечно, есть раны, которые не заживают вообще никогда, но сейчас ощущение собственной неполноценности как-то изменилось. Ко всему привыкаешь. Ощущение рухнувшего мира исчезло, я как-то приспособился — как, наверное, приспособливается инвалид. Ведь и безногий человек тоже приравнивается к реалиям нового бытия... Но все равно это была потеря половины мира, в котором я жил. И я не раз говорил, отвечая на вопрос, продолжится ли творчество Стругацких уже в моем лице: всю свою жизнь я пилил бревно двуручной пилой, и мне уже поздно да и незачем переучиваться... Надо жить дальше...

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ...

*Борис Стругацкий отвечает на вопросы Бориса Вишневого**

БВ (Борис Вишневецкий). Борис Натанович, чем был обоснован Ваш выбор профессии? Почему в свое время Вас «потянуло» именно на математико-механический факультет университета, причем — на отделение астрономии?

БС (Борис Стругацкий). Все было очень просто. В последних классах школы я интересовался главным образом двумя дисциплинами. В первую очередь — физикой, во вторую очередь — астрономией. Физикой, естественно, атомной, ядерной. Тема тогда была модная, а мне как раз попало в руки несколько современных книг про атомное ядро и про элементарные частицы, и я их с наслаждением прочитал. Впрочем, «прочитал» — сказано слишком сильно. Там были и достаточно популярные книжки, а были и вполне специальные монографии, начинавшиеся прямо с уравнения Шредингера, которое я и двадцать лет спустя воспринимал как самую высокую науку. Книги эти в большинстве достались мне по наследству от Аркадия Натановича, который тоже всеми этими вещами в конце 40-х очень интересовался. И астрономией я тоже увлекался, опять же следуя по стопам старшего брата, который еще до войны сам мастерил телескопы, пытался наблюдать переменные звезды, а меня заставлял рисовать Луну, как она видится в окуляре подзорной трубы... Но изначально поступал я все-таки не на матмех, поступал я на физфак. Я был серебряным медалистом и имел все шансы поступить благополучно, но однако же ничего у меня не получилось. Почему — я точно

* Август 2000 года, Санкт-Петербург. Опубликовано (частично) в газете «Вечерний Петербург» 26 августа 2000 года.

не знаю до сих пор. По тогдашним правилам, каждый медалист должен был проходить так называемый коллоквиум, собеседование, после которого ему без всяких аргументов объявлялось решение. В моем случае это решение было: «Не принят». Это был 1950 год, медалистов собралось на физфаке человек пятьдесят, и только двоих не приняли. Меня и какую-то девочку, фамилии которой я не помню, но в памяти моей она ассоциируется почему-то с фамилией Эйнштейн. В общем, что-то там было не в порядке у этой девочки с фамилией... Почему не приняли? Есть два объяснения...

БВ. Уже началась известная антисемитская кампания?

БС. Она не просто началась, она была в самом разгаре. И хотя по паспорту я числился русским, тот факт, что я Натанович, скрыть было невозможно, да и в голову не приходило — скрывать. Может быть, мама что-то и понимала в тогдашней ситуации, а я уж был полнейшим беспросветным лопухом. Так что, возможно, дело было именно в отчестве. Особенно если учесть, что на коллоквиуме я честно и прямо заявил, что хочу заниматься именно ядерной физикой. Это был, конечно, опрометчивый поступок.

БВ. Насколько я помню, тогда в Советском Союзе ядерной физикой занималось очень большое число людей с аналогичными отчествами и фамилиями. Пожалуй, они даже составляли большинство в этой науке...

БС. Это так, но, видимо, были уже даны кому следует указания о том, что этих фамилий и отчеств вполне достаточно и пора бы это безобразие прекратить. (Позднее, помнится, это безобразие получило вполне бюрократическое определение: «засоренность кадров».) Однако и другое объяснение тоже вполне возможно: как-никак, отец наш был исключен из партии в 1937 году, и в партии его так и не восстановили. Я ничего этого, правда, в анкетах нигде не указывал (да и вопроса соответствующего в тех анкетах, кажется, не было), но те, кому было положено, наверняка об этих моих обстоятельствах знали. Должны были знать, по крайней мере.

Список

произведений, написанных в соавторстве со
Струацким и Аркадием Катенюхиным

- "Страна багровых туч", кино-драм. повесть, Детгиз, 1959.
"Шесть ступенек", сборник н.-др. рассказов, Детгиз, 1960
"Путь на Амаальтею", н.-др. повесть и рассказы, Мол. Гвардия, 1960
"Возвращение", н.-др. повесть, Детгиз, 1962
"Статери", н.-др. повесть, Мол. Гвардия, 1962
"Попытка к детству", драм. повесть в сборнике "Фантастика, 1962",
Мол. Гвардия, 1962
"Далекая Радуга", драм. повесть в сборнике "Новые сигналы",
Знание, 1963

23.05.1964

В. Струацкий

В Ленинградское отделение
Союза Советских Физиков
Струпацкого Б.К.

Заявление

Прошу поставить мне на учет в Ленинградском
отделении ССФ. Рекомендован Ефремовым И.А.,
Кислом Р.А., Ленинградским отделением ССФ.

23 мая 1964 года

Б. Струпацкий

И также знали они, конечно, что мой дядя Александр Стругацкий — родной брат отца — был расстрелян в 1937 году. Вот эти два фактора, скорее всего, и сыграли свою роль... Я был в отчаянии, как сейчас помню, — удар был тем более страшен, что ничего подобного я не ожидал вообще. Мама, помнится, пыталась найти каких-нибудь знакомых из тех, кто работал в ЛГУ, чтобы как-то похлопотать, ничего у нее не получилось, естественно, но тут кто-то из этих знакомых посоветовал: попробуйте мат-мех, там же есть астрономия, а мальчик астрономией интересуется... И я пошел на матмех. Там я тоже оказался в толпе медалистов, но на сей раз благополучно поступил, без всяких трудностей, если не считать того обстоятельства, что меня предварительно основательно помучили — вызвали на собеседование самым последним. Впрочем, все это уже были совершенные пустяки. Я не очень горевал, оставшись без своей ядерной физики: как-никак, астрономия тоже была моей любовью, пусть даже и второй, и впоследствии занимался я астрономией и математикой с большим удовольствием и прилежанием.

БВ. Как складывалась Ваша судьба после окончания университета? Вы сразу попали в Пулковскую обсерваторию?

БС. Отнюдь не сразу — по распределению я должен был идти не в обсерваторию, а в университетскую аспирантуру при кафедре астрономии. Но мне заранее сообщили по секрету, что меня, как еврея, в эту аспирантуру не возьмут.

БВ. Это ведь был уже 1954 год — казалось бы, «дело врачей» позади...

БС. Тем не менее по существу мало что изменилось. Один из моих знакомых случайно подслушал разговор в деканате на эту тему и сразу мне об этом доложил. Действительно, на кафедру меня не взяли, но взяли в аспирантуру Пулковской обсерватории. Так что опять все закончилось более или менее благополучно.

БВ. Чем Вы занимались в обсерватории?

БС. Еще в Университете я сделал довольно любопытную, по мнению моего научного руководителя Кирилла Федоровича Огородникова, курсовую работу. Связана она была с динамикой поведения так называемых широких звездных пар. У меня получился довольно интересный результат, на основании которого меня, собственно, и намеревались взять в аспирантуру — я должен был сделать на этом материале диссертацию. И действительно, на протяжении двух с половиной лет я эту диссертацию делал, и все было очень хорошо...

БВ. А потом случилась многократно описанная в Ваших биографических материалах история...

БС. Да, а потом выяснилось (сам же я и выяснил, роясь в обсерваторской библиотеке), что эту мою работу уже сделал в 1943 году Чандрасекар. Было, конечно, чрезвычайно лестно независимым образом повторить путь великого Чандрасекара, но не такой же ценной! Защищать мне стало нечего, новую диссертацию за полгода до окончания срока начинать было бессмысленно, и все закончилось тем, что диссертацию я так и не написал и прошел, как тогда называлось, только теоретический курс аспирантуры. Эта история в значительной степени выбила меня из колеи, но и на сей раз все завершилось относительно благополучно. Я пошел работать на счетную станцию Пулковской обсерватории — уже тогда там был отдел, где стояли счетно-аналитические машины, на которых производились научные расчеты. Это были гигантские электрические арифмометры, размером три метра в длину и полтора метра в высоту, они страшно рычали, гремели и лязгали своими многочисленными шестернями, перфораторами и печатающими устройствами... Никакого программирования в то время, естественно, не было, но было так называемое коммутирование — можно было все-таки научиться эти электрические гробы тому, что от природы дано им не было. Изначально они были предназначены исключительно и только для сложения и вычитания (а также для печатания результатов вычислений), но их можно было научить умножать, делить и даже извлекать квадратный корень. Это было весьма

увлекательное занятие, и я несколько лет с большим удовольствием занимался этой работой.

БВ. Что именно Вы считали?

БС. Счетная станция занималась обслуживанием всей обсерватории, самые разные ученые приходили и приносили свои наблюдения, которые надо было обрабатывать. Задача моя состояла в том, чтобы провести простейшие расчеты (сложные расчеты все равно было сделать невозможно) и обеспечить красивую публикацию результатов. Эту задачу, кстати, табуляторы решали очень хорошо — печатали красивые табулограммы, необходимых размеров, на рулонах прекрасной бумаги... В основном мы занимались обработкой наблюдений астрометрических каталогов, астрофизикам и «солнечникам» у нас делать было нечего. Так я проработал почти десять лет и окончательно ушел из Пулкова, кажется, в 1964 году. До этого несколько лет я работал на половине ставки, а потом ушел совсем — после того как меня приняли в Союз писателей.

БВ. Вам стала неинтересна работа в обсерватории?

БС. Честно говоря, она мне стала неинтересна значительно раньше. Я держался за обсерваторию не потому, что там было так уж интересно работать, а потому, что там собрались самые мои любимые друзья (оставшиеся любимыми и до сегодняшнего дня, кстати)... А кроме того, не забывайте: это же были времена, когда каждый был обязан где-то служить! Ты не мог никакому участковому (пришедшему с проверкой) объяснить, что ты не тунеядец какой, а, наоборот, пишешь большой роман...

БВ. Сразу вспоминается хрестоматийная история с судом над Иосифом Бродским, которому популярно объяснили в советском суде, что писать стихи — это и не работа вовсе...

БС. И послали грузить навоз... Поэтому я, как и всякий советский человек, должен был иметь соответствующий документ

о том, что я где-то там служу. И до тех пор пока я не стал членом Союза писателей, определив таким образом свой статус формально и официально, я должен был как минимум числиться в обсерватории. А с 1964 года я уже мог всем официальным лицам объяснять, что работаю, мол, писателем, вот книжечка, членский билет, — и никто бы не посмел ко мне приставать с неприятными вопросами.

БВ. В Ваших автобиографических материалах встречается фраза о том, что, когда Аркадий Натанович в 1955 году окончательно вернулся в Ленинград, он обнаружил в выросшем брате «молодого ученого, эрудита и спортсмена». Вы занимались каким-то спортом? Кажется, я где-то читал, что Вы активно лазали по горам?

БС. Это вы, Боря, что-то путаете. Я лазал по горам — но не слишком активно и всего два или три раза в жизни. Да и не горы это были вовсе, а скорее скалы, и правильнее это было бы называть не альпинизмом, а скалолазанием. И для меня это было совершенно случайное занятие — я тогда проходил практику в Абастумани, в Грузии, и мы с приятелями развлекались тем, что лазали по скалам-стенам. Длилось это совсем недолго, не дольше месяца... Впрочем, спортсменом, если можно так выразиться, я действительно был — со школьных лет занимался гимнастикой, дослужился до второго разряда. Пока работал в Пулкове, много (и с наслаждением) играл в волейбол — тоже стал разрядником — и в пинг-понг тоже игрывал не без успеха — вот и все мои спортивные увлечения. Если не считать, конечно, автолюбительства, которым я увлекаюсь много-много лет и которое иногда тоже считают спортом, хотя, по моему, никакой это не спорт.

БВ. С каких времен Вы за рулем?

БС. С 1960 года, с времен экспедиции на Северный Кавказ. Тогда шли активные поиски места для строительства 6-метрового сверхтелескопа-рефлектора, который сейчас стоит недалеко от станции Зеленчукская. Телескоп еще делали на заводе, а мы тем временем в нескольких районах Советского Союза производили

1. Фамилия, имя, отчество Стругацкий Борис Натанович
2. Год рождения 1933
3. Служба в Советской Армии не служил
4. Последнее воинское звание и род войск не имел
5. Участие в боях по защите Родины (№№ воинских частей и соединений, должность, время, фронт) не участвовал

6. Ранения и контузии не имел

7. Правительственные награды и № орденской книжки не награжден

8. Военное образование не имел

9. Отношение к военной службе в настоящее время освобожден

10. Домашний адрес и телефон д.г. М-70 ул. Победы 4 и 186, К-3-89-27

13. сентябрь 1968 г.

Подпись

Б. Стругацкий

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А

СТРУГАЦКИЙ БОРИС НАТАНОВИЧ, 1933 года рождения, русский, беспартийный, образование высшее, член Союза писателей СССР с 1964 года.

Женат, имеет сына, в семье отношения нормальные.

С 1957 года Б.Н.Стругацкий пишет в соавторстве со своим братом Стругацким А.Н. За период с 1957 года по 1972 год ими опубликовано 15 научно-фантастических повестей и около 20 рассказов, вошедших в книги и сборники: "Страна багровых туч", "Шесть спичек", "Путь на Альматы", "Возвращение", "Стажеры", "Далёкая Радуга", и др.

Б.Н.Стругацкий активно участвует в общественной жизни Союза Писателей и в работе секции Научно-фантастической и научно-художественной литературы.

(Избирался членом бюро секции.)

Политически грамотен, морально устойчив.

(За границей не был.)

Характеристика выдана в связи с ходатайством Б.Н. Стругацкого о въезде в Польскую Народную Республику по приглашению знакомых.

Правление Ленинградской Писательской организации, партийное бюро и Местный Комитет ходатайство тов. Стругацкого о въезде за границу в ПНР поддерживают.)

СЕКРЕТАРЬ ПРАВЛЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

/ Ю. КОРНЕЕВ /

СЕКРЕТАРЬ ПАРТБЮРО

/ Б. НЕКРАСОВ /

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МЕСТНОГО КОМИТЕТА

/ Л. КИРИЛЛОВА /

" " мая 1972 года

изыскания — где наилучший для астрономических наблюдений климат, где наименьшие мерцания, где самая спокойная атмосфера, самая высокая прозрачность и так далее. Был специальный цикл таких экспедиционных наблюдений летом 1960 года, и около четырех месяцев я провел на Северном Кавказе в поисках этого наилучшего места. Вообще, было организовано несколько подобных экспедиций: две на Северном Кавказе, одна в Туркмении, одна — на Дальнем Востоке и еще где-то. И в конце концов место выбрали — правда, не то, которое рекомендовала наша группа, а то, которое нашли наши соседи. Там сейчас этот гигант и стоит вот уж без малого сорок лет... В нашей экспедиции было две автомашины (грузовик и «козел»), и, конечно, удержаться от соблазна «поводить» было совершенно невозможно. К тому же оба наши шофера охотно и с удовольствием обучали желающих. Именно тогда я и начал водить и вожу вот до сих пор.

БВ. Когда у Вас появилась собственная машина?

БС. Это случилось гораздо позже, в 1976 году. Но до того ведь существовал прокат автомобилей — ныне совершенно забытое явление, разрешенное к жизни еще Хрущевым. Вы могли пойти на станцию проката (на Конюшенной площади), взять машину на несколько дней и ездить на ней сколько хочется и куда угодно. После ухода Хрущева автопрокат прикрыли (по-моему, году в 65-м), но пока он существовал, мы им пользовались на полную катушку и с большим удовольствием объездили всю Прибалтику, Карелию, частично — Белоруссию, Украину, Молдавию... Потом у меня получился большой перерыв, когда я машину практически не водил совсем, а с 1976 года, когда у меня появился «запорожец», мы начали ездить снова...

БВ. «Запорожец» — который «ушастый»? Или еще «горбатенький», по поводу которого шутили, что водитель не слышит шума мотора, потому что уши зажаты между колен?

БС. Нет-нет, это был уже «ушастый», последнее слово тогдашней техники. Замечательная машина, между прочим. Для молодого

человека — вообще идеальная машина. Для молодого, полного сил и здоровья, и особенно если у него еще есть вдобавок склонность к работе руками... у меня, к сожалению, такой склонности не было, но у моих друзей она была, некоторые из них просто замечательно умели работать руками. Так вот, если ты умеешь сам чинить машину, если ты не боишься и если ты любишь тяжелые дороги — «запорожец» — это именно то, что тебе надо. Самая высокая проходимость — из любой ямы можно вытолкать руками и даже просто вынести, если вчетвером. Гладкое дно — нет карданного вала, поскольку двигатель сзади, и машина не цепляется за камни и неровности. Очень удобная машина, всячески рекомендую. Правда, теперь это уже иномарка... Через несколько лет я поменял свой «запорож» на «Жигули» и с тех пор придерживаюсь только этой марки.

БВ. Вы путешествовали с компанией?

БС. Всегда. Сперва у нас была одна машина, потом две, потом три — на семь-восемь человек.

БВ. Аркадий Натанович с вами ездил?

БС. Аркадий Натанович никогда не участвовал в этих путешествиях. Он был ярый противник автомобилизма вообще.

БВ. Почему?

БС. Я думаю, у него сохранились самые неприятные воспоминания о тех временах, когда в армии его учили водить автомобиль. И он на грузовике совершал какие-то невероятные подвиги, связанные с прошибанием насквозь встречных заборов, задавливанием поперечных коров и тому подобное. С тех пор у него сохранилась устойчивая идиосинкразия к автомобильному рулю. Да он и вообще не был поклонником туризма... Братья Стругацкие, надо сказать, начиная с определенного возраста — лет примерно с сорока каждый, — оба стали склонны к оседлому образу жизни. Идеальным вариантом отпуска для них было — лежать дома на диване и

читать хорошие книги. Вытащить их из этого состояния и заставить куда-то поехать — это всегда была проблема для их родных и близких. С Аркадием Натановичем большая проблема, с Борисом Натановичем проблема поменьше, но обязательно — проблема. Аркадий Натанович вообще предпочитал большую часть времени проводить дома. Хотя и его, конечно, жена время от времени вытаскивала куда-нибудь — в Дом творчества, скажем, на море, к знакомым, к родственникам. Но зато он был удивительно легок на подъем, когда речь заходила о «боевых походах» писательских бригад. Вот затеи, в которых я ни разу в жизни не принимал участия, а он участвовал неоднократно и не без удовольствия.

БВ. Можно чуть поподробнее — что это за боевые походы? Писать на месте о великих достижениях в строительстве социализма?

БС. Нет-нет, скорее наоборот. Волею отдела пропаганды литературы сколачивались бригады из самых разных писателей и отправлялись на периферию, но не для того, чтобы там писать, а для того, чтобы выступать перед народом. Как правило, принимали их там очень хорошо, местное начальство перед ними стелилось, не знало, как получше угодить «столичным штучкам», и все было весьма приятно и удобно. Аркадий Натанович любил это дело и раз в два года обязательно куда-нибудь ездил: либо в Среднюю Азию, либо на Дальний Восток, либо на Кавказ. Тут с ним вообще имело место какое-то противоречие: с одной стороны, Аркадий Натанович был совершенно несрываем с насиженного места, а с другой стороны, он вдруг срывался и мчался сломя голову в путешествие, на которое я бы, например, никогда не решился. Скажем, ехать на Дальний Восток через всю страну.

БВ. За границей братья Стругацкие бывали?

БС. С этим у нас было очень трудно, хотя изредка мы и ездили, конечно... Я, например, ездил в Польшу даже трижды. Наша польская переводчица — Ирена Левандовска — меня буквально «вытаскивала» туда, говоря: приезжай, хоть гонорар получишь. Гонорары

же из-за границы иначе было получить никак невозможно, только приехав туда лично. Аркадий Натанович тоже ездил — в Чехословакию на какие-то празднества по поводу Чапека, но вообще мы ездили очень мало. Аркадия Натановича неоднократно приглашали в Японию — он же был японист все-таки, и в Англию его приглашали, но куда его никогда не пускали и всякий раз ехал вместо него кто-нибудь другой. Почему нас не пускали? Видимо, у нас была дурная слава: зачем их пускать за границу таких-разэтаких, как бы чего не вышло. Но, естественно, никаких объяснений никто нам никогда не давал. Приглашение пришло на Стругацкого, а поехал вместо Стругацкого какой-нибудь Пупков-Задний...

БВ. Вы ведь еще и беспартийным были... Вступать в партию Вас не уговаривали?

БС. Единственный раз, и было это еще на четвертом курсе Университета. Но я совершенно искренне ответил тогда предложившему, что считаю себя недостойным такой высокой чести. Хотя я был круглым отличником и даже старостой группы. В те времена, по слухам, каждый староста группы был официальным стукачом деканата, но это неправда. Я, например, стукачом не был, и меня к этому даже никогда особенно и не склоняли... Хотя, с другой стороны, я отлично помню странную беседу, когда на первом курсе всех старост собрал заместитель декана и что-то такое внушал нам о том, что если мы, мол, узнаем, что наши товарищи совершают какие-то опрометчивые поступки, так мы должны об этом ему немедленно сообщить — чтобы можно было их от этих опрометчивых поступков удержать. Я тогда страшно возмутился и даже написал Аркадию свирепое письмо: что они, из меня ябеду хотят сделать? Мой дружок Чистяков промотал матанализ, а я об этом должен доложить в деканат? Да за кого они меня там принимают?! Теперь-то я понимаю, что замдекана имел в виду нечто совсем другое. Но тогда я был очень зеленый, очень глупый и безукоризненно «правильный», я висел на Доске Почета, я занимался общественной работой, выпускал факультетские «молнии», ездил в колхоз... Впрочем, никогда более предложений вступать в партию мне не делали — и слава богу.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 5

заседания Совета Союза писателей Санкт-Петербурга

от 29 мая 2001 г.

Присутствовали:

Председатель Совета: М.М.Чулаки, члены Совета: С.И.Арно, В.М.Воскобойников, Г.С.Гампер, Д.С.Каралис, И.В.Кудрова, Е.Г.Рабинович, Н.М.Романецкой, А.И.Рубашкин, В.Н.Стругацкий, И.О.Фоняков, И.П.Штемлер, М.Д.Яснов

СЛУШАЛИ:

2.О выдвижении кандидата на соискание премии Президента Российской Федерации в области литературы и искусства.

Чулаки: какие есть предложения по поводу кандидатуры на это выдвижение.

Рабинович: я предлагаю выдвинуть Бориса Натановича Стругацкого. Надо устранить историческую несправедливость и бороться за Б.Н.Стругацкого.

Стругацкий: такого писателя Б.Н.Стругацкий нет. Есть братья Стругацкие.

Чулаки: надо выдвинуть братьев А.и Б.Стругацких на Президентскую премию за вклад в отечественную литературу.

Штемлер: они не получили ни одной премии, а их знает и читает вся Россия.

Чулаки: давайте проголосуем. Единогласно.

ПОСТАНОВИЛИ: выдвинуть на соискание премии Президента Российской Федерации в области литературы и искусства Аркадия и Бориса Стругацких за выдающийся вклад в отечественную литературу и культуру.

Председатель Совета
Союза писателей Санкт-Петербурга

М.М.ЧУЛАКИ

Выполнено
1-й секретарь Союза
писателей Санкт-Петербурга

Т.Ю.Окунева

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

191119, С-Петербург, ул. Звенигородская д. 22, тел. 404-63-09, факс (812) 404-63-11,
writers.union@mail.ru, р/сч 40703810514000001002 в Куйбышевском филиале ОАО
«Банк Санкт-Петербург», БИК 044030790, к/с 30101810900000000790,
ИНН 7825003012, КПП 784001001

В Комитет по культуре
Санкт-Петербурга

СПРАВКА

Санкт-Петербург

17 июля 2019 года

21 апреля 1964 года Стругацкий Борис Натанович был принят в члены Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР в секцию фантастики.

С 1991 года и до своей кончины (2012 г.) писатель-фантаст Борис Натанович Стругацкий являлся членом Санкт-Петербургской общественной организации «Союз писателей Санкт-Петербурга».

Председатель
Союза писателей Санкт-Петербурга

В.Г.Попов

БВ. А Аркадию Натановичу?

БС. И ему тоже. Какое там! Он же был в свое время исключен из комсомола... Нет, в этом смысле мы были людьми совершенно бесперспективными.

БВ. Однако известно, что Аркадий Натанович, когда возникали какие-то сложные ситуации с изданием книг, начинал бунтовать и кричать, что он пойдет в ЦК партии, добьется правды и наказания виновных...

БС. Это была просто такая норма поведения: когда обижают — надо идти или писать в ЦК. Основная масса наших обращений в ЦК была связана с эпопеей вокруг «Пикника на обочине». И это был единственный, совершенно уникальный случай, когда нам удалось заставить издательство выпустить книгу против его воли.

БВ. Вы помните свои ощущения, когда вышла самая первая Ваша с Аркадием Натановичем книга?

БС. Помню очень смутно, но помню, что это было счастье. Правда, какое-то усталое счастье — «Страна багровых туч» выходила то ли два, то ли даже три года, и мы уже просто устали ее ждать. Так что все радости наши по этому поводу носили, так сказать, остаточный характер. К тому же это была не первая наша публикация — мы уже успели опубликовать несколько рассказов и сделались даже более или менее известны в узких кругах. Вообще так уж устроена была наша писательская жизнь, что счастье от выхода любой из наших вещей практически всегда было чем-то испорчено. Мы радовались, конечно, когда вышел наш первый рассказ (в 1958 году), но радость эта была сильно подпорчена: ведь вышел он в основательно изуродованном и сокращенном виде.

БВ. И все-таки выход какой из книг принес братьям Стругацким наибольшее удовлетворение?

БС. Сборник, где были «Далекая Радуга» и «Трудно быть богом». Он вышел практически без волокиты и практически совсем не был изуродован и к тому же содержал две повести, которые мы для себя считали тогда эпохальными.

БВ. Сейчас Алексей Герман снимает «Трудно быть богом» — что Вы об этом думаете?

БС. Наверное, уже снял — по моим расчетам, он должен был бы уже закончить съемки. У этого фильма очень старая история: сценарий мы написали еще в 1968 году, но ничего тогда со съемками не получилось. Потом, уже в начале перестройки, Алексей Юрьевич пришел и сказал: вот, настало время, надо снова попытаться. Я ему честно признался тогда: Леша, нам уже это не очень интересно. Уже не те годы на дворе, уже книга эта перестала быть нашей любимой и актуальной быть (на наш взгляд) перестала. Тогда, в конце 80-х, казалось, что она перестала быть актуальной навсегда и уже никогда ей таковой не бывать... Но вот два года назад Герман пришел снова, сказал, что где-то раздобыл деньги и будет снимать. Я, конечно, обрадовался, но снова сказал, что заниматься этим не буду, пусть уж он все решает сам и делает то, что захочет.

БВ. Фильм Германа поставлен по вашему сценарию 1968 года?

БС. Этот сценарий тогда исчез, мы не могли найти ни одного экземпляра, потом Герман где-то его разыскал и положил в основу своего нового сценария, но, насколько я понимаю, снимать он будет совсем другое кино. Я жду выхода этого фильма с большим интересом. Знаю, что Леонид Ярмольник будет играть Румату. Этот выбор, я знаю, очень многих ошарашил, но мне кажется, что такой талантливый человек, как Ярмольник, сможет сыграть и такую, как бы совсем не подходящую ему роль. Я прекрасно помню, как в свое время Ролан Быков загорелся сниматься в роли Руматы!..

БВ. Как-то плохо я себе это представляю...

БС. Вот и Герман ему тогда: да куда тебе, ведь Румата по сценарию — красавец, громадный мужик, на что Ролан Антонович ему очень остроумно ответил: «Брось, все же очень просто! На этой планете все люди значительно выше ростом, чем земляне. Это Румата на Земле — очень рослый человек, а там, Арканаре, он среди арканарцев — совсем небольшого росточка мужчина...» И знаете, я уверен, что Быков сыграл бы Румату великолепно. Есть на свете такие актеры, которые могут сыграть все что угодно, и Быков был один из них.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО НАТАНА СТРУГАЦКОГО*

Об отце великих фантастов Аркадия и Бориса Стругацких, — Натане Залмановиче, — известно немного.

Вот что вспоминали о нем сыновья:

Аркадий Стругацкий:

Семья наша была несколько необычной даже по меркам тогдашнего необычного времени — первого десятилетия после победы Великой Революции.

Наш отец, Натан Стругацкий, сын провинциального адвоката, вступил в партию большевиков в 1916 году, участвовал в Гражданской войне комиссаром кавалерийской бригады и затем политработником у замечательного советского полководца Фрунзе, после демобилизации работал партийным функционером на Украине, причем по специальности он был искусствоведом, человеком глубоко и широко образованным.

Мать же, Александра Литвинчева, была дочкой мелкого прасола (торгового посредника между крестьянами и купцами), простой, не очень грамотной девушкой.

В родном городке на северо-востоке Украины она встретилась с Натаном Стругацким, вышла за него замуж против воли родителей и, как водится, была проклята за мужа-еврея. В дальнейшем судьба их сложилась интересно и поучительно, при всех ее поворотах они верно и крепко любили друг друга.

Борис Стругацкий:

Я почти не помню отца. Все, что я знаю о нем, известно мне от мамы, в частности — из оставленных ею воспоминаний.

Он был честнейшим и скромнейшим человеком. Он был верным большевиком-ленинцем, безукоризненно выполнявшим любую работу,

* Журнал «Дилетант», № 061, январь 2021 г.

Автобиография

4

Родился в 1892 г. в с. Дубовице, Мухомор. вол. Рязанской
уезд, Зерновск уезд. После работы в кинотеатре алмаз
Евграфов - Обва "Самангрия" - участком повершено.
Сначала пошел в среднюю школу (уже окончил первая два класса)
Учился в Пухово, затем только по. Сначала революционером на
разношерстной советской, партийной и иной работе. Уже после пробовал
в прод-агитаторах в Мамонтов уезде Вязьма уезд, Мелитинск
уезде Мамонтов уезд и Бусырук уезде Сахарский уезд на
сбор разведки и подавления кулацких восстаний.
В Куприно - на комсомольской, коммунистической, с 1925 г.
После демобилизации - на партийной и профсоюзной работе в
Богучанин, а с 1926 г. на партийной и советской работе в Мелитинск
уезде. Учился в ВТК и техникум агитпропа уезд Мелитинск
уезд, был избран научным сотрудником Мелитинск. Уезд
1933 г. на комсомольской в совхозах: Проклятовском и
Зеленовском. В 1936 г. работал на ком. уезд по делам искусств
в Старицком. В апр 1937 г. был исключен из партии по обвинению
в приписке к коммунистической деятельности, выражении в
защитные агитатора уезд. искусств врагами народа,
Кедровский, направленности на работу в уезд. решил
было Крайкова. Аттестован в КПК на это неправомерно

Название, фамилия и имя сына. Откуда, заст. и место рождения.
Патриархат, как вранья и года.

Книжка Киприя (иногда в 1933г.) - покоряется в А. С. С. С. С. С.
Работа над диссертацией на кандидатскую степень

22/8/37.

на которую бросала его партия. Никаких особо высоких постов никогда не занимал, но во время и сразу после Гражданской, по утверждению мамы: «Носил на френче два ромба. По тому времени это чин генерала».

Потом в Батуми, после демобилизации, был редактором газеты «Трудовой Аджаристан». Потом в Ленинграде — сотрудником Главлита. Потом, в 1933 году (в день моего рождения!) брошен был на сельское хозяйство — начальником политотдела Прокопьевского зерносовхоза в Западной Сибири. А в 1936 году назначен был «начальником культуры и искусств города Сталинграда». (Видимо, заведующим отдела культуры то ли горкома партии, то ли горисполкома.)

Здесь в 1937 году его исключили из партии. Как я теперь понимаю — чудом избежал ареста и уничтожения, ибо сразу же уехал в Москву хлопотать о восстановлении и хлопотал об этом всю оставшуюся жизнь. В июне 1941-го пришел в военкомат, но в действующую армию его не взяли — 49 лет и порок сердца. А в ополчение — взяли, уже в конце сентября, когда блокада стала свершившимся фактом, и он успел еще повоевать на Пулковских высотах, но в январе 1942-го был комиссован вчистую — опухший от голода, полумертвый, с останавливающимся сердцем...

В 2019 году в архиве Российской национальной библиотеки (бывшая «Публичка») историк Анатолий Яковлевич Разумов обнаружил уникальный документ — личное дело Натана Стругацкого, 1892 года рождения, начатое 17 октября 1937 года, и законченное 20 декабря 1941 года.

Эти четыре года Натан Залманович проработал в «Публичке», ставшей его последним местом работы.

В «Личном листке по учету кадров» Натан Стругацкий пишет, что родился в деревне Дубовичи Глуховского района Черниговской области. Что происходит из мещан, которыми были и родители: покойный Залман Лейбович Стругацкий (до революции — агент страхового общества «Саламандра» и частный поверенный) и находящаяся на тот момент на его иждивении Евгения Ароновна Горелик. Что по профессии он музейный работник и искусствовед. Что закончил высшие государственные курсы искусствоведения в Ленинграда и аспирантуру при Институте литературы и искусства. Что в 1919–1925 годах служил в Красной Армии и демобилизован в должности ответственного секретаря

политпросвета СКВО (Северо-Кавказского военного округа). Что до апреля 1937 года был членом ВКП (б), а исключен был за «притупление политической бдительности». И что воевал на Южном фронте во время Гражданской войны.

В таблице «перемещения по службе после Октябрьской революции» — множество строк. Стрелок и политкомиссар в продотряде в 1918–1919 годах, инструктор, военспец и начальник агит-пропа в Особом отделе 5-й кавалерийской дивизии СКВО в 1919–1925 годах, редактор газеты «Трудовой Аджаристан» в 1925–1926 годах (тогда, в Батуми, 28 августа 1925 года родился Аркадий Стругацкий), зам.зав.отделом печати Ленинградского обкома ВКП(б), лектор Облоно, зав. отделом в Русском музее в 1930–1932 годах, аспирант Института литературы и искусства, научный сотрудник института.

В 1933 году Натан Залманович был переведен начальником политотдела в Прокопьевский зерносовхоз, в 1936-37 годах руководил «краевым управлением искусств» в Сталинграде. И осенью 1937 года вернулся в Ленинград — в «Публичку».

«Прошу принять меня на постоянную работу в качестве зав. отделом эстампов и гравюр», — пишет он в своем заявлении. На заявлении резолюция: зачислить главным библиотекарем с окладом 450 рублей».

Стругацкий пишет в приложенной к заявлению автобиографии, что «с трудом поступил в среднюю школу (процентная норма для евреев), с начала революции — на разнообразной советской, политической и иной работе». Что в продотрядах занимался «сбором разверстки и подавлением кулацких выступлений», а в Красной Армии — «на политработе, преимущественно».

Что его «притупление политической бдительности» заключалось «в засорении аппарата Управления искусств врагами народа» — и добавляет «кстати, направленными на работу в Управление решением бюро крайкома».

И что он «апеллировал в КПК (комиссия партийного контроля, уже далеко не все помнят эту аббревиатуру — *Б. В.*) на это неправильное решение, вынесенное бюро Обкома, часть членов которого разоблачены, как враги народа» (замените «врагов народа» на «иностранных агентов» — и увидите, как современно это звучит. — *Б. В.*).

Примечание: Ответы на все вопросы должны даваться вполне точные и подробные. Подчеркивания не допускаются.

ЛИЧНЫЙ ЛИСТОК ПО УЧЕТУ КАДРОВ

Место
для
фотокарточки

1. Полное наименование учреждения _____

2. Занимаемая должность _____

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
----------	---------

1. Фамилия, имя, отчество. При перемене фамилии указывать старую.	Струмишкин Катан Заимович
--	---------------------------

2. Время и место рождения (обл., край, район и село).	1892 г. Вязовичи, Мухоморовского района Черниговской обл.
---	---

3. Точно указать сословие или происхождение до революции (из крестьян, мещан, дворян, купцов, дух. зван., воен. сословия).	из мещан
--	----------

4. Родители:	О Т Е Ц		М А Т Ь	
--------------	---------	--	---------	--

а) Фамилия, имя и отчество (указывать девичью фамилию матери).	Заимович	Евгений Артемьевич	Горелик
--	----------	--------------------	---------

б) Сословие и происхождение.	мещанский	мещанский	
------------------------------	-----------	-----------	--

в) Владел ли недвижимым имуществом, каким именно и где.	земельный участок	—	
---	-------------------	---	--

г) Чем занимались до революции (указывать конкретно).	агент Страх. об-ва	—	
---	--------------------	---	--

д) Чем занимаются и где находятся (точный адрес) в настоящее время.	умер	на месте проживания	
---	------	---------------------	--

5. Ваша профессия или специальность.	музейный раб., искусствовед		
--------------------------------------	-----------------------------	--	--

6. Национальность	еврей		
-------------------	-------	--	--

7. Подданство (гражданство)	СССР		
-----------------------------	------	--	--

8. Семейное положение (холост, женат, вдов).	женат		
--	-------	--	--

а) Фамилия, имя и отчество (девичью, мужа)	Александрович Швакович Митвинович		
--	-----------------------------------	--	--

б) Где и на какой должности работает (работает) жена (муж).	педагог, в 6 ^{ой} школе Вязович. р-на		
---	--	--	--

9. Родители жены (мужа):	О Т Е Ц		М А Т Ь	
--------------------------	---------	--	---------	--

а) Фамилия, имя, отчество.	Иван Павлович	Прасковья Илларионовна
----------------------------	---------------	------------------------

б) Чем занимались до революции.	торговали	—
---------------------------------	-----------	---

в) Чем занимаются и где находятся (точный адрес) в настоящее время.	умер	умер
---	------	------

Ком.Парт.Контроля
при ЦК ВКП /б/

№ 41

28 сентября 1937 г.

Копия. 5

И

Н.З.Стругацкому

г.Ленинград, 9, пр.К.Маркса № 4, кв.16.

На Ваше заявление еще раз подтверждаем, что ваша апелляция будет рассмотрена внеочередной комиссией ЦКП в г.Сталинграде. О времени работы комиссии вы будете извещены. Что касается вопроса о вашей работе, то неправильно ставите его в зависимость от разбора вашего дела. Поступить на работу в соответствии с вашей квалификацией вы можете независимо от своего партположения.

При разборе дела вам надо будет представить отзыв от первичной парторганизации о вашей работе после исключения из партии, а вы ждете пересмотра дела и пока не работаете. Это неправильно. Если у вас затруднения с подысканием работы, вы можете обратиться в профсоюзные организации или Райком партии за содействием.

Член ЦК ЦКП - Караваев.

Копия верна:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
КОМИССИЯ ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ при ЦК ВКП/б/
Москва, Центр, ул. Кузнецкая, 14.

№ 41

28

"

"

1937г. 8

г. Ленинград 9,

проспект К. Маркса д. 4, кв. 16.

Стругацкому Н. З.

Ваше дело будет рассмотрено очередной внеочередной Комиссией ЦКП при ЦК ВКП/б/ в г. Сталинграде.

О дне разбора дела вас известит Парtkоллегия ЦКП по Сталинградской области.

8/100

Следователь Парtkоллегии Б. Вайсман -

В личном деле множество документов, свидетельствующих о попытках Натана Стругацкого восстановиться в партии.

Сообщения о том, что его апелляция будет рассмотрена выездной комиссией КПК при ЦК ВКП(б) в Сталинграде. Соответствующее письмо от «Следователя Партколлегии». Заявление Стругацкого директору «Публички» — с просьбой разрешить выезд в Сталинград с 25 ноября 1937 года по «личным делам». Справка из библиотеки о том, что Натан Залманович «к своим обязанностям относится добросовестно и аккуратно», и что «по общественной линии» ему поручено ведение занятий в двух кружках по изучению Конституции и Положения о выборах в Верховный Совет.

Попытки восстановиться были безуспешны — хотя Стругацкий еще несколько раз ездил в Сталинград (следы этих поездок есть в личном деле), а потом и в Москву, в саму КПК. Каждый раз Натан Залманович (25 марта 1938 года его утверждают в должности заведующего отделением эстампов) получает «производственные характеристики», где неизменно отмечается его, что он «способный и инициативный работник», что он «положил начало научному описанию богатейших фондов отделения», что ему принадлежит «инициатива в деле организации на материалах отделения выездных выставок в домах культуры»...

С 27 апреля по 10 мая 1941 года Натан Залманович командирован в Москву — в дирекцию художественных выставок и панорам Всесоюзного Комитета по делам искусств при СНК (Совнарком — *Б. В.*) СССР. С 17 мая по 1 июня 41-го — еще одна командировка в Комитет, для «организации выставки советского плаката».

А 22 июня начинается Великая Отечественная.

И в октябре 1941 года Натан Стругацкий уходит на фронт — добровольцем, в истребительный батальон НКГБ Куйбышевского района.

25 октября командир батальона Шевченко и комиссар Сотников направляют директору Государственной Публичной библиотеки письмо, прося в связи с зачислением Стругацкого Н.З. в истребительный батальон «провести с ним полный расчет по месту работы».

С 27 октября 1941 года Натана Залмановича увольняют из библиотеки. Почти два месяца он воюет на Ленинградском фронте. После чего его, — как и сказано выше в воспоминаниях Бориса

Натановича, — комиссуют вчистую. И 20 декабря 1941 года зам. директора ГПБ Марин подписывает распоряжение «Тов. Стругацкого Н. З. считать восстановленным на работе в связи с увольнением из воинской части».

В январе 1942 года в осажденном городе наступило самое тяжелое время.

Прочитируем еще раз воспоминания Аркадия и Бориса Стругацких.

«Мать и Борис кое-как еще держались, а отец и Аркадий к середине января 42-го были на грани смерти от дистрофии. И тут открылась возможность уехать вместе с последней партией сотрудников Публичной библиотеки, которые не успели эвакуироваться вместе с библиотекой еще осенью в город Мелекесс» (ныне Димитровград, город в Ульяновской области. — *Б. В.*).

В семье считалось, что малолетний Борис (ему тогда было 8 лет. — *Б. В.*) эвакуации не выдержит, и потому заранее решено было разделиться: отец и Аркадий уедут, мать и Борис останутся.

«Все произошло внезапно, — писала в своих воспоминаниях Александра Ивановна. — Паровоз был уже под парами. Когда я вернулась с работы, их уже не было. Один Боренька сидел в темноте — в страхе и в голоде...».

«Мне кажется, я запомнил минуту расставания: большой отец, в гимнастерке и с черной бородой, за спиной его, смутной тенью, Аркадий, и последние слова: «Передай маме, что ждать мы не могли...» Или что-то в этом роде», — вспоминал Борис Натанович.

Предпоследний документ из «Личного дела Натана Стругацкого» — удостоверение, выданное для эвакуации и. о. директора ГПБ Егоренковой.

«Дано настоящее тов. СТРУГАЦКОМУ Натану Залмановичу в том, что он направляется на работу в отделение Гос. Публичной Библиотеки им Салтыкова-Щедрина в г. Мелекесс по собственному желанию, без права получения подъемных, суточных и проездных средств».

А последний документ — выписка из «Списка умерших граждан, эвакуированных из гор. Ленинграда», где значится «Стругацкий Натол Заиманович» (простим опечатки), 50 лет, умерший 7 февраля 1942 года и похороненный в Горбачевском».

18

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
Т. СТРУГАЦКОГО, Н.З.

Тов. СТРУГАЦКИЙ, Н.З. работает в Государственной Ордена Трудового Красного Знамени Публичной Библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина с 17/IV-1937 г. в качестве главного библиотекаря - заведующего отделением эстампов.

Тов. СТРУГАЦКИЙ, являясь искусствоведом, положил начало научному описанию богатейших фондов отделения. Тов. СТРУГАЦКОМУ принадлежит инициатива в деле организации на материалах отделения выездных выставок в домах культуры. Оба мероприятия способствуют выполнению основной задачи библиотеки - задачи раскрытия фондов перед читателями библиотеки.

За время своей работы тов. СТРУГАЦКИЙ зарекомендовал себя способным и инициативным работником.

Директор

/Вольпер/

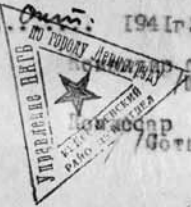
90/111-402

Удостоверить с 22/7/37 в связи с окончанием 6-летнего срока 25/8/34 Директор

ДИРЕКТОРУ Гос. публ. библиотеки 39

В связи с заключением в Истребительный батальон тов. Стругацкий Н.З., просим произвести с ним полный расчет по месту работы.

В часть тов. Стругацкий Н.З. объявлен явиться 25.08.1941г. в 17.00 час.

"25" окт. 1941г.
Ленинград:
24.

Вольпер
25/8/37
Удостоверить с 22/7/37 в связи с окончанием 6-летнего срока 25/8/34 Директор

41
#2
ВЫПИСКА ИЗ РАСПОРЯЖЕНИЯ №100

по Государственной ордена Трудового Красного
Знамени Публичной Библиотеки им. М. Е. Салтыкова
Щедрина.

г. Ленинград

20 декабря 1941г.

Тов. СТРУГАЦКОГО Н.З. считать восстановленным
на работе в должности гл. библиотекаря с 20/ХП-41г.
в связи с увольнением из воинской части.

ОСНОВАНИЕ:- Справка Истреб. батальона 212 от
20/ХП-41г.

п.п. Сам. директора - МАРИН.

Верно. /Секретарь Кидинярова

Верно

№4020

87

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано настоящее т. СТРУГАЦКОМУ Натану
Залмановичу в том, что он направляется на
работу в отделение Гос. Публичной Библио-
теки им. Салтыкова-Щедрина в г. Мелекес по
собственному желанию, без права получения
подъемных, суточных и проездных средств.

И. о. Директора -

/Егоренкова./ -

Вот что вспоминал Борис Натанович:

«Они уехали 28 января 1942 года, оставив нам свои продовольственные карточки на февраль (400 грамм хлеба, 150 граммов «жиров» да 200 граммов «сахара и кондитерских изделий»). Эти граммы, без всякого сомнения, спасли нам с мамой жизнь, потому что февраль 1942-го был самым страшным, самым смертоносным месяцем блокады. Они уехали и исчезли, как нам казалось тогда — навсегда. В ответ на отчаянные письма и запросы, которые мама слала в Мелекесс, в апреле 42-го пришла одна-единственная телеграмма, беспощадная, как война: «НАТАН СТРУГАЦКИЙ МЕЛЕКЕСС НЕ ПРИБЫЛ». Это означало смерть. (Я помню маму у окна с этой телеграммой в руке — сухие глаза ее, страшные и словно слепые.) Но 1 августа 42 в квартиру напротив, где до войны жил школьный дружок АН (Аркадия Стругацкого. — *Б. В.*), пришло вдруг письмо из райцентра Ташла, Чкаловской области. Само это письмо не сохранилось, но сохранился список с него, который мама сделала в тот же день.

«Здравствуй, дорогой друг мой! Как видишь, я жив, хотя прошел, или, вернее, прополз через такой ад, о котором не имел ни малейшего представления в дни жесточайшего голода и холода. <...> Мы выехали морозным утром 28 января. Нам предстояло проехать от Ленинграда до Борисовой Гривы — последней станции на западном берегу Ладожского озера. Путь этот в мирное время проходилась в два часа, мы же, голодные и замерзшие до невозможности, приехали туда только через полутора суток. Когда поезд остановился и надо было вылезать, я почувствовал, что совершенно окоченел. Однако мы выгрузились. Была ночь. Кое-как погрузились в грузовик, который должен был отвезти нас на другую сторону озера (причем шофер ужасно матерился и угрожал ссадить нас). Машина тронулась. Шофер, очевидно, был новичок, и не прошло и часа, как он сбился с дороги, и машина провалилась в полынью. Мы от испуга выскочили из кузова и очутились по пояс в воде (а мороз был градусов 30). Чтобы облегчить машину, шофер велел выбрасывать вещи, что пассажиры выполнили с плачем и ругательствами (у нас с отцом были только заплечные мешки). Наконец машина снова тронулась, и мы, в хрустящих от льда одеждах, снова влезли в кузов. Часа через полтора нас доставили на ст. Жихарево — первая заозерная станция.

Почти без сил мы вылезли и поместились в бараке. Здесь, вероятно, в течение всей эвакуации начальник эвакопункта совершал огромное преступление — выдавал каждому эвакуированному по буханке хлеба и по котелку каши. Все накинудись на еду, и, когда в тот же день отправлялся эшелон на Вологду, никто не смог подняться. Началась дизентерия. Снег вокруг барачных и нужников за одну ночь стал красным. Уже тогда отец мог едва передвигаться. Однако мы погрузились. В нашей теплушке, или, вернее, холодушке, было человек 30. Хотя печка была, но не было дров. <...> Поезд шел до Вологды 8 дней. Эти дни, как кошмар. Мы с отцом примерзли спинами к стенке. Еды не выдавали по 3–4 дня. Через три дня обнаружилось, что из населения в вагоне осталось в живых человек пятнадцать. Кое-как, собрав последние силы, мы сдвинули всех мертвецов в один угол, как дрова. До Вологды в нашем вагоне доехало только одиннадцать человек. Приехали в Вологду часа в 4 утра. Не то 7-го, не то 8-го февраля. Наш эшелон завезли куда-то в тупик, откуда до вокзала было около километра по путям, загроможденным длиннейшими составами. Страшный мороз, голод и ни одного человека кругом. Только чернеют непрерывные ряды составов. Мы с отцом решили добраться до вокзала самостоятельно. Спотыкаясь и падая, добрались до середины дороги и остановились перед новым составом, обойти который не было возможности. Тут отец упал и сказал, что дальше не сделает ни шагу. Я умолял, плакал — напрасно. Тогда я озверел. Я выругал его последними матерными словами и пригрозил, что тут же задушю его. Это подействовало. Он поднялся, и, подерживая друг друга, мы добрались до вокзала. Больше я ничего не помню. Очнулся в госпитале, когда меня раздевали. Как-то смутно и без боли видел, как с меня стащили носки, а вместе с носками кожу и ногти на ногах. Затем заснул. На другой день мне сообщили о смерти отца. Весть эту я принял глубоко равнодушно и только через неделю впервые заплакал, кусая подушку...».

Натан Стругацкий похоронен в Вологде. Где именно — до сих пор точно не установлено.

Скорее всего, это район Пошехонского шоссе.

«ГЛАВНАЯ ТЕМА СТРУГАЦКИХ – ЭТО ВЫБОР...»

Из ответов Аркадия Натановича Стругацкого на вопросы, заданные разными людьми в разное время:

БВ (Борис Вишневский). Каким Вы были в шестнадцать лет?

БС (Борис Стругацкий). 1941-й год. Ленинград. Канун войны. У меня строгие родители. То есть нет: хорошие и строгие. Сильно увлечен астрономией, математикой. В шестнадцать лет я влюблен. Я категоричен: все знал, все умел, лучше всех понимал существующее положение. Только удивлялся, почему не понимают другие...

БВ. Существует легенда, что первую большую совместную вещь — «Страну багровых туч» — вы с братом написали на спор: то ли за неделю, то ли за ночь. Это правда?

БС. Как всякая легенда — только отчасти. Перед этим мы с Борисом и моей женой гуляли по Невскому проспекту, а только что вышла на редкость слабая книжка одного украинского фантаста. Мы с братом разругивали ее, как могли, а жена шла в середине, слушая, как мы изощрялись. Наконец терпение ее лопнуло. «Критиковать все могут, — сказала она, — а сами, поди, и такого не напишете». Нас, разумеется, взорвало: да не вставая из-за стола... Кажется, заключили пари, сколько писали — не помню. Полкнижки — я, полкнижки — Борис, потом состыковали эпизоды, убрали накладки и понесли в издательство. К нашему удивлению — через год напечатали, и пари мы выиграли. Но на самом деле выигрыш был куда больше: оказалось, что мы с братом вполне можем писать сообща.

БВ. Почему в ваших произведениях, как правило, нет женщин на главных ролях?

БС. Толстой говорил, что можно выдумать все, кроме психологии. А я отказываюсь понимать мотивы женских поступков. Писать же о том, чего я не понимаю, я не умею. И вообще, женщины для меня как были, так и остаются самыми таинственными существами на Земле: они знают что-то, чего не знаем мы, люди...

БВ. Считаете ли вы с братом себя прогрессорами?

БС. Прогрессором в том понимании этого слова, которое ему придаем мы, обязан быть каждый писатель. И не только писатель. Любой школьный учитель, если учит добру, понятиям чести и справедливости, — своего рода прогрессор. Хотя, конечно, встречаются и «Регрессоры»...

БВ. Бывают ли случаи, когда Вы не знаете, чем закончится книга?

БС. Никогда еще в истории нашей с братом деятельности книга не кончалась так, как мы задумали. Мы всегда знаем, о чем пишем, — и всегда ошибаемся. Причем это выясняется не в конце, а в середине книги...

БВ. Есть ли для Вас какая-то самая главная тема?

БВ. Главная тема Стругацких — это выбор. Долгое время мы не осознавали, что это так, и «нечувствительно» писали именно об этом. И осознали мы это не сами — читатели подсказали...

12 октября 1991 года Аркадий Натанович Стругацкий скончался после тяжелой и продолжительной болезни. Писатель «А. и Б. Стругацкие» перестал существовать.

Согласно его воле, его прах был развеян с вертолета.

19 ноября 2012 года Борис Натанович Стругацкий скончался после продолжительной и тяжелой болезни.

Согласно его воле, его прах также был развеян.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

Без малого полвека прошло с начального моего знакомства с творчеством братьев Стругацких: в середине 60-х я прочел их первые рассказы в сборнике «Альфа Эридана». И не сосчитать, сколько раз брались в руки, читались и перечитывались — снова и снова — их книги. И в каждой клубок вопросов, ответы на которые ты был обязан был найти сам... Можно ли вмешаться в подлость и несправедливость чужого мира, изменяя его историю? Можно ли пренебречь опасностью выхода из-под контроля научных экспериментов? Что делать, если чужая, непонятная сила ставит опыт на человечестве и нужно выбирать: покориться ради собственного спокойствия и мелкой выгоды или ввязаться в заведомо безнадежную борьбу?

Между тем времена были не чета нынешним, когда томики АБС можно без большого труда найти на уличном лотке. Куда там! Порой (сторая от стыда) тащили из ближайшей библиотеки то знаменитый 7-й том красно-белой «Библиотеки современной фантастики» (тот самый, где «Трудно быть богом» и «Понедельник»), то детгизовский «Полдень. XXI век» вместе с «Малышом», то сборник «Эллинский секрет» с первой частью «Улитки на склоне»... Журнал «Нева» 1969-го с первым изданием «Обитаемого острова» (там Максим Каммерер еще был Максимом Ростиславским) был библиографической редкостью — мало кто имел изготовленную в ближайшей переплетной мастерской или выполненную знакомым умельцем на работе за стакан спирта подшивку. Позже, если очень повезет, удавалось достать «Знание — сила», где печатался «Жук в муравейнике». Ну а о журнале «Ангара» с первым изданием «Сказки о тройке» и мечтать было невозможно. Как и о журнале «Байкал», где публиковалось «Второе нашествие марсиан».

И все же мы читали — а начитавшись, начинали думать. И никакая цензура, беспощадно уродовавшая (как мы узнали позднее) книги Стругацких, не могла изуродовать их настолько, чтобы мы не поняли того, что хотели сказать нам Аркадий Натанович с Борисом Натановичем. Наверное, мы понимали не все — но и понятого этого

было достаточно, чтобы воспитать в нас тот самый беспощадно караемый в Арканаре «невосторженный образ мыслей» и научить подвигаться сомнению, казалось бы, непреложные истины.

У поэта Валентина Берестова в его археологической повести «Приключений не будет» (1961) есть «Пропущенная глава», опубликованная лишь накануне XXI века:

Каждый сезон кто-нибудь непременно привозит в экспедицию «Туманность Андромеды». Ефремов — один из самых любимых у нас авторов. «Туманность Андромеды» интересно перечитывать, каждый раз обращаешь внимание на какие-то новые подробности того очень далекого от нас будущего, о котором мечтает писатель-ученый. Профессия обязывает нас восстанавливать подробности жизни людей отдаленного прошлого. Тем интересней читать об идеальных существах грядущего, по сравнению с которыми мы такие же, как люди бронзового века по сравнению с нами.

Но что-то смущало меня в этой хорошей книге. Наши дальние потомки были настолько совершенны, я чувствовал себя рядом с ними таким бедным и неумелым, что, ей-богу, мне бы даже не хотелось жить вместе с ними в те прекрасные времена. Мне чего-то не хватало для того, чтобы полюбить героев Ефремова и позавидовать им. А может (о, грешная мысль!) не мне, а им, гордым властелинам космоса, всесторонне развитым, красивым, сильным и всеведущим, как боги, чего-то недостает по сравнению с нами, несчастными?

Я гнал от себя эти кощунственные мысли до тех пор, пока случайно не наткнулся на странное пророчество: оказывается, в те удивительные времена люди научатся говорить кратко и точно, а «хитросплетения слов, называемые остроумием», исчезнут, я понял, чем меня не устраивает идеальное будущее, нарисованное Иваном Ефремовым.

Значит, при полном и гармоническом коммунизме не будет ни шуток, ни розыгрышей, ни хохота, ни поддразнивания, ни забавных прозвищ, ни иронии над собой, ни юмора, ни сатиры, ни веселых песенок, которые незаметно для себя насвистываешь во время работы, ни карикатур, ни милых чудачеств, ни того почти беспричинного смеха, который вдруг охватит всех сидящих за столом в палатке, ни озорства (всего этого нет в книге), словом, не будет того, без чего я не могу представить себе нашу жизнь в экспедиции, да и вообще жизнь.

Неужели человечество купит свое высшее совершенство ценою потери чувства юмора? Вот какие грустные мысли пришли мне в голову при перечитывании «Туманности Андромеды»...

Стругацкие покончили с утопией.

Те, о ком они писали, никогда не были людьми будущего — они всегда были нашими современниками, действовавшими в ситуациях необычных и невероятных, но легко «проецируемых» на видимые вокруг обстоятельства. В иллюзорном, сказочном — и распаханном настезь в Неизвестное мире XXI–XXIII веков они были лишь лучшими из нас. Они были людьми ДЕЙСТВИЯ, способными на поступок, они сражались за правду, истину, добро, за право человеческого счастья и свободы — против лжи, трусости, подлости, лицемерия. Они часто страдали от своего бессилия, они ошибались и были так человечны и близки нам именно тем, что никогда не были бесплотно-непогрешимыми, лишенными привычных человеческих чувств. С ними хотелось быть и действовать рядом, они притягивали и завораживали своей добротой и мудростью, они умели быть нестигаемыми и бесстрашными, они шли навстречу Неведомому, не стараясь побережь себя, выждать, отсидеться в тихом уголке.

Они были надежны — крепче всего на свете была их протянутая рука. И в те, как теперь кажется, необычайно далекие времена, когда еще верилось в грядущее светлое царство коммунизма, для меня, как и для многих других, миром коммунизма был мир, начертанный Стругацкими.

Это был мир того будущего, в котором были сконцентрированы лучшие черты настоящего. Где из всех возможных решений «выбиралось самое доброе», где «никто не уходил обиженный», где белой вороной был человек, у кого за душой не было *дела*, которому отдавались бы все силы. Мир увлеченных людей, у которых «понедельник начинался в субботу» и никогда не было времени на пустые, ненастоящие, недостойные дела. Где единственным презираемым человеком на Земле был торжествующий и вечно довольный собой обыватель-мещанин. Тот самый, которому были известны ответы на все вопросы. Тот самый, чьему сытому благодущию ничто не может помешать. Тот самый, ненавидящий все выходящее за рамки средней величины.

И где шел «вечный бой» за истину — на Земле и в Космосе.

Ах как жаль, что ничтожно малая часть творчества Стругацких удостоилась экранизации! И всего-то: «Пикник на обочине»,

превратившийся у великого Тарковского в совсем не похожий на оригинал «Сталкер», «День затмения» Сокурова, также совсем не похожий на «За миллиард лет до конца света», слабенький эстонский «Отель „У погибшего альпиниста“», да фильм Питера Фляйшмана «Трудно быть богом», который Борис Натанович считает не просто слабым, но даже пошлым и «желтым».

Теперь вот Алексей Герман тоже снимает по «Трудно быть богом» — посмотрим, что получится...

Мир Стругацких притягивал нас тем сильнее, чем сильнее вызывал отторжение мир, нас окружающий, в котором серая мразь была повсюду — от трибун Политбюро до мелкого чиновника в конторе. Они наступали, старательно выкорчевывая все лучшее и нестандартное вокруг, они торопились уничтожить или сломать всех, кто не укладывался в их серые рамки, они старательно обстругивали нас рубанком, чтобы мы стали одинаковыми, серыми, неопасными для их серой власти...

Ах как грезилось, что и где-то среди нас незримо присутствуют «прогрессоры» с иной планеты, что тупой силе, нависшей черной завесой над страной, может быть противопоставлена другая — могучая и справедливая сила, что небезнадежны наши грустные дела... Что руководит этими инопланетными разведчиками то же «нетерпение потревоженной совести» и что вмешаются же они наконец, когда переполнится чаша их терпения. Но приходило и понимание — не в «прогрессорах» спасение. Спасение — оно только в непокорности разума, неподвластном торжествующей серости, в появлении людей с неподконтрольной, непослушной душой, в долгой и трудной работе над собственным сознанием, которое надо приучать сомневаться в том, что вбивали, словно ржавый гвоздь в сухое бревно, приучать не смотреть, а ВИДЕТЬ, что творится вокруг нас, противиться стадному инстинкту и коллективному восторгу...

Власть прекрасно понимала — нет ничего страшнее для нее, чем появление ростков вольнодумства, но они упрямо пробивались сквозь идеологический асфальт. Именно Аркадий и Борис Стругацкие учили шагать навстречу ветру, взявшись за руки друзей, учили не пасовать перед превосходящими силами противника, не идти на компромиссы с собственной совестью ради мелкой

выгоды. Своими книгами они пробивали броню слепой веры в совершенство нашего «самого передового строя», заставляя думать и задавать себе опасные для власть предержащих вопросы. Они заражали нас бациллой непокорности и свободы — и наши души, хлебнувшие свободы из щедрого источника их книг, распрямлялись, обретая иммунитет к страху.

Мы быстро научились читать «между строк», угадывая с полуслова намеки и условности, и знали: братья Стругацкие пишут про наш — земной мир, пишут о том, что творится вокруг нас, и о том, с какими проблемами нам сегодня или завтра придется иметь дело, борясь за право называться людьми.

Их книги никогда, при всей привлекательности сюжета, не были развлечением, а с годами становились все тревожнее — горькие думы авторов подкреплялись окружающей реальностью, все бесчеловечнее становился мир, все опаснее насилие над природой и над личностью... Авторы говорили «эзоповым языком», но все так же мгновенно исчезали с прилавков их книги — и это при почти полном молчании «официальной» критики, которая фантастику ни в грош не ставила, а уж «неудобных» Стругацких предпочитала как бы не замечать. Но братья пробивались к нашему разуму и сердцу, вновь и вновь заставляли нас избавляться от успокоенности и благодущия.

Рассказать обо всех книгах АБС — задача слишком трудоемкая. Но рассказать хотя бы о некоторых, «знаковых», да и еще и воспользовавшись бесценным материалом — любезно предоставленными мне в 2002 году Борисом Натановичем Стругацким авторскими комментариями, — рискну. Конечно, это — не исследование беспристрастного литературоведа, а рассуждения и воспоминания очень даже пристрастного почитателя творчества АБС.

Но вначале, как это уже было (и будет еще много раз), слово — Борису Натановичу. Для чрезвычайно важного замечания:

Если бы не фантастическая энергия АН, если бы не отчаянное его стремление выбиться, прорваться, стать — никогда бы не было братьев Стругацких. Ибо я был в те поры инертен, склонен к философичности и равнодушен к успехам в чем бы то ни было, кроме, может быть, астрономии, которой, впрочем, тоже особенно не горел, АН же был в те поры напорист, невероятно трудоспособен и трудолюбив и никакой на свете

работы не боялся. Наверное, после армии этот штатский мир казался ему вместилищем неограниченных свобод и невероятных возможностей. Потом все это прошло и переменялось. АН стал равнодушен и инертен, БН же, напротив, взыграл и взорлил, но, во-первых, произошло это лет двадцать спустя, а во-вторых, даже в лучшие свои годы не достигал я того состояния клубка концентрированной энергии, в каком пребывал АН периода 1955–1965 годов...

Из всего созданного АБС попробую выбрать САМОЕ-САМОЕ. Конечно, этот выбор субъективен. Конечно, он не совпадает не только с выбором многих поклонников АБС, но и с мнением авторов (для них «первая тройка» — это «Улитка», «Град обреченный» и «Второе нашествие марсиан», а ранние произведения — скажем, «Страну багровых туч» — АБС впоследствии не жаловали). И все же, все же, все же...

Моя «великолепная десятка» — это:

«Страна багровых туч», «Полдень, XXII век», «Понедельник начинается в субботу», «Далекая Радуга», «Трудно быть богом», «Улитка на склоне», «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике», «Хромая судьба», «Град обреченный».

«СТРАНА БАГРОВЫХ ТУЧ» (1957)

Начать со «Страны багровых туч» хочется по многим причинам. И потому, что для большинства поклонников АБС знакомство с ними началось именно со «Страны багровых туч». И потому, что с этой повести (как с «Пяти недель на воздушном шаре» — у Жюль Верна) идеи АБС начали овладевать массами. И потому, что здесь впервые появились Алексей Быков, Владимир Юрковский, Михаил Крутиков и другие любимейшие наши герои. Наконец, потому, что именно за «Страну багровых туч» братья Стругацкие получили свою единственную премию от государства — третью премию «Конкурса на лучшую книгу о науке и технике для детей школьного возраста», в размере 5000 рублей. Как заметит Борис Натанович, «неплохие деньги по тем временам — четыре мамины зарплаты»...

Между тем известно: братья Стругацкие, написавшие «Страну багровых туч» в далеком 1957 году, активно ее не любили. Во всяком случае, Борис Натанович сперва категорически отказался включить эту повесть в первое в российской истории собрание сочинений АБС («текстовское»), и повесть все-таки вошла в один из двух дополнительных томов только, как считает Борис Натанович, «под давлением общественности». И слава богу, что хоть в чем-то общественность смогла оказать давление на Стругацких — отсутствие «Страны багровых туч» в собрании сочинений, на мой взгляд, было бы величайшей несправедливостью.

Комментарий БН:

В соответствии со сложившейся уже легендой АБС придумали и начали писать «Страну багровых туч» на спор — поспорили в начале 1955 (или в конце 1954) на бутылку шампузы с Ленкой, женой АН, а поспорив, тут же сели, все придумали и принялись писать.

На самом деле «Страна» задумана была давно: идея повести о трагической экспедиции на беспощадную планету Венеру возникла у АН,

видимо, во второй половине 1951 года. Существует письмо БН без даты, относящееся, видимо, к весне 1955 года. Судя по этому письму, работа, причем СОВМЕСТНАЯ, над СБТ идет уже полным ходом — во всяком случае составляются подробные планы и обсуждаются различные сюжетные ходы. В апреле 1955 АН еще в Хабарововске, ждет не дожидается увольнения из армии и заканчивает повесть «Четвертое царство». Но уже в своем июльском 1956 года письме БН рецензирует первую часть «Страны...», вчерне законченную АН, и излагает разнообразные соображения по этому поводу. В постскриптуме он обещает: «Начну теперь писать как бешеный — ты меня вдохновил».

Таким образом, историческое пари было заключено, скорее всего, летом или осенью 1954 года, во время очередного отпуска АН, когда он с женой приезжал в Ленинград. Мне кажется, что я даже помню, где это было: на Невском, близ Аничкова моста. Мы прогуливались там вдвоем, АН с БНом, как обычно, костерили современную фантастику за скуку, беззубость и сюжетную заскорузлость, а Ленка слушала-слушала, потом терпение ее иссякло, и она сказала: «Если вы так хорошо знаете, как надо писать, почему же сами не напишете, а только все грозитесь да хвастаетесь? Слабо?»

И пари тут же состоялось. А писалась «Страна...» медленно и трудно. Мы оба представления не имели, как следует работать вдвоем. У АН, по крайней мере, был уже опыт работы в одиночку, у БН и того не было...

«Страна багровых туч» попала в мои руки году в 1968-м. Мне было тринадцать, а это возраст, максимально приспособленный для поглощения произведений о героях, богатырях, умельцах и волшебниках. Это была только третья или четвертая из прочитанных мною книг АБС. Но к тому времени из «венерианского цикла», посвященного покорению нашей соседки по солнечной системе, были проглочены «Сестра Земли» Георгия Мартынова и «Планета бурь» Александра Казанцева. После «Страны...» ни того, ни другого произведения перечитывать более не хотелось. Ибо раз и навсегда стало ясно, что она отличается от упомянутых творений примерно так же, как велосипед «Турист», о коем я тогда мечтал, от имевшегося в наличии «Орленка».

Поражал не сюжет — хотя и занимательный, держащий в напряжении с начала до конца, как и полагалось сюжету добротного боевика. И не технические детали — хотя и крайне любопытные

(ведь именно тогда, начав изучать физику и прочитав несколько научно-популярных книг, я, помнится, живо заинтересовался проблемой движения со скоростью света и не верил, что ее никак нельзя превзойти). В первую очередь поражали и запоминались герои — хотя тогда я никак не мог предположить, что Быков, Юрковский и Жилин и до сей поры останутся в числе моих любимейших персонажей...

Комментарий БН:

Редактор наш, милейший Исаак Маркович Кассель, пребывал в очевидном раздвоении чувств. С одной стороны, рукопись ему нравилась — там были приключения, там были подвиги, там воспевались победы человечества над косной природой — и все это на прочном фундаменте нашей советской науки и диалектического материализма. Но с другой стороны, все это было — совершенное, по тем временам — не то.

Герои были грубы. Они позволяли себе чертыхаться. Они ссорились и чуть ли не дрались. Косная Природа была беспощадна. Люди сходили с ума и гибли. В советском произведении для детей герои — наши люди, не шпионы какие-нибудь, не враги народа — космонавты! — погибали, окончательно и бесповоротно. И никакого хэппи-энда. Никаких всепримиряющих победных знамен в эпилоге... Это не было принято в те времена. Это было идеологически сомнительно — до такой степени сомнительно, что почти уже непроходимо.

Впрочем, в те времена не принято было писать и даже говорить с автором о подобных вещах. Все это ПОДРАЗУМЕВАЛОСЬ. Иногда на это — намекалось. Очень редко (и только по хорошему знакомству) говорилось прямо. Автор должен был сам (видимо, методом проб и ошибок) дойти до основ правильной идеологии и сообразить, что хорошее (наше, советское, социалистическое) всегда хорошо, а плохое (ихнее, обреченное, капиталистическое) — всегда плохо. В рецензиях ничего этого не было...

Конечно, типично советских деталей, да еще привязанных к своему времени конца 50-х годов, в «Стране багровых туч» — что называется, выше крыши. Это и напоминание о партийной конференции, где «папаша» Анатолия Ермакова за некие грехи приложил «мордой об стол» молодого Николая Захаровича Краюхина, и космический корабль КСР — видимо, Китайской

Социалистической Республики «Ян-Цзы» под командованием Лу Ши-Эра, появляющийся в эпизоде с гибелью планетоле-та англичан, — до «культурной революции» еще несколько лет, и отношения СССР и Китая вполне безоблачны. Да и вообще, как вспоминают Стругацкие, первоначально «Страна багровых туч» могла представлять собой научно-фантастический вариант «Далеко от Москвы», где вместо начальника строительства будет военно-административный диктатор Советских районов Венеры, вместо Адуна — Берег Багровых Туч, вместо Тайсина — нефтеносного острова — Урановая Голконда, вместо нефтепровода — что-нибудь добывающее уран и отправляющее его на Землю... Но все это настолько малозаметно «вплавлено» в ткань книги, что даже и сегодня не режет глаз. Не то что упомянутая «Планета бурь», например...

Стругацкие впоследствии скажут о себе: «Мы были еще пока — НАУЧНЫЕ фантасты. Еще далеки от формулы „настоящая фантастика — это ЧУДО-ТАЙНА-ДОСТОВЕРНОСТЬ“. Но интуитивно уже чувствовали эту формулу. В отечественной же фантастике послевоенных лет чудеса имели характер почти исключительно коммунально-хозяйственный и инженерно-технический, тайны не стоили того, чтобы их разгадывать, а достоверность — то есть сцепление с реальной жизнью — отсутствовала вовсе. Фантастика была сусальна, слюнява, розовата и пресна, как и всякая казенная проповедь. А фантастика того времени была именно казенной идиотической проповедью ликующего превосходства советской науки, и главным образом техники. Мы инстинктивно отталкивались от такой фантастики, мы ее не хотели, мы хотели ПО-ДРУГОМУ. Мы уже даже догадывались, что это значит — „по-другому“. И кое-что нам удалось...»

То, что удалось, — это без сомнения. Совершенно ничего от упомянутой «идиотической проповеди ликующего превосходства» в «Стране...» нет и не предвидится. Да, собственно, и чудес-то не слишком много — разве что фотонная ракета, так и не созданная до сей поры. Между прочим, полет «Хиуса» к Венере должен был, по расчетам нижегородского исследователя творчества АБС Сергея Лифанова (любовно составленная им историография повестей АБС о XXI веке была опубликована во

владимирском сборнике «Галактические новости» в 1991 году), происходить в период с июня по сентябрь 1991 года. Ну а сейчас Урановая Голконда должна была уже давно превратиться в рядовой советский космодром, ведь еще в 1999-м Крутиков, Дауге, Юрковский и Быков должны были сходить к Урану на «Хиусе-8» и исследовать «аморфное поле» на его северном полюсе, а в 2002-м году в Конакри должен будет состояться четвертый Всемирный конгресс планетологов, с которого Юрковский привезет упомянутый в «Стажерах» роскошный бьювар с золотой пластиной... Но увы: абсолютного отражателя, «покрытого пятью слоями сверхстойкого мезовещества», нет и поныне, самого мезовещества — тоже, в свете чего красивая идея фотонной ракеты остается столь же красивой мечтой, как и полвека назад. Однако на наше восприятие «Страны багровых туч» это решительно не влияет. Потому что главное в этой книге — отнюдь не фотонный привод и не секрет его «зеркала». Главное — команда Анатолия Ермакова, которая платит страшную цену за покорение Венеры.

Комментарий БН:

В процессе редакционной подготовки «Страна багровых туч» переписывалась весьма основательно по крайней мере дважды. Нас заставили переменить практически все фамилии. (До сих пор не понимаю, зачем и кому это понадобилось.) Из нас душу вынули, требуя, чтобы мы «не вторгались на всенародный праздник (по поводу запуска очередной ракеты) с предсказаниями о похоронах». «Уберите хотя бы часть трупов!» — требовали детгизовские начальники. Книга зависала над пропастью.

Из писем АН начала 1959 года:

«...Безнадежно. Понимаешь, совершенно безнадежно. Дело не в трупах, не в деталях, а в тоне и колорите». «...Повторяю: чего они хотят — я не знаю, ты не знаешь, они тоже-таки не знают. Они хотят „смягчить“, „не выпячивать“, „светлее сделать“, „не так трагично“. Конкретно? Простите, товарищи, мы не авторы. Конкретные пути ищите сами...». А когда авторы, стена и скрежеща, переписали-таки полкниги заново, от них по высочайшему повелению потребовали убрать какие-либо упоминания о военных в космосе: „...ни одной папахи, ни

одной пары погон быть не должно, даже упоминание о них нежелательно“, — и танкист Быков „двумя-тремя смелыми мазками“ был превращен в БЫВШЕГО капитана, а ныне зампотеха при геологах...»

«Тайна личности» Алексея Быкова, кстати, осталась практически незамеченной подавляющим большинством читателей «Страны багровых туч» — в том числе и мной. До тех пор пока в бюллетене «Понедельник», многие годы самоотверженно издаваемом Владимиром Борисовым из Абакана (этот бюллетень, как и вышеуказанный Борисов, будет цитироваться еще неоднократно), в мае 1992 года не было напечатано эссе Марата Исангазина, неопровержимо доказывающее офицерское происхождение Алексея Петровича. Действительно, кем еще может быть человек, реагирующий на «вводные» начальства (Краюхина или Ермакова) словами «Я!» или «Никак нет», одергивающий гимнастерку перед входом к руководству, знакомый с лучевыми пистолетами и атомными минами и с первого взгляда определяющий карабины-автоматы образца 1975 года? Так что «гобийская экспедиционная база», где служит (еще одна фрейдистская оговорка — не работает, а именно служит) Быков, — еще та мирная советская территория...

Из комментария БН:

За два года, пока шла баталия вокруг «Страны багровых туч», мы написали добрую полдюжину различных рассказов и многое поняли о себе, о фантастике, о литературе вообще. Так что эта злосчастная, заредактированная, нелюбимая своими родителями повесть стала, по сути, неким полигоном для отработки новых представлений. Поэтому, наверное, повесть получилась непривычная и свежая, хорошая даже, пожалуй, по тем временам, хотя и безнадежно дурная, дидактично-назидательная, восторженно казенная — если смотреть на нее с позиций времен последующих, а тем более нынешних. По единодушному мнению авторов, она умерла, едва родившись, — уже «Путь на Амальтею» перечеркнул все ее невеликие достоинства...

А вот тут авторы решительно и всерьез неправы! Совсе «Путь на Амальтею» ничего не перечеркнул — напротив, мне, например, «Путь на Амальтею» нравится куда меньше, чем «Страна багровых

туч», и не мне одному. Лучше, чем «Страна...», из продолжения «быковско-жилинского» цикла не оказались ни «Путь на Амальтею», ни «Стажеры» (с их вызывающими ныне лишь грустную улыбку предсказаниями грядущей победы коммунизма в экономическом соревновании с капитализмом и рассуждениями о том, что, мол, именно мещанин оказался для коммунизма главным врагом), ни «Хищные вещи века». Так что и братья Стругацкие иногда ошибаются...

«ВОЗВРАЩЕНИЕ. ПОЛДЕНЬ, XXII ВЕК» (1960)

Особое место «Полудня» в творчестве АБС несомненно: в нем авторы изобразили именно тот мир, в котором они хотели бы жить. Вот что говорит об этом сам БН:

«Мысль написать утопию — с одной стороны, вполне в духе Ефремова, но в то же время как бы и в противопоставление геометрически-холодному, совершенному ефремовскому миру, — мысль эта возникла у нас самым естественным путем. Нам казалось чрезвычайно заманчивым и даже, пожалуй, необходимым изобразить *мир, в котором было бы уютно и интересно жить* — не вообще кому угодно, а именно нам, сегодняшним.

Мы тогда еще не уяснили для себя, что возможны лишь три литературно-художественные концепции будущего: Будущее, в котором хочется жить; Будущее, в котором жить невозможно; и Будущее, Недоступное Пониманию, то есть расположенное по «ту сторону» сегодняшней морали.

Мы понимали, однако, что Ефремов создал мир, в котором живут и действуют люди специфические, небывалые еще люди, которыми мы все станем (может быть) через множество и множество веков, а значит, и нелюди вовсе — модели людей, идеальные схемы, образцы для подражания в лучшем случае. Мы ясно понимали, что Ефремов создал, собственно, классическую утопию — Мир, каким он *должен быть*. Нам же хотелось совсем другого, мы отнюдь не стремились выходить за пределы художественной литературы, наоборот, нам нравилось писать о людях и о человеческих судьбах, о приключениях человеков в Природе и Обществе. Кроме того, мы были уверены, что уже сегодня, сейчас, здесь, вокруг нас живут и трудятся люди, способные заполнить собой Светлый, Чистый, Интересный Мир, в котором не будет (или почти не будет) никаких „свинцовых мерзостей жизни“».

Мир Полудня получился именно таким — Светлым, Чистым и Интересным.

Название для романа, как вспоминает БН, придумал Аркадий Натанович, после того как прочел роман Эндрю Нортон «Рассвет — 2250 от Р.Х.» — роман о Земле, кое-как оживающей после катастрофы, уничтожившей нашу цивилизацию.

Комментарий БН:

«Полдень, XXП век» — это было точно, это было в стиле самого романа, и здесь, кроме всего прочего, был элемент полемики, очень для нас, тогдашних, важный. Братья Стругацкие принимали сильное участие в идеологической борьбе. Сражались, так сказать, в меру своих возможностей на идеологическом фронте. (Господи! Ведь мы тогда и в самом деле верили в необходимость противопоставить мрачному, апокалиптическому, махрово-реакционному взгляду на будущее наш — советский, оптимистический, прогрессивный, краснознаменный и единственно верный!)

Однако парочку-другую «лакейских» абзацев мне таки пришлось из «Полудня» выбросить, готовя его к изданию 90-х годов. И первой жертвой чистки стала многометровая статуя Ленина, установленная над Свердловском XXII века по настоятельной просьбе высшего редакционного начальства — таким образом начальство хотело установить преемственность между сегодняшним и завтрашним днем. Мы, помнится, покривились, но вставку сделали. Кривились мы не потому, что имели что-нибудь против вождя мировой революции, наоборот, мы были о нем самого высокого мнения. Но от всех этих статуй, лозунгов и развевающихся знамен несло такой розовой залепухой, таким идеологическим подхалимажем, что естественное наше чувство литературного вкуса было покороблено и оскорблено.

Внимательному читателю надлежит иметь в виду, что, подготавливая это издание, я выбросил из старого «советского» текста все то, что мы оказались *вынуждены* вписать, но оставил в неприкосновенности все идеологические благоглупости, которые вставлены были авторами добровольно, так сказать, по зову сердца. Как-никак, а мы были вполне человеками своего времени, наверное, не самыми глупыми, но уж отнюдь и не самыми умными среди своих современников. Слова «коммунизм», «коммунист», «коммунары» — многое значили для нас тогда. В частности, они означали светлую цель и чистоту помыслов. Нам понадобился добрый десяток лет, чтобы понять суть дела. Понять, что «наш» коммунизм и коммунизм товарища Сулова — не имеют между собой ничего общего. Что коммунист и член КПСС — понятия, как правило,

несовместимые. Что между советским коммунистом и коммунизмом в нашем понимании общего не больше, чем между очковой змеей и очкастой интеллигенцией, впрочем, все это было еще впереди. А тогда, в самом начале 60-х, слово «коммунизм» было для нас словом прозрачным, сверкающим, *абсолютным*, и обозначало оно *мир, в котором хочется жить и работать*.

«Возвращением» начался длинный цикл романов и повестей, действующими лицами которых были «люди Полудня». В романе был создан фон, декорация, неплохо продуманный мир — сцена, на которой сам бог велел нам разыгрывать представления, которые невозможно было по целому ряду причин и соображений разыграть в декорациях обычной, сегодняшней, реальной жизни. Мир Полудня родился, и авторы вступили в него, чтобы не покидать этого мира долгие три десятка лет.

Возможно, «Мир Полудня» — это лучший из миров, когда-либо созданный фантастами. И населен он людьми, с которыми чертовски хочется поработать. Или просто посидеть на берегу за котелком ухи, как в финале «Полудня», смотря на закат и размышляя все равно о чем...

Именно со страниц «Полудня» шагнет в «миры братьев Стругацких» Леонид Андреевич Горбовский. И даже погибнув на Далекой Радуге — воскреснет в последующих произведениях АБС, причем — помимо воли авторов. Как признается БН, они твердо намеревались сделать «Далекую Радугу» последним из произведений о грядущем коммунизме и, соответственно, последним произведением, где действует Горбовский. Но продержались лишь десять лет — до 1970-го, а потом «дрогнули» и поступили подобно сэру Артуру Конан Дойлю. И так же, как Шерлок Холмс был вырван из пучины Рейхенбахенского водопада, Леонид Горбовский был необъяснимым способом вырван из пучины Волны. Как и зачем? На этот мой вопрос БН ответит: «Все ходы для спасения в повести оставлены, „корешки“ есть. Хотя когда мы писали книгу, нам было совершенно ясно, что все погибли к чертовой матери! Нам и в голову тогда не приходило, что Горбовский нам еще когда-нибудь понадобится. Но он понадобился — ну что ж, пришлось воскресить...».

Следующую попытку показать даже не погибающего, а лишь находящегося у смертного порога Горбовского брата Стругацкие

предпримут лишь в повести «Волны гасят ветер», где Леонид Андреевич попытается разгадать тайну люденев. Но есть полная уверенность, что, дай судьба Стругацким возможность продолжить цикл о Мире Полудня — выяснилось бы, что и на этот раз костлявая обошла Горбовского стороной.

Именно со страниц «Полудня» шагнет навстречу читателям великолепная четверка мушкетеров из Аньюдинской школы. Геннадий Комов, он же Капитан и будущий член Мирового Совета. Атос-Сидоров, будущий Десантник и президент сектора «Урал-Север». Поль Гнедых, он же Либер Полли, будущий Охотник. И могучий Лин, будущий доктор Костылин.

Именно в «Полудне» мы впервые познакомимся с Перси Диксоном и Марком Валькенштейном, доктором Мбогой (будущим открывателем «бактерии жизни») и Борисом Фокиным (будущим открывателем Саркофага с «подкидышами»). Там же появится и незабываемый Август Иоганн Мария Бадер...

Комментарий БН:

Это было время, когда мы искренне верили в коммунизм как высшую и совершеннейшую стадию развития человеческого общества. Нас, правда, смущало, что в трудах классиков марксизма-ленинизма по поводу этого важнейшего этапа, по поводу, фактически, *цепи всей человеческой истории* сказано так мало, так скупо и так... неубедительно.

У классиков сказано было, что коммунизм — это общество, в котором нет классов... общество, в котором нет государства... общество, в котором нет эксплуатации человека человеком... Нет войн, нет нищеты, нет социального неравенства... А что, собственно, в этом обществе ЕСТЬ? Создавалось впечатление, что есть в том обществе только «знамя, на коем начертано: от каждого по способностям, каждому по его потребностям».

Этого нам было явно недостаточно. Перед мысленным взором нашим громоздился, сверкая и переливаясь, хрустально чистый, тщательно обеззараженный и восхитительно безопасный мир — мир великолепных зданий, ласковых и мирных пейзажей, роскошных пандусов и спиральных спусков, мир невероятного благополучия и благоустроенности, уютный и грандиозный одновременно, — но мир этот был пуст и неподвижен, словно роскошная декорация перед Спектаклем Века,

который все никак не начинается, потому что его некому играть, да и пьеса пока еще не написана...

В конце концов мы поняли, кем надлежит заполнить этот сверкающий, но пустой мир: нашими же современниками, а точнее, лучшими из современников — нашими друзьями и близкими, чистыми, честными, добрыми людьми, превыше всего ценящими творческий труд и радость познания... Разумеется, мы несколько идеализировали и романтизировали своих друзей, но для такой идеализации у нас были два вполне реальных основания: во-первых, мы их любили, а во-вторых, их было, черт побери, за что любить!

Хорошо, говорили нам наши многочисленные оппоненты. Пусть это будут такие, как мы. Но откуда мы возьмемся там в таких подавляющих количествах? И куда денутся необозримые массы нынешних хамов, тунеядцев, кое-какеров, интриганов, бездельных болтунов и принципиальных невежд, гордящихся своим невежеством?

Это-то просто, отвечали мы с горячностью. Медиана колоколообразной кривой распределения по нравственным и прочим качествам сдвинется со временем вправо, как это произошло, скажем, с кривой распределения человека по его физическому росту. Еще каких-нибудь три сотни лет назад средний рост мужика составлял 140–150 сантиметров, мужчина 170 сантиметров считался чуть ли не великаном, а посмотрите, что делается сейчас! И куда делись все эти стосорокасантиметровые карлики? Они остались, конечно, они встречаются и теперь, но теперь они редкость, такая же редкость, как двухметровые гиганты, которых три-четыре века назад не было вовсе. То же будет и с нравственностью. Добрый, честный, увлеченный своим делом человек сейчас относительно редок (точно так же, впрочем, как редок и полный отпетый бездельник и абсолютно безнадежный подлец), а через пару веков такой человек станет нормой, составит основную массу человеческого общества, а подонки и мерзавцы сделаются раритетными особями — один на миллион.

Ладно, говорили оппоненты. Предположим. Хотя никому не известно на самом деле, движется ли она вообще, эта ваша «медиана распределения по нравственным качествам», а если и движется, то вправо ли? Ладно, пусть. Но что будет двигать этим вашим светлым обществом? Куда дальше оно будет развиваться? За счет каких конфликтов и внутренних противоречий? Ведь развитие — это борьба противоположностей, ведь все мы марксисты (не потому, что так уж убеждены в справедливости исторического материализма, а скорее потому, что ничего другого, как правило, не знаем). Ведь никаких

фундаментальных («антагонистических») противоречий в вашем хрустальном сверкающем мире не осталось. Так не превращается ли он таким образом в застойное болото, в тупик, в конец человеческой истории, в разновидность этой социальной эвтаназии?

Это был вопрос посерьезнее. Напрашивался ответ: непрерывная потребность в знании, непрерывный и бесконечный процесс исследования бесконечной Вселенной — вот движущая сила прогресса в Мире Полудня. Но это был в лучшем случае ответ на вопрос: чем они там все будут заниматься, в этом мире. Изменение же и совершенствование *социальной* структуры Мира из процедуры бесконечного познания никак не следовало.

Мы, помнится, попытались было выдвинуть теорию «борьбы хорошего с лучшим», как движущего рычага социального прогресса, но вызвали этим только взрыв насмешек и ядовитых замечаний — даже Би-Би-Си, сквозь заглушки, проехала по этой нашей теории, и вполне справедливо.

Между прочим, мы так и не нашли ответа на этот вопрос. Гораздо позднее мы ввели понятие Вертикального прогресса. Но, во-первых, само это понятие осталось у нас достаточно неопределенным, а во-вторых, случилось это двадцатью годами позже. А тогда эту зияющую идеологическую дыру нам нечем было залатать, и это раздражало нас, но в то же время и побуждало к новым поискам и дискуссионным изыскам.

В конце концов мы пришли к мысли, что строим отнюдь не Мир, который Должен Быть, и, уж конечно, не Мир, который Обязательно Когда-нибудь Наступит, — мы строим Мир, в котором нам *хотелось бы жить и работать*, — и ничего более. Мы совершенно снимали с себя обязанность доказывать *возможность* и уж тем более — *неизбежность* такого мира. Но, разумеется, при этом важнейшей нашей задачей оставалось сделать этот мир максимально правдоподобным, без лажи, без логических противоречий, восторженных сусальностей и социального сюсюканья.

Что верно, то верно: Мир Полудня оказался у авторов настолько правдоподобным, что для миллионов читателей АБС именно он и был самой убедительной иллюстрацией к тому коммунизму, наступление которого «в основном» ожидалось в 1980 году. И очень хотелось, как Славин с Кондратьевым, отправиться в рейс на каком-нибудь «Таймыре», приступить к легенным ускорениям

и внезапно подвернуться сигма-деритринитации, чтобы преодолеть временной барьер и попасть в Мир Полудня. А там уже выбирать себе дело по душе: хочешь — штурмуй вместе с Горбовским на «Тариэле» планету Владислава, хочешь — наслаждайся природой на Леониде около белой звезды ЕН23, хочешь — становись китовым пастухом, хочешь — участвуй в Великом Кодировании и сохраняй навечно гениальный разум академика Окада.

С упомянутым академиком до сих пор так и связана одна из неразгаданных загадок «Полудня». Помнит ли читатель, как в главе «Свечи перед пультом» умирающему академику Окада океанолог Званцев и Акико-сан везут какую-то необычайно важную информацию, которую он ждал всю жизнь? Что же это была за информация? Увы, на мой прямой вопрос на эту тему Борис Натанович ответил: «Обычно Стругацкие ничего зря не пишут, и наверняка мы что-то имели в виду. Но вот что — я уже не помню...»

«ДАЛЕКАЯ РАДУГА» (1962)

«Далекая Радуга» — единственный у АБС «роман-катастрофа». Правда, гибнет в ней не Земля и не ее часть, а земная колония на далекой планете Радуга, превращенной в гигантский полигон для экспериментов по нуль-транспортировке. В книге две ключевые темы: возможные трагические последствия выхода научного эксперимента из-под контроля и поведение людей перед лицом неминуемой гибели.

Собственно, обе, и первая, и вторая темы, отнюдь не оригинальны. Кто только не предупреждал об опасности для человечества, которую могут нести с собой научные опыты, — начиная с Жюль Верна и заканчивая Полом Андерсоном. И кто только не описывал ситуации, когда мест в спасательных шлюпках меньше, чем желающих спастись пассажиров.

Но почему же, собственно, Стругацкие вдруг обратились к такому специфическому жанру?

Комментарий БН:

В августе 1962 года в Москве состоялось первое (и кажется, последнее) совещание писателей и критиков, работающих в жанре научной фантастики. Были там идейно нас всех нацеливающие, доклады, встречи с довольно высокими начальниками (например, с секретарем ЦК ВЛКСМ Леном Карпинским), дискуссии и кулуарные междусобойчики, а главное — был там нам показан по большому секрету фильм Крамера «На последнем берегу».

(Фильм этот сейчас почти забыт, а зря. В те годы, когда угроза ядерной катастрофы была не менее реальна, чем сегодня угроза, скажем, повальной наркомании, фильм этот произвел на весь мир такое страшное и мощное впечатление, что в ООН было даже принято решение — показать его в так называемый День Мира во всех странах одновременно. Даже наше высшее начальство скрепя сердце пошло на этот шаг и показало «На последнем берегу» в День Мира в одном (!)

кинотеатре города Москвы. Хотя могло бы, между прочим, и не показывать вовсе: как известно, нам, советским, чужда была и непонятна тревога за ядерную безопасность — мы и так были уверены, что никакая ядерная катастрофа нам не грозит, а грозит она только гниющим империалистическим режимам Запада.)

Фильм нас буквально потряс. Картина последних дней человечества, умирающего, почти уже умершего, медленно и навсегда заволакиваемого радиоактивным туманом под звуки пронзительно-печальной мелодии «Волсинг Матилда»... Когда мы вышли на веселые солнечные улицы Москвы, я, помнится, признался АН, что мне хочется каждого встречного военного в чине полковника и выше — лупить по мордам с криком «прекратите... вашу мать, прекратите немедленно!» АН испытывал примерно то же самое. (Хотя при чем тут, если подумать, военные, даже и в чине выше полковника? В них ли было дело? И что они, собственно, должны были немедленно прекратить?) Разумеется, это было совершенно, однозначно и безусловно исключено — написать роман-катастрофу на сегодняшнем и на нашем материале, а так мучительно и страстно хотелось нам сделать советский вариант «На последнем берегу»: мертвые пустоши, оплавленные руины городов, рябь от ледяного ветра на пустых озерах, черные землянки, черные от горя и страха люди и тоскливая мелодия-молитва над всем этим: «Летят утки, летят утки да два гуся...» Мы обдумывали все возможные и невозможные варианты такой повести (у нее уже появилось название — «Летят утки»), строили эпизоды, рисовали мысленные картинки и пейзажи и понимали: все это зря, ничего не выйдет и никогда — при нашей жизни.

Почти сразу же после совещания мы поехали вместе в Крым и там наконец придумали, как все это можно сделать: просто надо уйти в мир, где нет ядерных войн, но — увы! — все еще есть катастрофы. Тем более что этот мир у нас уже был придуман, продуман и создан заранее и казался нам немногим менее реальным, чем тот, в котором мы живем.

Надо сказать, что придуманный мир Радуги действительно лишь самую малость менее реален, чем настоящий. Собственно, Радуга — своего рода большая Дубна, где ученые проводят эксперименты, ведут жаркие дискуссии и не щадя живота своего сражаются за право получить вне очереди оборудование для этих экспериментов. Только что именуется это оборудование не синхрофазотронами, а ульмотронами... Все это прекрасно

встраивалось в тогдашнее состояние интеллигентных умов! Напомним: начало 60-х годов — время беспредельной веры в могущество науки, особенно физики. Именно тогда физики уверенно побеждали лириков, конкурс в физические вузы зашкаливал, а самым популярным мужчиной в стране был Алексей Баталов, сыгравший физика Гусева в «Девяти днях одного года». Поэтому целая планета, безраздельно отданная под эксперименты ученым, — это полностью в духе времени. А фантастический антураж не так и много добавляет: в конце концов, чем Волна так уж страшнее ядерного взрыва? Между прочим, говорить в начале 60-х, что не обязательно беспрекословно снабжать ученых всем, что они попросят для удовлетворения своего любопытства за казенный счет (цитируя, кажется, Льва Ландау), — а мораль «Далекой Радуги» именно такова — было близким к кощунству...

Но, конечно, «Далекая Радуга» — это повесть о будущем, о том же Мире Полудня: время действия, как подсчитала группа «Людены», — 60-е годы XXII века. Более того, по замыслу авторов, это должна была быть последняя повесть о далеком коммунизме — еще 23.11.63 Аркадий Стругацкий делает соответствующую запись в своем дневнике...

Комментарий БН:

Я наткнулся сейчас на эту запись в дневнике АН и вздрогнул. А ведь и верно! Ведь и на самом деле говорили мы тогда, в конце 62-го, друг другу: «Все! Хватит об этом. Надоело! Хватит о выдуманном мире, главное на Земле — даешь сугубый реализм!..» И ведь так (или почти так) оно и получилось: закончив ее, мы в течение долгих последующих лет не возвращались больше в Мир Полудня, аж до самого 1970-го года.

Если, впрочем, не считать «Трудно быть богом» и «Обитаемого острова». Но можно ли считать эти романы произведениями о Светлом Будущем да и вообще о будущем?

Что правда, то правда: считать «Обитаемый остров» и тем более «Трудно быть богом» произведениями о будущем трудновато. Но «Далекая Радуга» — повесть о том будущем, где единственная проблема — откуда взять энергию для удовлетворения растущих потребностей ученых.

«Смысл человеческой жизни — это научное познание», — говорит один из персонажей «Далекой Радуги», физик Альпа. И добавляет: «Мне грустно видеть, что миллиарды людей сторонятся науки, ищут свое призвание в сентиментальном общении с природой, которое они называют искусством. Наука переживает период материальной недостаточности, а в то же время миллиарды людей рисуют картины, рифмуют слова... а ведь среди них много потенциально великолепных работников...» Физик так и не решается продолжить эту нехитрую мысль, и вместо него это делает Горбовский: мол, хорошо бы всех этих художников и поэтов согнать в учебные лагеря, отобрать у них кисти и гусиные перья, заставить пройти краткосрочные курсы и вынудить строить для солдат науки новые конвейеры для производства ульмотронов (нечто вроде аккумуляторов энергии огромной мощности)...

В будущем, обрисованном в «Далекой Радуге», на полном серьезе обсуждается такая проблема: не перебросить ли в науку часть энергии из Фонда Изобилия? Значит, верили Стругацкие тогда, что будет в Мире Полудня и Изобилие, и Фонд. Верили в то, что будет обсуждаться идея во имя чистой науки «поприжать человечество в области элементарных потребностей». Верили в то, что одни будут выдвигать лозунг «Ученые готовы голодать», а другие отвечать им «А шесть миллиардов детей не готовы. Так же не готовы, как вы не готовы разрабатывать социальные проекты»...

Впоследствии эта вера иссякнет довольно скоро — уже в «Малыше», не говоря о «Парне из преисподней», «Жуке в муравейнике» или «Волны гасят ветер», люди Полудня озабочены совсем другими проблемами. Куда более сложными — и куда более грустными.

Комментарий БН:

Первый черновик «Далекой Радуги» начат и закончен был в ноябре-декабре 1962-го, но потом мы еще довольно долго возились с этой повестью — переписывали, дописывали, сокращали, улучшали (как нам казалось), убрали философские разговоры (для издания в альманахе издательства «Знание»), вставляли философские разговоры обратно (для издания в «Молодой Гвардии»), и длилось все это добрых полгода, а может быть, и дольше.

Впрочем, главный вопрос, связанный с «Далекой Радугой», — это вопрос о Горбовском. Погиб ли Горбовский в смертоносном пламени Волны или все-таки уцелел? Если уцелел, то как ему это удалось? Если погиб, то почему во многих последующих повестях он появляется как ни в чем не бывало?

Никакого ответа на этот знаменитый вопрос АБС так и не дают, и читателю приходится домысливать все самому. Но надо сказать, что ДР характерна, казалось бы, ни на чем не основанной, но притом полнейшей уверенностью читателя в том, что в последний момент должно случиться какое-то чудо. То ли Волна — неистовая всеразрушающая субстанция вырожденной материи — остановится, не успев уничтожить людей, то ли встречные северная и южная Волны самоликвидируются при сближении, то ли, как напишет Стругацким ученик четвертого класса Слава Рыбаков (ныне — знаменитый писатель-фантаст Вячеслав Рыбаков), в повести просто не дописана концовка. А должна она быть, по мнению Славы Рыбакова, такой:

«Вдруг в небе послышался грохот. У горизонта показалась черная точка. Она быстро неслась по небосводу и принимала все более ясные очертания. Это была „Стрела“».

Имеется в виду звездолет «Стрела», который в оригинале «Далекой Радуги» успеть на помощь никак не может, но, по мнению многих и многих читателей, успеть обязан. В противном случае придется предположить, что погибнет не только Горбовский, но и Марк Валькенштейн, и Этьен Ламондуа, и Джина Пикбридж, и Матвей Вязаницын, и Роберт с Таней, и Аля Постышева, и Канэко, и отважная восьмерка так и не состоявшихся нуль-перелетчиков... Допустить такое в здравом уме и ясной памяти ни один читатель АБС не в состоянии. Значит, все ДОЛЖНЫ были спастись — что подтверждается благополучным появлением Горбовского в Мире Полудня в последующих романах. Поскольку спастись один Горбовский никак не мог (предположить, что Леонид Андреевич в последний момент тайком пробрался на борт «Таризэля-Второго» довольно трудно) — значит, спаслись и все прочие. И все научные проблемы нуль-Т, видимо, были впоследствии благополучно разрешены. Ведь, скажем, когда в «Жуке в муравейнике» Максим Каммерер пользуется кабиной для нуль-транспортировки,

путешествуя на курорт «Осинушка» и обратно, никаких Волн поблизости не наблюдается...

И еще одно, что никак нельзя обойти, вспоминая «Далекую Радугу», — феномен Камилла. Последнего из «Чертовой Дюжины» фанатиков, срастивших себя с машинами. Голый разум и неограниченные возможности совершенствования организма — исследователь, который сам себе и транспорт, и приборы. Человек-ульмотрон, человек-флайер, человек-лаборатория, неуязвимый, бессмертный...

Получается, впрочем, по словам Камилла, совсем безрадостное состояние. Вместо «хочешь, но не можешь» — «можешь, но не хочешь». Выясняется, что отсутствие желаний, чувств и ощущений, дающее переход к абсолютной сосредоточенности для того, чтобы добиться научного успеха, губительно для «человеческой» половины каждого из «Чертовой Дюжины». И влечет за собой лишь одно — невыносимо тоскливое ощущение одиночества. И недаром через три десятка лет после описываемых в ДР событий Камилл покончит с собой, точнее «саморазрушится», — об этом будут говорить герои «Волны гасят ветер». И вспомнят, что «последние лет сто Камилл был совершенно один — мы такого одиночества и представить себе не способны...

«ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ» (1963)

Говорить об этой книге и легко, и трудно. Легко — потому, что лучшая (по моему субъективному мнению) вещь в мировой фантастике знакома, кажется, наизусть. Не надо снимать «Трудно быть богом» с полки, чтобы вспомнить, как она начинается:

Ложа Анкиного арбалета была выточена из черной пластмассы, а тетива была из хромистой стали и натягивалась одним движением бесшумно скользящего рычага. Антон новшеств не признавал: у него было доброе боевое устройство в стиле маршала Тоца, короля Пица Первого, окованное черной медью, с колесиком, на которое наматывался шнур из воловьих жил. Что касается Пашки, то он взял пневматический карабин. Арбалеты он считал детством человечества, так как был ленив и неспособен к столярному ремеслу...

А дальше — один за другим — «парольные сигналы» которые использовались для узнавания в любой компании тех, кто равен тебе по великому братству поклонников АБС.

«Малогабаритный полевой синтезатор „Мидас“».

«Кстати, благородные доны, чей это вертолет позади избы?»

«Мерзко, когда день начинается с дона Тамэо».

«Совершенно не вижу, почему бы благородному дону не взглянуть на ируканские ковры».

«Барон поражал воображение. В нем было что-то от грузового вертолета на холостом ходу».

«Теперь не уходят из жизни. Теперь из жизни уводят».

«Во тьме все становятся одинаково серыми».

«Король, по обыкновению, велик и светел, а дон Рэба безгранично умен и всегда начеку».

«Не знаю, чей он там отец, но его дети скоро осиротеют».

«Пауки договорились».

«Розги налево, ботинок направо»...

Этот перечень можно продолжать — собственно, почти вся книга состоит из таких, с давних пор любимых словосочетаний. И до сей поры не устарело ровным счетом НИ-ЧЕ-ГО.

По воспоминаниям БН, эта повесть (или всё же роман?) на стадии замысла начиналась как веселая, чисто приключенческая, мушкетерская, и должна была называться вовсе не «Трудно быть богом», а «Седьмое небо».

1.02.62 Аркадий Стругацкий пишет брату: «Ты уж извини, но я вставил в Детгизовский план 1964 года „Седьмое небо“, повесть о нашем соглядатае на чужой феодальной планете, где два вида разумных существ. Я план продумал, получается остросюжетная штука, может быть и очень веселой, вся в приключениях и хохмах, с пиратами, конкистадорами и прочим, даже с инквизицией...»

А вот — отрывок из более позднего (начало марта 1963-го) письма АН брату, поясняющего читателю, насколько первоначальные авторские планы и наброски способны отличаться от окончательного воплощения идеи:

«Существует где-то планета, точная копия Земли, можно с небольшими отклонениями, в эпоху непосредственно перед Великими географическими открытиями. Абсолютизм, веселые пьяные мушкетеры, кардинал, король, мятежные принцы, инквизиция, матросские кабаки, галеоны и фрегаты, красавицы, веревочные лестницы, серенады и пр. И вот в эту страну (помесь Франции с Испанией, или России с Испанией) наши земляне, давно уже абсолютные коммунисты, подбрасывают „кукушку“ — молодого здорового красавца с таким вот кулаком, отличного фехтовальщика и пр. Собственно, подбрасывают не все земляне сразу, а скажем, московское историческое общество.

Они однажды забираются к кардиналу и говорят ему: „Вот так и так, тебе этого не понять, но мы оставляем тебе вот этого парнишку, ты его будешь оберегать от козней, вот тебе за это мешок золота, а если с ним что случится, мы с тебя живого шкуру снимем“. Кардинал соглашается,

ребята оставляют у планеты трансляционный спутник, парень по тамошней моде носит на голове золотой обруч с вмонтированным в него вместо алмаза объективом телепередатчика, который передает на спутник, а тот — на Землю картины общества. Затем парень остается на этой планете один, снимает квартиру у г-на Бонасье и занимается тасканием по городу, толканием в прихожих у вельмож, выпитием в кабачках, дерется на шпагах (но никого не убивает, за ним даже слава такая пошла), бегаёт за бабами и пр. Можно написать хорошо эту часть, весело и смешно. Когда он лазает по веревочным лестницам, он от скромности закрывает объектив шляпой с пером.

А потом начинается эпоха географических открытий. Возвращается местный Колумб и сообщает, что открыл Америку, прекрасную, как Седьмое Небо, страну, но удержаться там нет никакой возможности: одолевают звери, невиданные по эту сторону океана. Тогда кардинал вызывает нашего историка и говорит: помоги, ты можешь многое, к чему лишние жертвы. Дальше понятно. Он вызывает помощь с Земли — танк высшей защиты и десяток приятелей с бластерами, назначает им randevu на том берегу и плывет на галеонах с солдатами. Прибывают туда, начинается война, и обнаруживается, что звери эти — тоже разумные существа. Историки посрамлены, их вызывают на Мировой Совет и дают огромного партийного дрозда за баловство.

Это можно написать весело и интересно, как „Три мушкетера“, только со средневековой мочой и грязью, как там пахли женщины, и в вине была масса дохлых мух. А подспудно провести идею, как коммунист, оказавшийся в этой среде, медленно, но верно обращается в мещанина, хотя для читателя он остается милым и добрым малым...»

И последний отрывок из письма АН брату от 17.03.63: «...Всю программу, тобою намеченную, мы выполним за пять дней. Предварительно же мне хочется сказать тебе, бледнопухлый брат мой, что я за вещь легкомысленную. Чтобы женщины плакали, стены смеялись, и пятьсот негодяев кричали: „Бей! Бей! и ничего не могли сделать с одним коммунистом...“. Последняя фраза — слегка измененная цитата из любимой нами трилогии Дюма...». («Как вспомнишь, что в мое время мушкетеров осаждали в домах, как Гектора и Приама в Трое! Женщины плакали, сами стены смеялись, и пятьсот негодяев кричали: «Бей, бей!» И не могли справиться ни с одним мушкетером». — Александр Дюма. «Виконт де Бражелон»).

Комментарий БН:

Вся эта переписка шла на весьма интересном внутривластном фоне. В середине декабря 1962 года (точной даты не помню) Хрущев посетил выставку современного искусства в московском Манеже. Науськанный (по слухам) тогдашним главою идеологической комиссии ЦК Ильичевым, разъяренный вождь, великий специалист, сами понимаете, в области живописи и изящных искусств вообще, носился (опять же по слухам) по залам выставки с криками: «Засранцы! На кого работаете? Чей хлеб едите? Пидарасы! Для кого вы все это намазали, мази-лы?» Он топал ногами, наливался черной кровью и брызгал слюной на два метра. (Именно тогда и именно по этому поводу родился известный анекдот, в котором озверевший Никита-кукурузник, уставившись на некое уродливое изображение в раме, орет не своим голосом: «А что это за жопа с ушами?» На что ему, трепеща, отвечают: «Это зеркало, Никита Сергеевич...»)

Соображения были высказаны. Пресса уже не ревела, она буквально выла. «КОМПРОМИССОВ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ» — «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ХУДОЖНИКА» — «СВЕТ ЯСНОСТИ» — «ОКРЫЛЯЮЩАЯ ЗАБОТА» — «ИСКУССТВО И ЛЖЕИСКУССТВО» — «ВМЕСТЕ С НАРОДОМ» — «НАША СИЛА И ОРУЖИЕ» — «ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ, ЕСТЬ ТАКОЕ ИСКУССТВО!» — «ПО-ЛЕНИНСКИ» — «ЧУЖИЕ ГОЛОСА»...

Словно застарелый нарыв лопнул. Гной и дурная кровь заливали газетные страницы. Все те, кто последние «оттепельные» годы попри-тих (как нам казалось), прижал уши и только озирался затравленно, как бы в ожидании немыслимого, невозможного, невероятного возмездия за прошлое — все эти жуткие порождения сталинщины и бериевщины, с руками по локоть в крови невинных жертв, все эти скрытые и открытые доносчики, идеологические ловчицы и болваны-доброхоты, все они разом взвились из своих укрытий, все оказались тут как тут, энергичные, ловкие, умелые гиены пера, аллигаторы пирующей машинки. *Можно!*

Но и это было еще не все. 7 марта 1963 в Кремле «обмен мнениями по вопросам литературы и искусства» был продолжен. К знатокам изящных искусств добавились Подгорный, Гришин, Мазуров. Обмен мнениями длился два дня. Газетные вопли еще усилились, хотя, казалось, усиливаться им было уже некуда. «ВЕЛИЧИЕ ПОДЛИННОГО ИСКУССТВА» «ПО-ЛЕНИНСКИ!» (уже было раньше, но теперь — с восклицательным знаком) «ФИЛОСОФИЯ ЗАПАДНОГО ИСКУССТВА — ПУСТОТА, РАЗЛОЖЕНИЕ, СМЕРТЬ» — «ВЫСОКАЯ ИДЕЙНОСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО — ВЕЛИКАЯ СИЛА СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА» — «НЕТ „ТРЕТЬЕЙ“ ИДЕОЛОГИИ!» — «ТВОРИТЬ ВО ИМЯ КОММУНИЗМА» —

«ПРОСЛАВЛЯТЬ, ВОСПЕВАТЬ, ВОСПИТЫВАТЬ ГЕРОИЗМ» — «ТАК ДЕРЖАТЬ!» (Положительно, число восклицательных знаков нарастает) «ПОИСКИ В ПОЭЗИИ, ПОДЛИННЫЕ И МНИМЫЕ» «СМОТРЕТЬ ВПЕРЕД!»

Начали с художников-модернистов — с Фалька, Сидура, Эрнста Неизвестного, а потом, никто и ахнуть не успел, а уже взялись и за Эренбурга, за Виктора Некрасова, за Андрея Вознесенского, за Александра Яшина и за фильм «Застава Ильича». И уж все кому не лень прошлись ногами по Аксенову, Евтушенко, Сосноре, Ахмадулиной и даже — но вежливо, с реверансами! — по Солженицыну. (Солженицын все еще оставался в фаворе у Самого. Но вся остальная свита, боже ж мой, как все они его ненавидели и боялись! Милостив царь, да немилостив псарь).

Впрочем, никого не посадили. Никого даже не исключили из Союза писателей. Более того, посреди гнойного потока разрешили даже построить две или три статьи с осторожными возражениями и изложением своей (а не партийной) точки зрения. Возражения эти тотчас же были затоплены и затоптаны, но факт их появления уже означал, что намерения бить насмерть у начальства нет.

Но нам было не столько страшно, сколько тошно. Нам было мерзко и гадко, как от тухлятины. Никто не понимал толком, чем вызван был этот стремительный возврат на гноище. То ли власть отыгрывалась на своих за болезненный щелчок по носу, полученный совсем недавно во время Карибского кризиса. То ли положение в сельском хозяйстве еще более ухудшилось, и уже предсказывались на ближайшее будущее перебои с хлебом (каковые и произошли в 1963-м). То ли просто пришло время показать возомнившей о себе «интеллигузии», кто в этом доме хозяин и с кем он — не с Эренбургами вашими, не с Эрнстами вашими Неизвестными, не с подозрительными вашими Некрасовыми, а — со старой доброй гвардией, многожды проверенной, давным-давно купленной, запуганной и надежной.

Можно было выбирать любую из этих версий или все их вместе. Но одно стало нам ясно, как говорится, до боли. Не надо иллюзий. Не надо надежд на светлое будущее. Нами управляют жлобы и враги культуры. Они никогда не будут с нами. Они всегда будут против нас. Они никогда не позволят нам говорить то, что мы считаем правильным, потому что они считают правильным нечто совсем иное. И если для нас коммунизм — это мир свободы и творчества, то для них коммунизм — это общество, где население немедленно и с наслаждением исполняет все предписания партии и правительства.

Осознание этих простых, но далеко для нас не очевидных тогда истин было мучительно, как всякое осознание истины, но и благотворно

в то же время. Новые идеи появились и настоятельно потребовали своего немедленного воплощения. Вся задуманная нами «веселая, мушкетерская» история стала смотреться совсем в новом свете, и БНу не потребовалось долгих речей, чтобы убедить АНа в необходимости существенной идейной коррекции «Наблюдателя». Время «легкомысленных вещей», время «шпаг и кардиналов», видимо, закончилось. А может быть, просто еще не наступило. Мушкетерский роман должен был, обязан был стать романом о судьбе интеллигенции, погруженной в сумерки средневековья...

Однако романом о судьбе интеллигенции «Трудно быть богом» не стал — несмотря на множество персонажей соответствующего плана. Отец Гаук и брат Нанин, Гур Сочинитель и Цурэн Правдивый, Кира и доктор Будах — все они герои второстепенные, хотя сюжетные линии многих из них выписаны тщательно и бережно. Первостепенный же герой один — благородный дон Румата Эсторский. Но герой и должен быть один, как через тридцать лет напишут два соавтора, известных под псевдонимом Г. Л. Олди.

Сам термин «прогрессор» — посланник развитых цивилизаций, способствующий прогрессу отсталых миров — появится в творчестве АБС лишь через полтора десятка лет, когда будет написан «Жук в муравейнике».

Собственно, вся «Трудно быть богом» — это история мучительного выбора. И проблема этого выбора сформулирована настолько точно, что споры об оптимальном поведении дона Руматы идут по сей день и будут идти еще долго. Возможно ли, допустимо ли вмешательство в историю чужого мира? Возможно ли спокойно смотреть, как у тебя на глазах «звери ежеминутно убивают людей»? Возможно ли в принципе «бескровное воздействие» на происходящее, которое является самым что ни на есть кровавым? Где тот предел, за которым нельзя оставаться бесстрастным наблюдателем?

Известно, что Румата в конце концов переходит этот предел — выходя в свой последний кровавый путь к королевскому дворцу. И это рождает у большинства читателей романа чувство невыразимого душевного облегчения: наконец-то! Доколе же можно было терпеть? Впрочем, главная загадка этого эпизода еще долго будет ускользать от моего, да и не только от моего внимания.

И лишь почти через три десятка лет критик Сергей Переслегин сумеет не только сформулировать эту загадку, но, кажется, и разрешить ее — в предисловии к изданию романа в «Мирах братьев Стругацких».

Суть его рассуждений такова: не было ли убийство Киры — которое не могло не заставить Румату «подобрать оба меча, спуститься по лестнице и ждать, пока упадет дверь», — сознательной провокацией? Целью которой могло быть только одно — уничтожение руками Руматы и дона Рэбы, и многих его приближенных? Ведь, собственно говоря, кому было нужно убивать возлюбленную Руматы? Дону Рэбе, как привычно считали мы прежде? А зачем? Скорее, он постарался бы взять ее в качестве заложницы, чтобы как-то влиять на опасного соперника. Значит, не Рэбе. Но кому?

Был только один человек, считает Сергей Переслегин, которому это было нужно. Беспощадный, прошедший все круги ада, великолепно знающий Румату и беспредельно жестокий. И при этом — крайне заинтересованный в устранении дона Рэбы. Тот самый, который говорил: мол, в нашем деле не может быть друзей наполовину. Друг наполовину — он всегда наполовину враг... Иными словами. Арата Горбатый.

Так это или не так, но мне гипотеза Сергея Переслегина представляется чрезвычайно изящной.

Ну а вторая загадка «Трудно быть богом» — какая же судьба постигла Арканар после отказа Руматы от «бескровного воздействия»? Ведь ни разу нигде больше Стругацкие не вернутся ни к Арканару, ни к Румате, ни к другим землянам — героям романа. Мир Арканара останется обособленным. Почему? Может быть, сами Стругацкие так и не нашли ответа на вопрос о дальнейшей судьбе Арканара?

И еще. Несколько лет назад Борис Натанович говорил мне: самое удивительное в судьбе Руматы вовсе не то, что на последних страницах ТББ он обнажает оба меча и идет крушить негодяев! Самое удивительное — то, что он не начинает этим заниматься с первых же страниц книги!

Да, этот факт действительно удивлял — помнится, еще при первом прочтении «Трудно быть богом» (примерно в 1969 году) мне были совершенно непонятны какие-либо сомнения Руматы

относительно того, что надлежит делать в Арканаре. Да все же, что называется, и ежику понятно! Что тут думать — трясти надо! Не во сне, а наяву гнать взашей «серую сволочь», так чтобы ее спины «озарялись лиловыми вспышками выстрелов». Взорвать к чертовой матери Веселую Башню. Повесить дону Рэбу вместе с королем на первом суку, предварительно испепелив охрану из бластера. Самому сесть на престол, поставить доктора Будаха первым министром, Арату Горбатого — министром обороны, барона Пампу — министром внутренних дел, дону Рипата — начальником дворцовой стражи. Утопить весь Святой Орден в море-океане. Восстановить библиотеки, вернуть из ссылки ученых и поэтов, открыть школы и университеты. И, конечно, как следует заняться перевоспитанием неразумного населения в нужном коммунарском духе. Не умеешь — научим, не хочешь — заставим, массовая гипноиндукция, позитивная реморализация, гипноизлучатели на трех экваториальных спутниках...

Понимание того, что все не так просто, и осознание всех «подводных камней» — при внимательном чтении разговора Руматы с доктором Будахом — придет значительно позже. Как минимум через год и через три-четыре прочтения романа. Понимание того, что нельзя «лишать человечество его истории» придет года через три. А мысль о том, что и на Земле, возможно, есть (и были) прогрессоры с какого-нибудь Денеба, которых одолевают те же проблемы, посетит примерно через пять лет...

Но все это будет позже — а пока останется только недоумение: разве можно не вмешиваться, если можно вмешаться? Зачем ждать, пока Киру застрелят из арбалета — не проще ли было превентивно сжечь нападавших из бластера? Что мешает раздать «молнии» войску Араты Горбатого, а потом, когда он окажется на троне, тщательно проследить, чтобы не наломал дров? Почему при аресте, даже защищая свою жизнь и свободу против десятка упитанных увальней с топорами, Румата не разит насмерть — он, владеющий «сказочными, невероятными приемами боя»? Подумаешь, нашел кого жалеть — получеловеков, которых язык не поворачивается называть братьями по разуму!

Впрочем, если честно, то остатки этого недоумения сохранятся и до сей поры. Потому что и до сей поры я уверен, что драконов

надо не перевоспитывать, а убивать. Что говорить с мерзавцами надо на том единственном языке, который им доступен. Что против злой силы надо применять другую силу, а не рассчитывать на то, что добро когда-нибудь восторжествует само по себе — в силу естественного прогресса.

Видимо, не пройти мне по конкурсу в Институт Экспериментальной Истории...

Комментарий БН:

Вообще, роман вызвал разноречивые отклики у читающей публики. В особенности озадачены были наши редакторы. В этом романе все им было непривычно, и масса пожеланий (вполне дружеских, между прочим, а вовсе не злобно-критических) было высказано. По совету И. А. Ефремова мы переименовали министра охраны короны в дона Рэбу (раньше он у нас был дон Рэбия — анаграмма слишком уж незамысловатая, по мнению Ивана Антоновича). Более того, нам пришлось основательно поработать над текстом и добавить целую большую сцену, где Арата Горбатый требует у героя молнии и не получает их. Поразительно, что роман этот прошел через все цензурные рогатки без каких-либо особых затруднений. То ли тут сыграл роль либерализм тогдашнего «молодогвардейского» начальства, то ли точные действия замечательного редактора нашего, Бэллы Григорьевны Ключевой, а может быть, дело было вовсе в том, что шел некий откат после недавней идеологической истерики — враги наши переводили дух и благодушно озирали вновь захваченные ими плацдармы и уголья.

Впрочем, по выходе книги реакция определенного рода последовала незамедлительно. Пожалуй, это был первый случай, когда по Стругацким ударили из крупных калибров. Академик АН СССР Ю. Францев обвинил авторов в абстракционизме и сюрреализме, а почтенный собрат по перу В. Немцов — в порнографии. К счастью, это были пока еще времена, когда разрешалось отвечать на удары, и за нас в своей блестящей статье «Миллиарды граней будущего» заступился И. Ефремов. Да и политический градус на дворе к тому времени поуменьшился. Словом, обошлось. (Идеологические шавки еще иногда потягивали на этот роман из своих подворотен, но тут подоспели у нас «Сказка о Тройке», «Хищные вещи века», «Улитка на склоне» — и роман «Трудно быть богом» на их фоне вдруг, неожиданно для авторов, сделался даже неким образцом для подражания. Стругацким уже выговаривали: что же вы, вот возьмите «Трудно быть

богом» — ведь можете же, если захотите, почему бы вам не работать и дальше в таком ключе?..)

Роман, надо это признать, удался. Одни читатели находили в нем мушкетерские приключения, другие — крутую фантастику. Тинэйджерам нравился острый сюжет, интеллигенции — диссидентские идеи и антитоталитарные выпады. На протяжении доброго десятка лет по всем социологическим опросам роман этот делил первое-второе рейтинговое место с «Понедельником». На сегодняшний день (октябрь 1997 года) он вышел в России общим тиражом свыше 2 миллионов 600 тысяч экземпляров, и это — не считая советских изданий на иностранных языках и на языках народов СССР. А среди зарубежных изданий он до сих пор занимает прочное второе место сразу за «Пикником». По моим данным, он вышел за рубежом 34-мя изданиями в семнадцати странах. В том числе: в Болгарии (4 издания), Испании (4), ФРГ (4), Польше (3), ГДР (2), Италии (2), США (2), Чехословакии (2), Югославии (2) и т.д.

«ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ» (1964)

Без сомнения, «Понедельник начинается в субботу» — одна из «культовых» книг для моего поколения научных сотрудников младшего возраста и программистов. Проглатывалась она, как, впрочем, и все у Стругацких, в один присест, хохот вызывала безудержный, а многочисленные перлы, щедро разбросанные по тексту, запоминались сразу и навсегда.

Помните?

«Профессор Выбегалло кушал».

«Модель Человека, неудовлетворенного желудочно».

«Кадавр, желудочно неудовлетворенный».

«Просочиться на десяток лье через канализацию».

«Вы мне это прекратите».

«Так вот и возникают нездоровые сенсации».

«Назначить учеником младшего черпальщика в ассенизационном обозе при холерных бараках».

«Совершенно секретно. Перед прочтением сжечь»...

С последней фразой связана замечательная история из моей прошлой, научно-исследовательской жизни. В 1978 году, закончив институт и попав на работу в радиоэлектронный «ящик», я решил пошутить и на первом в жизни отчете о каких-то результатах математического моделирования поставил в правом верхнем углу гриф секретности: «Особой важности. Перед прочтением сжечь». Скандал был страшный: начальник первого отдела (были такие, если кто помнит), отставной полковник КГБ, в жизни не читавший «Понедельника», орал и топал на меня ногами на меня в своем кабинете больше часа. При этом более всего его

возмутило даже не то, что отчет предлагалось сжечь, не прочитав, а то, что я поступил не по чину! Оказывается, гриф «Особой важности» имели право ставить на документах персоны рангом не ниже начальника отдела. Мне же, новоиспеченному инженеру-стажеру полагался только самый «низший» гриф «Секретно». Отделался я, впрочем, легко — уменьшением премии на десятку...

Комментарий БН:

Повесть о магах, ведьмах, колдунах и волшебниках задумана была нами давно, еще в конце 50-х. Мы совершенно не представляли себе сначала, какие события будут там происходить, знали только, что героями должны быть персонажи сказок, легенд, мифов и страшилок всех времен и народов. И все это — на фоне современного научного института со всеми его онерами, хорошо известными одному соавтору из личного опыта, а другому — из рассказов многочисленных знакомых-научников. Долгое время мы собирали шуточки, прозвища, смешные характеристики будущих героев и записывали все это на отдельных клочках бумаги (которые потом, как правило, терялись). Реального же продвижения не происходило: мы никак не могли придумать ни сюжета, ни фабулы.

А практически все началось с дождливого вечера на Кисловодской Горной станции, где дружно изнывали от скуки два сотрудника Пулковской обсерватории — м. н. с. Б. Стругацкий и старший инженер Лидия Камионко. На дворе стоял октябрь 1960 года. БН только что прекратил труды свои по поискам места для Большого Телескопа в мокрых и травянистых горах Северного Кавказа и теперь ждал, пока закончатся всевозможные формальности, связанные с передачей экспедиционного имущества, списанием остатков, оформлением отчета и прочей скукотищей. А Л. Камионко, приехавшая на Горную станцию отлаживать какой-то новый прибор, отчаянно бездельничала по причине полного отсутствия погоды, пригодной для астрономических наблюдений. И вот от скуки принялись они как-то вечером сочинять рассказик без начала и конца, где был такой же вот дождь, такая же тусклая лампа на шнуре и без абажура, такая же сырая веранда, заставленная старой мебелью и ящиками с оборудованием, такая же унылая скука, но где при всем при том происходили всякие забавные и абсолютно невозможные вещи — странные и нелепые люди появлялись из ничего, совершались некие магические действия, произносились абсурдные и смешные речи, и кончалась вся эта четырехстраничная вполне

сюрреалистическая абракадабра замечательными словами: «ДИВАНА НЕ БЫЛО!!!»

Домой БН возвращался через Москву с заездом к брату-соавтору и там, в кругу семьи, зачитал вслух эти брешьны, вызвавшие дружный смех и всеобщее одобрение. Впрочем, тогда все на том и закончилось, нам и в голову не пришло, что таинственно исчезнувший диван — это на самом деле сказочный диван-транслятор, а разные странные типы, описанные там же, это маги, которые за названным транслятором гонятся. Все шло своим чередом, впереди был еще не один год размышлений и самонастройки.

Замечательно, но история написания «Понедельника...» совершенно вылетела из моей памяти. Вылетела до такой степени, что сейчас, перечитывая разрозненные строчки из писем и дневников, я ловлю себя на том, что не всегда понимаю, о чем там идет речь...

Достаточно долго авторы не знали, как должны были называться части новой повести, да и сама повесть тоже. А между тем название «Понедельник начинается в субботу» к тому времени уже существовало. Это название имеет свою историю, и довольно забавную.

Надо сказать, что начало 60-х было временем повального увлечения Хемингуэем. Никого не читают сейчас с таким наслаждением и восторгом, ни о ком не говорят так много и так страстно, ни за чьими книгами не гонятся с таким азартом, причем все — вся читающая публика от старшеклассника до академика включительно. И вот однажды, когда БН сидел у себя на работе в Пулковской обсерватории, раздался вдруг звонок из города — звонила старинная его подруга Наташа Свенцицкая, великий знаток и почитатель (в те времена) Хемингуэя. «Боря, — произнесла она со сдержанным волнением. — Ты знаешь, сейчас в Доме книги выбросили новый томик Хэма, называется „Понедельник начинается в субботу“...» Сердце БН тотчас подпрыгнуло и сладко замлело. Это было такое точное, такое подлинно хемингуэевское название — сдержанно грустное, сурово безнадежное, холодно-ватое и дьявольски человечное одновременно... Понедельник начинается в субботу — это значит: нет праздника в нашей жизни, будни переходят снова в будни, серое остается серым, тусклое — тусклым... БН не сомневался ни секунды:

«Братъ! — гаркнул он. — Братъ сколько дадут. На все деньги!..»

Ангельский смех был ему ответом...

Шутка получилась хороша. И не пропала даром, как это обычно бывает с шутками! БН сразу же конфисковал прекрасную выдумку, заявив, что это будет замечательное название для будущего замечательного

романа о замечательно-безнадежной любви. Этот роман никогда не был написан, он даже никогда не был как следует придуман, сконфигурованное название жило в записной книжке своей собственной жизнью, ждало своего часа и через пару лет дождалось. Правда, АБС придали ему совсем другой, можно сказать, прямо противоположный, сугубо оптимистический смысл, но никогда потом об этом не жалели. Наташа тоже не возражала. По-моему, она была даже в каком-то смысле польщена.

Таким образом, историческая справедливость требует, чтобы было воздано по заслугам двум замечательным женщинам, бывшим сотрудницам Пулковской обсерватории, стоявшим у истоков самой, видимо, популярной повести АБС. Исполать вам, дорогие мои, — Лидия Александровна Камионко, соавтор знаменитой сюжетообразующей фразы «ДИВАНА НЕ БЫЛО», и Наталия Александровна Свенцицкая, придумавшая этот бесконечно грустный, а может быть, наоборот, радостно оптимистический афоризм «Понедельник начинается в субботу»!

Мысль о «понедельнике, начинающемся в субботу» тоже стала культовой для целого поколения. Хотя вызывала она, прямо скажем, смешанные чувства.

Да, многим из нас, как и героям «Понедельника...», работать было интереснее, чем развлекаться. Но это героям повести с их сказочно-веселым существованием в НИИЧАВО выходные были не слишком-то нужны, и даже в новогоднюю ночь их тянуло в родные лаборатории и отделы. Нам же, сидевшим в отнюдь не «чародейских» НИИ, большей частью — «закрытых», о подобной светлой и радостной атмосфере непрерывного творчества (пусть и без магии) можно было лишь мечтать. Мало кто из наших начальников был хотя бы отдаленно похож на Федора Симеоновича Киврина или Кристобая Хунту. Директор института, где я работал в 80-е годы, тоже был, мягко говоря, не Янус Полуэктович: магическим путем у него получилось разве что вознесение в это кресло из кресла секретаря парткома КПСС. Зато аналогов Модеста Матвеевича Камноедова или завкадрами Кербера Псоевича Демина (сей персонаж на виду в «Понедельнике», правда, не появлялся, но воображение рисовало его очень живо) было в избытке. А уж от тех, кто в НИИЧАВО должен был бы ходить с ушами, исцарапанными от непрерывного бритья, просто проходу не было.

Возможно, именно потому мы и зачитывались «Понедельником» как веселой сказкой, энциклопедией юмора и сатиры, щедро вставляли фразы из ПНвС в свою речь, где только могли и не могли. И правильно написано в аннотации к одному из недавних изданий ПНвС, что эта книга воспитала не одно поколение русских ученых...

Комментарий БН:

Вообще, «Понедельник» — в значительной степени есть капустник, результат развеселого коллективного творчества.

«Нужны ли мы нам?» — такой лозунг действительно висел в одной из лабораторий, кажется, ГОИ.

«Вот по дороге едет ЗИМ, и им я буду задавим» — гениальный стих моего старого друга Юры Чистякова, великого специалиста по стихосложению в манере капитана Лебядкина.

«Мы хотим построить дачу. Где? Вот главная задача...» — стишок из газеты «За новое Пулково».

И т.д., и пр., и т.п.

В заключение не могу не отметить, что цензура не слишком трепала эту нашу повесть. Повестушка вышла смешная, и придирки к ней тоже были смешные. Так, цензор категорически потребовал выбросить из текста какое-либо упоминание о ЗИМе. («Вот по дороге едет ЗИМ, и им я буду задавим».) Дело в том, что в те времена Молотов был заклеимён, осужден, исключен из партии, и автомобильный завод его имени был срочно переименован в ГАЗ (Горьковский автомобильный завод), точно так же как ЗИС (завод имени Сталина) назывался к тому времени уже ЗИЛ (завод имени Лихачева). Горько усмехаясь, авторы ядовито предложили, чтобы стишок звучал так: «Вот по дороге едет ЗИЛ, и им я буду задавим». И что же? К их огромному изумлению, Главлит охотно на этот собачий бред согласился. И в таком вот малопристойном виде этот стишок издавался и переиздавался неоднократно.

Многое тогда нам не удалось спасти. «Министра государственной безопасности Малюту Скуратова», например. Или строчку в рассказе Мерлина: «Из озера поднялась рука, мозолистая и своя...» Еще какие-то милые пустячки, показавшиеся кому-то разрушительными...

Все (или почти все), некогда утраченное, в настоящем издании благополучно восстановлено, благодаря опять же дружным и самоотверженным усилиям люденев, перерывших кучу разных переизданий

и черновиков. Света Бондаренко, Володя Борисов, Вадим Казаков, Виктор Курильский, Юрий Флейшман — спасибо вам всем!

Мы, воспитанные на творчестве АБС, долгие годы упивались «Понедельником» — как своей несбывшейся мечтой. Как картиной того мира, в котором мы хотели бы жить и работать.

Мира, где можно было заниматься проблемами человеческого счастья и смысла человеческой жизни. Мира, где была принята рабочая гипотеза, что «счастье в непрерывном познании неизвестного, и смысл жизни в том же». Мира, в котором хамство и жлобство неизменно терпели заслуженное поражение, и от них оставались только пуговицы и вставные челюсти. Мира, где создавались «неограниченные возможности для превращения человека в мага». Мира, где чародействовали Сашка Привалов и Роман Ойра-Ойра, грубый Витька Корнеев и вежливый Эдик Амперян, где можно было завести себе парочку дублей, чтобы успеть сделать все, что хочется успеть.

Мира, где царило непередаваемое ощущение свободы — той самой, которой не хватало в нашей реальной жизни. Свободы, которая, как мы рано или поздно начали понимать, не придет из сказки сама собой. За которую надо драться с Выбегаллами и Камноедовыми, и драться жестоко, потому что просто так они нам поле боя не оставят.

Возможно, самая главная, хотя и чрезвычайно простая мысль «Понедельника...» — та, которую в самом конце высказывает Привалову Янус Полуэктович Невструев: «Постарайтесь понять, Александр Иванович, что не существует единственного для всех будущего. Их много, и каждый ваш поступок творит какое-нибудь из них. Вы обязательно это поймете».

Как и Привалов, позже мы действительно это поняли. Но это, как и сказано в «Понедельнике...», уже совсем-совсем другая история.

«УЛИТКА НА СКЛОНЕ» (1965)

«Улитка...» — странное произведение. Странное по самому процессу написания (о чем ниже — в авторских комментариях БН). Странное по сюжету и ритму повествования — нигде больше Стругацкие не проявляли себя мастерами такой «тягучей» прозы. Странное по замыслу, который подавляющее большинство читателей, как считают авторы, так и не сумели понять. И тем не менее — «Улитка...» вот уже многие годы остается не только одной из самых знаменитых книг АБС, прочесть и уметь цитировать которую считается хорошим тоном среди людей, относящих себя к интеллектуалам. Но — и произведением, которое братья Стругацкие считали в своем творчестве самым совершенным и самым значительным. И уверенно включали его в любые «тройки», «пятерки» и прочие перечни лучших своих книг.

Правда, среди массового читателя «Улитка...» пользуется далеко не такой популярностью, как среди «люденовской» и прочей элиты. Более того: могу признаться, что и сам не испытываю полагающегося горячему поклоннику АБС восторга от данного произведения, хотя время от времени его перечитываю. При этом из двух сюжетных линий повести — «линии Леса» и «линии управления» — мне нравится лишь вторая, что же касается первой — странствия Кандида не вызывают во мне никакого интереса (да простит меня Борис Натанович).

Наверное, я еще до «Улитки...» не дорос.

Может быть, впрочем, не все еще потеряно? И поскольку самостоятельных рассуждений об «Улитке...» у меня практически нет — ограничусь включением в эту книгу сокращенного варианта лекции, прочитанной БН в 1987 году на заседании ленинградского семинара писателей-фантастов под названием «Как создавалась „Улитка на склоне“, история и комментарии». Текст

лекции впоследствии был исправлен и дополнен БН и в таком виде предоставлен автору книги.

Комментарий БН:

4 марта 1965 года два молодых новоиспеченных писателя — и года еще не прошло, как они стали членами Союза писателей, — впервые в своей жизни приезжают в Дом творчества в Гагры. Здесь все прекрасно — замечательная погода, великолепное обслуживание, вкусная еда, почти безукоризненное здоровье, прекрасное самочувствие, в загашниках полно новых идей и годных для разработки ситуаций. Все очень хорошо! Их поселяют в корпусе для особо избранных лиц — никогда в жизни они в этот корпус попасть в будущем уже не смогли. А в те дни — попали, потому что было это межсезонье и в гагринском Доме творчества писателей жили только братья Стругацкие да футбольная команда «Зенит», проводившая в тех краях сборы.

Все было бы изумительно хорошо, если бы не выяснилось вдруг, что, оказывается, Стругацкие-то находятся в состоянии творческого кризиса! Они этого пока не знают. Им кажется, что все в порядке, что все у них ясно и понятно... Но ничего не получилось. Сейчас я уже не знаю (или не помню) почему. Не шло. Застопорило. Опять застопорило, как это уже случилось с нами четыре года назад, во время работы над «Попыткой к бегству». Опять был тупик, и опять мы испытали панику того рода, какую мог бы испытать Дон Жуан, которому врач вдруг сказал: «Все, сударь. Увы, но вам следует забыть об этом. И навсегда».

Исполненные паники, мы принялись судорожно листать наши заметки, где у нас, как и у всякого порядочного молодого писателя, был громадный список всевозможных сюжетов, идей и ситуаций. И на одной из этих ситуаций, издавна нас привлекавшей и увлекавшей, мы и становились. Представьте себе, что на некоей планете живут два вида разумных существ. И между ними идет борьба за выживание, война. Причем война не технологическая, формы которой земному человеку знакомы и привычны, а — биологическая, которая для постороннего, земного наблюдателя на войну вообще не похожа.

...Пандора. Конечно, планетой должна была стать Пандора. Давно уже нами придуманная странная и дикая планета, где обитают странные и опасные существа. Прекрасное место для наших событий — планета, покрытая джунглями, сплошь заросшая непроходимым лесом. Из этого леса кое-где торчат, наподобие амазонских мезас, описанных Конан Дойлем в «Затерянном мире», белые скалы, плоскогорья,

практически необитаемые, — именно здесь земляне устраивают свои базы. Они ведут наблюдение за планетой, практически не вмешиваясь в ее жизнь и, собственно, не пытаясь даже вмешиваться, потому что земляне просто не понимают, что тут происходит. Джунгли живут здесь своей загадочной жизнью. Иногда там исчезают люди, временами их удается найти, временами нет. Пандора превращена землянами в нечто вроде охотничьего заповедника. Тогда, в середине 60-х, мы еще ничего не знали об экологии и слыхом не слыхали о Красной книге. Поэтому одним из распространенных занятий людей нашего будущего была охота. И вот охотники приезжают на Пандору для того, чтобы убивать тахоргов, удивительных и страшных зверей... И там же, на этой планете, который месяц уже живет Горбовский, и никто не понимает, что ему здесь надо и на что тратит он свое драгоценное время великого звездолетчика и члена Мирового Совета.

Горбовский наш старый герой, в какой-то степени он — олицетворение человека будущего, воплощение доброты и ума, воплощение интеллигентности в самом высоком смысле этого слова. Он сидит на краю гигантского обрыва, свесив ноги, смотрит на странный лес, который расстилается под ним до самого горизонта, и чего-то ждет.

В Мире Полудня давным-давно уже решены все фундаментальные социальные и многие научные проблемы. Разрешена проблема человекоподобного робота-андроида, проблема контакта с другими цивилизациями, проблема воспитания, разумеется. Человек стал беспечен. Он словно бы потерял инстинкт самосохранения. Появился Человек Играющий. (Вот когда впервые появляется у нас это понятие — Человек Играющий.) Все необходимое делается автоматически, этим заняты миллиарды умных машин, а миллиарды людей занимаются только тем, чем им нравится заниматься. Как мы сейчас играем в шахматы, в крестики-нолики или в волейбол, так они занимаются наукой, исследованиями, полетами в космос, погружениями в глубины. Так они изучают Пандору — небрежно, легко, играя, развлекаясь. Человек Играющий...

Горбовскому страшно. Горбовский подозревает, что добром такая ситуация кончиться не может, что рано или поздно человечество напорется в Космосе на некую скрытую опасность, которую представить себе сейчас даже не может, и тогда человечество ожидает шок, человечество ожидает стыд, поражение, смерти — все что угодно... И вот Горбовский, со своим сверхъестественным чутьем на необычайное, таскается с планеты на планету и ищет СТРАННОЕ. Что именно — он и сам не знает. Эта дикая и опасная Пандора, которую земляне так

весело и в охотку осваивают уже несколько десятков лет, кажется ему средоточием каких-то скрытых угроз, он сам не знает, каких. И он сидит здесь для того, чтобы оказаться на месте в тот момент, когда что-то произойдет. Сидит для того, чтобы помешать людям совершать поступки опрометчивые, торопливые, поймать их, как расшалившихся детей «над пропастью во ржи»...

Горбовский, охотники, подготовка к пандорианскому сафари, — все это происходит на Горе. В Лесу же происходят свои дела. По-моему, в самиздатовской статье известного, тогда опального, советского генетика Эфроимсона мы вычитали броскую фразу о том, что человечество могло бы прекрасно существовать и развиваться исключительно за счет партеногенеза. Берется женское яйцо, и под воздействием слабо индуцированного тока оно начинает делиться — через положенное время получается, разумеется, девочка, обязательно девочка, и притом точная, разумеется, копия матери. Мужчины — не нужны. Вообще. И мы населили наш Лес существами по крайней мере трех видов: во-первых, это колонисты, разумная раса, которая ведет войну с негуманоидами; во-вторых, это женщины, отколовшиеся от колонистов, размножающиеся партеногенетически и создавшие свою, очень сложную биологическую цивилизацию; и наконец, несчастные крестьяне — мужики и бабы, — про которых за бранными своими делами все попросту забыли. Они жили себе в деревнях... Когда нужен был хлеб, они были нужны. Научились выращивать хлеб без крестьян — про них забыли. И живут они теперь сами по себе, со своей старинной технологией, со старинными своими обычаями, совершенно оторванные от бурно текущей реальной жизни. И вот в этот шевелящийся зеленый ад попадает землянин. В первоначальном варианте это наш старый знакомец Атос-Сидоров. Он там живет, пропадает от тоски и исследует этот мир, не умея выбраться, не в силах найти дорогу домой...

Вот так возникают первые наброски повести, ее скелет. Идет разработка глав. Мы уже понимаем, что повесть должна быть построена таким образом: глава «вид сверху, с Горы», глава «вид изнутри, из Леса». Мы придумываем, что речь крестьян должна быть медлительна, вязка и многословна, и все они беспрестанно врут. И врут они не потому, что нехорошие или такие уж аморальные, а просто их мир так устроен, что никто ничего толком не знает, все только передают слухи, а слухи почти всегда врут... Эти медлительные существа, всеми заброшенные, никому не нужные, становятся для нас как бы символом человечества, оказавшегося жертвой равнодушного прогресса. Выясняется, что нам

очень интересно писать этих людей, появляется какое-то сочувствие к ним, готовность к сопереживанию, жалость, обида за них...

Мы начинаем писать, пишем главу за главой, глава «Горбовский», глава «Атос-Сидоров», и постепенно из самой ситуации начинает выкристаллизовываться концепция, очень важная, очень для нас существенная и новая. Это — концепция взаимоотношения между человеком и законами природы-общества. Мы знаем, что все движения наши, и нравственные, и физические, управляются определенными законами. Мы знаем, что каждый человек, который пытается противостоять этим законам, рано или поздно будет сломлен, повержен, уничтожен, как был сломлен пушкинский Евгений, осмелившийся крикнуть Вершителю Истории. «Ужо тебе!...» Мы знаем, что оседлать Историю может только тот человек, который действует в полном соответствии с ее законами... Но что же тогда делать человеку, которому не нравятся сами эти законы?!

Когда речь идет о законах физических — что ж, там проще, мы как бы привыкли, притерпелись к их непреложности. Или же научились их обходить. А иногда и использовать себе во благо. Человек должен падать — но летает. В том числе и в космос. Должен тонуть — но живет у самого морского дна. А если жесткий закон природы не позволяет ему, скажем, двигаться вспять по оси времени — что ж, это грустно, конечно. Но это факт, с которым можно, в конце концов, смириться, и причем без особого напряжения чувств. Это факт, который (почему-то) не задевает ни гордости нашей, ни нашего достоинства.

Гораздо труднее смириться с неодолимой силой законов истории и общества. Попробуйте представить себе, например, мировосприятие людей, которые до революции были всё, а после революции стали ничто, людей, принадлежавших к привилегированному классу. С детства они знали, что мир создан для них, Россия создана именно для них и что все у них будет замечательно хорошо. И вдруг мир рухнул. Вдруг те социальные условия, к которым они привыкли, куда-то подевались, и возникли совершенно новые, безжалостные к ним и невероятно жестокие. И при этом самые умные из этих людей прекрасно понимали, что таковы законы развития общества, что это не чья-то там злая воля бросила их в грязь, на самое дно жизни, а слепая, но непреложная закономерность истории. Как они должны были к этому относиться? Как должен относиться человек к закону общества, который ему кажется плохим? Можно ли вообще ставить так вопрос? Плохой закон общества и хороший закон общества — что это такое? То, что производительные силы непрерывно развиваются, — это хорошо или плохо? То, что

производительные силы рано или поздно войдут в противоречие с производственными отношениями, — это закон человеческого общества.

Хорошо это хорошо или плохо? Я помню, мы много рассуждали на эти темы. Это было интересно. А потом — очень скоро — мы поняли, что фактически об этом и пишем, потому что судьба нашего землянина, оказавшегося среди крестьян, замордованных и обреченных, — эта судьба как раз и содержит в себе если не ответ, то, по крайней мере, сам этот вопрос. Ведь там у нас существует и властвует прогрессирующая цивилизация, эта вот биологическая цивилизация женщин. И есть остатки прежнего вида гомо сапиенс, которым суждено неумолимо и обязательно погибнуть под напором «передового, прогрессивного». Так вот, наш землянин, наш собрат по виду, попавший в этот мир, — как он должен относиться к открывшейся ему картине? Историческая правда здесь на стороне крайне неприятных, чужих и чуждых ему, самодовольных и самоуверенных амазонок. А сочувствие героя — целиком и полностью на стороне этих туповатых, невежественных, беспомощных и нелепых мужичков и баб, которые его все-таки как-никак, а спасли, выходили, жену ему дали, хату ему дали, признали его своим. Что должен делать, как должен вести себя цивилизованный человек, понимающий, куда направлен отвратительный ему прогресс? Как он должен относиться к прогрессу, если этот прогресс ему — поперек горла?!

6 марта мы написали первые строчки: «Сверху лес был, как пятнистая пена...» 20 марта мы закончили первый вариант. Мы писали быстро. Коль скоро план был разработан в подробностях, мы начинали писать очень быстро. Но тут нас ждал сюрприз — поставивши последнюю точку, мы обнаружили, что написали нечто никуда не годное, не лезущее ни в какие ворота. Мы вдруг поняли, что нам нет абсолютно никакого дела до нашего Горбовского. При чем здесь Горбовский? При чем здесь светлое будущее с его проблемами, которые мы же сами и изобрели? Елки-палки! Вокруг нас черт знает что творится, а мы занимаемся выдумыванием проблем и задач для наших потомков. Да неужели же сами потомки не сумеют в своих проблемах разобраться, когда дело до того дойдет?! И уже 21 марта мы решили, что повесть считать законченной невозможно, что с ней надо что-то делать, что-то кардинальное. Но тогда нам было еще совершенно не ясно — что именно?

Было ясно, что те главы, которые касаются Леса, — годятся. Там «ситуация слилась с концепцией», все закончено и закруглено. Эта повесть внутри повести может даже существовать отдельно. А вот что касается части, связанной с Горбовским, то она никуда не годится. И дело не в том, что она, скажем, дурно написана. Нет, написана она вполне

достойно, но вот к тому произведению, над которым мы сейчас работаем, она никакого отношения не имеет. Она нам *не интересна* сейчас. Главы с Горбовским надлежит вынуть из общего текста и отложить в сторону. Пусть полежат.

(Так они и пролежали «в стороне» аж до середины 80-х. В начале перестройки, когда стало возможным напечатать *всё*, когда издатели готовы были вырвать из рук любую не публиковавшуюся ранее вещь, мы достали нашего «Горбовского» из архива, перечитали его и к огромному своему изумлению обнаружили, что это — вовсе недурно! Текст выдержал испытание временем, читался легко и способен был, как нам показалось, заинтересовать нового читателя... Так появилась и стала жить собственной жизнью повесть «Беспокойство».)

Вынуть главы было легко, трудно было их достойным образом заменить. Чем заменить? Ответа на этот мрачный вопрос мы пока не знали. Но настоящего отчаяния уже не было — мы были (почему-то) уверены, что с проблемой справимся.

В следующий раз мы встретились в конце апреля. Увы, я уже не помню сейчас, как и кому пришла в голову генеральная идея, определившая содержание и суть второй половины повести. В дневнике, к сожалению, этого нет. В дневнике, собственно, и сама по себе формулировка идеи отсутствует. Просто 28 апреля вдруг появляется запись: «Горбовский — Перец, Атос — Зыков». И тут же: «1. Убедившая машинка; 2. Сборы в лес; 3. Уговаривает всех, чтобы взяли в лес...» Идея о том, что из повести надо убрать будущее и заменить его настоящим, возникла и заработала. В дневнике появляются новые имена. Начинается разработка линии «Перец», уже в том виде, в котором она потом реализовалась. «Не состоялась встреча-рандеву с начальником, который иногда выходит делать зарядку...», «договаривается с шофером на завтра...», «ждет в грузовике, с грузовика снимают колеса...». Что-то здесь с нами произошло, что-то важное. Возникла идея Управления по делам Леса — этой бредовой пародии на любое государственное учреждение. Каким-то образом и кому-то пришло в голову, что одну фантастическую линию, линию Леса, надо дополнить второй, но уже скорее символической. Не научно-фантастической, а именно символической. Один человек мучительно пытается выбраться из Леса, а какой-то другой человек, совсем другого типа и другого склада, должен мучительно стараться попасть в Лес, чтобы узнать, что там происходит.

30 апреля в дневнике впервые появляется слово «Управление», а за ним идет «штатное расписание»: Группа Искоренения, Группа

Изучения, Группа Вооруженной Охраны, Группа Научной Охраны... Идет подробный план первой главы, обрывки будущих рассуждений героев, и вот — фундаментального значения строчка: «Лес — будущее».

Именно с этого момента все встает на свои места. Повесть перестает быть научно-фантастической (если она и была таковой раньше) — она становится просто фантастической, гротесковой, символической, как вам будет угодно. Во всем появляется скрытый смысл, каждая сцена наполняется новым содержанием. Что такое Лес? Лес — это Будущее. Про которое мы ничего не знаем. О котором мы можем только гадать, как правило, безосновательно, о котором у нас есть только отрывочные соображения, так легко распадающиеся под лупой сколько-нибудь пристального анализа. О Будущем, если честно, если — положи руку на сердце, — о Будущем мы знаем сколько-нибудь достоверно лишь одно: оно совершенно не совпадает с любыми нашими представлениями о нем. Мы не знаем даже, будет ли мир Будущего хорош или плох, — мы в принципе не способны ответить на этот вопрос, потому что, скорее всего, он будет нам безмерно чужд, он будет до такой степени не совпадать с любыми нашими о нем представлениями, что к нему нельзя будет применять понятия «хороший», «плохой», «неважнецкий», «ничего себе». Он будет просто чужой и ни с чем не сравнимый, как мир современного мегаполиса ни с чем не сравним и ни с чем не сообразен в глазах современного каннибала с острова Малаита.

Тот Лес, который мы уже написали, прекрасно вписывался в эту концепцию. Почему бы не представить себе, что в отдаленном будущем человечество сольется с природой, сделается в значительной мере частью ее? Человек перестанет быть человеком в современном смысле этого слова. Не так уж много для этого надо. Деформируйте у *homo sapiens* всего лишь один инстинкт — инстинкт размножения. Этот инстинкт, как на фундаменте, стоит на бисексуальности, на двуполости вида. Уберите один из полов — у вас получатся абсолютно новые существа, похожие на людей, но уже не люди. У них будут совершенно другие, чуждые нам, нравственные принципы, совершенно другие представления о том, что должно и что можно, другие цели, другой смысл жизни, в конце концов... Оказывается, мы сидели месяц и писали — не зря! Мы, оказывается, создавали совершенно новую модель Будущего! Причем — не просто гипотетическую структуру, не застывший мертвенно-стабильный мир в манере Олдоса Хаксли или, скажем, Оруэлла, а мир в движении, мир, который еще не закончил сооружать себя, мир, который все еще строится. И при этом в нем сохранились

остатки прошлого, живущие своей жизнью, психологически близкие нам и задающие как бы систему нравственных координат...

И в этом аспекте совершенно по-другому выглядел не написанный еще мир Управления. Что такое Управление — в нашей новой, символической схеме? Да очень просто — это Настоящее! Это Настоящее, со всем его хаосом, со всей его безмозглостью, удивительным образом сочетающейся с многоумудренностью. Настоящее, исполненное человеческих ошибок и заблуждений пополам с окостенелой системой привычной антигуманности. Это то самое Настоящее, в котором люди все время думают о Будущем, живут ради Будущего, провозглашают лозунги во славу Будущего и в то же время — гадают на это Будущее, искореняют это Будущее, всячески изничтожают ростки его, стремятся превратить это Будущее в асфальтированную автостоянку, стремятся превратить Лес, свое Будущее, в английский парк со стриженными газонами, чтобы Будущее сформировалось не таким, каким оно способно быть, а таким, каким нам хотелось бы его сегодня видеть...

Интересно, что эта счастливая идея, которая помогла нам сделать сюжетную линию «Управление» и которая совершенно по-новому осветила всю повесть в целом, в общем-то, осталась совершенно недоступна массовому читателю. По пальцам одной руки можно пересчитать людей, которые поняли авторский замысел целиком. А ведь мы по всей повести разбросали намеки, расшифровывающие нашу символику. Казалось бы, одних только эпитафий для этого достаточно. Будущее как бор, будущее — Лес. Бор распахнут тебе навстречу, но ничего уже не поделаешь, Будущее уже создано... И улитка, упорно ползущая к вершине Фудзи, это ведь тоже символ движения человека к Будущему — медленного, изнурительного, но неуклонного движения к неведомым высотам...

И вот вопрос — должны ли мы, авторы, рассматривать как наше поражение, то обстоятельство, что идея, которая помогла нам сделать повесть емкой и многомерной, осталась, по сути, не понята читателем? Не знаю. Я знаю только, что существует множество трактовок «Улитки», причем многие из этих трактовок вполне самостоятельны и ни в чем не противоречат тексту. Так может быть, это как раз хорошо, что вещь порождает в самых разных людях самые разные представления о себе? И может быть, чем больше разных точек зрения, тем больше оснований считать произведение удачным? В конце концов, оригинал картины «Подвиг лесопроходца Селивана» был «уничтожен, как предмет искусства, не допускающий двойного толкования». Так что, может быть, единственная возможность для «предмета

искусства» уцелеть как раз в том и состоит, чтобы иметь не одно, а множество толкований?

Впрочем, «Улитке» возможность множественного ее толкования не слишком помогла. Уничтожить ее не уничтожили, но на много лет сделали запретной для чтения. В мае 1968 года некто В. Александров (видимо, титанического ума мужчина) в партийной газете «Правда Бу-рятии» посвятил «Улитке» замечательные строки (цитирую с некоторыми купюрами, ни в малой степени не меняющими смысла филиппики):

«...Авторы не говорят, в какой стране происходит действие, не гово-рят, какую формацию имеет описываемое ими общество. Но по всему строю повествования, по тем событиям и рассуждениям, которые име-ются в повести, отчетливо видно, кого они подразумевают. Фантастиче-ское общество, показанное А. и Б. Стругацкими <...>, — это конгломерат людей, живущих в хаосе, беспорядке, занятых бесцельным, никому не нужным трудом, исполняющих глупые законы и директивы. Здесь господствует страх, подозрительность, подхалимство, бюрократизм...»

Поневоле задумаешься: а не был ли автор критической заметки скрытым диссидентом, прокравшимся в партийный орган, дабы под благовидным предлогом полить грязью самое справедливое и гуман-ное советское государственное устройство? Впрочем, эта заметка была только первой (хотя и самой глупой) в целой серии разгромных рецен-зий по поводу «Улитки». В результате повесть была впервые опублико-вана целиком, в ее настоящем виде, уже только в новейшие времена, в 1988 году. А тогда, в конце 60-х, номера журнала «Байкал», где была опубликована часть «Управление» (с великолепными иллюстрациями Севера Гансовского!), были изъяты из библиотек и водворены в спец-хран. Публикация эта оказалась в Самиздате, попала на Запад, была опубликована в мюнхенском издательстве «Посев», и впоследствии люди, у которых при обысках она обнаруживалась, имели неприятно-сти — как минимум по работе...

«ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ» (1969)

На протяжении более тридцати лет — с того момента, как в руки мне попались номера журнала «Нева» с самым первым вариантом ОО, этот, как называют его АБС, «роман о приключениях комсомольца XXII века», остается в числе моих самых любимых и наиболее часто перечитываемых произведений Стругацких. Уступает он разве что ТББ — да и то ненамного. А с точки зрения актуальности так, пожалуй, и превосходит — судя по всем недавним, да и нынешним временам.

Чем же таким роман притягивает? Ведь не тем же, что мастерски построен по законам развлекательного жанра, крепко сколочен и ладно сшит, держит в напряжении до последней страницы (когда читаешь в первый раз) и заканчивается эффектным финалом?

Конечно же, нет. Боевиков, выстроенных по тем же рецептам, — пруд пруди. И тех, где действие происходит сегодня, и тех, где действие происходит в отдаленном будущем. С куда более ловко закрученным сюжетом и куда большим количеством приключений. Но все они, как правило, пригодны лишь для одноразового чтения.

ОО — исключение.

Комментарий БН:

Совершенно точно известно, когда был задуман этот роман, — 12 июня 1967 года в рабочем дневнике появляется запись: «Надобно сочинить заявку на оптимистическую повесть о контакте». И тут же:

«Сочинили заявку. Повесть „Обитаемый остров“».

Сюжет: Иванов терпит крушение.

Обстановка. Капитализм. Олигархия. Управление через психоволны. Науки только утилитарные. Никакого развития. Машиной управляют жрецы. Средство идеальной пропаганды открыто только что. Неустойчивое равновесие. Грызня в правительстве. Народ шатают из стороны в сторону, в зависимости от того, кто дотягивается до кнопки. Психология тирании: что нужно тирану? Кнопочная власть — это

не то, хочется искренности, великих дел. Есть процент населения, на кого лучи не действуют. Часть — рвется в олигархи (олигархи тоже не подвержены). Часть — спасаются в подполье от истребления, как неподатливый материал. Часть — революционеры, как декабристы и народники.

Иванов после мытарств попадает в подполье. Любопытно, что эта нарочито бодрая запись располагается как раз между двумя сугубо мрачными — 12.06.67: «Борис прибыл в Москву в связи с отвергнутием „Сказки о тройке“ Детгизом» и 13.06.67: «Афронт в „Молодой Гвардии“ с СоТ». Этот сдвоенный удар оглушил нас и заставил утратить на время сцепление с реальностью. Мы оказались словно бы в состоянии такого «творческого прогни».

Очень хорошо помню, как, обескураженные и злые, мы говорили друг другу: «Ах, вы не хотите сатиры? Вам более не нужны Салтыковы-Щедрины? Современные проблемы вас более не волнуют? Оч-чень хорошо! Вы получите бездумный, безмозглый, абсолютно беззубый, развлеченческий, без единой идеи роман о приключениях мальчика-е...чика, комсомольца XXII века...» Смешные ребята, мы словно собирались наказать кого-то из власть имущих за отказ от предлагаемых нами серьезностей и проблем. Наказать тов. Фарфуркиса легкомысленным романом! Забавно. Забавно и немножко стыдно сейчас это вспоминать. Но тогда, летом и осенью 67-го, когда все, самые дружественные нам редакции одна за другой отказывались и от «Сказки», и от «Гадких лебедей», мы не видели в происходящем ничего забавного.

Мы взялись за «Обитаемый остров» без энтузиазма, но очень скоро работа увлекла нас. Оказалось, что это дьявольски увлекательное занятие — писать беззубый, бездумный, сугубо развлеченческий роман! Тем более что довольно скоро он перестал видиться нам таким уж беззубым. И башни-излучатели, и выродки, и Боевая Гвардия — все вставало на свои места, как патроны в обойму, все находило своего прототипа в нашей обожаемой реальности, все оказывалось носителем подтекста — причем даже как бы помимо нашей воли, словно бы само собой, будто разноцветная леденцовая крошка в некоем волшебном калейдоскопе, превращающем хаос и случайную мешанину в элегантную, упорядоченную и вполне симметричную картинку.

Это было прекрасно — придумывать новый, небывалый мир, и еще прекраснее было наделять его хорошо знакомыми атрибутами и реалиями. Я просматриваю сейчас рабочий дневник: ноябрь 1967-го,

Дом творчества в Комарова, мы работаем только днем, но зато как работаем — 7,10,11 (!) страниц в день. И не чистовика ведь — чернового текста, создаваемого, извлекаемого из ничего, из небытия! Этими темпами мы закончили черновик всего в два захода, 296 страниц, за 32 рабочих дня. А чистовик писался еще быстрее, по 12–16 страниц в день, и уже в мае готовая рукопись была отнесена в московский Детгиз, и почти одновременно — в ленинградский журнал «Нева»...

Собственно фантастических допущений в ОО всего два. Первое — супермен Максим Каммерер, почти неуязвимый для пуль и ядов. Второе — излучение башен, лишаящее большинство обитателей Саракша способности к критическому анализу окружающей действительности. Превращающее «человека мыслящего в человека верующего, верующего фанатично, исступленно и вопреки бьющей в глаза реальности». При ближайшем рассмотрении выясняется, что действительно фантастическим является лишь первое допущение. Потому что «гигантский пылесос», вытягивающий из людей всякие сомнения в том, что им внушает идеологическая пропаганда, прекрасно реализуем без всяких фантастических предположений...

Надо сказать, что в определенной степени «Остров» — противоположность ТББ. Ведь, в отличие от дона Руматы, Максим Каммерер не тяготится сомнениями насчет того, надо или не надо ему вмешиваться в происходящее на Саракше. И только и делает, что вмешивается. При этом, опять же в отличие от Руматы, он не считает необходимым проявлять излишнюю гуманность — к банде Крысолова, например.

Некоторое время назад я спросил Бориса Натановича: помните, как во время этой драки (а точнее, бойни) у Максима что-то «сдвигается» в сознании, и перед ним уже не подворотня на Саракше, а планета Пандора, и не люди, а «жуткие, опасные животные», с которыми надо драться, чтобы выжить. Неужели и у хомо сапиенс образца двадцать второго века сохранилось тяжелое наследие тоталитарного сознания? Ведь этот эпизод Максим отнюдь не воспринимает как грех...

БН ответил: это попытка — может быть, неудачная — совместить высокое воспитание с необходимостью совершить аморальный поступок. И конечно, свой поступок (по сути — массовое

убийство в целях самообороны) Максим воспринимает как греховный. Хотя и вуалирует это чисто фрейдистским образом: при помощи перехода в другое состояние, в другое психическое пространство. Мы сознательно ничего не писали о том, что испытывал Максим на другой день после драки. Я думаю, что на самом деле он должен был испытывать сильнейшие нравственные страдания. Но ему предстояло еще много испытаний на этом пути, и Максим в конце книги — это совсем не тот человек, что Максим в начале книги...

Спору нет: Максим в конце ОО и в его начале — два разных человека. Но, пожалуй, первый из них, куда более решителен, чем второй. И куда более прагматичен, если не циничен. И куда более тверд. В конце книги, после гибели Гая, Максим уничтожает экипаж танка-излучателя «силой выковыривая черных погонщиков из железной скорлупы», но рефлексиирует по этому поводу ничуть не больше, чем при расправе с бандой Крысолова в начале книги. Более того, ему ничего так не хочется в этот момент, как «почувствовать под пальцами живую плоть». И вряд ли после этого он испытывает какие-нибудь сильнейшие нравственные страдания...

Правда, так и остается загадкой, чем же завершилось вмешательство «комсомольца XXII века» в дела планеты Саракш. К каким же последствиям для Саракша привела финальная «акция» Максима со взрывом Центра?

Последующие произведения АБС из «каммереровского» цикла — «Жук в муравейнике» и «Волны гасят ветер» — ответа на этот интересный вопрос не дают совершенно.

Понятно, что Максим не был, вопреки угрозам Рудольфа Сикорски, он же Странник, он же Экселенц, немедленно отправлен на Землю и, как известно, резидентствовал на Саракше примерно еще лет десять. В это время был установлен контакт с Голованами (при участии Геннадия Комова и Льва Абалкина), организована некая загадочная операция «Вирус», после которой не менее загадочный Суперпрезидент наградил Максима прозвищем Биг-Баг, и еще Максиму удалось проникнуть в Островную Империю (о чем ниже). Однако что же происходило в государстве Неизвестных Отцов (они же Огненосные Творцы) все это время — совершенно не ясно.

Удалось ли уничтожить башни, прекратилось ли излучение, если прекратилось — что стало с привыкшим к «лучевому наркотику» населением, какова судьба Отцов и их Гвардии (она же Легион), изменился ли, выражаясь современным языком, политический режим в стране... В общем, вопросов можно сформулировать множество. Ответов же на них — нет. По крайней мере, Борис Натанович на все мои и не только мои просьбы заполнить лауну в «каммереровском» цикле и написать, например, роман о приключениях Максима в Островной Империи неизменно отвечал, что ему это совершенно неинтересно. Хотя недавно выяснилось, что некоему молодому писателю (имя БН не разглашал) была дана санкция на написание такого романа и переданы некие сделанные когда-то АБС наброски. Единственный из этих набросков, увидевший свет и хоть как-то раскрывающий авторский замысел, был опубликован в предисловии БН к сборнику «Время учеников» из серии «Миры братьев Стругацких». Вот этот текст:

«В последнем романе братьев Стругацких, в значительной степени придуманном, но ни в какой степени не написанном; в романе, который даже имени-то собственного, по сути, лишен (даже того, о чем в заявках раньше писали „название условное“); в романе, который никогда теперь не будет написан, потому что братьев Стругацких больше нет, а С. Витицкому в одиночку писать его не хочется, — так вот в этом романе авторов соблазняли главным образом две свои выдумки.

Во-первых, им нравился (казался оригинальным и нетривиальным) мир Островной Империи, построенный с безжалостной рациональностью Демиурга, отчаявшегося искоренить зло. В три круга, грубо говоря, укладывался этот мир. Внешний круг был клоакой, стоком, адом этого мира — все подонки общества стекались туда, вся пьянь, рвань, дрянь, все садисты и прирожденные убийцы, насильники, агрессивные хамы, извращенцы, зверье, нравственные уроды — гной, шлаки, фекалии социума. Тут было IX царствие, тут не знали наказаний, тут жили по законам силы, подлости и ненависти. Этим кругом Империя ощетинивалась против всей прочей ойкумены, держала оборону и наносила удары.

Средний круг населялся людьми обыкновенными, ни в чем не чрезмерными, такими же, как мы с вами, — чуть похуже, чуть получше, еще далеко не ангелами, но уже и не бесами.

А в центре царил Мир Справедливости. «Полдень, XXII век». Теплый, приветливый, безопасный мир духа, творчества и свободы,

населенный исключительно людьми талантливыми, славными, дружелюбными, свято следующими всем заповедям самой высокой нравственности.

Каждый рожденный в Империи неизбежно оказывался в «своем» круге, общество деликатно (а если надо — и грубо) вытесняло его туда, где ему было место — в соответствии с талантами его, темпераментом и нравственной потенцией. Это вытеснение происходило и автоматически, и с помощью соответствующего социального механизма (чего-то вроде полиции нравов). Это был мир, где торжествовал принцип «каждому — свое» в самом широком его толковании. Ад, Чистилище и Рай. Классика.

А во-вторых, авторам нравилась придуманная ими концовка. Там у них Максим Каммерер, пройдя сквозь все круги и добравшись до центра ошарашенно наблюдает эту райскую жизнь, ничем не уступающую земной, и, общаясь с высокопоставленным и высоколобым аборигеном, и узнавая у него все детали устройства Империи, и пытаясь примирить нетривируемое, осмыслить неосмысливаемое, состыковать нестыкуемое, слышит вдруг вежливый вопрос: «А что, у вас разве мир устроен иначе?» И он начинает говорить, объяснять, втолковывать: о высокой Теории воспитания, об Учителях, о тщательной кропотливой работе над каждой дитячьей душой...

Абориген слушает, улыбается, кивает, а потом замечает как бы вскользь:

„Изящно. Очень красивая теория. Но, к сожалению, абсолютно не реализуемая на практике“. И пока Максим смотрит на него, потеряв дар речи, абориген произносит фразу, ради которой братья Стругацкие до последнего хотели этот роман все-таки написать.

„Мир не может быть построен так, как вы мне сейчас рассказали, — говорит абориген. — Такой мир может быть только придуман. Боюсь, друг мой, вы живете в мире, который кто-то придумал — до вас и без вас, — а вы не догадываетесь об этом...“

По замыслу авторов, эта фраза должна была поставить последнюю точку в жизнеописании Максима Каммерера. Она должна была заключить весь цикл о Мире Полудня. Некий итог целого мировоззрения. Эпитафия ему. Или — приговор?..»

Впрочем, в земном мире, где жили и работали АБС, тем временем (имеется в виду время написания ОО) происходили события, которые не смог бы выдумать самый изощренный фантаст.

Комментарий БН:

ОО — рекордно толстый роман АБС того времени — написан был на протяжении полугода. Вся дальнейшая история его есть мучительная история шлифовки, приглаивания, ошкуривания, удаления идеологических заусениц, приспособления, приведения текста в соответствие с разнообразными и зачастую совершенно непредсказуемыми требованиями Великой и Могучей Цензурирующей машины.

«Что есть телеграфный столб? Это хорошо отредактированная сосна». До состояния столба «Обитаемый остров» довести не удалось, более того — сосна так и осталась сосной, несмотря на все ухищрения сучкорубов в штатском, но дров таки оказалось наломано предостаточно, и еще больше оказалось испорчено авторской крови и потрепано авторских нервов. И длилась эта изнурительная борьба за окончательную и безукоризненную идеологическую дезинфекцию без малого два годика.

Два фактора сыграли в этом сражении существеннейшую роль.

Во-первых, нам (и роману) чертовски повезло с редакторами — и в Детгизе, и в «Неве». В Детгизе вела роман Нина Матвеевна Беркова, наш старый друг и защитник, редактор опытнейший, прошедший огонь, воду и медные трубы, знающий теорию и практику советской редактуры от «А» до «Я», никогда не впадающий в отчаяние, умеющий отступать и всегда готовый наступать. В «Неве» же нас курировал Самуил Аронович Лурье — тончайший стилист, прирожденный литературовед, умный и ядовитый, как бес, знаток психологии советского идеологического начальства вообще и психологии А. Ф. Попова, главного тогдашнего редактора «Невы», в частности. Если бы не усилия этих двух наших друзей и редакторов, судьба романа могла бы быть иной — он либо не вышел бы вообще, либо оказался изуродован совсем уж до неузнаваемости.

Во-вторых, общий политический фон того времени. Это был 1968 год, «год Чехословакии», когда чешские горбачевы отчаянно пытались доказать советским монстрам возможность и даже необходимость «социализма с человеческим лицом», и временами казалось, что это им удастся, что вот-вот сталинисты отступят и уступят, чашки весов непредсказуемо колебались, никто не знал, что будет через месяц — то ли свободы восторжествуют, как в Праге, то ли все окончательно вернется на круги своя — к безжалостному идеологическому оледенению и, может быть, даже к полному торжеству сторонников ГУЛАГа.

...Либеральная интеллигенция дружно фрондировала, все наперебой убеждали друг друга (на кухнях), что Дубчек обязательно победит, ибо подавление идеологического мятежа силой невозможно, не те

времена на дворе, не Венгрия это вам 1956-го года, да и жидковаты все эти брежневы-сусловы, нет у них той старой доброй сталинской за-калки, порошу у них не хватит, да и армия нынче уж не та... «Та, та у нас нынче армия, — возражали самые умные из нас. — И порошу хватит, успокойтесь. И брежневы-сусловы, будьте уверены, не дрогнут и никаким дубчекам не уступят никогда, ибо речь идет о самом их, брежневых, существовании...»

...И мертво молчали те немногие, как правило, недоступные для непосредственного контакта, кто уже в мае знал, что вопрос решен. И уж конечно помалкивали те, кто ничего точно не знал, но чуял, самой шкурой своею чуял: все будет как надо, все будет как положено, все будет как всегда — начальники среднего звена, и в том числе, разумеется, младшее офицерство идеологической армии — главные редактора журналов, кураторы обкомов и горкомов, работники Главлита...

Чашки весов колебались. Никто не хотел принимать окончательных решений, все ждали, куда повернет дышло истории. Ответственные лица старались не читать рукописей вообще, а прочитав, выдвигали к авторам ошеломляющие требования, с тем чтобы после учета этих требований выдвинуть новые, еще более ошеломляющие.

В «Неве» требовали: сократить; выбросить слова типа «родина», «патриот», «отечество»; нельзя, чтобы Мак забыл, как звали Гитлера; уточнить роль Странника; подчеркнуть наличие социального неравенства в Стране Отцов; заменить Комиссию Галактической Безопасности другим термином, с другими инициалами...

В Детгизе (поначалу) требовали: сократить; убрать натурализм в описании войны; уточнить роль Странника; затуманить социальное устройство Страны Отцов; решительно исключить само понятие «Гвардия» (скажем, заменить на «Легион»); решительно заменить само понятие «Неизвестные Отцы»; убрать слова типа «социал-демократы», «коммунисты» и т.д.

Впрочем, как пел в те годы В. Высоцкий, «но это были еще цветочки».

Ягодки ждали нас впереди...

Понять сегодня, почему столь велики были цензурные придирки к ОО, — нетрудно. Ибо почти все в романе вызывает, пользуясь лексикой тогдашних идеологических охранников, «неконтролируемые ассоциации». Начиная с описания бытовых подробностей жизни на Саракше и заканчивая картинками нравов, царящих в тамошних коридорах власти. А поскольку пропагандистский

аппарат, занимавшийся воспитанием советского человека, работал примерно теми же методами (разве что без башен), что на Саракше, — чего нельзя было не заметить, — не могла не закрасться мысль: что, если нравы, царящие в Политбюро, немногим отличаются от описанных? А если и мотивы схожи?

Конечно, тогда — в начале 70-х и даже и в конце их — мы, читатели АБС, в большинстве своем не понимали, насколько внушаемая нам картина окружающего мира отличается от реальной. Ведь короткий период относительного информационного благоприятствования (после заключения соглашения в Хельсинки в 1975-м перестали глушить «Голос Америки» и «Би-Би-Си», хотя продолжали глушить «Немецкую волну» и «Свободу») закончился уже в 1979-м, после вторжения советских войск в Афганистан. И все «вернулось на круги своя» лишь через десять лет...

Ну а пока, в 1969 году, в «Неве» был напечатан знаменитый журнальный вариант ОО.

Комментарий БН:

Несмотря на всеобщее ужесточение идеологического климата, связанное с чехословацким позорищем; несмотря на священный ужас, охвативший послушно вострепетавших идеологических начальников; несмотря на то что именно в это время созрело и лопнуло сразу несколько статей, бичующих фантастику Стругацких, — несмотря на все это, роман удалось опубликовать, причем ценою небольших, по сути, минимальных потерь. Это была удача. Более того — это была, можно сказать, победа, которая казалась невероятной и которой никто уже не ждал.

В Детгизе вроде бы дело тоже шло на лад. В середине мая АН пишет, что Главлит пропустил «Обитаемый остров» благополучно, без единого замечания. Книга ушла в типографию. Более того, производственный отдел обещал, что хотя книга запланирована на третий квартал, возможно, найдется щель для выпуска ее во втором, то есть в июне-июле.

Однако ни в июне, ни в июле книга не вышла. Зато в начале июня в газете «Советская Литература», славившейся своей острой и даже в каком-то смысле запредельной национально-патриотической направленностью, появилась статья под названием «Листья и корни». Как образец литературы, не имеющей корней, приводился там «Обитаемый остров», журнальный вариант. В этой своей части статья показалась тогда БНу (да и не ему одному) «глупой и бессодержательной», а потому

и совсем не опасной. Подумаешь, ругают авторов за то, что у них нуль-передатчики заслонили людей, да за то, что нет в романе настоящих художественных образов, нет «корней действительности и корней народных». Эка невидаль, и не такое приходилось АБС о себе слышать!.. Гораздо больше взволновал их тогда донос, поступивший в те же дни в ленинградский обком КПСС от некоего правоверного кандидата наук, физика и одновременно полковника. Физик-полковник попросту, с прямою военного человека и партийца, без всяческих там вуалей и экивоков обвинял авторов опубликованного в «Неве» романа в издевательствах над армией, антипатриотизме и прочей неприкрытой антисоветчине. Предлагалось принять меры.

Невозможно ответить однозначно на вопрос, какая именно соломинка переломила спину верблюду, но 13 июня 1969 года прохождение романа в Детгизе было остановлено указанием свыше и рукопись изъяли из типографии. Начался период Великого Стояния «Обитаемого острова» в его детгизовском варианте.

Не имеет смысла перечислять все слухи, в том числе и самые достоверные, которые возникали тогда, бродили из уст в уста и бесследно исчезали в небытии, не получив сколько-нибудь основательных подтверждений. Скорее всего, правы были те комментаторы событий, которые полагали, что количество скандалов вокруг имени АБС (шесть ругательных статей за полгода в центральной прессе) перешло наконец в качество и где-то кем-то решено было взять строптивцев к ногтю и примерно наказать. Однако же и эта гипотеза, неплохо объясняя дебаты и миттельшпиль разыгранной партии, никак не объясняет сравнительно благополучного эндшпиля.

После шести месяцев окоченелого стояния рукопись вдруг снова возникла в поле зрения авторов — прямоком из Главлита, испещренная множественными пометками и в сопровождении инструкций, каковые, как и положено, были немедленно доведены до нашего сведения через посредство редактора. И тогда было трудно, а сегодня и вовсе невозможно судить, какие именно инструкции родились в недрах цензурного комитета, а какие сформулированы были дирекцией издательства. По этому поводу существовали и существуют разные мнения, и тайна эта никогда теперь уже не будет разгадана. Суть же инструкций, предложенных авторам к исполнению, сводилась к тому, что надлежит убрать из романа как можно больше реалий отечественной жизни (в идеале — все без исключения), и прежде всего русские фамилии героев.

В январе 1970 АБС съехались у мамы в Ленинграде и в течение четырех дней проделали титаническую чистку рукописи, которую правильнее

было бы назвать, впрочем, не чисткой, а поллюцией, в буквальном смысле этого неаппетитного слова.

Первой жертвой стилистических саморепрессий пал русский человек Максим Ростиславский, ставший отныне, и присно, и во веки всех будущих веков немцем Максимом Каммерером. Павел Григорьевич (он же Странник) сделался Сикорски, и вообще в романе появился легкий, но отчетливый немецкий акцент: танки превратились в панцервагены, штрафники в блицттрегеры, «дурак, сопляк!» — в «Dumkopf, Rotznase!» Исчезли из романа: «портянки», «заклученные», «салат с креветками», «табак и одеколон», «ордена», «контрразведка», «леденцы», а также некоторые пословицы и поговорки вроде «бог шельму метит». Исчезла полностью и без следа вставка «Как-то скверно здесь пахнет...», а Неизвестные Отцы Папа, Свекор и Шурин превратились в Огненосных Творцов Канцлера, Графа и Барона.

Невозможно перечислить здесь все поправки и подчистки, невозможно перечислить хотя бы только самые существенные из них. Юрий Флейшман, проделавший воистину невероятную в своей кропотливости работу по сравнению чистовой рукописи романа с детгизовским его изданием, обнаружил 896 разночтений — исправлений, купюр, вставок, замен... Восемьсот девяносто шесть!

Но это уже был если и не конец еще истории, то во всяком случае ее кульминация. Исправленный вариант был передан обратно на площадь Ногина, в Главлит, и не прошло и пяти месяцев, как получилось письмо от АН (22.05.70):

«...Пл. Ногина выпустила наконец ОО из своих когтистых лап. Разрешение на публикацию дано. Стало, кстати, понятно, чем объяснялась такая затяжка, но об этом при встрече. Стало известно лишь, что мы — правильные советские ребята, не чета всяким клеветникам и злопыхателям, только вот настрой у нас излишне критически-болезненный, да это ничего, с легкой руководящей рукой на нашем плече мы можем и должны продолжать работать. <...> Подсчитано, что если все пойдет гладко (в производстве), то книга выйдет где-то в сентябре...»

В сентябре книга, положим, не вышла, не вышла она и в ноябре. В январе 1971 года закончилась эта история — поучительная история опубликования развеселой, абсолютно идеологически выдержанной, чисто развлекательной повестушки о комсомольце XXII века, задуманной и написанной своими авторами главным образом для ради денег.

Интересный вопрос: а кто все-таки победил в этом безнадежном сражении писателей с государственной машиной? Авторам, как-никак а все-таки, удалось выпустить в свет свое детище, пусть даже и в сильно

изуродованном виде. А вот удалось ли цензорам и начальникам вообще добиться своего — выкорчевать из романа «вольный дух», аллюзии, «неуправляемые ассоциации» и всяческие подтексты? В какой-то мере — безусловно. Изуродованный текст, без всяких сомнений, много потерял в остроте своей и сатирической направленности, но полностью кастрировать его, как мне кажется, начальству так и не удалось. Роман еще долго и охотно пинали ногами разнообразные доброхоты. И хотя критический пафос их редко поднимался выше обвинений авторов в «неуважении к советской космонавтике» (имелось в виду пренебрежительное отношение Максима к работе в Свободном Поиске), несмотря на это, опасливо-недоброжелательное отношение начальства к «Обитаемому острову», даже и в «исправленной» его модификации, просматривалось вполне явственно. Впрочем, скорее всего, это была просто инерция...

В изданиях 90-х годов первоначальный текст романа в значительной степени восстановлен. Разумеется, невозможно было вернуть «девичье» имя Максиму Каммереру, урожденному Ростиславскому — за прошедшие двадцать лет он (как и «Павел Григорьевич» Сикорски) стал героем нескольких повестей, где фигурирует именно как Каммерер. Тут уж — либо менять везде, либо не менять нигде. Я предпочел — нигде. Некоторые изменения, сделанные авторами под давлением, оказались тем не менее настолько удачными, что их решено было сохранить и в восстановленном тексте — например, странно звучащие «воспитуемые» вместо банальных «заклученных» или «ротмистр Чачу» вместо «капитана Чачу». Но подавляющее большинство из девяти сотен искажений было, конечно, исправлено, и текст приведен к «каноническому виду».

...Я перечитал сейчас все вышеизложенное и ощутил вдруг смутное опасение, что буду неправильно понят современным читателем, читателем конца XX — начала XXI века. У которого могло возникнуть представление, что АБС все это время только тем и занимались, что бегали по редакциям, клянчили их ради бога напечатать, рыдали друг другу в жилетку и, рыдая, уродовали собственные тексты. То есть, разумеется, все это было на самом деле — и бегали, и рыдали, и уродовали, — но это занимало лишь малую часть рабочего времени. Как-никак, именно за эти месяцы написан был наш первый (и последний) фантастический детектив («Отель „У ПОГИБШЕГО АЛЬПИНИСТА“»), начата и закончена повесть «Малыш», начат наш «тайный» роман «Град обреченный» и закончены в черновике три части его, задуман и начат «Пикник на обочине». Так что — рыдания рыданиями, а жизнь и работа шли своим чередом, и некогда нам было унывать и ломать руки «в смертельной тоске».

«ЖУК В МУРАВЕЙНИКЕ» (1979)

Двадцать лет назад появление ЖвМ сперва разочаровало — а потом обрадовало. Поясню, почему разочаровало: с первых же строк печатавшегося в «Знание — сила» в далеком 1979 году текста, стало ясно: ежели это и давно ожидавшееся продолжение «Обитаемого острова» — то совсем не то, о котором мечталось. Чертовски хотелось узнать, что же происходило на Саракше после геройского подвига Каммерера по разрушению Центра, — а вместо этого АБС предлагают нам какую-то детективную историю, действие которой происходит на два десятка лет позже, и не на Саракше, а на Земле. Да еще изложенную чуть ли не в стиле «Семнадцати мгновений» с их регулярной «информацией к размышлению» и скрупулезно точным описанием времени и места действия — вплоть до минут и секунд...

Впрочем, разочарование было недолгим. И фантастически быстро сменилось другим разочарованием — по поводу того, что номера «Знание — сила» выходят недопустимо редко. Боюсь ошибиться, кажется — раз в две недели. А то и раз в месяц. В результате процесс ожидания очередного выпуска с продолжением превращался в душевную пытку.

Но все же период ожиданий закончился, «Жук» был прочитан и осмыслен — и уверенно причислен к лучшим, наиболее почитаемым и наиболее читаемым произведениям АБС (пardon за невольный каламбур), а потому — поставлен на книжную полку на одно из самых почетных мест. Естественно, в переплетенном журнально-вырезанном виде — отдельное издание появилось не скоро и было по первости почти недоступно.

Как свидетельствует БН, первые наброски будущего ЖвМ появились в сентябре 1975-го.

Комментарий БН:

Там есть уже и саркофаг с двенадцатью зародышами, и гипотезы, объясняющие этот саркофаг, и Лев, 20-ти лет, ученик-прогрессор,

и Максим Каммерер — начальник контрразведки Опекунского совета, и еще множество обстоятельств, ситуаций и героев, вполне годящихся к употреблению. Сюжета, впрочем, пока нет, и совершенно неясно, каким именно образом должно развиваться действие... А потом планы резко меняются — мы начинаем писать сценарий для Тарковского, — и в работе над новой повестью наступает длительный перерыв.

На протяжении 1976-го мы несколько раз возвращаемся к этой повести, продолжаем придумывать детали и эпизоды, новых героев, отдельные фразы, но не более того. Сюжет не складывается. Мы никак не найдем тот стержень, на который можно было бы нанизать уже придуманное, как шашлык нанизывают на шампур. Поэтому вместо настоящей работы мы конструируем (причем во всех подробностях) сюжет фантастического детектива, действие которого развивается на некоем острове в океане: масса трагических событий, тайны, загадки, в финале все действующие лица гибнут до последнего человека — подробнейшее расписание эпизодов, все готово для работы, осталось только сесть и писать, но авторы вместо того (а это уже ноябрь 1976) вдруг принимают за разработать совсем новый сюжет, которого раньше и в замысле не было.

Это история нашего старого приятеля Максима, который со своим дружком голованом Щекном идет по мертвому городу несчастной планеты Надежда. В феврале 1977-го мы начинаем и единым духом (в один присест) заканчиваем черновик повести о Максиме и Щекне и тут же обнаруживаем, что у нас получилось нечто странное — нечто без начала и конца и даже без названия. Исполненные недоумения и недовольства собою, мы откладываем в сторону эту нежданную и нежеланную рукопись и возвращаемся к работе над сценариями.

(Забавно: тогда нам казалось, что мы ловко придумали «бешенство генных структур на Надежде», странную и страшную болезнь, когда ребенок за три года превращается в старика, — нам казалось это эффектной и оригинальной выдумкой. И только много лет спустя узнали мы о хорошо известном современной науке эффекте преждевременной старости — прогерии — и том, что сконструированные нами фантастические явления описаны еще в начале XX века под названием синдром Вернера. Воистину ничего нельзя придумать, все, что тобою придумано, либо существовало уже когда-то, либо будет существовать, либо существует сегодня, сейчас, но тебе неизвестно...)

Только в ноябре 1978 года возвращаемся мы к первому варианту — и, что характерно, сразу же начинаем писать черновик — видимо, количество перешло у нас наконец в качество, нам сделалось

ясно, как строится сюжет (погоня за неуловимым Львом Абалкиным) и куда пристроить уже написанный кусок со Щекном на планете Надежда...

Понятно, что сюжет ЖВМ — это сюжет классического детектива. Детектива, у которого лишь в конце (как и полагается) все расставляется по своим местам, все предшествующие странности увязываются в жесткую и безукоризненно логичную цепочку, у которого по ходу повествования (и даже по его окончании) читатель должен самостоятельно конструировать те или иные варианты ответов на возникающие вопросы. У которого, наконец, трагический финал — хотя впоследствии разными комментаторами не раз подчеркивалось: нет никаких доказательств того, что руководитель КОМКОНа-2 Рудольф Сикорски, он же Странник, он же Экселенц, убил Льва Абалкина, он же Гурон, шифровальщик штаба группы флотов «Ц» Островной Империи. Стрелял — да, но убил ли? Неизвестно. Ведь в Абалкина попали лишь три пули из пистолета «герцог» двадцать шестого калибра. С одной стороны — «восьмизарядной верной смерти», как назовет это оружие начальник отдела КОМКОНа-2 Максим Каммерер, он же Мак Сим. С другой стороны, когда в самого Максима на Саракше попало семь пуль — он пережил это без необратимых последствий для здоровья...

О вопросах, которые щедро разбросаны по тексту ЖВМ и остаются неразгаданными до конца повести, — отдельно. В начале 90-х годов БН свел их в некую систему из одиннадцати пунктов, и после этого около года они активно обсуждались группой «Людены». Ответы были найдены — по крайней мере, БН заявил, что вполне удовлетворен работой, проделанной люденами. Правда, отметил: людены еще не подошли к главному, фундаментальному вопросу повести. На который, впрочем, они рано или поздно наткнутся...

О «списке одиннадцати вопросов» поговорим чуть ниже, а пока — о главном вопросе. Том самом, фундаментальном.

Поскольку мнение самого БН так и осталось неизвестным (по крайней мере, мне) — придется додумывать за мэтра. И, пожалуй, единственное, что приходит в голову мне, — то, что этот Главный вопрос звучит так: что делать, столкнувшись с «прогрессорством»

чужих на Земле? Как вести себя, если есть хоть малейшее опасение, что перед нами — не жук в муравейнике, а хорек в курятнике?

Рудольф Сикорски на страницах ЖВМ отвечает на этот вопрос — нет нужды полностью приводить нужные цитаты. И логика его безупречна — логика руководителя КОМКОНа-2, организации, отвечающей за безопасность земной цивилизации в целом. «Нам одного не простят: если мы недооценили опасность. И если в нашем доме вдруг завоняло серой, мы просто не имеем права пускаться в рассуждения о молекулярных флуктуациях — мы обязаны предположить, что где-то рядом объявился черт с рогами, и принять соответствующие меры, вплоть до организации производства святой воды в промышленных масштабах...»

Но в своих делах Экселенц как минимум непоследователен. Исходя из этой логики, саркофаг с «зародышами» следовало бы уничтожить непосредственно после обнаружения группой Следопытов Бориса Фокина. Потому что «серой» завоняло сразу. Разве из «саркофага» с человеческими зародышами, заложенного «неведомыми чудовищами» (так впоследствии сами авторы ЖВМ квалифицируют конструкторов саркофага, видимо — не будучи уверены, что это Странники), мог доноситься какой-то иной запах? Сера, конечно, со временем выветривается, но это — обычная сера. А тут речь явно шла о сере необычной... Но даже если отбросить незамедлительное уничтожение «саркофага» как слишком поспешное действие, — что мешало Экселенцу позднее, когда серой стало вонять все явственнее и явственнее, принять меры — а не отстраненно наблюдать за развитием событий? Оно конечно, в ЖВМ описывается некий «тупик», в который уперлись на Тагоре, где, найдя аналог саркофага, тут же его уничтожили, и делается вывод о том, что этот «тупик» мог оказаться следствием данных необратимых действий. Но «после того» вовсе не значит «вследствие того» — Экселенцу ли этого не знать?

На самом деле ответ на вопрос «что делать» вовсе не прост. То, что «саркофаг» — творение чужой цивилизации, — очевидно. То, что эта чужая цивилизация программировала создание простых наблюдателей в будущем Земли, — крайне маловероятно. Значит, программировались разведчики. Квартирьеры. Специалисты по активному воздействию. Какое именно воздействие

программировалось — можно гадать, но нужно ли? Ведь логика конструкторов «саркофага» в любом случае иная, чем у землян. Значит, единственный выход — не допустить развития чужого Эксперимента до, возможно, необратимой стадии. Когда не поможет даже промышленное производство святой воды...

Есть, однако, и противоположные соображения — вытекающие из того же исходного посыла о чужих «прогрессорах». Ну, уничтожим «саркофаг», а что дальше? С одной стороны, если Странники хотят вреда землянам (или хотят «творить добро как они его понимают», что еще хуже) и при этом они не полные идиоты — вряд ли они не предусмотрели бы такой вариант. И не позаботились бы о «подстраховке». С другой стороны, что это за «прогрессоры» и чуть ли будущие диверсанты, судьба которых их создателями изначально поставлена в полную зависимость от землян — без их помощи они даже на свет появиться не могут. Так ли «программируют» тех, кто должен работать против Земли?

Знаменитый финал ЖВМ, кажется, свидетельствует в пользу первой системы аргументов. Но, может быть, это только кажется? Тем более что в «Волны гасят ветер» Леонид Горбовский (в знаменитой беседе в Краславе, лакуны в записи которой впоследствии должен заполнить Тойво Глумов) высказывается однозначно: если Странники — сверхцивилизация, то неужели они не могли бы провести любую «специальную операцию» против Земли так, чтобы земляне этого даже не заметили?

Комментарий БН:

Черновик мы закончили 7 марта 1979 года, решительно преодолев два возникших к концу этой работы препятствия. Во-первых, мы довольно долго не могли выбрать финал. Вариант гибели Льва Абалкина был трагичен, эффектен, но достаточно очевиден и даже банален. Вариант, когда Максиму удастся-таки спасти Абалкина от смерти, имел свои достоинства, но и свои недостатки тоже, и мы колебались, не в силах сделать окончательный выбор, все время, по ходу работы, перестраивая сюжет таким образом, чтобы можно было в любой момент использовать ту или иную концовку. Когда все возможности маневрирования оказались исчерпаны, мы вспомнили Ильфа и Петрова. Были заготовлены два клочка бумаги, на одном написано было, как сейчас

помню, «живой», на другом — «нет». Клочки брошены были в шапку АН, и мама наша твердой рукою извлекла «нет». Судьба концовки и Льва Абалкина оказалась решена.

(Дьявольские, однако, шутки играет с нами наша память. Предыдущий абзац я написал, будучи абсолютно уверен, что так оно все и было. И вот месяц спустя, просматривая рабочий дневник, я обнаружил вдруг запись, датированную 29.10.1975, из коей следует, что жребий — да, имел место, но решал он отнюдь не вопрос, будет ли концовка трагической — «со стрельбой» — или мирной. Совсем другую он проблему разрешал: как скоро Лев Абалкин узнает всю правду о себе. Рассматривалось три варианта:

1. Лев ничего не знает и ничего не узнает.
2. Лев ничего не знает, затем постепенно узнает.
3. Лев знает с самого начала.

Мама выбрала (3) со стрельбой».

Вот тебе и на! Но ведь на самом-то деле АБС фактически писали вариант (2)! Правда, «со стрельбой». И на том спасибо. Ведь даже и месяц спустя в дневнике мы пишем: «М.б., кончить не смертью, а подготовкой к ней? Странник провожает его взглядом». Нет, всегда, с незапамятных времен, сомневался я как в достоверности истории вообще, так любых мемуаров в частности — и правильно, надо думать, сомневался... Оставляю, впрочем, предыдущий абзац без каких-либо изменений. Пусть вдумчивый читатель получит в свое распоряжение образец мемуарного «прокола», характерного именно для данных комментариев. Может быть, это поможет ему оценить меру достоверности всего текста в целом.)

Теперь о другом препятствии, гораздо более серьезном. Мы прекрасно понимали, что у нас получается нечто вроде детектива — история расследования, поиска и поимки. Однако детектив обладает своими законами существования, в частности, в детективе не должны оставаться какие-либо необъясненности, и никакие сюжетные нити не имеют права провисать или быть оборваны. У нас же таких оборванных нитей оказалось полным-полно, их надобно было специальным образом связывать, а нам этого не хотелось делать самым решительным образом. Застарелая нелюбовь АБС к каким-либо объяснениям и растолкованиям текста вспыхнула по окончании повести с особенной силой.

1. Что произошло между Тристаном и Абалкиным там, на Саракше?
2. Как (и зачем) Абалкин оказался в Осинушке?

3. Зачем ему понадобилось общаться с доктором Гоаннеком ?
4. Зачем ему понадобилось общаться с Майкой?
5. Что ему нужно было от Учителя?
6. Зачем звонил он журналисту Каммереру?
7. Зачем ему понадобился Щекн?
8. Как удалось ему выйти на доктора Бромберга?
9. Зачем в конце повести он идет в Музей Внеземных культур?
10. Что, собственно, произошло там, в Музее?

11. И наконец, самый фундаментальный вопрос: почему он, Абалкин (если он, конечно, не есть в самом деле автомат Странников, а по замыслу авторов он, конечно, никакой не автомат, а несчастный человек с изуродованной судьбой), почему не пошел он с самого начала к своим начальникам и не выяснил по-доброму, по-хорошему всех обстоятельств своего дела? Зачем понадобилось ему метаться по планете, выскакивать из-за угла, снова исчезать и снова внезапно появляться в самых неожиданных местах и перед самыми неожиданными людьми?

Во всяком добропорядочном детективе все эти вопросы, разумеется, должно было бы подробно и тщательно разложить по полочкам и полностью разъяснить. Но мы-то писали не детектив. Мы писали трагическую историю о том, что даже в самом светлом, самом добром и самом справедливом мире появление тайной полиции (любого вида, типа, жанра) неизбежно приводит к тому, что страдают и умирают ни в чем не повинные люди, — какими благородными ни были бы цели этой тайной полиции и какими бы честными, порядочнейшими и благородными сотрудниками ни была эта полиция укомплектована. И в рамках таким вот образом поставленной литературной задачи заниматься объяснениями необъясненных сюжетных второстепенностей авторам было и тошно, и нудно.

Сначала мы планировали написать специальный эпилог, где и будут поставлены все точки над нужными буквами, все будет объяснено, растолковано, разжевано и в рот читателю положено. Сохранился листочек с одиннадцатью сакраментальными вопросами и с припиской внизу: «30 апреля 1979 г. Вопрос об эпилоге — посмотрим, что скажут квалифицированные люди». На самом деле, я полагаю, вопрос об эпилоге был нами решен уже тогда, вне всякой зависимости от мнения «квалифицированных людей». Мы уже понимали, что написана повесть правильно: все события даны с точки зрения героя — Максима

Каммерера — так, что в каждый момент времени читателю известно ровно столько же, сколько и герою, и все решения он, читатель, должен принимать вместе с героем и на основании доступной ему (отнюдь не полной) информации. Эпилог при такой постановке литературной задачи становился абсолютно не нужен. Тем более что, как показал опыт, «квалифицированные люди» оборванных нитей либо не замечали вовсе, либо, заметив, каждый по-своему, но отнюдь не без успеха связывали их сами.

На самом деле ответы на большинство из вопросов рассыпаны в неявном виде по всему тексту повествования, и внимательный читатель без особенного труда способен получить их вполне самостоятельно. Например, любому читателю вполне доступно догадаться, что в Осинушке Абалкин оказался совершенно случайно (уходя от слезки, которая чудилась ему в каждом встречном и поперечном), а к доктору Гоаннеку он обратился в надежде, что опытный врач-профессионал без труда отличит человека от робота-андроида.

Использовать эти мои комментарии для объяснений необъясненного означало бы фактически дописать тот самый эпилог повести, от которого авторы в свое время отказались. Потому я и не стану ничего здесь объяснять, оставив повесть в первоизданном ее виде в полном соответствии с исходным замыслом авторов.

Ответы на все указанные вопросы (в трактовке группы «Людены») вряд ли надо приводить в этой книге — скорее всего, они интересуют лишь очень узкий круг фанатичных поклонников, и не просто поклонников, но и исследователей творчества АБС. Но один ответ все же приведем — хотя и он предназначен для тех читателей, которые достаточно плотно «включены» в Миры Братьев Стругацких и которым не надо напоминать суть дела и объяснять, скажем, кто такой Тристан...

Итак, что на самом деле произошло с Тристаном? БН по поводу этого вопроса замечает:

«Принципиально особенным является первый вопрос. Чтобы ответить на него, недостаточно внимательно читать текст — надо *придумать* некую ситуацию, которая авторам, разумеется, известна во всех деталях, но в повести присутствует лишь как некое древо последствий очевидного факта:

Абалкину откуда-то (ясно откуда — от Тристана) и каким-то образом (каким? в этом и состоит загадка) удастся узнать, что ему

почему-то запрещено пребывание на Земле и запрет этот каким-то образом связан с КОМКОНОм-2 (отсюда — бегство Абалкина с Саракша, неожиданный и невозможный звонок его Экселенцу, вообще все странности его поведения). Разумеется, я мог бы здесь изложить суть этой исходной сюжетобразующей ситуации, но мне решительно не хочется этого делать. Ведь ни Максим, ни Экселенц ничего не знают о том, что произошло между Тристаном и Абалкиным на Саракше. Они вынуждены только строить гипотезы, более или менее правдоподобные, и действовать, исходя из этих своих гипотез. Именно процедура поиска и принятия решений как раз и составляет самую суть повести, и мне хотелось бы, чтобы читатель строил СВОИ гипотезы и принимал СВОИ решения одновременно и параллельно с героями — на основании той и только той информации, которой они обладают. Ведь знай Экселенц, что на самом деле произошло с Тристаном на Саракше, он воспринимал бы поведение Абалкина совершенно иначе, и у повести нашей было бы совсем другое течение и совершенно другой, далеко не столь трагичный конец».

В трактовке «Люденов» ответ (вкратце) выглядит так. На месте, где предполагалась его встреча с Абалкиным, Тристан был захвачен контрразведчиками Островной Империи, заподозрен в шпионаже и подвергнут пыткам. В результате этих пыток, возможно с применением химических препаратов, он мог начать бредить, причем на родном немецком языке. Появившийся на месте встречи Абалкин-Гурон не мог не быть привлечен для дешифровки этого бреда. В результате чего вполне мог узнать, что ему, во-первых, категорически запрещено возвращаться на Землю, во-вторых — что по некоему номеру спецканала, известному только Тристану и Экселенцу, можно что-то выяснить. Само собой, переводить все это контрразведчикам Империи Абалкин не стал, но воспользовался первым же поводом для того, чтобы покинуть Островную Империю и принять меры для прояснения ситуации.

Если же говорить о последнем, одиннадцатом, вопросе (именуемом АБС фундаментальным) — почему Абалкин, попросту говоря, не пошел жаловаться по начальству, а вместо этого начал метаться по планете и совершать необъяснимые и необратимые поступки — ответ на него несложен. Абалкин — «прогрессор»

и свои проблемы привык решать типично «прогрессорским» методом. То есть в одиночку и так, чтобы сразу отделить своих от чужих. Что есть, согласно Стругацким, одно из главнейших качеств Прогрессора — умение безошибочно отделять своих от чужих. Кроме этого, Абалкин очень хорошо знает, каково его родное начальство и к чему привели, например, его многочисленные жалобы в прежние годы — когда он хотел работать по призванию, а его безжалостно отпихивали в нужную начальству сторону. То есть подальше от Земли.

Комментарий БН:

Чистовик мы добились окончательно в конце апреля 1979 года и тогда же — но никак не раньше! — приняли новое название «Жук в муравейнике» вместо старого «Стояли звери около двери». От исходного замысла остался только эпиграф. За него, помнится, нам пришлось сражаться буквально не на жизнь, а на смерть с окончательно сдуревшим идиотом-редактором из Лениздата, которому втемяшилось в голову, что стихок этот авторы на самом деле придумали, переиначив (зачем?!) какую-то богом забытую маршевую песню гитлерюгенда (!!!). Причем эту — истинную — причину редакторской активности мне сообщил по секрету «наш человек в Лениздате», а в открытую речь шла только о нежелательных аллюзиях, акцентах и ассоциациях, каким-то таинственным образом связанных со злосчастным «стишком маленького мальчика».

Из письма БН от 9.09.82: «...В общем, битых полтора часа мы с Брандисом (который также был вызван, как составитель и автор предисловия) доказывали этому дубине, что нет там никаких аллюзий и что не ночевали там ни акценты, ни ассоциации, ни прочие иностранцы, а есть там, напротив, только Одержание и Слияние... Скажи мне: почему они всегда одерживают над нами победы? Я полагаю, потому, что им платят за то, чтобы они напирали, а нам за то, чтобы мы уступали...»

Отстоять эпиграф так и не удалось. С трудом удалось оставить в тексте сам стихок, основательно его, впрочем, изуродовав. (Никогда в жизни не согласились бы мы на такое издевательство, но повесть шла в сборнике вместе с произведениями других авторов, и получалось так, что из-за нашего «капризного упрямства» страдают ни в чем не повинные собратья-писатели).

Но, несмотря на мелкие огрехи, цензурные придирки и прочие «рады жизни», ЖВМ занял свое прочное место в Мире Полудня. И одновременно стал связующим мостиком от «Обитаемого острова»

к «Волны гасят ветер». Где авторы завершили трилогию о Максиме Каммерере — правда, на довольно грустной ноте. Как напишет БН, «повесть „Волны...“ оказалась итоговой. Все герои наши безнадежно состарились, все проблемы, некогда поставленные, нашли свое решение (либо — оказались неразрешимыми), мы даже объяснили (вдумчивому) читателю, кто такие Странники и откуда они берутся во Вселенной, ибо людены наши — это Странники и есть, точнее, та раса Странников, которую породила именно цивилизация Земли, цивилизация *Homo sapiens* (как называется в Большой науке вид, к которому все мы имеем честь принадлежать)...»

«ХРОМАЯ СУДЬБА» (1967–1982)

«Хромая судьба» — второй, после «Града обреченного», и он же — последний роман АБС, который они, по собственному признанию, совершенно сознательно писали «в стол», понимая, что у него нет никакой издательской перспективы. Действительно, довольно трудно представить себе издание ХС (естественно, вместе с «Гадкими лебедями») году эдак в 1983-м. В самый (как казалось тогда) разгар застоя, когда страной правил недавний председатель КГБ, а Политбюро ЦК КПСС в целях увековечения памяти Л.И. Брежнева постанавливало, как шутили тогда, присвоить его имя Ю.В. Андропову. Когда в магазинах проводили облавы на предмет обнаружения улизувших с работы граждан, когда сбивали южнокорейский «Боинг», когда Сахаров уже сидел в горьковской ссылке и когда всю пылал пожар «освободительной» войны в Афганистане.

Время было мерзейшее — как сейчас помню. Все мы пребывали в полной уверенности, что кремлевские старцы будут и далее сменять друг друга на троне и надо только внимательно следить — кто будет возглавлять комиссию по организации похорон очередного вождя (это, как известно, было вернейшей приметой — точнее, Знаком, безошибочно указывавшим на очередного Генерального секретаря). Было понятно, что после Андропова грядет либо Черненко, либо Гришин, а вот Романову, видимо, придется подождать — непозволительно молод. Но настанет и его черед (о чем мы, жившие в Ленинграде под его мудрым руководством, размышляли со скрежетом зубовным)...

И в это время — «Хромая судьба»? Помилуйте, о чем речь? С ее-то откровенными издевательствами над социалистическим реализмом и структурами, оный соцреализм производящими? С беспощадно точным описанием творческих мук писателя, пытающегося «встроиться» в застойную эпоху и ей хотя бы формально

соответствовать, держа при этом (как многие из нас, впрочем) фигу в кармане? С упоминанием, наконец, того, что писатель вообще может писать «в стол», иметь дома в ящике стола что-либо тайное, заветное, сокровенное, но не предназначенное для открытой советской печати? А как же провозглашенная на весь мир свобода творчества? Сразу, правда, вспоминается известное: «А правда ли, что советские писатели пишут по указке партии? — Нет, неправда! Они пишут по указке сердца! А сердца преданы партии...»

Комментарий БН:

История написания этого романа необычна и достаточно сложна, так что приступая сейчас к ее изложению, я испытываю определенные трудности, не зная, с чего лучше начать и в какой последовательности излагать события.

Во-первых — название. Оно было придумано давно и предназначалось для совсем другой повести — «о человеке, которого было опасно обижать». Эту повесть мы обдумывали на протяжении многих лет, то приближаясь к ней вплотную, то отдаляясь, казалось бы, насовсем, и в конце концов АН написал ее сам, в одиночку, под псевдонимом С. Ярославцев и под названием «Дьявол среди людей». Первоначальное же ее название — «Хромая судьба» — мы отдали роману о советском писателе Феликсе Сорокине и об унылых его приключениях в мире реалий развитого социализма.

Роман этот возник из довольно частного замысла: в некоем институте вовсю идет разработка фантастического прибора под названием *Menzura Zoili*, способного измерить ОБЪЕКТИВНУЮ ценность художественного произведения. Сам этот термин мы взяли из малоизвестного рассказа Акутагавы, и означает он в переводе что-то вроде «Измеритель Зоила», где Зоил — это древнегреческий философ, прославившийся в веках особенно злобной критикой Гомера, так что имя его стало нарицательным для обозначения ядовитого, беспощадного и недоброжелательного критика вообще. Первое в нашем рабочем дневнике упоминание о произведении с таким названием относится аж к ноябрю 1971-го года! Но тогда задумывалась пьеса, а не роман.

Самые же первые подробные обсуждения именно романа состоялись, судя по дневнику же, только в ноябре 1980-го, потом снова возник перерыв длиной почти в год, до октября 1981-го, и только в январе 82-го начинается обстоятельная работа над черновиком. К этому моменту все узловые ситуации и эпизоды были определены,

сюжет готов полностью и окончательно сформулировалась литературная задача: написать булгаковского «Мастера-80», а точнее, не Мастера, конечно, а бесконечно талантливое и замечательно несчастное литературное творение из «Театрального романа» — как бы он смотрелся, мучился и творил на фоне неторопливо разворачивающихся «застойных» наших «восемьдесятых». Прообразом Ф. Сорокина взят был АН с его личной биографией и даже, в значительной степени, судьбой, а условное название романа в этот момент было — «Торговцы псиной» (из все того же рассказа Акутагавы: «С тех пор как изобрели эту штуку, всем этим писателям и художникам, которые торгуют собачьим мясом, а называют его бараниной, всем им — крышка...»).

Обработка черновика закончена была в октябре 1982 г., и тогда же совершилось переименование романа в «Хромую судьбу», и эпиграф был найден — мучительно грустная и точная хокку старинного японского поэта Райдзана об осени нашей жизни. (Мало кто это замечает, а ведь «Хромая судьба» — это прежде всего роман о беспощадно надвигающейся старости, от которой нет нам ни радости, ни спасения, — «признание в старости», если угодно...)

Но вовсе не сами, как выражаются авторы, «унылые приключения» Феликса Сорокина в мире реалий развитого социализма представляют наивысший интерес в ХС. Хотя с годами я и перечитываю эту часть «Хромой судьбы» с не меньшим удовольствием, чем в первый раз. И время от времени обнаруживаю что-то любопытное и даже неожиданное. Скажем, совсем недавно, зайдя в магазин, увидел вдруг на полке с восточными сладостями... «Ойло Союзное»! На вид — что-то среднее между пастилой и халвой. И тут же вспомнил одного из героев ХС, носившего именно такое прозвище. А в прошлом году из ответов БН на вопросы по Интернету узнал, что в Канске Красноярского края АН прослужил довольно долгое время в качестве преподавателя в школе военных переводчиков. И изображенные в ХС сцены сожжения императорской библиотеки — это описание реальных событий...

Однако куда любопытнее другая часть ХС — посвященная другому писателю, Виктору Баневу. Тоже живущему в тоталитарной стране, — которую, впрочем, по причине ее явной «зарубежности» можно было таковой если не называть, то по крайней мере изображать. И видящим перед собой, в общем, похожие проблемы. Короче говоря, «встроенная» в ХС повесть «Гадкие лебеди».

О ГЛ в 70-х годах ходили легенды — повесть, написанная в конце 60-х годов, была известна только в самиздатовском варианте. Иногда — в опубликованной в «Посеве» версии, тайком привезенной кем-либо из-за рубежа под угрозой ответственности за «антисоветскую агитацию». Правда, как говорят авторы, «органы» не слишком рьяно за ней охотились — поскольку «Гадкие лебеди» проходили по разряду «упаднических», а не антисоветских. Но сам факт публикации в «антисоветском» издательстве «Посев» не мог рассматриваться иначе, как нечто недопустимое. Да и содержание повести было, мягко говоря, невесторженным. За такой образ мыслей при дворе епископа и боевого магистра раба божьего Рэбы давали как минимум пять розог без целованья...

Достаточно вспомнить *такое*, сразу и надолго запомнившееся:

«Продаваться надо легко и дорого. Чем талантливее твое перо, тем дороже оно должно обходиться власть имущим».

Или:

«Скажите, вы сперва пишете, а уже потом вставляете национальное самосознание?»

И ответ Банева: мол, читаю речи нашего президента, потом включаю телевизор и слушаю речи президента, включаю радио и слушаю речи президента... и когда начинает рвать — тогда берусь за дело...

А чего стоит эпизод, когда будущий писатель Банев во время военного парада позволяет себе неслыханное вольнодумство — демонстративно вытереть платком с лица брызги президентской слюны? Считая впоследствии это самым храбрым поступком в жизни — не считая случая, когда он один дрался с тремя танками сразу. Кстати, по первоначальному замыслу, как говорит БН, Банев должен был быть капитаном пограничных войск...

«Именно то, что наиболее естественно, менее всего подобает человеку»...

«Настоящая жизнь есть способ существования, позволяющий наносить ответные удары»...

«Будущее не собиралось никого карать. Будущее никого не собиралось миловать. Оно просто шло своей дорогой»...

И наконец — лучший, наверное, из афоризмов братьев Стругацких:

«Будущее создается тобой, но не для тебя».

Собственно, от фантастики в ХС — только один сюжет (пусть и главный в повести). Это — сюжет с «мокрецами», Человеками Будущего (выражение БН), воспитывающими необыкновенных детей по научной методике Будущего, во имя Будущего и для нужд Будущего. Работающих при этом, как сказали бы сейчас, «под колпаком» спецслужб — надеясь тем самым пройти по лезвию бритвы: и угодить господину генералу Пферду и его сослуживцам, — и получить возможность продолжать свой Эксперимент. Но, естественно, навлекая тем самым на себя «праведный гнев» окружающих...

Финал этого «прорыва будущего в настоящее» хорошо известен — правда, менее известно, что заключительный эпизод «Гадких лебедей» был дописан авторами почти в «последний день творенья». Как говорит БН, от первого варианта текста веяло такой «безнадежностью и отчаянием», что авторы попытались «разбавить» это, дописав последнюю главу, где Будущее, выметя все поганое и нечистое из настоящего, является читателю в виде этакого Номо Новус, всемогущего и милосердного одновременно. В первом же варианте повесть кончалась сценой в ресторане и словами Голема:

«... бедный прекрасный утенок».

В новом же варианте новые Всадники Апокалипсиса — Бол-Кунац, Ирма и другие — остаются победителями. Правда, финал, как это часто бывает у Стругацких, — открытый. Ибо что будет дальше — Там, За Горизонтом, — неведомо.

Комментарий БН:

Журнальный вариант ХС появился только в 1986 году, в ленинградской «Неве», — это было (для нас) первое чудо разгорающейся Перестройки, знак Больших Перемен и примета Нового времени. И именно тогда впервые встала перед нами проблема совершенно особенного свойства, казалось бы, вполне частная, но в то же время настоятельно требующая однозначного и конкретного решения.

Речь шла о Синей Папке Феликса Сорокина, о заветном его труде, любимом детище, тщательно спрятанном от всех и, может быть, навсегда.

Работая над романом, мы, для собственной ориентировки, подразумевали под содержимым Синей Папки наш «Град обреченный», о чем свидетельствовали соответствующие цитаты и разрозненные обрывки размышлений Сорокина по поводу своей тайной рукописи. Конечно, мы понимали при этом, что для создания у читателя по-настоящему полного впечатления о второй жизни нашего героя — его подлинной, в известном смысле, жизни — этих коротких отсылок к несуществующему (по понятиям читателя) роману явно недостаточно, что в идеале надобно было бы написать специальное произведение, наподобие «пилатовской» части «Мастера и Маргариты», или хотя бы две-три главы такого произведения, чтобы вставить их в наш роман... Но подходящего сюжета не было, и никакого материала не было даже на пару глав, так что мы сначала решились скрепя сердце пожертвовать для святого дела двумя первыми главами «Града обреченного» — вставить их в «Хромую судьбу», и пусть они там фигурируют как содержимое Синей папки. Но это означало украсить один роман (пусть даже и хороший) ценой разрушения другого романа, который мы нежно любили и бережно хранили для будущего (пусть даже недостижимо далекого). Можно было бы вставить «Град обреченный» в «Хромую судьбу» *целиком*, это решало бы все проблемы, но в то же время означало бы искажение всех и всяческих разумных пропорций получаемого текста, ибо в этом случае вставной роман оказывался бы в три раза толще основного, что выглядело бы по меньшей мере нелепо.

И тогда мы вспомнили о старой нашей повести — «Гадкие лебеди».

Писались «Гадкие лебеди» для сборника наших повестей в «Молодой Гвардии». Этот сборник («Второе нашествие марсиан» плюс «Гадкие лебеди») был даже объявлен в плане 1968-го, кажется, года, но вышел он в другом составе: вместо «Лебедей» поставлены там были «Стажеры». «Лебеди» — не прошли.

Второй и последний вариант «Гадких лебедей» был закончен в сентябре 1967 года и окончательно отклонен «Молодой Гвардией» в октябре. Больше никто ее брать не захотел. Повесть перешла на нелегальное положение.

1.10.68 — БН: «...Люди, приехавшие из Одессы, рассказывают, что там продается с рук машинопись ГЛ — 5 руб. штука. Ума не приложу, каким образом это произошло. Я давал только проверенным людям».

БН сильно подозревал в потере бдительности и в распространении АНа, АН — БНа. Но дело было в другом: рукопись шла в нелегальную распечатку прямо в редакциях, куда попадала вполне официально и откуда, растиражированная, уходила «в народ». Авторы не сразу поняли,

что происходит, но и поняв, отнюдь не смутились и продолжали давать рукопись все в новые и новые редакции — у нас это называлось «стрелять по площадям», на авось, вдруг где-нибудь, как-нибудь, божьим попусением и проскочит.

Не проскочило. Сейчас уже невозможно вспомнить, в каких именно журналах побывала рукопись. Сохранились отдельные об этом упоминания в письмах и в дневниках. Но рукопись легла на полку. Теперь уже прочно. Надолго. Авторы временно перестали трепыхаться и совать ее туда-сюда. Они еще не знали тогда, а судьба этой их повести уже была решена, и на много лет вперед. В ноябре 1972 г. АН передал БНУ с оказией письмо, содержащее отчет о своей встрече с пресловутым, ранее уже упоминавшимся в связи со «Сказкой о Тройке», товарищем Ильиным (бывшим генералом КГБ, а в те времена — секретарем Московской писательской организации по организационным вопросам).

24.11.72 — АН: «...В понедельник 13-го я был у Ильина. Перед этим (вот совпадение!) я отнес в „Мир“ рецензию, и тут Девис, криво ухмыляясь и глядя в угол, рассказал: во Франкфурте-на-Майне имела состояться выставка книгопродукции издательств ФРГ, всяких там ферлагов. От нас выставку посетили Мелентьев (ныне зам. председателя ГК по печати) и руководство „Мира“ и „Прогресса“.

Добрались до стенда издательства «Посев». Выставлено пять книг: Исаич «1914», двухтомник Окуджавы, реквизированный Гроссман, «Семь дней творения» В. Максимова и Мы с Тобой — ГЛ. Поверх всего этого — увеличенные фотопортреты авторов вышеперечисленных и якобы надпись: «Эти русские писатели не примирились с существующим режимом». <...> Ну, прямо от Девиса пошел я, судьбою палимый, к Ильину. Думаю, быть мне обосрану, а нам — битыми. АН нет. Встретил хорошо, даже за талию, по-моему, обнял, не за стол — в интимные угловые креслица усадил и принялся сетовать на врагов, которые нас так спровоцировали. Ласков был до чрезвычайности. Коротко, все сводится к тому, что нам надобно кратко и энергично, с политическим акцентом отмежеваться. Эту бумагу должен составить ты, перешлешь ее мне (это не опасно, сам понимаешь), а я уж понесу ее Ильину и буду тянуть...»

(Странно читать это сегодня, правда? Письмо из другого времени и с другой планеты... Дабы усилить это ощущение, не могу удержаться, чтобы не процитировать из того же письма кусочек, прямого отношения к литературе не имеющий: «...Как стало достоверно известно, Петр Якир, просидев на площади (эвфемизм Лубянки. — Б. В.) около месяца, вдруг затребовал свидания с дочерью и, оно получив, велел передать ей, что

в корне изменил свои убеждения и просит всех прежних своих сторонников своим сторонником его, Петра Якира, не считать. После этого он принялся закладывать ВСЕХ. Повторяю: ВСЕХ. <...> Прошу тебя иметь это в виду и, если есть у тебя основания, сделать выводы...»)»

Разумеется, БН немедленно набросал и переслал в Москву текст решительного отмежевания от «акции, произведенной без ведома и согласия авторов, явно преследующей провокационные политические цели и являющей собою образец самого откровенного литературного гангстеризма». Или что-то в этом же роде, не помню точно, в каком именно виде это оказалось опубликовано в «Литературной газете», а в архиве сохранился только самый первый черновик.

На этой истерически высокой ноте эпопея «Гадких лебедей» обрела свой заслуженный конец. Отныне (и присно, и во веки веков) ни о какой публикации названной вещи не могло быть и речи. Она теперь уж окончательно оказалась занесена в черные списки и сделалась «табу» для любого издательства в СССР, а равно и в странах социализма.

Согласитесь, повесть с такой биографией вполне годилась на роль содержимого Синей папки. «Гадкие лебеди» входили в текст «Хромой судьбы» естественно и ловко, словно патрон в обойму. Это тоже была история о писателе в тоталитарной стране. Эта история также была в меру фантастична и в то же время совершенно реалистична. И речь в ней шла, по сути, о тех же вопросах и проблемах, которые мучили Феликса Сорокина. Она была в точности такой, какой и должен был написать ее человек и писатель по имени Феликс Сорокин, герой романа «Хромая судьба». Собственно, в каком-то смысле он ее и написал на самом деле.

Предложенный ленинградской «Неве» вариант «Хромой судьбы» уже содержал в себе «Гадких лебедей». Впрочем, из этой первой попытки ничего путного не получилось. Я, разумеется, рассказал (обязан был рассказать!) историю «Лебедей» главному редактору журнала, и тот пообещал выяснить ситуацию в обкоме (1986 год, самое начало, перестройка еще пока только чадит и дымит, никто ничего не знает, ни внизу, ни на самом верху, все возможно — в том числе и мгновенный поворот на сто восемьдесят градусов). Видимо, «добро» получить ему не удалось, «Хромая судьба» вышла без Синей папки, да еще вдобавок основательно покуроченная в тупых шестернях бушующей вовсю антиалкогольной кампании имени товарища Лигачева.

Но уже в 1987-м журнал «Даугава» рискнул напечатать «Лебедей» (пусть даже и под ублюдочным названием «Время дождя»), и ничего ужасного из этого не произошло — небеса не обрушились и никакие

карающие молнии не ударили в святотатцев: времена переменялись наконец, и ранее запрещенное сделалось разрешенным. И — о смех богов! — сделавшись разрешенным, запрещенное сразу же стало всем безразлично. Так что и появление в 1989 году полного текста «Хромой судьбы» в великолепном издании ленинградского отделения «Советского писателя» не произвело ни шума, ни сенсации и вообще вряд ли даже было замечено читающей публикой. Новые времена внезапно наступили, и новый читатель возник — образовался почти мгновенно, словно выпал в кристаллы перенасыщенный раствор, — и возникла потребность в новой литературе, литературе свободы и пренебрежения, которая должна была прийти на смену литературе-из-под-глыб, да так и не пришла, пожалуй, даже и по сей день.

Нам хотелось написать человека талантливого, но безнадежно задавленного жизненными обстоятельствами, его основательно и навсегда взял за глотку «век-волкодав», и он на все согласен, почти совсем уже смирился, но все-таки позволяет иногда давать себе волю — тайно, за плотно законопаченными дверями, при свечах, потому что, в отличие от булгаковского Максудова, отлично знает и понимает, что сегодня, здесь, сейчас, можно, а чего нельзя и всегда будет нельзя... Феликс Сорокин представлялся нам таким «героем нашего времени», и, может быть, он и был таковым в каком-то смысле, но вот время — прямо у нас на глазах! — переменялось, а вместе с ним и многие-многие наши представления, и героями стали совсем другие люди, а наш Феликс Сорокин как тип, как герой канул в небытие — во всяком случае, мне очень хочется на это надеяться.

А вот у романа его, у «Гадких лебедей», по-моему, актуальность отнюдь покуда не пропала, потому что проблема будущего, запускающего свои щупальца в сегодняшний день, никуда не делась, и никуда не делась чисто практическая задача: как ухитриться посвятить свою жизнь будущему, но умереть при этом все-таки в настоящем. И чем стремительнее становится прогресс, чем быстрее настоящее сменяется будущим, тем труднее Виктору Баневу оставаться в равновесии с окружающим миром, в перманентном своем состоянии неослабевающего футурошока. Всадники Нового Апокалипсиса — Ирма, Бол-Кунац и Валерьяне — уже оседлали своих коней, и остается только надеяться, что Будущее не станет никого карать, не станет никого и миловать, а просто пойдет своей дорогой».

В «Гадких лебедях» Будущему дали пойти своей дорогой — точнее, не смогли ему в этом помешать. И Виктору Баневу с Дианой

осталось только наблюдать, как это Будущее вступает на территорию, оставленную в панике бежавшим Настоящим. Впоследствии нечто подобное АБС назовут «вертикальным прогрессом» — когда появятся «Волны гасят ветер» и идея Странников, точнее — люден, покидающих Землю в своем «вертикальном» развитии. А затем в заочную дискуссию со Стругацкими вступит тогда еще начинающий красноярский писатель, а ныне — автор бестселлеров, заполнивших книжные лотки по горизонтали и вертикали, Александр Бушков.

В самом начале 90-х годов появится его повесть «Великолепные гепарды», где тоже будут действовать «аномальные дети», именуемые «ретцелькиндами». Но там с этими детьми будут поступать вовсе не так, как в «Гадких лебедях», — и будут не созерцать приход Будущего, а активно этому приходу противодействовать. И, по традиционной для Бушкова логике «добра с кулаками», ретцелькиндов насильно вывезут в разные стороны из города — причем поодиночке, ибо два и более ретцелькинды способны превращать в свое подобие окружающих детей, один же — постепенно теряет свои чудесные свойства. И все это будет происходить на фоне (опять же, типичных для Бушкова) приключений главного героя — полковника некоей Международной Службы Безопасности Антона Кропачева по прозвищу Голем (кстати, одного из героев «Гадких лебедей» тоже зовут Голем, хотя роль у него, мягко говоря, иная), борящегося с наступлением Чужого из всех своих полковничьих сил, успевая при этом покорять женщин, поддерживать друзей и устрашать врагов.

Конечно, это — принципиально иная этическая конструкция, чем у братьев Стругацких. Которую короче всего можно определить как «Если враг не сдается — его уничтожают». Есть «мы», которые по определению — добро, и есть «они», которые по определению — зло, враждебные нам и подлежащие уничтожению огнем и мечом без сомнений и колебаний. Характерная фраза героя Бушкова: «Чем большим разумом наделено создание, служащее злу, тем быстрее оно должно быть уничтожено». Куда уж тут морали героев «Гадких лебедей» или «Жука в муравейнике»!

Сам БН определяет эту этику как «этику незрелого ума». Этику малого опыта. Эмбрион этики, из которого может вырасти

ГЛАВА ВТОРАЯ

этика носителя разума, а может ничего не вырасти. Этику, свойственную людям молодым, по-настоящему не битым жизнью, и дурно воспитанным — в том смысле, что не существует у них сопереживания чужой боли, и чужому горю, и чужой смерти. Того сопереживания, которое для АБС — естественно. И которое отличает их от авторов «супербестселлеров», о которых через десяток лет вспомнят разве что библиофилы...

«ГРАД ОБРЕЧЕННЫЙ» (1975)

К пониманию «Града обреченного» надо идти долго — не такая это вещь, чтобы сразу раскрыть перед читателем свою суть и свои секреты. Помню как сейчас публикацию первой книги ГО в журнале «Нева» в 1988 году — журнал этот тогда был одним из наиболее читаемых и наиболее почитаемых. И не то чтобы оппозиционным, но — проникнутым типичным для конца 80-х мягким вольнодумством.

Тогда еще не позволялось сомневаться — но уже позволялось обсуждать. Еще не позволялось пересматривать — но уже позволялось рассматривать с другого ракурса. Еще не позволялось посягать на основы — но уже позволялось строить на этих основах не то, что полагалось строить прежде. Тогда были популярны апелляции к «истинному Ленину», спектакли типа «Перечитываем заново» и «Синие кони на красной траве», а вершиной свободомыслия считались статьи Гавриила Попова в «Науке и жизни», или Николая Шмелева и Андрея Нуйкина — в «Новом мире». Уровнем выше были «Московские новости» Егора Яковлева, журнал «Огонек» и фильм «Покаяние» Тенгиза Абуладзе. А уж когда вышла (в начале 1989 года) знаменитая, а нынче — почти совершенно забытая статья Сергея Андреева в «Неве» «Структура власти и задачи общества» — автора немедленно выдвинули в народные депутаты СССР на первых свободных выборах...

«Град» пал на благодатную почву — поскольку прекрасно «встраивался» именно в эту атмосферу. Встраивался в те времена, которые АБС охарактеризуют впоследствии как «дьявольски многообещающие, но и какие-то неверные, колеблющиеся и нереальные, как свет лампы на ветру». «Град» смотрелся и как потрясающе актуальный роман, и как только что написанный. Пройдет несколько лет — и мы узнаем, что на самом деле он был создан почти полтора десятилетия назад...

Комментарий БН:

Впервые идея «Града» возникла у нас еще в марте 1967 года, когда вовсю шла работа над «Сказкой о Тройке». Это было в Доме творчества в Голицыно, там мы регулярно по вечерам прогуливались перед сном по поселку, лениво обсуждая дела текущие, а равно и грядущие, и во время одной такой прогулки наткнулись на сюжет, который назвали тогда «Новый Апокалипсис» (о чем существует соответствующая запись в рабочем дневнике). Очень трудно и даже, пожалуй, невозможно восстановить сейчас тот облик «Града», который нарисовали мы себе тогда, в те отдаленные времена. Подозреваю, это было нечто весьма не похожее на окончательный мир Эксперимента, достаточно сказать, что в наших письмах конца 60-х встречается и другое черновое название того же романа — «Мой брат и я». Видимо, роман этот задумывался изначально в значительной степени как автобиографический.

Ни над каким другим нашим произведением (ни до, ни после) не работали мы так долго и так тщательно. Года три накапливали — по крупницам — эпизоды, биографии героев, отдельные фразы и фразочки; выдумывали Город, странности его и законы его существования, по возможности достоверную космографию этого искусственного мира и его историю — это было воистину сладкое и увлекательное занятие, но все на свете имеет коней, и в июне 1969-го мы составили первый подробный план и приняли окончательное название — «Град обреченный» (именно «обреченный», а не «обречённый», как некоторые норвят произносить). Так называется известная картина Рериха, поразившая нас в свое время своей мрачной красотой и ощущением безнадежности, от нее исходившей.

Черновик романа был закончен в шесть заходов (общим счетом — около семидесяти полных рабочих дней), на протяжении двух с четвертью лет. 27 мая 1972 г. поставили мы последнюю точку, с облегчением вздохнули и сунули непривычно толстую папку в шкаф. В архив. Надолго. Навсегда. Нам было совершенно ясно, что у романа нет никакой перспективы.

Нельзя сказать, чтобы мы питали какие-либо серьезные надежды и раньше, когда только начинали над ним работу. Уже в конце 60-х, а тем более в начале 70-х, ясно стало, что роман этот опубликовать нам не удастся — скорее всего, никогда. И уж во всяком случае — при нашей жизни. Однако в самом начале мы еще представляли себе развитие будущих событий достаточно оптимистично. Мы представляли себе, как, закончив рукопись, перепечатаем ее начисто и понесем (с самым невинным видом) по редакциям. По многим и по разным. Во всех этих

редакциях нам, разумеется, откажут, но предварительно — обязательно прочтут. И не один человек прочтет в каждой из редакций, а, как это обыкновенно бывает, несколько. И снимут копии, как это обыкновенно бывает. И дадут почитать знакомым. И тогда роман начнет существовать. Как это уже бывало не раз — и с «Улиткой», и со «Сказкой», и с «Гадкими лебедями»... Это будет нелегальное, бесшумное и тайное, почти призрачное, но все-таки существование — взаимодействие литературного произведения с читателем, то самое взаимодействие, без которого не бывает ни литературного произведения, ни литературы вообще...

Но к середине 1972-го даже этот скромный план выглядел уже совершенно нереализуемым и даже небезопасным. История замечательного романа-эпопеи Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», рукопись которого прямо из редакции тогдашнего «Знамени» была переправлена в «органы» и там сгинула (после обысков и изъятий чудом сохранилась одна-единственная копия, еще немного — и роман вообще прекратил бы существование, словно его никогда и не было!), — история эта хорошо нам была известна и служила сумрачным предостережением. Наступило время, когда рукопись из дома выносить не рекомендовалось вообще. Ее даже знакомым давать сделалось опасно. И лучше всего было, пожалуй, вообще помалкивать о ее существовании — от греха подалее. Поэтому черновик мы прочли (вслух, у себя дома) только самым близким друзьям, а все прочие интересующиеся еще много лет оставались в уверенности, что «Стругацкие — да, пишут новый роман, давно уже пишут, но все никак не соберутся его закончить».

А после лета 1974-го, после «дела Хейфеца-Эткинда», после того как хищный взор компетентных органов перестал блуждать по ближним окрестностям и уперся напрямиком в одного из соавторов, положение сделалось еще более угрожающим. В Питере явно шилось очередное «ленинградское дело», так что теоретически теперь к любому из «засвеченных» в любой момент могли *прийти*, и это означало бы (помимо всего прочего) конец роману, ибо пребывал он в одном-единственном экземпляре и лежал в шкафу, что называется, на самом виду. Поэтому в конце 1974-го рукопись была БНом срочно распечатана в трех экземплярах (заодно произведена была и необходимая чистовая правка), а потом два экземпляра с соблюдением всех мер предосторожности переданы были верным людям — одному москвичу и одному ленинградцу. Причем люди эти были подобраны таким образом, что, с одной стороны, были абсолютно и безукоризненно честны, вне малейших подозрений, а с другой — вроде бы и не числились среди ближайших наших друзей, так что в случае чего к ним, пожалуй, не должны были *прийти*. Слава богу, все окончилось благополучно, ничего экстраординарного не

произошло, но две эти копии так и пролежали в «спехране» до самого конца 80-х, когда удалось все-таки «Град» опубликовать.

Первое впечатление о «Граде» было у меня (как сейчас помню) достаточно прохладным. Да, интересно. Да, мастерски написано. Да, эффектно «закрученный» сюжет. Но... Ответов куда меньше, чем вопросов. Отсутствие мало-мальски симпатичных героев. Абсолютно открытый финал. И ощущение какого-то недоумения — что же все-таки важного хотели сказать нам Стругацкие? В чем глобальная идея «Града»?

Понимание этой идеи придет нескоро — подтвердившись впоследствии авторским мнением о том, что главная задача «Града» — показать, как под давлением жизненных обстоятельств кардинально меняется мировоззрение человека, как переходит он с позиций твердокаменного фанатика в состояние человека, словно бы повисшего в безвоздушном идеологическом пространстве, без какой-либо опоры под ногами. «Жизненный путь, — отметит БН, — близкий авторам и представлявшийся им не только драматическим, но и поучительным. Как-никак, а целое поколение прошло этим путем за время с 1940 по 1985-й год.»

Но для того, чтобы это понимание пришло, надо было тщательно изучить мир Эксперимента. Вжиться в него, пройдя вместе с Андреем Ворониным его «Via Dolorosa», тернистый путь по различным «отражениям» (как сказал бы принц Корвин в «Хрониках Эмбера»). Мусорщик Воронин — следователь Воронин — редактор Воронин — советник Воронин...

По мере изучения и вживания, обнаруживались все новые и новые фразы и абзацы, на которых вдруг останавливался взгляд. Причем с каждым годом это были все новые и новые фразы.

«Непонимание рождает неверие, и как плохо, что у большинства нет настоящей идейной закалки и убежденности в неизбежности светлого будущего».

«Слишком много тайн развелось в последнее время в нашей маленькой демократической общине».

«Во имя общественного блага мы обязаны нарушить любые писанные и неписанные законы».

«В такие дни пресса должна способствовать смягчению ситуации, а не обострению ее».

«А хорошо бы сейчас пойти в мэрию, взять господина мэра за седой благородный загривок, ахнуть мордой об стол: „Где хлеб, зараза? Почему солнце не горит?“ и под ж... — ногой, ногой, ногой...»

А были еще песня Галича, которую исполнял Изя Кацман («ставший вдруг странно серьезным») про пророка, которого упекли в республику Коми. И обращение Фрица Гейгера к Изе «мой еврей» — сразу же вызывавшее в памяти культовую одно время «Иудейскую войну» Фейхтвангера, в которой именно так император Тит обращался к тезке Изи — Иосифу бен Маттафию, он же Иосиф Флавий. И сам Изя, поучающий редактора «Городской газеты» Воронина — мол, что вы боитесь, никто вас не тронет, ведь вы всего лишь желтоватая, оппозиционная, либеральная газетка. Вы просто перестанете быть либеральными и оппозиционными...

Комментарий БН:

Даже сама первая публикация «ГО» (в ленинградском журнале «Нева») прошла не просто, а сопровождалась какими-то нервными и судорожными действиями: роман был разбит на две книги, подразумевалось, что книга первая написана давно, а вот книга вторая закончена, якобы, только что; почему-то казалось, что это важно и помогает (каким-то не совсем понятным образом) забить баки ленинградскому обкому, который в те времена уже не сжимал более издательского горла, но по-прежнему когтистой лапой придерживал издателя за полу; «первую книгу» выпустили в конце 88-го, а «вторую» — в начале 89-го, даты написания в конце романа поставили какие-то несусветные...

Сильно подозреваю, что современный читатель совершенно не способен понять, а тем более прочувствовать всех этих страхов и предусмотрительных ухищрений. «В чем дело? — спросит он с законным недоумением. — По какому поводу весь этот сыр-бор? Что там такого-разэтакого в этом вашем романе, что вы накрутили вокруг него весь этот политический детектив в духе Джона Форсайта?» Признаюсь, мне очень не просто развеять такого рода недоумения. Времена изменились настолько, и настолько изменились представления о том, что в литературе можно, а что нельзя...

Вот, например, у нас в романе цитируется Александр Галич («Упекли пророка в республику Коми...»), цитируется, естественно, без всякой ссылки, но и в таком, замаскированном виде это было в те времена абсолютно непроходимо и даже попросту опасно. Это была бомба — под редактора, под главреда, под издательство. Вчуже страшно представить

себе, что могли бы сделать с издателем власть имущие, пророски такая читатка в печать...

А чего стоит наш Изя Кацман — откровенный еврей, более того, еврей демонстративно вызывающий, один из главных героев, причем постоянно как мальчишку поучающий главного героя, русского, и даже не просто поучающий, а вдобавок еще регулярно побеждающий его во всех идеологических столкновениях?..

А сам главный герой, Андрей Воронин, комсомолец-ленинец-сталинец, правовернейший коммунист, борец за счастье простого народа — с такою легкостью и непринужденностью превращающийся в высокопоставленного чиновника, барина, лощеного и зажравшегося мелкого вождя, вершителя человеческих судеб?..

А то, как легко и естественно этот комсомолец-сталинец становится сначала добрым приятелем, а потом и боевым соратником отпетого нациста-гитлеровца, — как много обнаруживается общего в этих, казалось бы, идеологических антагонистах?..

А крамольные рассуждения героев о возможной связи Эксперимента с проблемой построения коммунизма? А совершенно идеологически невыдержанная сцена с Великим Стратегом? А циничнейшие рассуждения героя о памятниках и о величии?.. А весь ДУХ романа, вся атмосфера его, пропитанная сомнениями, неверием, решительным нежеланием что-либо прославлять и провозглашать?

Сегодня никакого читателя и никакого издателя всеми этими сюжетами не удивишь и, уж конечно, не испугаешь, а тогда, двадцать пять лет назад, во время работы над романом авторы повторяли друг другу как заклинание:

«Писать в стол надобно так, чтобы напечатать этого было нельзя, но и сажать чтобы тоже было вроде бы не за что». (При этом авторы понимали, разумеется, что посадить можно за что угодно и в любой момент, например, за неправильный переход улицы, но рассчитывали все-таки на ситуацию «непредвзятого подхода» — когда приказ посадить еще не спущен сверху, а вызревает лишь, так сказать, внизу).

«Как жить в условиях идеологического вакуума? Как и зачем?» Мне кажется, этот вопрос остается актуальным и сегодня тоже — причина, по которой «Град», несмотря на всю свою отчаянную политизированность и безусловную конъюнктурность, способен все-таки заинтересовать современного читателя, — если его, читателя, вообще интересуют проблемы такого рода...

Мир загадочного Эксперимента — может быть, единственный из «миров братьев Стругацких», где нет ни одного положительного

героя. Где фантазмагорическая география Города, расположившегося на уступе между непреодолимой пропастью и непреодолимой стеной, сочетается с не менее фантазмагорическим обществом, населенным беглецами из разных времен, решившимися променять его на возможность участия в Эксперименте. И где, как выясняется, каждый из беглецов становится отнюдь не экспериментатором, а подопытным кроликом, ибо Эксперимент ведет не он, а его ведут над ним...

Герои «Града» вряд ли вызывают сочувствие — но они непрерывно вызывают интерес. И наблюдать их в круговороте запрограммированных Наставниками социальных превращений (сегодня ты низшая каста, а завтра — высшая; сегодня — мусорщик, завтра — товарищ министра) оказывается дьявольски любопытно. Одни воспринимают это как должное: и безусловный приоритет «общественного блага» над личным, и невозможность понять истинную Цель Эксперимента, и принудительное перемещение с одной общественной «ступеньки» на другую. К таким относятся и Андрей Воронин, воспитанный на штампах сталинской эпохи, и Фриц Гейгер, воспитанный на столь же твердокаменных штампах эпохи гитлеровской. И тому и другому «вдолбили», по выражению Изи Кацмана, что «если нет идеи, за которую стоит умереть, то тогда жить и не стоит вовсе». Понятно, что потрясающее внутреннее родство идеологий этих двух эпох, неумолимо вытекающее из описанного в «Граде» (как и то, сколь легко впоследствии Воронин и Гейгер находят общий язык и прекрасно сотрудничают), не могло не быть расценено цензурой как тягчайшая крамола, столь же неумолимо должна привести к запрету печатать «Град». Другие — такие, как Ван — пытаются сопротивляться Эксперименту, периодически отбывая наказание за нежелание менять профессии по приказу «распределительной машины». И категорически не хотят признавать, что Эксперимент может от них чего-то «требовать», а они обязаны этому подчиняться. Недаром тихий и покорный Ван с неумолимой твердостью объясняет Андрею, что единственная величайшая ответственность, которая лежит на нем, — это его жена и ребенок. И вразумляет собеседника, не желающего понять его логику: «Ты пришел сюда строить, а я сюда бежал. Ты ищешь борьбы и победы, а я ищу покоя»... Ну

а третьи — как наиболее положительный из героев (или «наименее отрицательный») Изя Кацман — относятся к Эксперименту совершенно иначе. Скептик и циник, Изя пытается понять и объяснить то, что по условиям задачи необъяснимо в принципе — суть Эксперимента. То, что, по признанию самого БН, и есть так называемая «Главная Тайна Города». Отвечая на один из вопросов, заданных в Интернет-конференции, Борис Натанович скажет:

Как легко заметить, понятия «Главная Тайна Города» в романе нет. Я придумал это понятие исключительно (если не ошибаюсь) для того, чтобы объяснить «что было в папке у Изи Кацмана». Разумеется, по большому счету именно цель Эксперимента есть ГТГ. То же, о чем мы все время говорим, есть на самом деле некая частная особенность существования людей в Городе, не слишком важная в глобальном смысле, но весьма — на мой взгляд — существенная для каждого из них персонально. Космография здесь, конечно, ни при чем — она ведь никак (или очень мало) не влияет на образ жизни подавляющего большинства «горожан».

И добавит:

«Жизнь каждого из нас есть по сути своей Эксперимент. И не то ведь важно, ЧТО с нами происходит, а то важно, КАКИМИ мы становимся. Или НЕ становимся... Впрочем, в отличие от „УЛИТКИ“ „Град“ не содержит сюжетобразующей философской или социальной идеи (гипотезы, теории). Он задумывался и реализован был как притча о существовании человека в реальном мире XX столетия — путь от фанатика к свободомыслящему, скорбный, как выясняется, путь, ибо фанатизм лишает свободы, но зато дает внутреннюю опору, а свободомыслие приводит в ледяную пустоту, делает беззащитным и одиноким. Благо тому, кто, потеряв одну опору под ногами, находит другую (как Изя нашел для себя Храм Культуры), а что делать тем, кто поумнел достаточно, чтобы разувериться в нелепых догмах своей юности, но недостаточно, чтобы найти новую систему нравственности и новую цель существования? Сколько кругов надо ему еще пройти, чтобы обрести все это?»

В итоге ГТГ, она же Цель Эксперимента так и останется неизвестной — и, возможно, каждый из читателей «Града» пытается эту цель сформулировать для себя сам. Что, собственно, и требовалось от него, — читателя, — авторами...»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НЕВЕСЕЛЫЕ БЕСЕДЫ
ПРИ СВЕЧАХ

За двадцать лет нашего знакомства с Борисом Натановичем мы множество раз беседовали на самые разные темы. Большая часть этих бесед записывалась на диктофон и публиковалась — грешно было бы не использовать такой шанс. Почти все они приведены в этой книге. Первая беседа состоялась в марте 1992 года, последняя — в сентябре 2011 года.

Как мне кажется, они дают неплохое представление о том, что в разные годы волновало Бориса Натановича, и что он думал о происходящем вокруг. Перечитывая заново эти «невеселые беседы при свечах», могу лишь удивляться — насколько злободневны многие рассуждения, высказанные, казалось бы, в совсем другую эпоху...

«ГЛАВНОЕ — ЧТОБЫ НЕ ПРОЛИЛАСЬ КРОВЬ»*

Комментарий. Это — первое интервью, взятое мной у БН буквально через неделю после того, как Константин Селиверстов познакомил нас в кафе старого Дома писателей на улице Воинова. Беседа состоялась дома у БН 5 марта 1992 года. Два с небольшим месяца как началась «гайдаровская» реформа, ценники в магазинах менялись с пугающей быстротой, и лейтмотив разговора был очевиден. Тогда еще трудно было предположить, что спор этот растянется на долгие годы, в течение которых и Борис Натанович, и я будем доказывать друг другу противоположное: мэтр так и останется принципиальным сторонником «гайдаровских» методов реформ, я же так и останусь их принципиальным противником...

Сегодняшнему читателю, возможно, уже не все будет понятно из этого разговора — какие-то проблемы ушли на второй план, какие-то фобии оказались ложными, а каких-то вскоре ставших предельно актуальными проблем мы тогда еще не замечали.

И все же разговор этот — как представляется — примечательный «слепок» эпохи. Март 1992-го, еще не прошла эйфория августовской победы 1991-го и еще не пришло понимание того, что впереди — тяжелые времена, которые разведут многих вчерашних соратников по разные стороны баррикад.

БС (Борис Стругацкий). Я бы предложил построить наш разговор как дискуссию. Если вы будете нудно задавать вопросы, а я буду не менее нудно читать лекцию в ответ, — это будет скучно. Давайте о чем-нибудь поспорим.

* Беседуют Борис Вишневский и Юрий Карякин. 5 марта 1992 года, Санкт-Петербург. Частично опубликовано в газете «Вечерний Петербург», 2 июня 1992 года.

БВ (Борис Вишневский). С удовольствием. Если вы согласны, можно начать с экономики. У меня, честно говоря, довольно скептическое отношение к многому из того, что делает «Гайдар и его команда». Вы, насколько я знаю, иного мнения...

БС. Егор Тимурович, с точки зрения дилетанта, не делает абсолютно ничего такого, что не предлагалось бы два-три года назад. Обо всем этом писали. Либерализация цен, монополизация, товарная интервенция за счет кредитов, повальная приватизация — ничего принципиально нового я здесь не вижу. Разница в том, что если бы все эти реформы начались два года назад, они протекали бы не так болезненно, как сейчас. Но и об этом нас предупреждали! Начальство затянуло эти реформы и довело нас до того, что мы вынуждены делать операцию без наркоза. Так что — вот мое отношение к этому вопросу.

БВ. Кажется, возникает повод поспорить.

БС. Давайте.

БВ. Монополизация, приватизация, товарная интервенция — ведь ничего этого, по сути дела, нет! Наблюдается только один эффект: освобождение цен, при котором монополисты так ими и остались. Те, кто мог бы этот монополизм преодолеть, — развивающиеся предпринимательские структуры — задавлены непомерными налогами, о чем они криком кричат на всех углах. Правительство говорит: будем налоги снижать, мы поняли, что производство не развивается. А раньше правительству это было непонятно? Очень многое из того, что, на уровне здравого смысла, следовало бы делать, — не делается, и даже не объясняется почему...

БС. На некоторые вопросы я и сам бы хотел бы получить ответ. По поводу налогов — я своими ушами слышал разъяснение Гайдара, в самом начале, когда обсуждался этот чудовищный налог на добавленную стоимость. Было сказано: правительство прекрасно понимает, что, устанавливая чрезвычайно высокие налоги, оно ограничивает предпринимательскую деятельность. Это — азы. Но кризисная экономика не регулируется налогами, она практически не реагирует на размер налога. Высокий налог, как я понял, правительство назначило просто потому, что больше неоткуда взять деньги. Поскольку объявлены были мощные социальные программы, их надо было чем-то «сбалансировать».

И тогда же было сказано, что эти высокие налоги — явление временное, пройдет квартал-другой, и они будут снижены...

***Комментарий БВ:** увы, «временное», как это часто бывает, превратилось в постоянное. Не то что квартал-другой — много лет прошло со дня этой беседы до момента написания книги. А налоги все так же высоки...*

БВ. Борис Натанович, представьте себе, что в вашей семье кончаются деньги. Книги вдруг перестают печатать...

БС. Да, это знакомая ситуация, мы пережили это!

БВ. ...И вы оказываетесь перед выбором — что делать? Завтра надо пойти и купить что-то на обед. «На стороне» временно не заработать. Что вы предпримете?

БС. Продавать имеющееся имущество!

БВ. Вот мы и выходим на проблему приватизации. Существует огромная «машина» государственного имущества. Земля, основные фонды предприятий, незавершенные объекты, концессии на разработку месторождений... Казалось бы — продавайте это направо и налево! В том числе — за валюту; предложений масса — только выбирай! Нет, все это игнорируется. Почему?

БС. Боря, я — не правительство! Я и сам задаю себе этот вопрос. Почему этого не делали правительства Рыжкова и Павлова — я очень хорошо понимаю. Они не хотели выпускать из рук контроль над богатствами! Это были коммунисты, с классическим большевистско-коммунистическим подходом к этому вопросу. Они не столько хотели рыночной экономики, сколько видимости рыночной экономики. Почему сейчас этого не происходит — я, честно говоря, не знаю сам. Ведь у каждого предприятия накоплено огромное количество запасов! Взятые в свое время «на всякий случай», по дешевке, а сейчас — лежащие «мертвым грузом», благо за это платить не надо. Мне кажется, что прижимая предприятия «к стенке» отсутствием наличных денег, правительство хочет их заставить выбросить на рынок эти запасы. Но почему само правительство не продает, например, землю?

БВ. Яркий пример — у нас: городской Совет не может преодолеть противодействие областного, который «уперся рогом» — и ни в какую!

БС. Это естественно — люди, обладающие реальной властью, не хотят ее отдавать. В конечном счете я уверен, что на каждый из наших вопросов, которые мы здесь поставили, ответ будет одинаковый: кто-то не хочет отдавать власть!

ЮК (Юрий Карякин) Не кажется ли вам, что ситуация, когда нечего есть и приходится распродавать домашнее имущество, длится у нас уже лет 60? Как известно, в сталинское время распродавали лес. Есть такое мнение, что «косыгинская» реформа 65-го года не пошла только потому, что геологам посчастливилось найти нефть в Западной Сибири. В результате мы начали «качать» нефть на Запад, получать нефтедоллары, и оказалось — можно прожить и без реформы, ничего не меняя. То есть мы на протяжении десятков лет распродавали имущество. Сейчас новое правительство решило — все, хватит! Хватит изображать, что мы — передовая страна мира, в принципе ничего не делать, а лишь проедать то, что мы имеем. Сейчас есть возможность продавать за ту же валюту и землю, и заводы. Мы распродадим опять и опять останемся голодными, потому что не научились работать. Самое главное сейчас — не кормить людей рыбой, а научить эту рыбу ловить!

БС. Все эти вопросы — почему тормозится приватизация, демонополизация, распродажа богатств, на которых мы могли бы сейчас строить новую экономику, — стоят перед вами точно так же, как и передо мной. Когда речь шла о старом, коммунистическом правительстве — ясно было, что они не заинтересованы ни в приватизации, ни в демонополизации, ни в том, чтобы что-нибудь кому-нибудь продавать, — это все принадлежало им! И никому они это отдавать не хотели! И, видимо, и сегодня остаются очень мощные силы, которые держатся за землю, фабрики и заводы...

ЮК. Может быть, приватизация — не такая простая вещь, как нам кажется с первого взгляда? Мы все больны одной старой болезнью — хотим получить все и сразу!

БС. Есть две, по крайней мере, позиции. Одна — будем называть ее условно «пияшевской» — предлагает «обвальную» приватизацию, и для простоты — раздать всем все даром. Другая — близка к тому, о чем вы оба говорите. Но пока мы будем все предусматривать, пока мы думаем — что справедливо, а что нет — все стоит. А что это значит? То, что с каждым днем наше положение становится

все хуже и хуже, и кончится все это какой-то катастрофой! Будет либо социальный взрыв с приходом к власти тоталитарных сил, либо будет все-таки «обвальная» приватизация, потому что мы дойдем до того, что придется это делать именно обвально.

ЮК. Иногда мои знакомые, люди грамотные, спрашивают меня как депутата — почему не идет приватизация? Думаю, потому, что мы до сих пор не можем решить — по какому пути идти? Так же и у правительства. Может быть, прав Василий Леонтьев, — который говорит: неважно, по какому — начните по любому, через 5 лет все равно все выровняется!

БС. Я — принципиальный противник любых посткоммунистических, то есть старых коммунистических, структур, которые «врастают» в нынешнюю жизнь. Но в рыночной экономике могут существовать только те структуры, которые приносят пользу другим. Какая разница, кто производит то молоко, которое я покупаю, — фермер, совхоз, даже фашист какой-нибудь, — в данном случае мне важно, чтобы было молоко! Поэтому я с Леонтьевым согласен абсолютно.

ЮК. Даже если пойти по этому пути, то есть согласиться на номенклатурную приватизацию, — возникает целая куча вопросов. Кому отдать собственность?

БС. Поскольку я не являюсь работником производства, мне это глубоко все равно! Но пока политики произносят речи о справедливости, положение в экономике становится все хуже и хуже. Почему? Да просто потому, что в нашем мире можно оставаться на месте только в том случае, если ты бежишь! Как у Алисы в Стране Чудес: если ты бежишь — ты остаешься на месте, если ты стоишь — тебя уносит в прошлое.

ЮК. Вам не кажется, что именно от этого появляются мысли о «твердой руке»: хорошо бы появился такой большой начальник, который бы сказал — и все стали делать!

БС. Мысль о «твердой руке» — это вообще любимая мысль всякого народа, который вышел из недр тоталитарного строя. Дело в том, что каждый человек, побывавший в условиях несвободы и оказавшийся вдруг на свободе, испытывает сладкую тягу к клетке! Хорошо известный эффект, который всегда имел место, это характерно не только для нашей страны. Помните, с какой

радостью в Германии после Веймарской республики кинулись под тяжелую руку фюрера? Почему? Да потому что Германия — вчерашняя империя, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Имперское мышление, холуйство, холопство... Представление о том, что начальник все знает, — это же в крови и в плоти нашей! И не только нашей — любого вышедшего из феодализма народа. Мы тоже очень недалеко от этого ушли, мы вообще свободы и не вдыхали как следует...

БВ. Борис Натанович, какую газету ни откроешь, начинают учить: вот, посмотрите, как было в Чили, Южной Корее, Испании, — можно навести порядок в экономике только при помощи диктатуры! Очевидно, что это — тот самый возврат к прошлому, которого допустить бы не хотелось! Как перешагнуть тот барьер, после которого этот возврат станет невозможным?

БС. Знаете, это те болезни, которые лечатся только временем. Мы сейчас балансируем на грани пропасти, вернее — на узком карнизе, но в любой момент можем «ссыпаться» обратно. А можем не ссыпаться. Зависит это от миллиона причин. Конечно, экономика — вопрос номер один, и если не удастся в ближайшие год-полтора как-то стабилизировать ситуацию, чтобы хоть в чем-то наступило улучшение — до тех пор пока это не сделано, мы будем балансировать «на грани».

БВ. Вам не кажется, что реальной угрозы поворота назад уже нет?

БС. Нет, не кажется. Угроза никуда не исчезла. Только теперь речь не о том, что танки выйдут на улицы. Речь о том, что на улицу выйдут обманутые демагогами люди! Те самые люди, которым нечем стало платить за хлеб и молоко... Ведь мы все люди, все мы человеки — когда наваливается на нас нищета, голод, беспросветность, мы дуреем, мы делаемся глупыми от страха за себя и за детей наших... И вот тут они ждут нас — Повелители Дураков. Все эти новоявленные Львы Троцкие, Бенито Муссолини, Адольфы Гитлеры. Ничего нет у них за душой — ни любви, ни ума, ни доброты, ни чести — одна только клокочущая ненависть. И ничего они внушить нам не умеют, кроме ненависти и злобы. Но ах как сладко они умеют нам петь — какие мы умные, какие мы сильные, какие мы смелые и гордые, как много нам полагается, и как мало

нам достается, и как просто можно все исправить, если вернуться назад, к истокам всех наших былых побед!.. А мы, ослепленные страхом и обидой, как часто мы не понимаем, что тянут они нас не к истокам побед, а к миру всеобщей ненависти, к огромной, как река, крови! Великий грех берут на себя люди, которые сейчас кричат о ненависти и о возврате назад. Кто-то из них, может быть, не осознает, к чему призывает, а кто-то, вероятно, крови не боится, особенно — чужой... Нам всем сейчас следует понять, что, оставаясь в рамках реформы, мы движемся в единственно правильном направлении! Движение к рыночной экономике — это единственное бескровное движение!

ЮК. Вы не боитесь, что в условиях рыночной экономики значительное число людей не сможет найти источников существования?

БС. Я в это, честно говоря, не верю. Не понимаю, почему ваше или мое поколение должно быть хуже приспособлено к жизни, чем поколение наших родителей. Я вспоминаю — было очень трудно нам, денег не было, работать приходилось по 12–16 часов, на износ, — и как-то выжили! Я уже не говорю про военные времена, про время эвакуации, про послевоенное время, когда покупка брюк — это было такое же торжественное событие, как в наше время покупка цветного телевизора. Торжество и сатурналии!

ЮК. Я боюсь за людей старшего возраста, которые всю жизнь маялись и к концу жизни получили то же самое...

БС. Вы имеете в виду пенсионеров? Можно сказать только одно: судьба была к ним жестока! Хотя я, например, не жалеюсь. Мы прожили много хороших дней, несмотря на все неприятности. И то, что приходится кончать свою жизнь, ничего не накопив, — конечно, очень грустно и печально, тут нечего сказать в утешение, но судьба такая у страны!

БВ. Борис Натанович, а что такое — социальная справедливость?

БС. На мой взгляд, социальная справедливость — не совсем то, что нам прививали на протяжении многих лет. На мой взгляд, это «кто не работает, тот не ест», «сколько заработал — столько и получи». Однако новое поколение — 20–30-летних, — они выросли в совершенно новой ситуации и такого понятия не исповедуют!

Они стоят на собственных ногах, у них свои пословицы — «хочешь жить — умей вертеться», очень правильная мысль! Они понимают, что даром ничего не получают, всего надо добиваться. А наше поколение, уходящее... Мы уходим, и единственное, о чем мы можем мечтать, — чтобы этот уход не был слишком жестоким...

БВ. Борис Натанович, помните, до путча — нам казалось, что развитию событий в «нужную» нам сторону постоянно кто-то мешает. Путч провалился — но «тормоз» не исчез!

БС. Тормоз — это тысячи и тысячи людей, для которых реформа означает конец всего: конец карьеры, конец безбедного существования, конец всего их образа жизни. Для того чтобы экономические и политические проблемы наши были решены быстро, эти десятки тысяч людей должны в одночасье переменить свою психологию или быть уволены с постов, которые они занимают! Но ни то ни другое, к сожалению, в одночасье сделать невозможно.

БВ. Борис Натанович, ведь едва ли что-то способно в глазах людей нынешнюю власть дискредитировать больше, чем то, что они видят: вчерашние руководящие коммунисты почти все остались! Более того — многие даже повысились! Не следует ли все-таки пойти по пути запрета на профессии?

БС. Все мои социальные рефлексy — жутковатые рефлексy человека, выросшего и воспитанного в условиях тоталитаризма, — конечно же, требуют и запрета на профессии, и беспощадной расправы с участниками ГКЧП, и хорошего кляпа в глотку хрипунов, призывающих вернуться в прошлое... Но, слава богу, и у меня, и, главное, у власть имущих хватает воображения, чтобы понять: этот путь — и есть один из способов возвращения в прошлое! Уже хотя бы потому, что люди, которые будут все эти экзекуции совершать, — через 2–3 месяца станут такими же, какими были те, с кем они расправлялись. Это — страшный закон: если ты берешь на вооружение методы своего врага — ты перестаешь от него отличаться. Ты становишься таким же, как он!

БВ. Не страшнее ли для общества вариант, когда мы их всех оставляем? Может быть, как предлагают уже, провести суд над КПСС — чтобы законным путем изгнать их со своих постов?

БС. Я против расправы над отдельными людьми, но я всецело за то, чтобы проводить суды над структурами! Это совершенно

разные вещи. Конкретных людей можно судить лишь в том случае, если они изобличены в конкретных преступлениях. Нельзя судить людей только за то, что они субъективно враждебны демократии или являются противниками новой экономики. Иное дело — суд над КПСС как над структурой! Он необходим уже хотя бы для того, чтобы понять законы ее существования и не допустить появления чего-либо подобного впредь. Морального осуждения здесь недостаточно, необходимо осуждение юридическое — структуры такого типа должны быть раз и навсегда поставлены вне закона. Сейчас, сегодня это очень важно.

БВ. Борис Натанович, в глазах довольно многих людей вселение нашего мэра в Смольный со всей его командой и, более того, — то, что у него там «под крылом» приличное количество людей из обкомовской «обоймы», выглядит как издевательство или насмешка. Да и фигура мэра, как вы понимаете, не очень однозначная. Что вы о нем думаете?

БС. То, что он не сумел подобрать себе аппарат уважаемых и профессионально подготовленных людей одновременно, — это факт. То, что при нем продолжают безбедно существовать люди из прошлых партийных структур, — это всем очевидно, но, видимо, он просто не мог найти среди своего окружения людей, достаточно профессионально подготовленных! Можно упрекать его в том, что он недостаточно серьезно отнесся к своему выдвижению на пост мэра, не пришел с готовой командой людей и «новых», и профессионально подготовленных...

БВ. При характере Собчака уважающие себя люди с ним работать просто не пойдут — потому что он относится к ним, как барин к нерадивым холопам! И приходится набирать тех, для кого такое отношение высшего к низшему естественно и привычно. А таких можно найти только из старой системы!

БС. Борис, наверное, вы правы — вы глубже изучали этот вопрос. Я подозревал, что многие проблемы упираются просто в личные качества. Но почему вообще возник конфликт с Петросоветом? Собчак пришел к власти для того, чтобы показать — как на самом деле должно быть устроено городское управление. Горсовет, который ведает бюджетом и законодательством в городе, и мэрия, которая занимается исполнением «законов», созданных

Петросоветом. Мэром должен быть человек, который управляет городом, следит за порядком, делает все для того, чтобы жителям было хорошо, а всем «врагам порядка» было плохо. Но моих ожиданий Собчак как мэр не оправдал. Оставаясь очень крупным политиком, он вел себя не как мэр города — как министр иностранных дел города Питера! Тут он сделал очень много. Что же касается распри с Петросоветом — Собчак пришел тогда, когда стало ясно, что Советы не могут управлять городами, городом должна управлять исполнительная власть.

БВ. Борис Натанович, единственное, что сегодня отличает мэрию от прежнего исполкома, — единоличность принятия решений мэром. Председатель исполкома такого права не имел, все полагалось решать голосованием — хотя всегда голосовали за то, что предлагал председатель. Но сейчас мэрия превратилась в «государство в государстве»! Она хочет жить только по тем законам, которые сама для себя напишет, стремится избежать любого контроля за своей работой.

БС. Но мэрия не имеет права писать законы! Это дело Совета!

БВ. Зато она успешно их не исполняет... Знаете, любой перекоп — в любую сторону — очень опасен. В том числе и то, что Совет пытается подмять исполнительную власть под себя, начиная распорядиться чем-то... Но сейчас пошел «маятниковый эффект»: крен в другую сторону — неоправданного усиления исполнительной власти. Я понимаю, что мэрии Совет вообще не нужен! Она прекрасно без него обойдется! Обойдутся ли жители?

БС. А законы?

БВ. Зачем? Мэрия сама себе все напишет...

БС. Откровенно говоря, эта борьба, колебания власти от Совета к мэру и от мэра к Совету меня мало волнует. Хотя, казалось бы, должна сильно волновать — она отражается непосредственно на мне как на жителе города!

БВ. Вам как жителю города совершенно безразлично, как устроена власть! Вам важно, чтобы вам была обеспечена нормальная жизнь, чтобы в городе был порядок...

БС. Все это — естественные колебания. Когда старая структура развалилась, а новая создается на наших глазах, естественно колебательное движение — как у всякой системы, которая вышла

из равновесия. И я совершенно спокоен: все будет хорошо! Меня больше волнуют другие проблемы — «глобального» масштаба! Что будет с экономической реформой?

БВ. Тогда вот вам «глобальный» вопрос. Несколько лет назад у каждого из нас, наверно, была частица «имперского» — если не мышления, то сознания, что мы живем в огромной и великой стране. Теперь все это рухнуло. Как вам кажется, чем все это кончится?

БС. Я бы не назвал это ощущение, что живешь в огромной стране, имперским мышлением, у меня и сейчас есть ощущение, что я живу в огромной стране, это ощущение никуда не делось. Имперское же мышление — по крайней мере, российское имперское мышление — это нечто совсем иное: я живу не просто в огромной стране, я живу в стране, перед которой содрогается весь мир, живу пусть, может быть, и небогато, паршиво на самом деле живу, но мир передо мной дрожит!..

БВ. Как бы она случайно не осердилась и кнопку не нажала...

БС. Именно к этому нас и призывают Повелители Дураков. Пусть снова возникнет на теле планеты гигантская, до зубов вооруженная держава, которую все боятся! Пусть не уважают, ненавидят пусть — лишь бы боялись! Вот это и есть имперское мышление — очень опасное и очень неприятное, на мой взгляд. Что же касается окраин, которые избрали свой путь, то для меня это совсем не было неожиданностью. Даже в самые глубокие застойные времена я был убежден, что СССР в том виде, в котором он сложился, — неестественное для 20-го века образование, такие сверхимперии в 20-м веке существовать неспособны!

БВ. Они могут держаться только силой!

БС. Только силой! Штыками и тайной полицией! И как только исчезнут штыки и тайная полиция — все немедленно начнет разваливаться. Мне было это совершенно ясно и в 1970-м, и в 1980-м, и в 1985-м... Так оно и вышло. Конечно, мне неприятно, что моя любимая Прибалтика, без которой я не мыслю себе летнего отпуска, стала заграницей. Что фактически становится заграницей Украина, а там живут родители моей жены. Что все мы остались без Крыма, без Черноморского побережья, и так далее, и так далее... Но эти ощущения мои не есть проявление имперского мышления! Я просто потерял некий мир, в котором я живу 60 лет и к которому

я привык. Теперь этот мир исчез. Это грустно, печально, в каком-то смысле обидно, но это естественно! Иначе это и быть не могло, и молить бога надо только об одном: чтобы не пролилась кровь. Я снова и снова это повторяю. Все не страшно — страшно, если прольется кровь. Страшно, если найдутся люди, которые снова захотят объединить все это искусственным путем, а следовательно — с помощью силы, штыками и тайной полицией, а это — кровь! Вот этого я действительно боюсь. Но реально, мне кажется, все стабилизируется. Мне совершенно ясно, что СНГ — в том или ином виде — обязательно будет существовать, в этом заключена экономическая необходимость, потому что мы экономически друг без друга существовать не можем. Мы больше никому в мире не нужны — только сами себе! Из самых общих соображений ясно, что на территории бывшего СССР будет существовать совокупность государств, которые будут экономически и политически тяготеть друг к другу и жить в тесном сотрудничестве на протяжении многих лет.

ЮК. Не считаете ли вы, что многонациональные государства обречены рано или поздно на распад? США создавались не как однонациональное государство, но по сути они им являются. В Европе же — все государства практически однонациональны. США — государство искусственное, они исторически образовывались из эмигрантов, которые перемешивались в «котле», а в Европе, где население стабильное, в каждом регионе — свой народ, образовались именно мононациональные государства. Многонациональные же рано или поздно распадались — как Австро-Венгерская империя...

БС. Речь не о том, должны ли распадаться многонациональные государства, а о том, могут ли существовать искусственно образованные государства, состоящие из небольшого числа мононациональных территориальных образований. Это — очень трудный вопрос. Но я не вижу никаких причин, по которым это было бы невозможно. У меня нет научно выверенных аргументов, я же не специалист, но есть ощущение, что Россия в нынешнем виде все-таки уцелеет. В этих границах Россия устоит, и я надеюсь, что без особой крови. Политика не любит парадоксов. Политика тяготеет к очевидному. А то, что отделение, скажем, Татарстана — нонсенс,

это очевидно, это прекрасно понимает 70–80 процентов населения, вовсе не являющиеся ни политологами, ни специалистами по национальному вопросу. Не надо быть профессионалом, чтобы интуитивно ощущать полную бессмысленность выделения, скажем, Якутии, Татарстана, образования Иркутской республики...

БВ. В Татарстане уверяют: завтра мы отделимся от России, нефть и газ будем оставлять себе и жить, как Кувейт или Арабские Эмираты... При этом никто не задумывается, что все остальное им придется везти из той же России!

БС. Да и нефть им придется перевозить по воздуху...

БВ. Но смотрите: более всего бьют себя кулаком в грудь и кричат о независимости в тех республиках, где правят перекарасившиеся коммунисты! Понятно, что для них эта социальная мимикрия никакой трудности не представляет — будет выгодно, они себя объявят хоть огнепоклонниками...

БС. Это меня не так волнует, как события ближайшего времени — эта «красно-коричневая» волна, которая поднимается. Очень боюсь, что обнищавший народ поверит этим людям. Боюсь 100-тысячных демонстраций. Боюсь, что нервишки не выдержат у правительства Москвы, Петербурга, начнут глупости вытворять по отношению к этим демонстрантам. Боюсь, что найдутся негодяи среди красно-коричневых, которые спровоцируют вмешательство!

БВ. Хочется процитировать Валерию Новодворскую: «Диктатура — это когда запрещают демократов, а демократия — это когда запрещают демократы...» Кажется, что существует «вирус власти», поражающий лиц, занимающих руководящие посты, независимо от того, какие взгляды они имели до того!

БС. Меня это совершенно не удивляет! Иначе не удержаться у власти. Но меня больше беспокоят красно-коричневые — потому что они крови не боятся и даже считают ее пролитие определенной доблестью! Что касается ныне власть имущих — от них требуется только одно: сохранять спокойствие. Относительно событий 23-го февраля в Москве* — я с большим интересом жду, что решат по этому поводу прокуратура и суд. Законны ли были действия правительства Москвы о запретах и ограничениях? Но и

* Разгон демонстрации коммунистов. — *Примеч. автора.*

организаторы митингов несут полную ответственность за все, что происходит! Эти люди должны были просто труппами лечь на дороге толпы, не допустить контактов между толпой и ОМОНОм! Они должны были умереть, но не допустить беспорядков! Ведь я по-прежнему уверен: главное — не допустить пролития крови, не допустить к власти Повелителей Дураков. Потому что единственное, что может остановить шествие экономических законов, — кровь. Кровь застилает глаза разуму, кровь порождает ненависть, а ненависть убивает все, что есть в людях разумного, доброго и вечного. Вот почему мне отвратителен национализм, любой, всегда и везде: национализм — это обязательно ненависть к другому народу или к другим народам. Не любовь к своему — а ненависть и презрение к другому. Где национализм, там кровь, где кровь, там конец разуму, там вспыхивает огонь безумия и все экономические законы перестают действовать, а политика из искусства возможного превращается в служанку войны. Ах, если бы можно было, оставаясь в рамках закона, заткнуть глотку националистам всех стран! Но это, как показывает опыт, практически невозможно. К сожалению, похоже, в каждом из нас сидит националист, и это так удобно бывает власть имущим!.. Но мне совершенно ясно: справимся с национализмом, — справимся с распадом, и все обойдется, хотя нервы нам все это и попортит изрядно... Самое замечательное, что несмотря ни на что — «караван идет»! Вы только оглянитесь — какой путь пройден за последние пять лет. Произошли вещи совершенно невероятные, мы живем в другой стране! Когда вспоминаешь, что 1-й съезд был всего лишь в 1989-м году, не верится!

БВ. Как будто прошло сто лет!

БС. Это было безумно давно! Да, может быть, и люди почти те же управляют — но страна другая, все другое, цели другие, надежды другие, даже страхи — другие!

БВ. Ощущение, что изменился масштаб времени, оно пошло быстрее!

ЮК. Слушая I съезд, ведь мы не верили своим ушам! Что-то невероятное!

БВ. Да еще 19-я партконференция — помните?

БС. Какие выступления! Казалось, сейчас после них должны тут же подойти... экономисты в штатском...

БВ. ...Да под белы ручки — из зала!

ЮК. И этот отставной Ельцин, которого выгнали, — он, оказывается, не расстрелян — он речь произносит на всю страну!

БС. ...Он остался членом ЦК! Мы, помнится, философствовали на кухнях — почему Михаил Сергеевич его министром сделал, не для того ли, чтобы оставить в ЦК и опираться на Ельцина в борьбе с консерваторами?

БВ. А самый храбрый человек в стране был Леонид Иванович Абалкин, который посмел публично не согласиться с Михаилом Сергеевичем... Интересно — что будут говорить о нынешнем времени через 3–4 года?

БС. Нет ничего более трудного, чем делать прогнозы на 3–4 года! Вот на 100 лет — пожалуйста...

БВ. Борис Натанович, «ловлю на слове»: а что будет через 100 лет? На что из того, что вы написали, это будет похоже?

БС. На «Хищные вещи века».

БВ. Не дай бог!

БС. Почему? Очень неплохое общество, если подумать. Очень справедливое: каждому свое, каждый волен заниматься тем, что ему нравится и что ему по силам.

БВ. Лучше бы было похоже на «Полдень, XXII век»!

БС. Боюсь, что это нереально. Это общество может возникнуть лишь в том случае, если человечество разработает систему высокой педагогики, если мы научимся с детства определить и «поставить» в человеке его главный талант. Чтобы не было людей заброшенных, ущербных, ощущающих свою никчемность, ищущих утешения там, где его нет и быть не может, — в насилии, в наркотиках, в извращениях...

БВ. Чтобы «никто не уходил обиженный»?

БС. В конечном итоге да! Чтобы каждый, склонный от природы стать «out law» — «вне закона», мог получить социальную нишу, где он не мешал бы, а помогал обществу и чувствовал бы себя нужным и «единственным». Тогда возможен «Полдень», иначе — «Хищные вещи века», что, повторяю, — тоже не так уж плохо! Там каждый выбирает себе тот образ жизни, который ему по душе и по силам. Это — свобода!

БВ. А вы сами — в мире какой из ваших книг хотели бы жить?

БС. Конечно, «Полдень»! Этот мир и был написан специально — как мир, в котором мы хотели бы жить.

БВ. Борис Натанович, много лет хорошая фантастика была «отдушиной» в тоталитарном мире, «глотком свободы». Теперь этот мир рухнул — не утратит ли свое значение фантастика?

БС. Вопрос этот, мне кажется, следует ставить по поводу литературы вообще, а не только по поводу фантастики. Как известно, «поэт в России — больше, чем поэт». И действительно, так в России и сложилось — по крайней мере, со времен Пушкина. И писатель уж два века в России больше, чем писатель. На Западе писатель — это человек, доставляющий сравнительно узкому кругу читателей эстетическое наслаждение или, скажем, развивающий некие социально-философские идеи! А в России каждый хороший писатель нес глоток кислорода человеку, задыхающемуся в атмосфере несвободы... А сейчас атмосфера очистилась! Что бы ни говорили про перестройку — она освободила печать. Она освободила народ от государственной идеологии, каждый волен теперь думать так, как ему нравится, и говорить то, что ему хочется. В этих условиях старая роль литературы изменяется радикально. Сегодня в России поэт — не больше, чем поэт! Поэт — это поэт, и не более того. Но и не менее, разумеется! Обязанности его — «глаголом жечь сердца людей» — никто не отменял...

БВ. Но фантастика — специфический жанр! Отнюдь не вся литература была «отдушиной»!

БС. А я обо всей и не говорю... Я говорю о хорошей литературе! Впрочем, плохая литература — это не литература, а макулатура... Когда десять лет назад я читал Окуджаву, чудом вышедшего из печати, Юрия Трифонова, Фазиля Искандера, чудом пробившихся сквозь цензуру, — это было прекрасно, это был глоток кислорода! Они несли идеи — те самые, что осеняли и меня, они исповедовали нравственность, которую и я как читатель, как человек исповедовал, и я видел: я не один! Они поддерживали во мне мое мировоззрение! В этом и было главное назначение свободной литературы России — поддерживать демократическое мировоззрение! А сейчас такая роль хотя и осталась — но это мировоззрение поддерживается уже и самой жизнью! Для этого уже не надо книг — есть газеты, журналы, митинги, телевизор...

БВ. Борис Натанович, последний вопрос. Не осталось ли каких-то замыслов, которые возникли еще с Аркадием Натановичем и которые вы планируете довести до конца?

БС. Замыслы-то есть, конечно. Буду ли я их доводить до конца — другое дело. Сейчас мне об этом очень тяжело думать. Последние годы нам и вдвоем-то не очень хотелось писать. Интереснее было читать и писать публицистику. А художественную литературу — даже вдвоем — писать не очень хотелось. Сегодня, когда я остался один, — совсем уж мало желания этим заниматься... Хотя замыслы, конечно, остались, они никуда не делись, более того — они, сукины дети, эти замыслы, по-прежнему появляются в голове! Но захочу ли я этим обстоятельством воспользоваться?.. Не знаю. Просто не знаю.

БВ. Борис Натанович, существует огромное количество людей, которые никогда не смиряются с мыслью, что ничего нового не будет!

БС. Я понимаю, и благодарю вас за эти добрые слова, но что получится и получится ли что-нибудь вообще — не знаю...

ИМПЕРИЯ НАНОСИТ ОТВЕТНЫЙ УДАР*

Комментарий: беседа эта была организована специально для «Петербургского литератора», но во многом оказалась продолжением предыдущей. Что ж, некоторые из опасений БН оправдались — хотя опасность пришла не с той стороны, с какой он ее предвидел...

— Борис Натанович, в ваших книгах есть очень много любопытных предсказаний. И они довольно часто сбываются. Создается впечатление, что Вы все уже давно «просчитали» заранее. И все-таки, какое событие из происшедших за последние годы оказалось для вас неожиданным?

— Во-первых, я хотел бы внести поправку. Мне кажется, нет никаких оснований говорить, что мы так уж много предвидели. Действительно, два, может быть — три серьезных исторических события нам предсказать удалось, но не больше. Я вот только что перечитал «Отягощенные злом». Действие этой повести мы перенесли на 40 лет вперед, в начало 30-х годов XXI века. Писалось все это в 86–87-х годах. Замечательно: у нас там есть *горком*! У нас там фигурирует «*первый*» этого горкома! Хотя я с некоторым удовлетворением отметил, что при этом в повести не сказано, горком какой именно партии имеется в виду. Совершенно не исключено, что это — горком какой-нибудь Демократической Партии Радикальных Реформ, например, или что-нибудь в этом же роде. А может быть, и опять коммунистической партии... Вот я читаю сейчас о перестановках в правительстве, наблюдаю все эти осатанелые митинги под кровавыми знаменами и думаю, не могу не думать: а ведь чем черт не шутит! Ведь настроение у людей

* Беседуют Борис Вишневецкий и Юрий Карякин. 5 марта 1992 года, Санкт-Петербург. Частично опубликовано в газете «Вечерний Петербург», 2 июня 1992 года. Полностью не публиковалось.

настолько черное, все и всем настолько недовольны... и демократы наши оказались настолько беспомощны у кормила власти... а демагоги наши красно-коричневые обещают так много, так быстро и ведь совсем задаром... И я подумал: вот это вот — тот самый случай, когда лучше уж оказаться плохим пророком, чем хорошим.

А ведь когда мы писали эту повесть (всего-то пяток лет назад!), мы были совершенно уверены, что коммунистическая партия вечна. Что если она и уйдет с политической арены в нашей стране, то очень и очень скоро...

— Вы не исключаете возможности «поворота назад». В какой форме?

— Я сам ломаю голову над этим вопросом. И конечно, никакого определенного ответа у меня нет. Все может повернуться совершенно неожиданным образом. Я сейчас перечитываю замечательную книгу Уильяма Ширера «Взлет и падение Третьего рейха». Когда читаешь там описание обстановки — социальной, экономической, политической, которая предшествовала приходу к власти коричневых в Германии, — иногда обливаешься холодным потом при мысли о том, насколько все это похоже на нас... А через страницу вдруг с облегчением переводит дух: нет, все-таки непохоже, все-таки у них там было по-другому... Вообще, можно только поражаться, насколько все на свете правые — имперцы, националисты, ультрапатриоты, называйте их как хотите, — насколько все они похожи друг на друга, будь то Германия, Россия или Франция, девятнадцатый век, начало двадцатого, конец двадцатого... Обязательно: милитаризация, мундиры, сапоги, значки, лычки, страстное желание принять стойку «смирно» и поставить в эту стойку окружающих; агрессивность, прямо-таки клокочущая ненависть по любому поводу, истеричность — до визга, до пены на губах; и патологическая лживость, и полное отсутствие чувства юмора, и полное отсутствие элементарного благородства в речах и поступках, и, конечно же, антисемитизм, слепой, запредельный, зоологический... Здесь — сходство полное и угнетающее...

Сейчас лидеры ряда политических партий и газеты соответствующего направления упорно проповедуют идею всеобщего поражения в стране сегодня, всеобщего кризиса, всеобщего позора. Идет нагнетание страшненькой удушающей атмосферы,

для которой, на мой взгляд, никаких особенных оснований и нет. Да, бесспорно, имеет место экономический кризис. Да, тяжелый, да, мучительный. Но явление это не такое уж уникальное и редкостное в человеческой истории. Экономика наша больна, это неприятно, даже опасно, но ничего позорного в этой болезни нет. Несомненно, имеет место распад империи. Но если не давать волю истерике, а отнестись к этому историческому процессу без предвзятости, то ничего катастрофического и страшного вы не увидите. Потому что гибель империи вовсе не есть гибель народов. Империи возникают и рушатся, а народы продолжают жить. Возникают новые независимые государства, которые вполне способны сосуществовать, как самые добрые соседи. Да, распалась вбитая нам в головы и в души лживо-порочная идеология и ушла в небытие. Так радоваться бы надо этому обстоятельству!

— Вы считаете, что в стране все хорошо?

— Конечно, не считаю. Но считаю, что ничего такого уж кошмарно страшного и непоправимого в стране не происходит. Но правым силам *нужно* создать такую атмосферу в сознании людей, чтобы в очередях, в переполненном транспорте, на «блошиных рынках» люди говорили бы друг другу: «Все! Докатились! Дальше некуда! Позор стране, позор правительству!..» — и так далее и тому подобное... И это в точности напоминает пропаганду правых в Германии в самом начале 20-х. Пропаганда «позора нации» была тем удобрением, на котором взросли страшные ядовитые коричневые сорняки, задушившие Веймарскую республику... И я спрашиваю себя: так что же нужно для того, чтобы вызрел правый переворот? Необходимы ли для этого действительный позор и поражение страны во всем или для этого достаточно *мнимого позора*, существующего только в истерических речах красно-коричневых лидеров и в газетных статьях? Я не знаю, но готов допустить, что мнимого позора достаточно. Ведь в конце концов, возвращаясь к фашистской Германии: позор военного поражения страна испытала в 1918 году, а Гитлер пришел к власти в 1933-м! За эти 15 лет позор уже, казалось бы, пережили, пережили чудовищную гиперинфляцию, совершенно несравнимую с той, которую мы переживаем сейчас (доллар стоил 4 миллиарда марок!), путчи всевозможные пережили... Казалось бы, все уже «устаканилось»,

демократическая Веймарская республика укрепилась — но разразился экономический кризис 1929–1930 годов, и коричневые поднялись во весь рост! И — как будто никакой стабилизации не было, как будто только вчера Германия потерпела военное поражение, как будто не успели уже стабилизировать марку... Снова оказались они на плаву со своими зловонными лозунгами, со своими призывами к Великой Германии «от моря и до моря»...

Существуют идеи, которые опасны сами по себе, идеи, прожигающие в добром гражданине зверя, круто замешанные на ненависти, чреватые кровью и смертью. Такова идея *реваншизма*. Такова идея *империи*. Такова идея *национального превосходства*. Пока они живут — они грозят правым переворотом! А живы они, пока существуют люди, пропагандирующие эти идеи. Пока существуют газеты, книги, поддерживающие это мировоззрение... А потому: нетрудно себе представить, что мы стабилизируем рубль; что демократическое правительство окрепнет — пусть даже оно будет не совсем демократическим, а более технократическим... Но вот стоит в этих вполне благоприятных условиях разразиться действительному кризису перепроизводства (что теоретически возможно, он и сейчас у нас тлеет — из-за нехватки денежной массы), и они все встанут во весь свой рост.

— В начале беседы Вы упомянули о «беспомощности демократов». Что Вы под этим подразумеваете?

— Я имею в виду совершенно очевидные вещи. Если бы демократы попытались произвести путч 19 августа 1991 года (с тем же результатом), то все бы они сейчас уже давным-давно гнили в концлагере. Все газеты были бы закрыты, запрещены, все глотки, изрыгающие демократические истины — «ложные истины», — были бы заткнуты. И это было бы естественно и понятно всем, в том числе и затыкаемым демократам. Когда же путч поднимают правые силы, находящиеся в оппозиции, демократы вынуждены — если они хотят оставаться демократами — продолжать проводить политику свободы слова, плюрализма мнений и т. д. В этом смысле демократия, если ее не поддерживает благосостояние народа, обнаруживает свою ужасающую слабость и беспомощность. Демократия оказывается беспомощным заложником своих собственных политических принципов!

— После того как путч рухнул, Ельцин закрыл коммунистические газеты, прославлявшие ГКЧП. И кто возмутился первым? Демократы! Еще не обидели ни одного коммуниста, а демократы уже играли в политическое донкихотство, требуя на митингах — не допустить «охоты на ведьм»!

— Самое замечательное не то, что демократы возмутились. Самое замечательное — то, что коммунисты *не* возмутились, они восприняли бы все эти запреты как должное! Демократы уже кричали вовсю, предупреждая о недопустимости «охоты на ведьм», а коммунисты только еще слабо попискивали на эти темы или вообще помалкивали. Должно ли было демократам, которые осудили действия Ельцина, сохранять интеллигентность в условиях политической борьбы с прожженными циниками и политическими бандитами — это вопрос! И вопрос вовсе не сугубо теоретический. Это вопрос политической практики. Дело в том, что политика обладает определенной внутренней логикой. Иногда она кажется жутко аморальной. Это происходит потому, что основа любой политической логики — это полное отсутствие каких-либо *нравственных принципов*. Политика может быть и подлой, и гнусной, и грязной — какой угодно. Но она не имеет права быть глупой, она не должна приводить к поражению. Вот в конечном итоге единственное требование, которое извечно предъявляется к любой политике. Если политика не приводит к поражению — значит, это хорошая политика. А какова же цена победоносной политики? Это уж как получится — ответит вам политик-профессионал.

Впрочем, когда речь идет о завтрашнем дне той или иной политики, чрезвычайно трудно что бы то ни было рассчитать. Вот, например, печально знаменитый Жириновский. Казалось бы, он отшлифовал совершенно безошибочный набор обещаний, которые должны приманить на его сторону абсолютное большинство! И при этом отработал и выковал для себя неоднократно проверенный имидж классического Повелителя Дураков. Казалось бы, дело в шляпе и победа — в кармане. Но тут начинают действовать неустраняемые и роковые факторы: вполне определенная внешность, неподходящее отчество, никуда не годное происхождение («мать русская, отец — юрист»)… А ведь Жириновский — это случай, так

сказать, образцово-показательный. Куда труднее взвесить плюсы-минусы таких имперских лидеров, как Павлов, Бабурин, Стерлигов... И вот хотя все социологические расчеты показывают, что на стороне красно-коричневых от силы 25 процентов, но начинается предвыборная кампания — и что-то происходит. И это «что-то» переворачивает все расчеты вверх тормашками. Очень хочу, чтобы эти слова мои не оказались пророческими...

— К тому же эти опасения сейчас усугубляются резким снижением уровня жизни...

— Я сильно подозреваю, что у правительства нет другой возможности проводить реформу. Нельзя одновременно выполнять две задачи: и стабилизировать экономику, и сохранять при этом достаточно высокий уровень жизни. Слишком далеко зашла болезнь.

— Борис Натанович, реформа так же необходима, как операция, которая хотя и болезненна, но без нее можно умереть. Но уже давно при операциях применяют обезболивание! Существует огромная махина государственной собственности. Почему ее не распродают направо и налево, чтобы наполнить бюджет и смягчить издержки экономической реформы?

— Я сторонник «обвальной» приватизации. Но ведь очень многие считают, что она приведет к самым разнообразным негативным последствиям, среди коих важнейшую роль играет возможный захват собственности номенклатурой и теневой экономикой. Но проблема приватизации сегодня — это не экономическая, это социально-политическая проблема. Помните бессмертное учение о надстройке и базисе? Так вот, в результате всех предшествующих событий, начиная с 1985 года, мы начисто смели надстройку, которая была создана в стране за 70 лет. Все надстроечные институты сменились — власть другая, правительство другое, партии совершенно новые возникли, культура изменилась, весь менталитет общества стал иным... И вот теперь мы добрались до базиса, до базального основания общества, до того фундамента, на котором стояли все эти 75 лет. Базис, как известно, — это отношения собственности. Если сможем мы их изменить, если сумеем переменить хозяина у госсобственности, если создадим мощный социальный слой собственников — слой толщиной во многие десятки миллионов человек, — вот только тогда у нас в стране ситуация

станет воистину необратимой. До тех же пор, пока 90–95% всей собственности продолжает принадлежать государству — можно в любой момент повернуть назад, вернуться в старый, добрый, уютный, вонючий закуток, в котором мы провели 70 лет... Именно поэтому месяц за месяцем проходят после августовской победы, а по-настоящему существенных изменений так и не происходит: базальтовая непробиваемая толща перед реформаторами — миллионы начальников, миллионы «совков», отлично понимающих, что этот рубеж — последний, и готовых на все, чтобы не позволить сделать ситуацию по-настоящему необратимой.

В конечном итоге все, что происходит в той или иной стране, определяется не желаниями отдельных людей, а общим настроем многих десятков миллионов. И этот общий настрой рассчитать, вычислить, смоделировать практически невозможно — можно разве что только угадать его. Кажется, у Толстого очень точно сказано, что история есть равнодействующая миллионов волей. И никогда история не движется в том направлении, в котором хочет ее двигать отдельный человек или даже группа людей, — она движется туда, куда, казалось бы, не хочет никто... Вот причина, по которой невозможно *управлять* историей. Именно поэтому никакие революционеры и реформаторы *никогда* не достигают той цели, к которой стремились изначально...

УЧИТЕСЬ ДЕЛАТЬ ДОБРО... ИЗ ЗЛА*

*Теоретический спор о правах человека
в стране практического беззакония*

Комментарий: *эта беседа состоялась в начале июля 1994 года, сразу после выхода печально известного тогда (а ныне — совершенно забытого) президентского указа о борьбе с организованной преступностью. Этим указом, если кто не помнит, разрешалось задерживать подозреваемых на срок до 30 суток без суда и декларировались всякие «крутые» меры по борьбе с оргпреступностью. Время показало, что оргпреступность этого указа даже не заметила, — но многие рассуждения, высказанные в нашем споре, увы, остаются актуальными и сегодня.*

БВ (Борис Вишневский). Писателю-фантасту сам бог велел задавать вопросы о будущем. Что вы видите впереди?

БС (Борис Стругацкий). Нет более неблагоприятного занятия, чем заниматься прогнозами в условиях социальной нестабильности! Конечно, сейчас вроде бы стало немного спокойнее, но вероятность крутых поворотов еще сохраняется. Самый неприятный вариант, как я уже не раз говорил, — если в результате социальных волнений и взрыва напряженности к власти на гребне кровавой волны придут сторонники национал-коммунизма. Дело здесь не в том, что они какие-то особенно уж плохие люди, ставящие своей целью сделать все как можно хуже. Они, как и все прочие политики, ставят перед собою совсем другую и вполне обыкновенную цель — захватить власть и удержать ее. Но, оказавшись у власти, они либо в силу экономического невежества своего,

* Беседует Борис Вишневский. Опубликовано в газете «Невское время», 13 июля 1994 года.

либо ослепленные предвзятыми своими идеями, либо попросту под давлением агропромышленного лобби и ВПК могут рискнуть и попытаться круто повернуть назад. А вот это неизбежно приведет к самым тяжким последствиям: инфляция подскакивает в небеса, магазинные полки оголяются с быстротою молнии, экономика разваливается окончательно, и тогда нам объявляется, что реформы исчерпали себя, и устанавливается тоталитарная диктатура со всеми вытекающими последствиями: наращивание военного потенциала, увеличение армии, милитаризация идеологии и полное обнищание населения (при подавлении малейших волнений). Еще более кровавый вариант — гражданская война, прямые столкновения вооруженных сторонников, скажем, президента и оппозиции. Хуже этого я уже придумать ничего не могу. Я вообще оптимист: в любой ситуации пытаюсь представить себе самый плохой вариант, а затем оцениваю его вероятность. Сегодня вероятность гражданской войны все же значительно меньше половины — поэтому и все выводы мои по большому счету оптимистичны.

БВ. Какую из возможных болезней общества вы считаете наиболее опасной?

БС. Главный источник наших неприятностей — тот перерзло-феодальный менталитет, который характерен для общества в целом. Нежелание и неумение *зарабатывать*. Истовая готовность обменять индивидуальную свободу действий на маленький (пусть!), но верный кусочек материальных благ — на *пайку*. Нежелание и неумение отвечать за себя: начальству виднее. Чудовищная социальная пассивность большинства, в гены вьезвешеное убеждение: «Вот приедет барин — барин нас рассудит»... Вот это — самая опасная наша социальная болезнь сегодня. Именно она — источник и питательная среда для всего прочего: и для имперской идеи, и для нацизма, и для идеи реванша. Духовное рабство. Нежелание свободы. Страх свободы. Свободофобия.

БВ. Откуда он берется — этот страх?

БС. Это совершенно очевидно: огромное большинство людей не верит в свои силы, не приучено в них верить. Зато они приучены, что есть начальство, как бы оно ни называлось — партия, комсомол, директор, — которое лучше меня знает, что делать,

лучше разбирается в ситуации и готово принимать за меня решения, оставив меня в затхлом, но уютном моем закутке, где я сижу, никого не трогаю, починаю примус... Это очень удобно, это — инфантилизм своего рода, ведь ребенок с готовностью и не раздумывая обменивает свою свободу на чувство защищенности и безопасности. Я вспоминаю свое детство, послевоенный мир ленинградских дворов-колодцев, одичалых парков, осатанелых барахолок, вокзалов, похожих на дантовские круги ада. Этот мир был пропитан урками, ворами и бандюгами всех мастей, обыватель, особенно подросток, был совершенно незащищен и одинок в этом самодельном аду — и в этом мире вовсе не считалось зазорным быть в дружбе с ворьем и шпаной, более того — человек как бы даже гордился находиться под покровительством какого-нибудь «Васька с Астраханской». («Ну ты, отскечь! За меня Васек с Астраханской мазу держит!») Господь спас тогда и меня, и большинство друзей моих от соскальзывания в яму — но не всех... Конечно, все мы оттуда родом: из сталинской лагерной империи, у нас наследственность страшная, мы все время тянемся к худшему, полагая его лучшим только потому, что оно привычнее, и отказываемся от свободы, предпочитая ей уверенность в завтрашнем дне. Я с ужасом читаю результаты социологических опросов — больше половины готово отказаться! Но в конце концов люди с рабской психологией уйдут, вырастет новое поколение, уже лишённое страха перед свободой.

БВ. А в Вас самом сидит этот страх?

БС. Нет. Во мне сидит великое множество страхов, но этого нет уже давно. Это не моя заслуга — просто следствие образа жизни, который я веду последние 20–30 лет. Любой писатель — и просто любой творческий работник — привык в первую очередь полагаться на себя, и в конце концов только на себя: ведь никакое начальство не поможет ему написать книгу или доказать теорему.

БВ. Сегодня кипят споры вокруг «чрезвычайного» указа президента о борьбе с преступностью — с посадками на 30 суток без суда и следствия, в нарушение конституции. Обсуждается — есть ли у преступников вообще какие-либо права, которые надо соблюдать, и так далее. Как вы считаете, большинство — исходя из высказанных вами соображений — готово аплодировать этим мерам?

БС. У меня такое впечатление, что да. Большинство людей либо не понимает всех опасных последствий этого указа для них же самих, либо понимает чисто абстрактно: «Я ни в чем не виноват, меня не тронут». И это тоже — классическое, советско-феодальное нежелание открытыми глазами смотреть на мир. Более того, я и себя ловлю на мысли: а может быть, господин Степашин прав, когда говорит, что нарушать права преступника и можно, и даже должно? Я понимаю, что ситуация с преступностью достигла опасного предела и экстренные меры нужны. Видимо, какая-то «чрезвычайщина» действительно неизбежна — невозможно успешно бороться с организованной преступностью в строгих рамках демократической конституции, мировой опыт это показывает...

БВ. Не могу согласиться с вами. Мировой опыт как раз показывает, что только строгое соблюдение законов позволяет успешно бороться с организованной преступностью. Просто правоохранительные органы там полностью используют свои законные прерогативы, а не прикрывают неумение и нежелание работать недостатком полномочий...

БС. Вы правы, наверное, но не могу не напомнить, что деятельность знаменитой сицилийской мафии была подавлена только один раз за всю историю Италии, а именно: когда у власти стояли фашисты. Боюсь, только мафия может победить мафию. Боюсь, что нам сегодня предстоит пройти по лезвию бритвы — между пропастями эффективно действующего беззакония, с одной стороны, и абсолютно легитимного ничегонеделания — с другой. И я полагаю, что именно сейчас настало время средствам массовой информации показать, чего они на самом деле стоят. Ибо именно и *только* они способны обеспечить реальный контроль над действиями правоохранительных органов. Ни один сомнительный с точки зрения законности и справедливости инцидент не должен пройти мимо их, СМИ, внимания. Это должно стать их главной задачей на весь период действия указа. Пусть пресса и ТВ покажут, на что они способны, докажут свое право называться «четвертой властью». Если не встанут они горой за *каждого* «оскорбленного и униженного» под горячую руку, за каждую «щепку», отлетевшую, пока лес рубят, — тогда грош им цена. Если выяснится, что никакая власть с ними не считается — значит, ничего

в нашем обществе не переменялось и, опять же, грош им цена. По моему мнению, СМИ вообще нужны главным образом для того, чтобы обращать внимание высшей власти на творящееся беззаконие. До сих пор они одержали несколько побед — вспомните, например, «дело Мирзаянова». Если бы не поднятый в прессе шум, вряд ли выпустили бы его из когтей его «доброжелатели»...

БВ. Вы не оговорились — насчет того, чье внимание надо привлекать к беззакониям? Мне казалось, что привлекать надо внимание общества, а не высшей власти. Иначе — опять упование на «доброе барина», а не на закон: удалось «достучаться» до самого верха — смилостивился, стукнул кулаком по столу и велел сделать «по правде», не удалось — ну что ж...

БС. Давайте исходить из существующей реальности, а не из прекраснотушных построений. Надо делать то, что реально. Делать хотя бы минимум, если не удастся сделать максимум. Сбивать сметану задними лапами, как та лягуха из сказки. Овладевать искусством возможного. Одного только нам нельзя себе позволять — ничего не делать. К сожалению, общетеоретические рассуждения о правах человека и о роли общественного мнения беспредметны в стране практического беззакония. Мы существуем в хаосе, где закон и справедливость еще только должны пробить себе дорогу. Все правильно, что Вы говорите, — и «добрый барин» остался, и необходимость до него «достучаться», и «улаживание» дел не единственно верным путем закона, а путем личных связей... Помните? «Мы должны сделать добро из зла, потому что нам его больше не из чего сделать». Это — про нас с вами. Нельзя только — ни на минуту! — путать добро со злом. В этом — главная задача СМИ. И еще, может быть, нам следует вспомнить опыт США, где в аналогичной чрезвычайной ситуации была создана совершенно новая правоохранительная структура — ФБР, из людей новых, еще не запачканных и в противовес насквозь коррумпированной муниципальной полиции. Подобная «параллельная» структура, возможно, могла бы сыграть решающую роль, — нынешней правоохранительной системе я просто не доверяю.

БВ. Почему?

БС. Я совершенно спокойно отнесся бы к указу о борьбе с преступностью, я бы рукоплескал ему, если бы у нас были идеальная,

демократически ориентированная прокуратура и честная милиция — сплошь рыцари без страха и упрека. Но у нас далеко не идеальная прокуратура и страшенькая милиция! Мы, нынешние обыватели, такого о ней наслышались друг от друга, что иногда боимся ее больше, чем самих преступников. Сплошь и рядом она охотится не за бандитами, а за нами — просто потому, что охотиться за нами безопаснее. Повторяю, имей мы безукоризненно честную и компетентную исполнительную власть — никакие отклонения от конституции были бы не страшны. Но коль скоро власть не является ни безукоризненно честной, ни компетентной — нужен постоянно действующий независимый контроль. И здесь кроме СМИ я не вижу другой силы, способной остановить несправедливость, глупость и беззаконие или хотя бы выволочь их из тени на свет божий. Эта сила *пока еще* дана людям, *независимым* от власти, и их обязанность — биться до последнего, как до последнего бьется врач, верный клятве Гиппократ, даже если никакое из его средств не помогает, бьется только потому, что жизнь еще теплится, а где жизнь — там и надежда.

«ПРЕЗИДЕНТ СЫГРАЛ НЕ ЛУЧШУЮ ПАРТИЮ»*

Комментарий: беседа эта, естественно, была посвящена первой кавказской войне — поскольку проходила менее чем через два месяца после начала военной операции в Чечне, новогоднего штурма Грозного и на фоне тогда еще достаточно активного протеста в обществе против этой войны.

БВ (Борис Вишневский). Достаточно давно вы сформулировали свое отношение к власти следующим образом: «Главное — чтобы не нарушались права человека, чтобы не пролилась кровь». Именно на этих условиях вы и ряд других деятелей культуры и науки готовы были прощать власти (в частности, президенту и правительству) многое и поддерживали ее в критические минуты. Как вам кажется сегодня — «Рубикон перейден»?

БС (Борис Стругацкий). Я ненавижу всякое кровопролитие и боюсь его. Но я понимаю, что бывают ситуации, когда без крови не обойтись, когда на силу необходимо отвечать силой, на удар — ударом, на кровь — кровью. Вспомните октябрь 1993 года — это было ужасно, но я просто не видел тогда иного выхода и никак не мог порицать власть за то, что она использует силу против тех, кто от слов перешел к делу — начал кровопролитие. Я вовсе не «толстовец», я — сын своего времени, воспитан в совершенно определенных традициях и знаю, что иногда приходится проливать малую кровь для того, чтобы не пролилась большая. И что в любом случае нельзя давать спуску ни бандитам, ни шантажистам. «Волкодав прав, людоед — нет».

БВ. Как по-вашему, подпадает ли то, что происходит в Чечне с 11 декабря 1994-го, под такие определения?

* Беседует Борис Вишневский. Опубликовано в газете «Невское время», 18 февраля 1995 года.

БС. Мы с Вами беседовали много раз, и, помнится, не было случая, чтобы я как-то колебался, отвечая: на подавляющее большинство Ваших вопросов я всегда готов был дать прямой ответ, удовлетворяющий и Вас, и меня. Но вот проблема Чечни... Вместе с многими уважаемыми и безусловно честными людьми (о которых Вы только что упомянули) я всячески протестовал против насилия в Чечне и подписал «по нарастающей» несколько писем и телеграмм. Сначала о том, чтобы вообще войска в Чечню не вводились, чтобы все проблемы решались путем переговоров. Затем — когда войска все-таки были введены, я заклинал власть имущих не наносить бомбовых ударов по Грозному, свести к минимуму страдания невинных. Когда бомбовые удары начали наноситься, я умолял их не идти на штурм Грозного, потому что сегодня штурм города означает превращение его в руины... Потом я перестал подписывать какие-либо телеграммы и письма: стало ясно, что они не действуют и, скорее всего, вообще неспособны возыметь никакого действия.

БВ. Борис Натанович, вас не коробит сама постановка вопроса: УМОЛЯТЬ власть о чем-то? Даровать ли свободу или не отнимать ее, бомбить территорию собственной страны или смиловаться...

БС. Слова «умоляем» в наших телеграммах не было, было слово «требуем», но по сути-то мы именно умоляли — просили, заклинали, зывали к разуму и гуманности. Так уж у нас повелось: когда интеллигент обращается к власти, любое требование его есть не более чем покорнейшая просьба. Но вернемся к основной теме. Война — ужасна. Война всегда была ужасна, а сегодня, когда так много фантастически страшных средств уничтожения и уродования человека, она фантастически ужасна и отвратительна. Любая война — справедливая или нет, захватническая или оборонительная, вынужденная или затеянная сознательно. Ведь ужасно любое убийство — будь это убийство в корыстных целях или совершаемое в порядке защиты слабого и униженного. У войны (я допускаю это), как у любого убийства, может быть благородная цель, но сама война — это всегда грязь, боль, мерзость и растление души. Поэтому и чеченская война уродлива и омерзительна, и никаких других чувств у нормального человека она вызывать

не может. Если правда, что генерал Рохлин отказался от звания Героя России, я снимаю шляпу перед ним: он настоящий человек, он даже в аду войны сумел сохранить честь, разум, просто нормальное видение мира. Очень трудно сохранить нормальное видение мира, когда глаза залиты кровью. Его солдаты, выполняя приказ, умирают, и убивают, и разрушают, но у него хватает человечности относиться ко всему происходящему как к страшному, но непреодолимому злу, и он вовсе не намерен видеть во всем этом нечто героическое. Наиболее (а может быть — единственно) правильное отношение вояки-профессионала к своему делу: тяжелая, опасная, порою грязная работа. И не более того.

БВ. Наверное, главный вопрос, который задают себе многие, — *зачем* понадобилась чеченская авантюра? у Вас есть разумное объяснение?

БС. Если отвлечься от эмоций (а мы обязаны это сделать, если хотим анализировать некие политические события, иначе нам останется только ломать руки и плакать о мертвых и обездоленных), то, рассуждая холодно и рационально, мы придем к вопросу: неизбежно все происшедшее — или нет? Возможно ли было политическое, несилевое решение проблемы? Да и была ли проблема? Не выдуман ли «чеченский кризис» жесткими и жестокими политиками, зациквившимися на проблемах суверенитета? Не знаю. Нет информации! Действительно ли неоднократные попытки договориться с Дудаевым наталкивались на тупое и непреклонное нежелание компромисса? И были ли эти попытки действительно настойчивыми и неоднократными? И, главное, — что думает обо всем этом большинство чеченского народа? Может быть, они, как и прибалты, в большинстве своем хотят жить отдельно? Согласитесь, это разница: господин Дудаев объявляет суверенную Чечню — или это делает большинство чеченского народа. За что воюет сегодняшний ополченец: за свободу Чечни? Или за то, чтобы им, как и прежде, управлял именно и лично господин Дудаев? Или он воюет просто потому, что раздался клич: «Чужие солдаты на твоей земле!» — и он взял в руки автомат, не давая себе труда подумать, да и времени не имея разобраться, зачем на самом деле пришли на его землю солдаты — лишить его свободы или, наоборот, освободить его от властного, жестокого и честолюбивого генерала?

Ни на один из этих вопросов нет у меня достоверного ответа, и остается только строить гипотезы. Если это было затеяно в целях удовлетворения чьих-то политических амбиций, значит, в Чечне совершено обычное преступление против человечества, оправданий не имеющее, — что, впрочем, для России не в новинку. Но если все дело в том, что Дудаев, прекрасно понимая (в отличие от наших власть предержащих), во что выльется военная акция, занимался политическим шантажом — требовал выделения Чечни в самостоятельное государство, нарушая все конституционные принципы и законы, тогда дилемма проста: либо мы придерживаемся принципа единства Российского государства — либо мы готовы его раздать, промотать, разбазарить и, уступив один раз, уступим затем еще, и еще, и еще... И дело тут не только и не столько в том, что мы все такие уж державники и государственники, убивать готовые за всякую попытку «самоопределения вплоть до отделения». В конце концов, что мне Чечня и что я Чечне? Уже ли так уж друг без друга не проживем? Да пусть они идут на все четыре стороны!.. Трагичность и опасность ситуации в том, что, уступив именно Дудаеву, мы бы создали страшный прецедент: любой энергичный и бесшабашный политический авантюрист, тем или иным способом пришедший к власти в любой российской губернии, отныне получал бы некое право при желании поставить всю страну на грань кризиса. Для этого достаточно ему было готовности идти на риск, владения искусством политической демагогии и умения говорить красивые слова о независимости. Смеет ли власть допустить подобное? Снова разрывы экономических связей, снова политическая лихорадка, государственный терроризм, тысячи беженцев? Согласитесь, такого прецедента создавать нельзя. Но тогда — если верна именно эта гипотеза — у происшедшего появляется известная логика. Война, оставаясь, как и прежде, отвратительной, в этом случае получает какой-то все-таки смысл, как альтернатива мучительному и неуправляемому распаду страны.

БВ. Если принять первую гипотезу, то спорить, пожалуй, дальше не о чем: требуется не общественная дискуссия, а Нюрнбергский трибунал. Но давайте встанем на другую позицию: иного выхода не было. С очень большой натяжкой, но предположим,

что за три года было сделано все возможное для того, чтобы решить проблему. Конечно, вопросов очень много: почему не были применены экономические методы, почему не были перекрыты границы, почему не охраняли разграбляемые поезда, почему смотрели сквозь пальцы на транзит оружия и наркотиков, куда уходили «дотации» Чечне, не платящей ни копейки в федеральный бюджет, — но пусть все это останется «за кадром». Почему методы силового решения оказались с первых же минут вопиюще неадекватны ситуации?

БС. Я могу по этому поводу только повторить то, что уже сказано профессионалами: операция была подготовлена из рук вон плохо, а строго говоря, вообще не подготовлена — то ли понадеялись на авось, то ли преступно недооценили противника, то ли вообще иначе не умеют. Такое впечатление, что наша армия способна учиться, только когда война уже началась и только ценою большой крови! Вообще-то любая армия склонна к разложению в мирное время, но это стократно верно для армии, которая живет на рабстве, на принудительной службе, когда боевой подготовкой занимаются кое-как, но зато масса времени и усилий тратится на превращение солдата в рабочий скот. «Русские долго запрягают, да быстро ездят» — какое, ей же богу, слабое утешение! Да, если мы (не дай господь!) провозим в Чечне еще месяцок-другой, война выкует из нынешних новобранцев отличных солдат — но какую ценою? Ценою «искусственного отбора», когда из десяти солдат выживает один, но зато умелый? Не надо мне такой армии! Главный вывод, который должен быть сделан властью из чеченских событий, — немедленная реформа армии! Все нынешние способы ее комплектования и обучения ни к черту не годны в современных условиях, армия должна быть совершенно другой — прежде всего профессиональной и высококомобильной. Хватит подгонять численность армии под количество генералов! У нас столько генералов, что, если каждому дать по дивизии, страна рухнет под тяжестью такой армии. Не только офицер — каждый солдат должен быть профессионалом-контрактником, умелым, знающим свое дело и занимающимся только им... Я с ужасом слушаю сегодня, что власть готовится продлить сроки пребывания солдат в казарме (как будто от этого нынешний солдат-полураб

станет хорошим воякой — да он просто больше намучается, так и оставшись потенциальным пушечным мясом), призывать под ружье студентов (как будто 19-летний студент способен воевать лучше 19-летнего колхозника), — и все это норовят подать как реформирование армии!.. Остается надеяться только на то, что реформы в России начинались всегда именно после военного поражения...

БВ. Разве после Афганистана в армии произошли какие-то реформы?

БС. После Афганистана произошло кое-что покруче: Перестройка. Не забывайте этого, пожалуйста! Афганская война и фактическое поражение в ней сыграли огромную роль в том, что сперва потребовало реформ, а потом и вовсе развалилось все это не выносящее реформ государство. Конечно, не только война; но, если бы в Афганистане была одержана быстрая блистательная победа, строй мог бы продержаться еще пару десятков лет.

БВ. Вас не удивляет «непотопляемость» Павла Грачева, который уже, кажется, скомпроментирован чеченской акцией со всех сторон — но по-прежнему прекрасно себя чувствует?

БС. Должность военного министра требует прежде всего преданности сюзерену, и я не вижу, почему у нас должно быть иначе. Пока Грачев предан Ельцину — никто его не тронет, да и сам он, согласитесь, все атаки до сих пор отбивал достаточно успешно. Конечно, военный министр должен отвечать за военные неудачи — но для этого нужно сделать еще один маленький шагочок: нужно признать эту войну неудачной. И, насколько я понимаю, мы с Вами считаем ее таковой — а вот верхушка государства уверена в обратном. Во всяком случае, формулировочки типа «все нормально», «успешное завершение операции», «полностью выполненные задачи» и т. п. не сходят с уст руководства... Меня потрясает чудовищная бессмысленность происходящего. Возьмите российского солдата — за что он там воюет? Судя по тому, что мне показывают, — часть солдат вообще не понимает, зачем они там оказались, и действует по единственно возможному военному правилу: приказали — пошли! Часть вроде бы понимает, что воюет за единство России (как ответил бы любой придворный агитатор), но на самом-то деле они воюют вовсе не за это, а за то, чтобы

в Грозном переменялась власть. Положение еще ужаснее, когда посмотришь на чеченцев: ведь они-то воображают, что война идет за самое святое — за Свободу! Но разве кто-нибудь на эту свободу покушается? Рядовой чеченец воспитан в представлении, что свобода — превыше всего, он, говорят, даже здороваётся при встрече не как мы с вами («будь здоров»), а — «будь свободен!» Но ведь он лишь воображает, что сражается за свою свободу, а на самом же деле он дерется — замечательно, между прочим, дерется! — за то, чтобы им управлял Дудаев и люди Дудаева! Это же бред какой-то: начинать такую грандиозную операцию без какой бы то ни было пропагандистской подготовки. Ничего никому не объяснив — ни москвичам, ни ингушам, ни самим чеченцам, — разве можно так поступать? Ведь это же не милицейская операция, когда «малину» разоряют, «крутых» отлавливают, — это война, настоящая, причем война против целого народа, более того — против своего народа!..

БВ. В каких выражениях Вы предложили бы объяснять людям, на территорию к которым вводят танки и на чьи головы летят бомбы и ракеты, что на их свободу не покушаются?

БС. Ввод войск бывает разный: в частности, и тогда, когда нужно уничтожить правителя-тирана. Когда американцы вводили войска на Гаити, разве они ущемляли этим свободу гаитян? Наоборот, они освобождали их от хунты, и таких примеров немало. Можно же было объяснить чеченцам, что покушаются отнюдь не на их свободу, а только лишь на свободу Дудаева править их страной и наживаться вместе с приближенными на ее богатствах. Самого Дудаева, кстати, я считаю столь же виноватым в происшедшем, как и наших начальников: его бессмысленное упрямство, политические амбиции, его отвратительная готовность принести тысячи жизней в жертву во имя того, что он будет править Чечнею без Москвы. И из-за этого люди должны умирать? Я понимаю и принимаю войну за свободу и независимость, если гнет невыносим и кровав сам по себе. Бывали в человеческой истории такие режимы, за свержение которых стоило проливать свою и чужую кровь. Но затевать кровавую бойню для того только, чтобы одна (скажем, местная) элита отобрала власть у другой (скажем, — центральной) элиты? убивать

и умирать за начальство? Нет уж, увольте, это невозможно ни понять, ни принять.

БВ. Ваше мнение о позиции президента в чеченском конфликте?

БС. Мне порой кажется, что президент совершил большую ошибку, но в то же время я ловлю себя на следующем невеселом рассуждении. Решаясь на чеченскую операцию, президент, видимо, полагал этот свой политический ход беспроигрышным. Окажись война в Чечне быстрой и победоносной — его выигрыш безусловен. Но и та война, какая получилась, кровавая, затяжная, порождающая и внешние, и внутренние осложнения, — что ж, и она пригодится: возникает законная возможность ужесточить правила игры, окончательно положиться на силу — например, отложить выборы, опираясь на «чрезвычайную» ситуацию... И все же мне кажется, что президент сыграл не лучшую партию в своей жизни, что в конечном итоге — даже если ему удастся отменить или отложить выборы — он проиграл. И единственное, что меня примиряет с ним, — это его твердая позиция по поводу средств массовой информации. Ведь до тех пор пока центральным (а все решают они, а не периферийная пресса и не региональное ТВ) средствам массовой информации не забили кляп в глотку — у всех у нас остается шанс на поворот к лучшему. Как бы плохи ни были дела военные или экономические. По ехидному выражению Андрея Синявского, нынешнее начальство «купило интеллигенцию за свободу слова». Что ж, так оно, по сути, и есть! Я, например, не знаю другой цены, за которую правитель мог бы меня купить: ни за чины, ни за почести, ни тем более за деньги ему это не удалось бы... Ибо мы живы не до тех даже пор, пока у нас есть кусок хлеба, а до тех, пока у нас есть хотя бы кусок правды.

«ДЕМОКРАТИЯ КОНЧАЕТСЯ ТАМ, ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ УГРОЗА ДЕМОКРАТИИ»*

Комментарий: мы беседовали вскоре после парламентских выборов 1995 года и в преддверии президентских выборов 1996 года. Тогда рейтинг Ельцина был катастрофически низок — около 3%, мало кто мог предположить, что его удастся «надуть» до 60%-ной отметки, и среди интеллигенции (особенно той ее «элитной» части, что всегда поддерживала Бориса Николаевича) стала популярной мысль о том, что выборы неплохо бы отменить, поскольку Ельцин может их и не выиграть. И мы с Борисом Натановичем продолжили старый спор — о целях и средствах. О том, можно ли во имя недопущения к власти тех, кто способен «прикрыть» демократию завтра, отказаться от демократии (отменив выборы) уже сегодня...

БВ (Борис Вишневский). Борис Натанович, Вы ожидали таких результатов парламентских выборов?

БС (Борис Стругацкий). Да, конечно! Еще до выборов я составил свой собственный прогноз, который оказался довольно точным. Я ошибся в «Женщинах России», которые вообще не прошли, но были близки к 5-процентному барьеру, и, как и все, ошибся с КРО (Конгресс русских общин — популярное тогда национал-патриотическое движение, из рядов которого вышел нынешний вице-премьер Дмитрий Rogozin — Б.В.), которому я давал 10–15 процентов. Что касается «Демократического выбора России», то я предполагал, что они, скорее всего, не смогут перейти через 5 процентов. Хотя я надеялся и верил, что им удастся это сделать.

БВ. У Вас есть какое-то объяснение результату ЛДПР? Ни один опрос не давал им таких процентов, почти все предполагали, что голоса «уйдут» к Лебедю — а они не «ушли». Почему?

* Беседует Борис Вишневский. Февраль 1996 года. Не публиковалось.

БС. Мне было совершенно ясно, что Жириновский никогда в жизни не наберет столько, сколько у него было в 1993 году, но мне также было совершенно ясно, что он перейдет барьер, и минимум в два раза. У них есть свой верный электорат — это 6–7 процентов люмпенов и некоторое количество «лихих парней», которых не пугает кровь и которые не видят ничего плохого в том, чтобы немножечко повоевать.

БВ. Так или иначе, но партии и движения, полностью или частично поддерживающие курс президента и правительства, набрали в сумме около 20 процентов голосов. Будь Вы президентом — восприняли бы это как необходимость смены курса?

БС. Я ни в коей мере не отказался бы от реформ. Я не отказался бы от «столпов» реформы — скажем, жесткой финансовой политики, но постарался бы сделать политику более «социально ориентированной».

БВ. Три года назад были распространены рассуждения о том, что реформаторам мешают проводить реформы — поэтому необходимо расширение полномочий президента и ограничение полномочий парламента. И когда критики нынешней конституции буквально криком кричали, что нельзя оставлять исполнительную власть без парламентского контроля, им отвечали: зато никто не сможет помешать президенту проводить радикальные экономические реформы! Ну что же, конституция принята, полномочия президента необъятны, никакая Дума ему всерьез помешать ни в чем не может — на кого пенять теперь?

БС. То, что президент может делать все, что считает нужным, — глубокое заблуждение! Я много раз говорил о том, что в стране нарушена система передачи власти сверху донизу. Где-то пробуксовывают шестерни, сорваны зубцы — и сверху можно издавать сколь угодно строгие указы, которые внизу не исполняются. Какова именно эта механика — не знаю... Но я знаю, что демократия в нашей стране привела, в частности, к тому, что силы прошлого остались в неприкосновенности. И при первой же возможности рвутся назад — и они вернут все назад, и будет все, как раньше: сверхмилитаризованная экономика, пустые полки, вечный Агропром и закупки зерна за границей. Почему? Да потому, что огромному количеству людей это удобно. А ведь никто не сказал, что

экономически совершенная страна — это такая страна, где большинству людей удобно! В экономически развитой стране люди с утра до вечера вкалывают как бешеные. За что и имеют все, что имеют. А мы не привыкли так, у нас все по-другому устроено, и переменить все это по приказу очень сложно. Петр Первый в такой ситуации рубил головы. Это помогало, но очень плохо — и хорошо известно, что после смерти Петра многое из того, что он сделал, было утрачено. Повторяю: слишком много людей не заинтересовано в переменах, слишком много людей хотят, чтобы все было, как раньше.

БВ. Вот теперь мы с Вами подходим к сути. Если большинство общества желает двигаться не туда, куда считаете нужным двигаться и Вы, и я, — следует ли подчиниться воле большинства?

БС. У нас есть очень простой выбор: или — государственный строй, в котором есть основные права и свободы граждан, или — строй, где у граждан этих прав и свобод нет. Так вот, я считаю, что ни в коем случае нельзя допускать, чтобы с помощью демократических процедур к власти приходили люди, которые с этими демократическими процедурами охотно покончат. И не допустить этого нужно любыми способами. Например, отменить выборы. Это — совершенно бескровный способ.

БВ. Вы считаете абсолютно нормальным отмену выборов, на которых большинство может проголосовать за тех, кто вам не нравится?

БС. Не так! Я считаю нормальной отмену выборов, на которых большинство может проголосовать за антидемократов. За людей, которые, придя к власти, тут же демократию прекратят. Да, в крайнем случае, если иного выхода не будет, я готов согласиться с отменой выборов. Конечно, не отменяя ни свободы слова, ни свободы печати, ни свободы митингов и демонстраций.

БВ. Вы хотите сказать, что, решившись на отмену выборов, власть сохранит свободу печати и свободу собраний? Конечно, поддерживать действия власти можно будет в прессе и на телевидении абсолютно свободно. А вот критиковать — не позволят... Как осенью 1993 года, по «странному» совпадению, ни одну статью, критически оценивающую действия президентской команды, ни в одной из крупных городских газет опубликовать было

невозможно. А уж о том, чтобы высказать это по телевидению, и говорить не приходилось... Но вернемся к нынешнему дню: зачем мне все указанные вами свободы, если я лишен главной из них: свободы выбирать в стране власть, которую я хочу?

БС. А я задаю контрвопрос: зачем вам свобода, в результате которой к власти приходит человек, ее уничтожающий?

БВ. Мы с вами упираемся в некий парадокс, замкнутый круг. С одной стороны — да, существует опасность того, что на выборах законным путем победят люди, которым потом демократия не понадобится. С другой — для того чтобы этого не допустить, предлагается, по сути, в превентивном порядке отказаться от одного из важнейших принципов демократии: возможности периодической смены власти. Не напоминает ли Вам это известный пример с воином-дикарем, который, съев сердце врага, уподобляется врагу?

БС. И Стресснер, и «папа Док», и Альенде, и Муссолини, и Гитлер пришли к власти абсолютно законным путем. Я уже не раз говорил: как было бы хорошо, если бы престарелый президент Германии фельдмаршал Гинденбург абсолютно неконституционным путем разогнал нацистскую партию, пересажал бы ее лидеров и отменил выборы — тогда бы мы не столкнулись со всеми ужасами победившего фашизма.

БВ. Что же, и с этим можно поспорить. Напомнить, скажем, что за 10 лет до 1933 года во время «пивного путча» с нацистами именно так и поступили — что во многом предопределило их последующий успех: любое социально неблагополучное общество любит гонимых. И Гитлер пришел к власти не потому, что немецкие демократы не смогли объединиться перед угрозой фашизма, а потому, что бездарная политика находившихся у власти социал-демократов и их союзников, с одной стороны, склонила часть избирателей к коммунистам сталинского типа, а с другой — к нацистам, которые оказались большинству немцев меньшим злом, чем коммунисты. Но если бы даже все так и произошло, как Вы говорите, — вполне возможно, что агрессором европейского масштаба стала бы не Германия, а сталинский Советский Союз, и не с Германией, а с нами воевала бы (и нас бы разгромила) коалиция союзников. И, возможно, против нас применили бы атомную бомбу... Но не будем углубляться в историю: итак, демократия,

которая помогает отобрать власть у коммунистов, — это хорошо, а демократия, которая может вернуть коммунистов к власти, — плохо? Какая-то двойная мораль получается...

БС. Я предпочел бы другую формулировку: демократия, которая с помощью выборов продолжает себя, — это хорошо. А та демократия, которая с помощью выборов себя заколачивает в гроб, — это плохо. Вот такой общий принцип.

БВ. Если бы коммунисты в 1989-м рассуждали бы так же и опасались, что выборы станут началом их конца, никакой свободы и демократии мы бы до сих пор не видели. Неужели они были храбрее нас? Или честнее?

БС. Все, что способствует продолжению демократии, хорошо, в том числе и свержение коммунистов. А восстановление власти коммунистов — плохо, потому что они прекращают демократию. Нужно быть дьявольски наивным человеком, чтобы считать, что к власти могут прийти какие-то другие коммунисты. Те были плохие, бяки, а эти — они вполне безобидные. При этом забывается, что суть коммунистической доктрины состоит в том, что исповедуется некая единственно верная идея и единственно верная программа. И только эта программа будет осуществляться любым путем. Почему любым? Потому, что она единственно верная.

БВ. В таком случае типично коммунистическими являются и правительство Гайдара, и правительство Черномырдина: начиная с 1992 года ими отстаивается принцип «единственно верного» экономического курса, альтернативой которому является только полный откат назад. Конечно, это — очень удобная позиция: она позволяет объявить «по определению» все трудности — неизбежными, всех оппонентов — еретиками, а единственным недостатком правительственной линии — недостаточную решительность. И очень трудно не заметить сходства этой позиции с той, которую много лет занимали большевики...

БС. Я говорю не о тактической линии, рассчитанной на несколько лет, а о коммунистической доктрине, о построении рая на земле. Разве ради рая на земле нельзя закрыть пару десятков газет и посадить своих людей на руководящие посты на телевидении?

БВ. Но и Ваша готовность достичь, несомненно, благой цели — сохранить демократию — предполагает использование весьма

сомнительного средства — отмены свободных выборов. Законно отменить выборы нельзя — значит, придется переступить через закон, разгонять парламент, который будет протестовать, затем — прикрывать партии, которые хотели выставлять своих кандидатов, затем скрепя сердце «во имя общественного согласия» перекрывать кислород прессе, не давая слова оппонентам, затем — во имя тех же благих намерений наказывать за инакомыслие...

БС. А что же еще делать, когда риск слишком велик? Вот вы готовы проводить выборы, даже зная, что они могут печально закончиться, а я — не готов!

БВ. Вы готовы на другое: не желая победы коммунистов на выборах, которая может ограничить свободу завтра, Вы готовы ограничить мою свободу выбора уже сегодня. Конечно же, из лучших побуждений и для моей же пользы! Но разумное меньшинство, навязывающее свою волю неразумному большинству во имя благой цели, — это очень старая и знакомая сказка. И с очень плохим концом...

БС. Да, я готов лишить вас незыблемого права выбирать себе власть точно так же, как я готов лишить вас незыблемого права покончить с собой, если вам придет в голову броситься из окна! Я нарушу ваши демократические права и свободы, но я поймаю вас за ноги, наkostenю вам по шее, напою валерьянкой и постараюсь привести в нормальный вид. Вот полная аналогия происходящему. Вы хотите рискнуть демократией — во имя некоего светлого высокого принципа. А я хочу отказаться от одной из ее составляющих — во имя того, чтобы демократия продолжалась дальше. Чтобы ее не утопили и не выбросили в окно. Демократия должна быть ограничена, как и все в этом мире, где нет ничего безграничного. И у нее есть естественная граница: демократия кончается там, где возникает угроза демократии. И свобода воли человека кончается там, где кончается человек. Самоубийца, стоящий с камнем на шее, — возможно, вполне взрослый человек, он уже два раза был женат и прожил длинную жизнь. Но вы считаете, что у него есть полное право по собственному свободному выбору броситься с моста, а я считаю, что он должен быть остановлен. Вот разница наших позиций. Причины, по которым человек может добровольно уйти из жизни, должны быть дьявольски серьезны!

БВ. А кто дал вам право решать, насколько они серьезны у другого человека? Борис Натанович, вы ведь всегда были убежденным поборником свободы, неужели вы изменили свою точку зрения?

БС. Я всегда был поборником свободы, но никогда не считал, что свобода должна быть безграничной. Нельзя рисковать демократией во имя демократии же...

БВ. Значит, все-таки «цель оправдывает средства»?

БС. Я не сказал, что цель оправдывает все средства. Цель оправдывает некоторые средства — с этим вряд ли кто-нибудь будет спорить. И я готов во имя демократии временно отказаться от некоторых демократических процедур...

«ВСЕ, ЧТО НЕ ИМЕЕТ ОТНОШЕНИЯ К РЕАЛЬНОСТИ, МНЕ ПРОСТО НЕИНТЕРЕСНО...»*

Комментарий: это — одна из редких наших «невеселых бесед при свечах», в которых нет ни слова о политике. Только о литературе, о проблемах современной фантастики и о том, что, как представляется, до сих пор служит предметом споров.

БВ (Борис Вишневский). Борис Натанович, нет ли у Вас ощущения, что та фантастика, на которой росли поколения «семидесятников» и «восьмидесятников» (в том числе написанная Вами с братом), и фантастика, которая сегодня в подавляющем большинстве присутствует на рынке, — вообще говоря, два совершенно разных вида литературы?

БС (Борис Стругацкий). Честно говоря, рассуждать на эту тему мне уже немного надоело! Но, слава богу, вы хоть не ставите вопрос так, как его ставит большинство журналистов: вот, мол, полное засилье иностранщины, дерьмованщины, читать приличному человеку нечего, гибель культуры... Разумеется, изменения — и разительные — произошли. И произошли они в первую очередь в издательском деле. Раньше на издание книги тратилось 2–3 года, а сейчас — 2–3 месяца. Раньше вопрос об издании книги рассматривали десятки людей, и каждый имел об этой несчастной книжке свое мнение, причем все они наделены были правом запрещать, и никто почти не имел права разрешать. Теперь вопрос об издании книги решается очень быстро и небольшим числом голосов. Причем учитывается, как правило, только один фактор: будут книгу «брать» или нет. Все остальное — чистая техника, без

* Беседует Борис Вишневский. Санкт-Петербург, 2 марта 1997 года. Опубликовано: частично — в газете «Вечерний Петербург», 30 апреля 1997 года; частично — в «Независимой газете», 14 мая 1998 года; частично — в журнале «Петербургский стиль» № 3, 1998 года.

какой-либо идеологии и философии. И я не вижу в этой системе ничего дурного. У нас налачился нормальный книжный рынок, как в любой культурной европейской стране. Издается то, что читатель хочет читать, и в результате на прилавках — весь спектр, от дурнопахнущих эротических сочинений на одном краю и до Бердяева и Фромма на противоположном. Спектр этот компактно заполнен, причем, как и следует ожидать, это не просто хаотичное, беспорядочное заполнение, а заполнение в пропорциональных дозах. То, что пользуется большим спросом, — издается в больших количествах, а то, что спросом не пользуется или пользуется не очень, — издается в малых количествах или не издается вообще. В результате каждый читатель — подчеркиваю: каждый! — имеет возможность приобрести и прочесть то, чего просит его душа. Такого в России на моей памяти никогда не было. И я, честно говоря, даже не надеялся, что до этого доживу. Если же говорить конкретно о фантастике, то в ней тоже произошли существенные структурные изменения, тесно связанные со всеми вышеназванными обстоятельствами. Так, например, выяснилось, что многие и многие — в основном подростки — «хотят» так называемую литературу «огня и меча», где действие разворачивается, как правило, в сказочных странах и благородные рыцари сражаются с драконами или злыми гоблинами. Эта литература, носящая название «фэнтези», пользуется огромной популярностью. Не знаю, заслуженной ли, но, несомненно, огромной...

БВ. Признаюсь, что и сам ее с удовольствием читаю — давно уже, к сожалению, не будучи в подростковом возрасте...

БС. Я очень рад, что она вам нравится, хотя мне такая литература вовсе не по душе и я даже не уверен, что это вообще литература.

БВ. Почему?

БС. Уж так я воспитан, и мне, наверное, поздно переучиваться. Я почти совсем не воспринимаю литературу о несуществующих и иллюзорных мирах. Все то, что антиреалистично, все то, что парреалистично, то есть существует как бы рядом с реальностью, — мне попросту неинтересно. Я не люблю читать подробные описания чужих сновидений и романов, все события которых оказываются — вдруг — сном. Я не люблю читать книги, где изображение бреда сумасшедшего человека оказывается основным содержанием. Мне

не нравится такая литература, я привык думать, что литература есть всегда — достоверное изображение реального мира, обитаемого реальными людьми. Не тенями, не грезами, не галлюцинациями — реально существующими людьми, созданными воображением автора в соответствии с законами реального мира. Короче, я предпочитаю книги, внутренней основой которых является сугубая достоверность происходящего.

БВ. Но разве не практически каждый фантаст (и вы с Аркадием Натановичем в том числе) рисует для своих героев вымышленный мир?

БС. Есть некое существенное различие между понятиями вымышленный мир и мир иллюзорный. Мир Толстого — вымышленный мир. И мир Достоевского. И мир Кафки. Они созданы воображением и только в воображении существуют. Но никому и в голову не придет назвать эти миры иллюзорными. Вот два примера: мир Станислава Лема в романе «Возвращение со звезд» и мир замечательно талантливого Виктора Пелевина в романе «Чапаев и Пустота». Оба мира созданы мощным воображением. Оба мира придуманы, сконструированы и в этом смысле фантастичны. Но я воспринимаю их принципиально по-разному. Это принципиально разные миры. Различие между ними гораздо больше, чем между миром «Анны Карениной» и миром «Превращения». «Война и мир» и «Возвращение со звезд», при всем очевидном несходстве между ними, тем не менее объединены чем-то чрезвычайно существенным, чего нет в «Чапаеве...» Мир Толстого и мир Лема — доступны сопереживанию. Читательское воображение переселяется в них и там живет реальной жизнью — читатель любит, ненавидит, страшится, радуется вместе с героями, за героев, по поводу героев — сопереживает им, как реальным существам. Герои Пелевина живут нигде, и каждый из них — никто, перемещающийся никуда и низачем. Невозможно сопереживать галлюцинации, видению, герою чужого сна. А раз нет сопереживания — значит, нет и литературы. Не могу сказать, что я пришел к этому пониманию в глубоком детстве. Но начиная с какого-то момента эта установка сделалась принципом восприятия литературы, а значит, и работы. Братья Стругацкие даже в самых ранних и самых слабых своих вещах описывали миры, может быть, и не

существующие — сегодня, здесь и сейчас, — но способные существовать, способные принять в себя читателя, сделать его соучастником происходящего, сочувствующим и сопереживающим. Мы всегда полагали, что любой хорошо придуманный и продуманный мир обладает свойством виртуальности: он, может быть, и не существует в реальности, но буде найдется на него свой Демиург, механизм затикает и мир реализуется. Впрочем, все это теория. А практически я приемлю только те литературные миры, которые способны к сцеплению с реальностью, в которой я живу.

БВ. Еще пять-десять лет назад большинство авторов, которых мы могли читать, следовали похожей традиции. А уж авторов отечественных — тем более. Но сейчас, как представляется, традиции описанной Вами «квазиреалистичности» весьма слабы даже среди российских фантастов. Не огорчительна ли для Вас такая перемена?

БС. Я не могу пожаловаться на нашу фантастику — традиции «фантастического реализма» (я употребил бы именно это определение) продолжает целая плеяда замечательных писателей — здесь и Вячеслав Рыбаков, и Андрей Столяров, и Андрей Лазарчук, и Михаил Успенский, и Эдуард Геворкян, и Александр Щеголев, и Борис Штерн, и Евгений Лукин, и Павел Кузьменко... Я перечисляю только тех, кто в последние годы стал лауреатом премий «Интерпресскон», «Бронзовая улитка», «Странник», — их книжки достаточно часто появляются на прилавках и выпускаются большими тиражами. Так что не одна лишь «фэнтези» процветает. Как говорится, всем сестрам — по серьгам: любители «фэнтези» получили «фэнтези», любители серьезной фантастики — реалистическую фантастику.

БВ. Каково Ваше отношение к распространенному в последнее время жанру, если так можно выразиться, «эпигонства»? Причем в двух его разновидностях: одна — когда пытаются создавать продолжения фантастических бестселлеров (самый яркий российский пример — Ник Перумов с его «свободным продолжением» знаменитой эпопеи Джона Рональда Руэла Толкиена «Властелин колец»), другая — когда начинающие и не только начинающие писатели выпускают книги под вымышленными иностранными именами, продолжая популярные фантастические сериалы (опять же, самый яркий российский пример — конвейерное производство все новых и новых томов эпопеи о Конане-варваре)...

БС. Как читатель я к этому отношусь крайне отрицательно. И все по той же самой причине. Эти тексты не имеют никакого отношения к реальности. Никакого вообще. Нет сцепления с реальностью, и нет сцепления между мною и событиями, происходящими в этих мирах. Я равнодушен к ним, мне они так же совершенно безразличны, как какие-нибудь узоры на обоях. Эти узоры могут быть такие, могут быть этакие — какое мне до этого дело? Особенно если я нахожусь, скажем, в помещении собеса, куда пришел хлопотать о пенсии. Это впечатление невнятной и необязательной вязи, впечатление произвольности, неестественности, псевдокрасивости убивает во мне всякий интерес к книге такого рода. Хотя я прекрасно понимаю подростков, которым она нравится. И если бы я получил такого рода книжки в 12–13 лет — наверное, тоже читал бы их с наслаждением. Правда, в мое время даже сказки были как-то сцеплены с реальностью. Когда я читал «Старика Хоттабыча» или «Волшебника Изумрудного города» — а это все пересказы западных авторов...

БВ. ...«Волшебник» — конечно, но разве и «Хоттабыч» — не оригинальное произведение? С его наполненностью чисто советскими деталями?

БС. Это тоже пересказ — великолепный пересказ! — книги английского автора, очень остроумного, хотя у нас совершенно неизвестного. Так вот, и «Волшебник», и «Хоттабыч» описывают миры, по-своему близкие к реальности. Во всяком случае, я жил жизнью героев этих книг, погружался в них, как в некую «вторую действительность». Более того: и в тридцать, и в сорок лет я, помнится, иногда с удовольствием перечитывал эти сказки! А если вернуться к вашему вопросу — мне совершенно безразлично, пишут или нет современные авторы «фэнтези» продолжения известных произведений. И так же безразлично, делают они это открыто, как Перумов, или прячутся под красивыми псевдонимами. Если это и литература, то такая, к которой я совершенно равнодушен. Впрочем, повторяю снова и снова: ничего дурного в текстах такого рода я не вижу. Литература должна быть самой разнообразной. И чем выше «коэффициент разнообразия» — тем лучше. Для всех.

БВ. Как уверяют рекламные плакаты в вагонах метро, самыми читаемыми авторами в России стали Александр Бушков, Василий Головачев и другие, в основе творчества которых лежит

принципиально иная этическая конструкция, чем у братьев Стругацких. Короче всего ее можно определить как «Если враг не сдастся — его уничтожат». Есть «мы», которые по определению — добро, и есть «они», которые по определению зло, враждебные нам и подлежащие уничтожению огнем и мечом без сомнений и колебаний. Характерна фраза одного из героев Бушкова: «Чем большим разумом наделено создание, служащее злу, тем быстрее оно должно быть уничтожено». Куда уж тут морали героев «Гадких лебедей» или «Жука в муравейнике»...

БС. Конечно, это — другая этика. Этика незрелого ума. Этика малого опыта. Эмбрион этики, из которого может вырасти этика носителя разума, а может — ничего не вырасти... Бушкова я что-то читал, он человек, безусловно, не лишенный таланта, владеет словом, умеет построить сюжет, но он, по-моему, никогда не станет настоящим писателем. У него нет чувства меры, и он этого, как мне кажется, совсем не понимает. Я прочитал какой-то его роман — не фантастику, триллер, — и в нем людей убивают в каждой главе, на каждой странице, иногда целыми партиями — поротно и побатальонно. И такое вот легкое отношение к человеческой жизни, как к жизни комара, которого не только можно, но и должно прихлопнуть, чтобы не зудел над ухом, характерно для многих современных авторов.

БВ. Вас не огорчает, что подобное отношение все более становится господствующим, в отличие от фантастики 60–80-х годов?

БС. Как можно огорчаться или радоваться таким вещам? Они естественно заложены в некоторых людях. Как правило, в людях молодых, еще по-настоящему не битых жизнью и дурно воспитанных — в том смысле, что не существует у них сопереживания чужой боли, чужому горю и чужой смерти. Это легкое отношение к бедствиям, зачастую даже возвышенно-мрачное, этакое почти сладострастное погружение героев в горнило страданий очень характерно, кстати, для, так сказать, нордическо-германской литературы. Там тоже всегда присутствует герой, который раскаленным мечом отсекает головы разнообразным гидрам в человеческом облике...

БВ. ... и там тоже всегда была высшая раса, которая уже самим своим положением получала право относиться к низшей как к насекомым, будучи свободной от морали...

БС. Я бы не сказал, что они свободны от морали. Пожалуй, они по-своему нравственны, только мораль у них другая. Не христианская. Языческая, наверное. Каждый человек, исповедующий христианскую мораль (не важно, кстати, верующий он или нет), способен нарушить принцип «не убий». Но он всегда знает, что, убивая, он совершает грех. И даже в том случае, когда он убивает гнусного, однозначного мерзавца, покусившегося на ребенка, даже в том случае, когда выхода другого не было, кроме как убить, когда убийство похоже на подвиг, за который орден надо давать, — носитель христианской морали *точно* знает, что поступил *дурно*. Но человек рождается язычником и склонен оставаться язычником, ибо это, видимо, его наиболее естественное состояние. Если же воспитанием его занимается тоталитарная система — неважно, коммунистическая или национал-социалистическая, — вот тут-то и появляются носители Новой Морали, совершенно точно знающие, что великая цель оправдывает любые доступные средства.

БВ. Когда-то Вы говорили мне, что самое удивительное в герое «Трудно быть богом» благородном доне Румате то, что он обнажает меч и идет крошить мерзавцев в мелкий порошок на последней странице книги, а не на первой — как хотелось бы читателю...

БС. С Руматой как раз все ясно: он испытал сильнейший нравственный шок, после которого был отправлен на Землю и бродит там по лесам. Да, он вылезился, но по сути дела — переболел тяжелой болезнью... Но нынешний молодой человек, а особенно — молодой человек с тоталитарной психологией не видит здесь никакой нравственной проблемы вообще. Он воспитан в традиции, что добро должно быть с кулаками. Убить врага — почетно, убить негодяя, мерзавца, убийцу — почетно. Помните, как тот же Румата мечтает иногда уподобиться профессиональному бунтовщику Арате Горбатову, прошедшему все круги ада и получившему почетное право убивать убийц, пытать палачей и предавать предателей? Все это, конечно, — отрывка тоталитарного сознания. Когда у человека есть цель, во имя которой ему разрешается делать ВСЕ, — вот это и есть тоталитарное сознание. Если ты действуешь во имя благородной цели — все дозволено. С точки зрения христианской морали это отвратительно. Хотя и сами христиане, точнее — христианская церковь этим грешила: когда во имя истинной веры в Христа

убивали инакомыслящих и сжигали еретиков на кострах, нарушая одну из десяти заповедей во имя другой.

БВ. Правда, за 350 лет существования испанской инквизиции во имя истинной веры было уничтожено несколько тысяч человек — столько, сколько 60 лет назад в нашей стране уничтожали за год во имя другой веры, которая тоже почиталась истинной и не подвергаемой сомнению...

БС. Все это так. Но, возвращаясь к нашему разговору, — мне кажется, что писатели, исповедующие нравственность такого рода, не есть настоящие писатели. И дело здесь даже не в нравственности — хромает эстетика, нарушается чувство меры. Нарушен важнейший эстетический принцип: «Соразмеряй!» Начав убивать, они уже не умеют остановиться. И тогда по всем законам эстетики трагическое трансформируется у них в комическое. Читатель перестает сопереживать героям или жертвам, читатель начинает считать трупы, и когда очередной взорванный автобус с негодьями валится под обрыв — вместо того чтобы ужасаться трагедии или радоваться победе добра, я принимаюсь хохотать: так, вот и еще пятьдесят человек вписано в мартиролог! Впрочем, пусть будут и такие книжки. Есть, правда, точка зрения, что тексты такого вида вредят морали, формируют поколение людей с привычкой к насилию, — однако никто еще никогда и никому не доказал, что чтение безнравственных книг приводит к падению нравственности. С той же мерой убедительности можно доказывать, что такое чтение вызывает как раз благодетельное пресыщение, позволяет разрядить агрессивный потенциал, и человек после прочтения становится, наоборот, лучше и чище. В конце концов, я не вижу принципиальной разницы между такими книгами и каким-нибудь фильмом «Иван Никулин — русский матрос», где фашистов, безликих и неотлично поганых, косят ротами и батальонами под радостный смех зрительного зала.

БВ. Однако видимое большинство литературы при недавнем тоталитарном строе все же представляло не жанр «огня и меча», который объективно вполне соответствовал тоталитарной морали, а другой — куда более «христианский». А стоило тоталитаризму уйти в прошлое — и при демократии небывалой популярностью стала пользоваться литература, казалось бы, куда более подходящая для ушедшей эпохи...

БС. Господи, хоть вы-то не повторяйте этих благоглупостей! Эта литература не «стала популярной», она всегда *была* популярной, уверяю вас! Если бы ее печатали в пятидесятые или шестидесятые годы — точно так же малоквалифицированный читатель обжирался бы ею, пока бы не надоело. Сегодня она появилась и заняла ту нишу читательских потребностей, которая всегда существовала раньше, только загорожена была ржавыми решетками тоталитаризма. Сломали решетку — и ниша тут же заполнилась. Точно то же самое произошло с эротикой и порнографией. Сломал бы эту решетку не Горбачев, а Хрущев — ниша заполнилась бы при Хрущеве. Эти ниши не есть нечто создаваемое демократией, они естественны, существуют как виртуальная реальность всегда и суть следствие особенностей мировосприятия среднего человека. Который во всех европеоидных странах устроен так, что требует секса, насилия, «хлеба и зрелищ». Это было всегда, во все века: как только появлялась свобода и умирал какой-нибудь очередной идеологический Савонарола, сразу же соответствующие ниши заполнялись. Это в каком-то смысле печально, если не помнить, что кроме «низменных» ниш всегда существовали и существуют ниши возвышенные, потребность в гуманном, добром, прекрасном, от чего тоталитаризм тоже норовил отгородиться во все века. В конце концов, и все Высокое Возрождение тоже было заполнением определенной ниши, по которой тосковало человечество.

БВ. И все-таки почему советское тоталитарное государство не пропагандировало литературу обсуждаемого нами «нордического» типа, с ее героями, беспощадно уничтожающими классового врага?

БС. Потому что право на насилие было объявлено привилегией этого государства, но не отдельной личности. Героя, разумеется, прощали, если он убивал негодяя, ему давали орден, если уничтоженный негодяй оказывался государственным преступником, — но все-таки самодеятельность одиночек считалась, вообще говоря, недопустимой. Это принципиально отличается от, скажем, американского подхода к тому же вопросу — там именно культ героя-одиночки, восстанавливающего справедливость, сложился за десятилетия и столетия.

БВ. И еще о «фэнтези». Я понимаю Ваше отрицательное к ней отношение, но неужели даже любимый мной «Властелин колец»

Толкиена оставляет Вас равнодушным? Этические конструкции, на которых эта эпопея построена, по-моему, очень и очень привлекательны — и очень современные...

БС. Должен признаться, что Толкиена я так и не прочел до сих пор. А вот «свободное продолжение» Толкиена, сделанное Перумовым, — читать пытался. Не понравилось, о чем Нику я честно и сказал. Не понравилось все то же полное отсутствие сцепления описываемого мира с реальностью. Вот другую книгу Перумова, написанную им вместе со Святославом Логиновым, — «Черная кровь» — я прочел с куда большим удовольствием, хотя она, как мне показалось, не так хороша, как роман самого Логинова «Многорукий бог далайна». «Черная кровь» напомнила мне любимую когда-то «Борьбу за огонь» Жозефа Рони-старшего. Одно время ведь очень модно было писать про доисторических людей — писали и Джек Лондон, и Г.Дж. Уэллс, и ныне совсем забытый д'Обинье...

БВ. Сейчас появилась целая серия «русского фэнтези» — начиная с «Волкодава» Марии Семеновой. Ваше мнение?

БС. С удовольствием прочел «Волкодава», хотя никак не ожидал, что эта вещь мне понравится. Казалось бы, ну какое мне дело до этих людей и их проблем? Однако же мир получился настолько реальный, подробно и точно выписанный, жесткий, яркий — оказалось, в нем можно жить! Можно сопереживать герою и ненавидеть его врагов. Хотя он безусловный и безнадежный супермен... А вот из серии про Конана я ни одной книги прочесть так и не сумел. Впрочем, не стоит, я полагаю, осуждать меня за то, что я остался глух к веяниям современной литературной моды. Существуют некие эстетические рамки, в пределах которых я способен испытывать наслаждение от книги. Оказавшись по воле автора вне этих рамок, я начинаю испытывать чувства скорее неприятные. Я оказываюсь не в своем мире, мне там скучно, мне там тесно, мне там нечем дышать... Впрочем, я здесь совсем не имел в виду отстоять справедливость и превосходство именно своих эстетических позиций. Я хотел объясниться, а не победить в споре. Ведь в конце-то концов речь идет о вкусах, а в споре о вкусах победителей не бывает.

«ДЕМОКРАТИЯ БЕЗ ГРАНИЦ НЕЖИЗНЕСПОСОБНА, КАК ЧЕЛОВЕК БЕЗ КОЖИ»*

Комментарий: несмотря на то что часть рассуждений в этом споре привязана к совершенно конкретным политическим событиям (отставка правительства Черномырдина в марте 1998 года, хулиганская выходка Жириновского в Думе, когда он прорвался на трибуну и оттуда поливал оппонентов водой из бутылки, скандальные выборы мэра в Нижнем Новгороде, когда избранный мэр Андрей Климентьев был практически сразу лишен победы, а затем — арестован и осужден), многое видится достаточно злободневным и по сей день. Особенно, как видится мне, — наш спор о «либеральной революции». Впрочем, о его актуальности пусть лучше судит читатель этой книги...

К огорчению поклонников, давно уже Борис Стругацкий почти ничего не пишет — привыкнув за долгие годы «пилить двуручной пилой», он не смог и не захотел перестроиться после кончины Аркадия Натановича в октябре 1991-го. Впрочем, работы у Мастера непочатый край: готовит объемистый комментарий к написанным вместе с братом произведениям, приводит в порядок архив, восстанавливает все написанное в первоначальном виде (количество купюр, сделанных когда-то всесильной цензурой, поражает воображение), ведет семинар, «натаскивает» молодых, с интересом следит за экспериментом по развитию собственных сюжетов — вышла уже вторая антология «Время учеников», где «эпигоны» пишут «свободные продолжения» книг Стругацких...

* Беседует Борис Вишневский. Санкт-Петербург, 1 апреля 1998 года. Опубликовано (частично) в газете «Известия», 17 апреля 1998 года; в «Независимой газете», 10 сентября 1998 года.

Всем, кто хоть немного знаком с Борисом Стругацким, известно, что на политические темы он готов рассуждать не менее охотно, чем на литературные. Борис Натанович — последовательный либерал, готов поддерживать власть до тех пор, пока она сохраняет свободу слова, уважает Явлинского, но хранит верность «Демократическому выбору России». Впрочем, для этого у него есть не только идеологические причины — Егор Гайдар, как известно, женат на дочери Аркадия Натановича...

БВ (Борис Вишневский). Самая «горячая» тема сегодня — отставка правительства Черномырдина, у Вас есть какая-то собственная гипотеза — почему это произошло?

БС (Борис Стругацкий). У меня нет никакой «единственно верной» гипотезы. Первое, что пришло мне в голову, — что это, наверное, «упреждающий удар» в предвидении возможного вотума недоверия в Думе и акции протеста 9 апреля. Затем я подумал, что, возможно, Черномырдин как-то превысил свою компетенцию, а Куликов забрал слишком большую власть и, быть может, даже что-то готовил. Вполне возможно, что президент действительно был раздражен тем, что опять накопились долги по зарплате и пенсиям... Целый букет самых разных причин, но, скорее всего, сыграли свою роль все они сразу.

БВ. Вас не удивляет, что все мы вынуждены заниматься гаданием? Почему внятные и убедительные объяснения не последовали от того, от кого они обязаны были последовать, — от президента?

БС. Но ведь президент же предупреждал: если правительство не будет «ловить мышей» — он его уволит. Дважды предупреждал, а оно все не ловит да не ловит. Так что формально все правильно: правительство не оправдало доверия, которое президент на него возлагал. Но при этом все прекрасно понимают, что точно по таким же основаниям правительство можно было уволить в любой другой момент. Можно было уволить год назад, а можно было еще годик подождать. Почему сейчас? Я сильно подозреваю, что сделан какой-то сложный и хитрый политический ход. Но у меня мало информации, да и политического опыта, прямо скажем, маловато, чтобы разобраться досконально.

БВ. Вы надеетесь, что новое правительство окажется лучше старого?

БС. У меня такое впечатление, что любое правительство, составленное из людей, ориентированных на реформы, а не на контрреформы, имеет сегодня очень ограниченную свободу маневра. Я неважно разбираюсь в экономике, но такое впечатление, что сейчас наступило время скрупулезной, терпеливой, черновой работы. Я не вижу возможностей что-либо радикально изменить, да и никто, по-видимому, такой возможности не видит. Предыдущее правительство решило две большие макроэкономические задачи — стабилизация рубля и уменьшение инфляции, — создав экономический фон, на котором надо работать: брать отрасль за отраслью, предприятие за предприятием и искоренять неплатежи, дурацкий бартерный обмен, организовывать санацию — в общем, заниматься уже не макро-, а, по сути, микроэкономикой.

БВ. Будь Вы на месте президента — кого бы предложили в премьеры?

БС. Чтобы «играть» за Бориса Николаевича, надо обладать информацией Бориса Николаевича. Я знаю только, кого я лично хотел бы видеть на месте премьера — Анатолия Борисовича Чубайса. Мне кажется, что именно он лучше многих и многих мог бы проделать всю эту необходимую черновую работу.

БВ. Какое мнение сложилось у Вас о Кириенко?

БС. Он кажется мне временной фигурой, даже если вдруг будет утвержден Думой. Может быть, это от неожиданности — я не привык видеть таких молодых, ниоткуда возникших людей на столь высоких постах.

БВ. А какие решения показались бы Вам ожидаемыми? Скажем, читатели «Известий», как сообщила газета, назвали самым подходящим кандидатом в премьеры Григория Явлинского, но к нему даже не обращались с подобным предложением...

БС. Я думаю, что у Явлинского было бы еще меньше шансов быть утвержденным Думой, чем у Кириенко. Эта Дума не пропустит Явлинского никогда! Кириенко? Не знаю. Может, в конце концов, и пропустить: «Человек никому неизвестный, пусть попробует...» А вот Явлинский шансов не имеет совсем: две крупнейшие фракции Думы являются врагами «Яблока» — коммунисты и ЛДПР.

БВ. Вы полагаете, что при выборе кандидата Ельцин руководствовался его проходимостью через Думу? В таком случае надо было предлагать Зюганова или Рыжкова. Представляется, что этот фактор вряд ли играл существенную роль — тем более что президент сразу же заявил, что будет настаивать на своем и не остановится и перед роспуском Думы. Мол, «на поблажки не пойду», попробуйте только не утвердить...

БС. При чем здесь Зюганов — Рыжков? «Пройодимость» во все не главное качество кандидата в премьеры. Что же касается роспуска Думы, то Кириенко — не та персона, с помощью которой распускают парламент. Вот если бы Борис Николаевич предложил Явлинского — я бы сказал: все ясно, парламент хотят распустить! Почему он его не предложил — могу только предполагать. Возможно, ему не нравится неуправляемость Явлинского. В любой момент он может сказать президенту: знаете что, мне все это не нравится, я пошел отсюда!

БВ. Вы полагаете, что это плохо — уходить, не желая делать то, с чем не согласен?

БС. Я полагаю, что Борис Николаевич этого не любит. И я его прекрасно понимаю: если уж я выбрал кого-то, премьер-министром — пусть делает то, что скажут, а не то, что ему нравится. Насчет Кириенко в этом плане Борис Николаевич, видимо, совершенно уверен. А насчет Явлинского — конечно, нет. Хотя я бы, несмотря на то что мне не очень нравятся некоторые его экономические идеи, не возражал бы увидеть его на посту премьера.

БВ. Давайте уточним: какие именно экономические идеи Явлинского Вам не нравятся?

БС. То, что он сторонник «вбрасывания» денег в экономику и считает, что в инфляции нет ничего особо страшного.

БВ. То, что Явлинский якобы выступает за высокую инфляцию и «накачку» экономики деньгами, — миф, созданный его политическими оппонентами. «Яблоко» считает, что инфляция — не причина, а следствие кризисного состояния экономики и надо не «сбивать» инфляцию при помощи невыплаты заработной платы и отказа государства от оплаты своих заказов, а заниматься структурной перестройкой экономики, вводить антимонопольное законодательство, снижать налоги (а не повышать, как это делают

проправительственные экономисты, почему-то считающиеся в общественном мнении либералами)...

БС. Я отнюдь не обвиняю Явлинского в том, что он выступает за высокую инфляцию. Но я постоянно читаю, что он якобы не боится инфляции: будет не полпроцента в месяц, как сейчас, а два или три — не страшно. А мне кажется, что страшно. Но вообще-то я к нему отношусь очень хорошо, и если не «Демократический выбор России» — то, разумеется, «Яблоко», мой выбор здесь совершенно однозначен. Правда, меня беспокоит и то, что Явлинский настолько заботится о своей «самости», что продолжает отрицать необходимость объединения всех демократов.

БВ. Это Вы от жизни оторвались: в марте 1998 года на съезде «Яблока» как раз и было принято решение о том, что необходимо объединить всю демократическую оппозицию — тех, кто в 1991 году «вышел на площадь» и надеялся на лучшую жизнь.

БС. Но речь идет об объединении демократических сил вокруг «Яблока» и на условиях «Яблока»!

БВ. Объединение происходит вокруг того, кто сильнее на данный момент. Сегодня все опросы показывают, что популярность «Яблока» выше и оно имеет больше оснований считать, что объединение должно происходить вокруг него...

БС. А как Вам нравятся реверансы блока «Наш дом Россия» в отношении «Яблока»? Правда, они хотят, по-моему, объединения вокруг НДР...

БВ. Реверансы были, но НДР нельзя воспринимать как политическую партию. Это чисто бюрократическая организация федерального и местного начальства. Я, например, в Петербурге — за исключением руководства — не знаю ни одного человека, который бы состоял в НДР. Что НДР есть — знаю, что его петербургское отделение возглавляет вице-губернатор — знаю, а рядовых членов — извините, не встречал. Знаю много людей из ДВР, из КРПФ, даже из ЛДПР кое-кого знаю, но не знаю ни одного «эндээровца». Значит, никакой партии у них нет. И вообще она существовала, пока ее начальником был премьер-министр. И все средние и мелкие начальники бежали к ним записываться именно по этой причине... Но сменим тему: как Вы думаете, удастся ли отдать Жириновского под суд — после недавней истории с «захватом»

трибуны в Думе, поливом оппонентов минералкой и прочим хулиганством?

БС. Сильно подозреваю, что сделать этого не удастся. Не знаю, как будут развиваться события, но Владимир Вольфович выйдет из воды сухим. Может быть, важна его политическая поддержка правительства или президента, которую он так часто и легко демонстрирует. А может быть, его держат в резерве на случай каких-нибудь выборов — прекрасный жупел для отпугивания избирателя... Так что можно предположить множество причин, по которым он регулярно выходит сухим из воды после абсолютно неприглядных и попросту хулиганских поступков, за которые любого другого человека давно бы уже выкинули с политической арены. Здесь есть некая аналогия с проблемой, почему у нас в стране никак не могут запретить фашистские партии. Нет юридического определения фашизма? Но это же смешно! Когда нижегородский Клементьев оказался — вполне законно причем — на посту мэра, никаких юридических определений и тонкостей не понадобилось. Моментально отменили выборы и посадили избранного мэра за решетку. Причем выборы отменили из-за нарушений, которые действительно имели место, но которые происходят всегда и везде, на любых выборах, начиная с президентских. Так что если власть действительно хочет реализовать себя, никакие юридические дефиниции ей не нужны.

БВ. Помните историю с мэром Ленинска-Кузнецкого Коняхиным, которого обвинили в том, что он что-то слишком дешево то ли помог приватизировать, то ли сам приватизировал? По такому обвинению можно было легко посадить за решетку большую часть правительства и большую часть наших бизнесменов...

БС. Там были какие-то и более серьезные обвинения, насколько я помню.

БВ. Наверное, были, но главное заключалось в том, что Борис Николаевич заранее сказал: мэр Ленинска-Кузнецкого — преступник! После чего все забегали и начали изо всех сил это доказывать, чтобы президент не огорчился...

БС. Знаете, самое страшное — я с некоторым даже ужасом об этом думаю, — что у меня нет в таких вот ситуациях чувства внутреннего протеста. Я понимаю, что происходит явное нарушение правовых норм, что творится беззаконие, что попираются основополагающие

принципы демократии. Но пока эти решения принимает власть, в остальном меня устраивающая, соблюдающая, в общем, права человека, свободу слова и свободу печати и таким образом выполняющая некий неписаный договор со мной; пока эти действия она совершает только против людей, на мой взгляд, действительно недостойных — до тех пор я готов ей эти действия прощать и закрывать глаза на какие-то отступления от абстрактных демократических принципов. Мне, безусловно, не нравится, что Клементьев оказался избран, мне это кажется отвратительным — этакая издевательская усмешка Истории: ты хотел свободы и демократии — так получай ее на всю катушку! Но разве Клементьев во всем этом виноват? Виноваты властолюбивые дураки-кандидаты, не сумевшие объединить силы и расколовшие электорат на три части. Виноват сам этот электорат со своим дурацким «протестным голосованием»: выколо себе глаз, пусть у моей тещи будет зять кривой. А в итоге нарушаются какие-то очень важные принципы и создаются чрезвычайно опасные прецеденты.

БВ. Во-первых, отмена волеизъявления избирателей, сознательно отдавших голоса пусть и неприятному для власти кандидату, — очевидное нарушение властью одного из прав человека: права выбирать власть. Так что «договор», о котором Вы говорите, в данном случае властью нарушен. А во-вторых, не кажется ли Вам, что в данном случае (да и во многих других, к сожалению, тоже) наблюдается печальный эффект «двойного стандарта»? Мы готовы легко закрыть глаза на то, что нарушаются права людей или организаций, нам политически и не только политически несимпатичных, неприятных, противных. Скажем, коммунистов или националистов — о каком соблюдении их прав вообще можно говорить? Вот если бы плохо обошлись с нашими единомышленниками или хотя бы теми, к кому мы равнодушны, — тут-то протестов бы хватало...

БС. Мы с вами возвращаемся к нашему старому доброму спору, который ведем уже много лет: до каких пор демократия остается демократией? В какой момент демократия должна перестать быть демократичной? Весь опыт моей жизни показывает, что неограниченная демократия существовать не может. Демократия не есть равноправие честных людей и преступников, профсоюзов

и мафии, своих сторонников и своих лютых врагов, имеющих единственную цель: эту демократию уничтожить. Точно так же свобода слова не есть свобода сквернословия, а свобода информации предусматривает самые жесткие наказания за дезинформацию. Демократия без границ нежизнеспособна, как человек без кожи.

БВ. А кто имеет право решать, где и как поставить эти границы?

БС. На практике в каждом конкретном случае это обязана решать власть. А я, как источник власти, — я ведь народ, не забывайте об этом! — готов одобрить эти действия в том случае, если вижу: антидемократические меры предприняты против антидемократической силы. «Волкодав прав, людоед — нет». Я другого образа действий просто не вижу, иначе демократия не выживет. В нашей стране, идущей по лезвию бритвы между Сциллой советского коммунизма и Харибдой русского фашизма, иначе нельзя — по крайней мере сегодня.

БВ. После выборов Московской городской Думы в декабре 1997 года Валерия Новодворская, которую не выбрали депутатом, выступила с гневной публикацией о том, что выборы-де были недемократическими, потому что мэрия Москвы открыто агитировала за ряд кандидатов, но никто из московских демократов почему-то не заявил никакого протеста... Однако летом 1996 года, когда Москва была увешана портретами Ельцина и Лужкова, «москвичи свой выбор сделали», а Новодворская что-то не возмущалась. Видимо, потому, что нарушались права ее политических оппонентов (причем не только коммунистов, но и «Яблока»). Так есть ли у нее сегодня моральное право возмущаться? И будет ли завтра у тех, кто готов мириться — во имя демократии, конечно же! — с «ограничением демократии», как Вы говорите, в отношении политических оппонентов, моральное право протестовать, когда с ними поступят так же?

БС. Не обижайтесь, но, мне кажется, вы говорите наивные вещи. Неужели вы воображаете, что когда и если к власти придут коммунисты, они вспомнят, что мы когда-то были с ними безукоризненно благородны? Абсолютно справедливы? Подлинно демократичны? Да они затопчут нас ногами и сделают это с удовольствием и в своем праве — «именем народа»! Подчеркиваю, все ограничения демократии, на которые я готов закрыть глаза,

могут иметь место в только в отношении политических противников, которые являются врагами демократии. Это — единственное ограничение демократии, которое я готов допустить. Против врагов демократии можно действовать любыми, сколь угодно недемократическими методами — и уж во всяком случае такими, которые сами враги демократии держат на вооружении. Повторяю еще раз: «Волкодав прав, людоед — нет».

БВ. Очень опасный подход, Борис Натанович, как мне представляется. В таком случае чем Вы лучше тех, кого считаете — искренне, конечно, — врагом демократии? Если Вы полагаете: стоит объявить кого-то врагом демократии — и можно не церемониться. Когда-то объявляли врагами революции, потом врагами народа... Опять же, кто и как должен иметь право выносить подобный политический приговор? Такой-то — враг демократии, и точка? Как Вы распознаете в толпе политиков врага демократии?

БС. «Подумаешь, бином Ньютона!» — как говорил бессмертный Коровьев. Я сужу просто по тому, что они говорят и пишут. И уверяю вас, этого вполне достаточно. Достаточно послушать публичные высказывания лидеров национал-коммунистов, национал-большевиков, отставных генералов-ястребов — и становится ясно, что, когда пробьет их час, они не будут ни одной секунды размышлять над аксиомами и принципами демократии, они ее немедленно с радостным гиканьем задушат, и всех прелестей свободы слова они лишат нас мгновенно и в первую же очередь. И мы никогда больше не сможем голову поднять — да и никому в стране они подняться никогда не дадут, пока будут у власти. Впрочем, на самом деле я ничего не имею против свободы слова, даже если речь идет о самых ярких противниках демократии; но я категорически возражаю против свободы действий и провокаций такого рода политиков.

БВ. Вы думаете, что сегодняшнее состояние — это свобода слова? Основные информационные «каналы» монополизированы или исполнительной властью, или финансовыми группировками и рисуют Вам картину мира так, как это выгодно их владельцам...

БС. Быть может, где-нибудь в райских куцах и существует какая-нибудь другая свобода слова. Но я знаю только эту. Для меня свобода слова — это такое состояние общества, когда любой

человек всегда может найти то средство массовой информации, которое отражает именно его точку зрения. У демократа есть «Известия» и «Московские новости», у коммуниста есть «Правда», «Завтра», «Парламентский час» на телевидении, у фашиста тоже есть свой листок... Другой свободы слова не бывает и быть не может, да и нет ее нигде, даже в самых наидемократичнейших странах.

БВ. Давайте коснемся еще одной темы, на мой взгляд — очень важной. Известно, что большинство представителей нашей либеральной интеллигенции — последовательные сторонники происшедших в стране изменений вообще и радикальных экономических реформ в частности. И они не устают убеждать сограждан: да, реформы долги и болезненны, десятки миллионов людей оказались на грани нищеты и даже за ней, но это жертвы, которые можно и нужно было принести на алтарь главного достижения «либеральной революции» — обретенной россиянами свободы. Но не кажется ли Вам, что для большинства людей куда важнее, чем возможность говорить, что думаешь и свободно выезжать за границу, возможность иметь крышу над головой, работу, вовремя получаемую и достойную зарплату, обеспеченную старость для родственников, возможность вырастить детей и дать им образование?

БС. Я вовсе не придерживаюсь сформулированной вами точки зрения, и уж во всяком случае никогда я не изрекал всех этих патетических сентенций насчет «жертв, которые можно и нужно было принести на алтарь». Я не признаю такой постановки вопроса: стоило идти на жертвы или нет? Можно подумать, что у нас был выбор! Ведь произошло лишь то, что должно было произойти. Вас послушать, так «либеральная революция» была изначально спланирована и разработана в тиши кабинетов высоколобыми дядями в ослепительно белых сорочках: ди эрсте колонне марширт, ди цвайте колонне марширт, телеграф, телефон, мосты в первую голову... Но ведь ничего подобного не происходило никогда. «Либеральная революция» на самом деле была (и есть) судорожная и мучительная борьба за то, чтобы удержать страну на краю пропасти, не дать ей ввергнуться в голод, в хаос, в гражданскую войну, наконец. Борьба в постоянном цейтноте, без всяких резервов, при бешеном сопротивлении открытой и скрытой оппозиции. И ставить вопрос так, как вы его ставите: «Стоила ли игра свеч?» —

абсолютно неверно. Игра происходила бы все равно, независимо от цены свеч и при любой цене на свечи. «Стоила ли игра свеч», когда млекопитающие вытесняли с мировой арены гигантских ящеров? Фридрих Хайек сказал: «Эволюция не может быть справедливой». Это, в частности, и про нас тоже. Большинство всегда проигрывает в результате социальных пертурбаций, потому что именно на этом большинстве веками стояло и царило Старое. А выигрывает — меньшинство, самые энергичные, самые мобильные, самые приспособленные к новым условиям. Выигрывает — для того, чтобы со временем, через два-три-четыре поколения, стать большинством в новой системе социально-экономических отношений. «Либеральная революция», о которой вы говорите, произошла не для того, чтобы принести свободы и колбасное изобилие. Она произошла потому, что была единственным выходом из тотального кризиса — экономического, политического, идеологического, социального, — в котором наша тоталитарная держава, один из последних монстров задержавшегося феодализма, оказалась в середине 80-х. Система, которую кровью и потом строили на протяжении десятилетий, обнаружила в конце концов свою полную несостоятельность и непригодность в соревновании с ведущими странами мира. Судьба этой системы была — разрушение и гибель под собственными обломками, а «либеральная революция» есть лишь растянувшаяся во времени попытка предотвратить худшее.

БВ. Наверное, игра была неизбежна, как Вы говорите. Но, в-первых, вопрос о «цене свеч» с нами — участниками игры, а не зрителями — отказывались даже обсуждать! Постоянно говорилось: мы идем единственно возможным путем, а другого не может быть, потому что не может быть никогда! И мы пройдем этот путь любой ценой, во что бы то ни стало, доведем до конца начатое... Не кажется ли Вам, что это очень похоже на идеологию, которую всегда исповедовали большевики — которые тоже знали, что надо народу, лучше, чем сам народ? А во-вторых, когда выяснилось, что избранный путь ведет к тяжелейшим социальным последствиям, то вместо сопереживания пострадавшим лучшие представители российской интеллигенции начали укорять сограждан в том, что они не ценят обретенную свободу и чуть ли не готовы

вновь вернуться в клетку и получать пайку, отказавшись от свободы во имя дешевой похлебки и доступной колбасы... Но разве достойно интеллигента осуждать тех, кто не готов пожертвовать своими ценностями во имя ваших? Если свобода нужна одним — почему жертвы должны приносить в основном другие?

БС. Это совсем другой вопрос. Можно ли было достичь той же цели, но другими средствами? Смягчить. Обезболить. Минимизировать страдания... Не знаю. Многие уважаемые мною профессионалы считают, что существенно по-другому сделать было ничего нельзя. Болезнь оказалась слишком запущенной. Опыт других «стран социализма» вроде бы подтверждает этот вывод. Наименее болезненной процедура выхода из кризиса оказалась именно в тех странах, где наш «феодалный социализм» не успел пустить корни так глубоко, как у нас, — в Чехословакии, Польше, Венгрии. Где не была так безнадежно и тотально милитаризована экономика. Где сельскому хозяйству давали хоть немножко продохнуть. Где либерализацию оказалось возможным провести быстро и круто. А там, где задержались, затормозили процесс либерализации, «рубили собаке хвост в три приема», — на Украине, в Белоруссии — там экономическое и социальное положение еще хуже, чем у нас. И не надо противопоставлять свободу дешевой похлебке. Кто-то сказал совершенно точно: «Непостижимым образом, но рано или поздно свобода превращается в дешевую колбасу». Просто дать и реализовать свободу слова, например, оказалось проще, чем организовать производство общедоступной колбасы. Но где этой свободы нет, там и с колбасой затрудненка — это мы знаем очень хорошо. Что же касается интеллигентов, норовящих «осуждать тех, кто не готов пожертвовать своими ценностями во имя» ихних, интеллигентских», то я, честно говоря, таких интеллигентов просто не знаю. Видимо, они не хотят со мной водиться. И правильно делают... Сравнение же ваше большевиков с нынешними реформаторами совсем не кажется мне убедительным. Большевики — по крайней мере изначально, в первое свое десятилетие — строили «рай на земле», исходя из некоей теории, по чертежам, набросанным Марксом и Лениным. Теория оказалась неверной, а чертежи — непригодными для реального строительства, зато провалилась. Реформаторы же наши ни в каких умоглядных

теориях и утопических построениях не нуждаются: у них перед глазами совершенно реальные и конкретные примеры, как можно устроить государство, в котором подавляющее большинство населения живет вполне достойно, — Швеция, США, Австралия, Австрия... Вопрос только в том, как реализовать это, уже реализованное другими, общественное устройство. Я другого опасаюсь. Помните анекдот про работягу с фабрики, производящей якобы швейные машинки? Как он из ворованных деталей все тужился собрать для жены швейную машинку, а у него все время получался пулемет... В конце 20-х Сталин окончательно отказался от марксистских утопий и принялся строить то, что казалось ему совершенно естественным, понятным и, главное, достижимым: азиатскую деспотию, военно-холопскую державу на страх всему цивилизованному миру. Вот и сегодня я с трепетом ожидаю, что реформы наконец захлебнутся в активном сопротивлении непримиримой оппозиции и в пассивном сопротивлении вездесущего «совка», и вместо демократической республики постиндустриального типа соберем мы из привычных деталей знакомый пулемет — азиатскую деспотию, очередную диктатуру с нечеловеческим лицом.

«В МОЛОДОСТИ Я БЫЛ БЕСКОНЕЧНО ДАЛЕК ОТ ПОЛИТИКИ»*

БВ (Борис Вишневский). Борис Натанович, насколько я знаю — Вы достаточно спокойно относитесь к нынешнему президенту, несмотря на его, так скажем, специфическое «социальное происхождение». И несмотря на то, что Путин и по сей день искренне считает, что все в своем прошлом делал правильно, что система была замечательная, что КГБ не преследовал инакомыслящих, а защищал государство, был не тайной полицией и вооруженным отрядом партии, а благонамеренной структурой, нужной и полезной для общества. Почему?

БС (Борис Стругацкий). Многим, в том числе и вам, не нравится, что Путин — бывший полковник КГБ. Но, согласитесь, он сегодня произносит слова, за которые полковника КГБ в прежние времена надо было бы немедленно гнать вон из органов и никогда больше ни его самого, ни потомков его до четырнадцатого колена туда не пускать! Он говорит о свободе слова, как обязательном условии развития общества, он говорит о неизбежности в России демократии, о рынке... Он говорит так, что под его высказываниями готовы подписаться самые отъявленные либералы. Это, конечно, еще не позволяет мне относиться к нему как к либералу, но уже позволяет мне относиться к нему не как к полковнику КГБ.

БВ. О свободе слова, собраний, совести и так далее было записано и в сталинской конституции, и наши вожди коммунистических времен тоже умели при необходимости произносить соответствующие слова. Вы лучше посмотрите на то, какая «свобода слова» на государственном ТВ, подконтрольном правительству, — скажем, на РТР...

* Беседует Борис Вишневский. Санкт-Петербург, июль–август 2000 года. Опубликовано: частично — в газете «Вечерний Петербург», 26 августа 2000 года, частично — в газете «Петербургский Час Пик», 20 сентября 2000 года.

БС. Я при Ельцине это говорил, и при Путине это повторяю: я откажу президенту и правительству в доверии в тот момент, когда они покусятся на свободу слова. Пока еще даже самые ярые антипутинцы не могут предъявить ему такого обвинения. Пока еще только сохраняется возможность такого развития событий, сгущается некая смутная угроза, но — не более того.

БВ. Не слишком ли Вы оптимистичны — были при Ельцине и остаетесь при Путине? Мне-то кажется, что никакой свободы слова на самом деле не было при Ельцине и нет при Путине. Для примера напишите статью с критикой Путина и направьте ее, например, в «Российскую газету». Или в «Петербургский Час Пик». И сразу увидите, какая у нас свобода слова...

БС. Вполне возможно, что вы правы. Но если я пошлю антипутинскую статью в «Общую газету» или, скажем, в «Завтра», ее там, скорее всего, возьмут. Конечно, многое зависит от того, как и за что именно я буду в этой статье разносить президента, но вероятность того, что такую статью возьмут, близка к единице. Так что, по-моему, настоящего, серьезного наступления на свободу слова нет. И до тех пор, пока его не будет, — я это правительство буду поддерживать.

БВ. Боюсь, что Вы давно не читали газету «Завтра» (что, впрочем, глубоко понятно): эта газета сегодня поддерживает Путина столь же жаростно, как ругала Ельцина... Но почему Вы понимаете под наступлением на свободу слова только «лобовые» акции? Закрыли газету, отняли лицензию у телеканала, посадили ведущего... Сейчас все делается гораздо тоньше, ведь на свободу слова можно наступать силовыми методами, а можно — административными. Раньше в газету или на телевидение звонили из обкома — теперь звонят из областной администрации, тем паче что здание и кабинеты — как правило, те же. Посмотрите на питерское ТВ, во главе которого — вице-губернатор Александр Потехин. Неужели от такого ТВ можно ждать объективности по тем вопросам, где интересы администрации и ее политических оппонентов отличаются?

БС. Когда я увижу, что по какому-то вопросу я не могу получить интересующей меня информации, потому что все доступные мне СМИ талдычат одно и то же, — вот это и будет конец свободы слова. Пока у свободы слова есть еще три линии обороны. Сперва в СМИ исчезнет многомыслие по поводу президента — это будет

первый звонок. Потом — по поводу армии. Потом — по поводу иностранных дел. И это будет все, финиш...

БВ. Вам не кажется, что нынешнее многомыслие правительству совершенно не мешает, поскольку оно прекрасно научилось не обращать никакого внимания ни на какую критику? Уж сколько было публикаций о том, что Михаил Касьянов имел в свое время в Минфине прозвище «Миша Два Процента». Ну и что? Когда у него в Думе при утверждении в должности премьера спросили, не хочет ли он подать в суд, если все это неправда, — знаете, что он ответил? Что не видит в этих публикациях ничего себя компрометирующего...

БС. Я с Вами согласен на 112%! Но где было сказано, что свобода слова оказывает на политику прямое воздействие? Это было бы слишком просто.

БВ. Мы с Вами спорим о том, покушается ли власть на свободу слова, не первый год. Но давайте договоримся о дефинициях. Если понимать под свободой слова только то, что в обществе теоретически являются доступными разные точки зрения, — тогда Вы правы. Есть у нас свобода слова, и никто на нее не покушается. Но взглядом на проблему с другой стороны: какова доступность разных точек зрения? Да, формально они существуют. Но одна «озвучивается» по каналу ОРТ для 100 миллионов человек, а другая — в районной многотиражке для 100 человек. Это Вы живете в Петербурге, имеете Интернет, читаете газеты, слушаете «Свободу» и смотрите все ТВ-каналы, тем самым получая реальный доступ к разным точкам зрения. А человек, живущий где-нибудь в Нарьян-Маре? Где есть только ОРТ и газета, которую выпускает или содержит местная администрация? Конечно, при такой «свободе слова» власть прекрасно себя чувствует: в критические дни — скажем, во время предвыборных кампаний — она обеспечивает нужную интенсивность нужной для себя точки зрения. И получает результат...

БС. По поводу дефиниций. Примем самую примитивную: будем называть «свободой слова» такую ситуацию, когда каждый гражданин может сказать: «Существует и легко доступно одно или несколько СМИ, выражающих мою (или близкую к моей) точку зрения». Это — необходимое условие. Если оно не выполняется — свободы слова нет. Что же касается упомянутого вами питерского ТВ, то и по этому каналу я вижу иногда, как критикуют

губернатора. Тот же господин Черныдьев приглашает к себе на ковер каких-нибудь либералов, которые говорят о губернаторе то, что они считают нужным, и никто этих кадров не вырезает. Впрочем, пока существует ОРТ, НТВ и РТР, меня совершенно не интересует питерское ТВ. Его ведь никто не смотрит. Ни я, ни мои знакомые, во всяком случае. Вряд ли оно само по себе может обеспечить нужный для властей результат каких-нибудь выборов.

БВ. К сожалению, может. Как показывают опросы — многие смотрят питерское ТВ. А как показывают результаты выборов — не только смотрят, но и поддаются соответствующему воздействию. Кроме этого, помимо административных рычагов влияния на СМИ у властей есть и экономические, и действуют они безотказно. Не раз редакторы газет откровенно говорили мне: такой-то материал мы напечатать не можем, а такой-то, напротив, должны, потому что иначе нам не выжить экономически.

БС. А кто сказал, что жизнь у редакторов должна быть легкой? Понимаете, Боря, меня мало волнует существование и питерского ТВ, и газет, зависящих от администрации, и всяких фашистских и полуфашистских газетенки, вроде какого-нибудь «Нового русского порядка», или как ее там... Я совершенно уверен, что эти газетенки мало кто читает. Так же как мало кто смотрит питерское ТВ, которое, на мой взгляд, откровенно скучно и дьявольски провинциально. Когда я случайно на него попадаю, я морщусь не оттого, что там хвалят Яковлева или превозносят Путина, а потому что мне скучно и неловко: Петербург ведь все-таки, а не Большие Тараканы какие-нибудь...

БВ. Оставим питерское ТВ и поговорим об НТВ, существование которого Вас наверняка волнует. Трудно не заметить, что тон комментариев этого канала серьезно изменился в последние недели: «антипутинский» настрой практически исчез, и теперь уже близкую, по крайней мере, мне точку зрения на президента нельзя услышать ни по одному из общероссийских ТВ-каналов. Многие полагают, что это — «плата» за то, что Гусинского выпустили из Бутырской тюрьмы и позволили ему уехать за границу. Вы с этим согласны? И еще: недавно Дмитрий Фурман в «Общей газете» заметил, что НТВ сегодня пожинает плоды собственных усилий образца 1996 года, когда канал стал, по сути, отделом избирательного

штаба Ельцина, вложив весьма существенную лепту в тот фарс (так его квалифицирует Фурман), который был разыгран для нас всех под видом президентских выборов. И, сожалея сегодня о нападках на НТВ, хорошо бы об этом помнить. Ваше мнение?

БС. Я не заметил изменения тона передач НТВ. Может быть, потому что три недели был в отпуске, в Финляндии, а как только приехал, у нас в очередной раз украли домовую телеантенну, и НТВ мне пока недоступно. Возможно, вы правы. Но может быть, дело в том, что президента пока не за что ругать? Я не заметил никаких сколько-нибудь серьезных промахов в его работе за последние полгода. А что касается перспектив, о которых пишут в газетах, то они вообще вдохновляют: на носу вменяемый земельный кодекс, разумный бюджет, снижение инфляции и все такое прочее. Да и тот факт, что от Гусинского, кажется, отстали, выглядит обнадеживающе. Нет-нет, ухо, конечно, надо держать остро, но пока тревожных симптомов не наблюдается. Тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить.

***Комментарий:** эти ответы Бориса Натановича были записаны в начале августа — до катастрофы с «Курском». Готовя материал к публикации, нельзя было не задать еще один естественный вопрос:*

БВ. После гибели подводной лодки «Курск» Ваше мнение об «отсутствии серьезных промахов в работе Путина» и об «отсутствии тревожных симптомов» не изменилось? Я-то считаю реакцию президента на случившееся — начиная с отказа от немедленной западной помощи и заканчивая хладнокровным пребыванием в Сочи — и серьезным промахом, и тревожным симптомом одновременно...

БС. Здесь два принципиально разных вопроса. То, что президент не прервал немедленно отпуск и не отбыл в Москву, на свое рабочее место, как минимум, — это нарушение некоего неписаного (а может быть, и писаного, не знаю) протокола, ритуала, если угодно. Может быть, он был неправильно информирован (насколько серьезно происходящее), может быть, по неопытности своей пренебрег протоколом, — не знаю. Я сам великий нелюбитель всевозможных формальностей, протоколов и ритуалов,

а потому мне трудно в этом случае кого-либо судить и осуждать. Да и большинство наших сограждан, видимо, отнеслись к этому проколу вполне снисходительно: рейтинг президента, как известно, сколько-нибудь серьезно не изменился. И совсем другое дело: срочное обращение за помощью — к Западу, к Востоку, к черту, к дьяволу, к кому угодно. Если сохранялся хотя бы малейший шанс спасти хоть одного подводника, надо было для этого сделать *все* — в том числе и пренебречь соображениями престижа, секретности, чести мундира и прочими громкими бессмысленностями. Немедленного обращения не последовало, а значит, либо изначально ничего нельзя было сделать (есть и такая версия: экипаж погиб в первые же часы, если не минуты, после катастрофы), либо было совершено величайшее преступление против нравственности (в лучших советских традициях), и можно только гадать, кто виновник этого преступления — то ли военные консультанты, утаившие от президента истинное положение вещей, то ли сам президент, растерявшийся и не сумевший или не захотевший принять единственно верного и мгновенного решения. Мы вряд ли узнаем правду об этом — по крайней мере в ближайшее время. Но признаюсь, что беспокоит меня сейчас уже совсем другое: какие выводы будут сделаны из происшедшего? С ужасом и отвращением слушаю я сейчас записных наших горлопанов и хрипунов, с радостью ухватившихся за случай снова и снова лоббировать милитаризацию экономики и обострить отношения с Западом. Вот это уже не только аморально — это по-настоящему опасно. И если президент пойдет на поводу у наших «ястребов» — вот тогда это уже будет Ошибка с большой буквы, ошибка стратегическая. Потому что даже мне, глубоко штатскому белобилетнику, ясно, что беда наша не в том вовсе, что денег на оборону выделяется мало, а в том, что тратятся эти деньги нерационально, бездарно, а зачастую и просто преступно.

БВ. Обратимся от времен нынешних — к прошлым. Через два года после того, как Вы закончили Университет, был Двадцатый съезд КПСС. Речь Хрущева, первые разоблачения культа Сталина, первые официальные упоминания о массовых репрессиях... Были ли у Вас до того, как все это сказал Хрущев, какие-то сомнения в правильности «сталинского пути»?

БС. Нет, Боря, никогда никаких сомнений у меня не было. И не только у меня: и я, и Аркадий Натанович были настоящими сталинцами. Не ленинцами, заметьте, а именно сталинцами! Мы считали, что все происходящее — правильно, если и встречаются какие-то недостатки и неприятности — это неизбежно, не ошибается только тот, кто ничего не делает. Лес рубят — щепки летят, а в остальном все совершенно правильно, коммунисты — настоящие люди, большевики — замечательные, дело наше правое, мы обязательно победим... Случаются, конечно, отдельные негодяи, которые мешают нам трудиться и побеждать: вот, вчера Берия был великий человек, а сегодня Берия — английский шпион, резидент пяти разведок и агент семи держав. Я прекрасно помню, как мы с ребятами по этому поводу хихикали, но относились к этому прискорбному происшествию скорее юмористически. Отнюдь не как к какой-то трагедии и вовсе не делая из этого никаких далеко идущих выводов. У нас была компания школьных друзей, сохранившихся и в Университете, теперь я понимаю, что кое-кто из них был гораздо более умен, чем я, и куда лучше меня разбирался в ситуации, понимая, где правда, а где пропаганда, что можно, а чего нельзя. Но я-то был полный идиот!

БВ. Вы не слишком резко себя оцениваете?

БС. Нет, не слишком. Мой полный идиотизм длился до самого Двадцатого съезда партии. Впрочем, кажется, нет — избавление от идиотизма началось несколько раньше, когда Аркадий Натанович женился на своей второй жене. Она была из семьи старинных русских интеллигентов, принявших русскую революцию от всего сердца, и по которым эта революция проехала всеми колесами и гусеницами. Лена все знала, все понимала с самых ранних лет, во всем прекрасно разбиралась, всему знала цену. И она была первым человеком, который как-то поколебал мою идиотическую убежденность — еще до Двадцатого съезда. Я помню бешеные споры, которые у нас с ней происходили, с криками, с произнесением сильных слов и чуть ли не с дракой. Помню, как Аркадий стоял между нами белый как бумага и уговаривал: ребята, опомнитесь, бросьте, все это чепуха, ерунда, не обращайтесь, давайте лучше выпьем... Но мы с Ленкой продолжали бешено орать друг на друга: Ленка кричала, что все они (большевики

то есть, молотовы эти твои, кагановичи, ворошиловы) кровавые бандиты, а я кричал, что все они великие люди, народные герои... А потом наступил Двадцатый съезд, и мне было официально объявлено, что да, действительно, большая часть этих великих людей — все-таки именно кровавые бандиты. И это был, конечно, первый страшный удар по моему самосознанию. Да и венгерские события были в том же самом году и тоже оказали свое воздействие.

БВ. Сейчас, через сорок с лишним лет, подавление советскими войсками венгерского мятежа — общеизвестный факт. Но тогда это, видимо, воспринималось совсем иначе — тем более что источников альтернативной информации практически не было. Как Вы это воспринимали?

БС. Эти события я еще отказывался анализировать, и мне казалось, что все там, в общем, правильно: контрреволюция, надо ее давить и отстаивать социализм. Дело в том, что веру в социализм и коммунизм мы сохраняли еще на протяжении многих лет! Мы довольно быстро — примерно к Двадцать второму съезду партии — поняли, что имеем дело с бандой жлобов и негодяев во главе страны. Но вера в правоту дела социализма и коммунизма сохранялась у нас очень долго. Она постепенно таяла, растрачивалась на протяжении многих лет. «Оттепель» способствовала сохранению этой веры — нам казалось, что наконец наступило такое время, когда можно говорить правду, и многие уже говорят правду, и ничего им за это не бывает, страна становится честной, чистой... Этот процесс «эрозии убеждений» длился, наверное, до самых чешских событий 1968-го. Вот тогда и наступил конец всех иллюзий.

БВ. Интересно, какие иллюзии к моменту ввода войск Варшавского Договора в Чехословакию у Вас еще оставались?

БС. Какие-то оставались. В частности, я до самого последнего момента был убежден, что чехам удастся сохранить свободу. Я был в этом уверен на 99 процентов! Я считал, что какие у нас сидят ни идиоты, какие они ни кровавые дураки, но и они же должны понимать, что идея превыше всего, идею задавить танками нельзя...

БВ. Как выяснилось — очень даже можно...

БС. Да, выяснилось. Мы говорили тогда друг другу: «Не посмеют!» А самые умные из нас говорили: «Еще как посмеют!»

И оказались правы. И это было для нас полным и окончательным прощанием с иллюзиями. Для нас — и для подавляющего большинства наших друзей и знакомых.

БВ. Я и сам хорошо помню эти события — мне было тринадцать лет, я перешел в седьмой класс, и именно тогда у меня начался тот процесс, который у Вас закончился, — расставания с иллюзиями. Было лето, мы с родителями отдыхали на даче, время от времени родители слушали «Голос Америки» и «Би-би-си», где почти круглые сутки говорили о чешских событиях. И для меня было потрясением то, что по радио, оказывается, могут говорить прямо противоположное тому, что пишут в газетах!

БС. К тому, что такие противоположности могут быть, еще во время венгерских событий я относился достаточно спокойно. Я тогда вообще мало интересовался политикой. И выслушав очередную порцию вранья по советскому радио, мы с Аркадием Натановичем говорили друг другу: все врут, да ну их к черту, давай не будем никогда впутываться в эти дела. У нас свои проблемы, помощнее этих: Вселенная, Космос, Разум, вечное движение к истине... Я очень хорошо помню наш разговор на эту тему, мы были тогда еще очень далеки от текущей политики. Политизированность наступила позднее, где-то во времена Двадцать второго съезда и выноса Сталина из Мавзолея. К тому времени я был уже вполне политизированным человеком. Появились друзья, которых раньше не было, налажился контакт с молодыми писателями — совершенно другими людьми, с другим идеологическим багажом. В моей жизни появились Миша Хейфец, Владлен Травинский (тогдашний ответственный секретарь журнала «Звезда»), великолепно ядовитый Илья Иосифович Варшавский, историк Вадим Борисович Вилинбахов и многие другие. Захватывающие беседы на политические темы сделали меня человеком политическим, чего раньше совсем не было. Вот вы заинтересовались какими-то политическими событиями в седьмом классе — а меня в седьмом классе такие вещи вообще не могли бы заинтересовать! Я был бесконечно далек от политики, она меня совершенно не интересовала, для меня худшего наказания, чем взять в руки газету, и представить было невозможно...

БВ. Ну я-то тоже до чешских событий в газетах читал только спортивные новости...

БС. А я и спортивных не читал! Вспоминаю вот сейчас замечательную историю о том, как я поступал в аспирантуру. Это очень хорошо характеризует мою прямо-таки патологическую аполитичность. Это был 55-й год, я сдавал экзамен по марксизму-ленинизму (всего экзаменов полагалось три). Теорию марксизма-ленинизма я знал блистательно, ответил так, что от зубов отскакивало, все было замечательно, экзаменаторы были очень довольны... Но вдруг одному из них пришло в голову задать вопрос, который касался политики — текущей политики. Я уже не помню, какой был первый вопрос. Но что-то я, видимо, не так сказал, потому что мне задали второй вопрос — крайне легкий, по их мнению: скажите, пожалуйста, кто у нас первый секретарь ЦК КПСС?

БВ. Неужели Вы этого не знали?

БС. Ответ мой полностью характеризует мое знание современной политики. «Ну, там их несколько, — сказал я. — Один из них, например, Микоян...» — «Ах там их несколько? — сказали мне. — А кто же еще?» — «Ну, Ворошилов, по-моему, один из них», — ответил я. — «Так-так...» — сказали мне... Потом был задан еще какой-то вопрос, на который я ответил примерно в том же духе, после чего один из экзаменаторов заявил: «Ну, знаете, товарищи, я просто не знаю, что и сказать». Меня попросили выйти, я с ужасным предчувствием вышел и думал, что вообще все завалил. Но все-таки они поставили мне тройку — я получил первую тройку в своей студенческой жизни...

БВ. Сразу вспоминается анекдот — «Бросить бы все к чертовой матери и уехать в этот Урюпинск...»

БС. Теперь-то я понимаю, как я выглядел тогда! Человек, который блестяще, «от сих до сих» и вдоль-поперек знает все основы марксизма-ленинизма, с цитатами из Ленина и всеми прочими онерами — и, оказывается, не знает, кто у нас первый секретарь!

БВ. Это было характерно для вашего поколения?

БС. Да! Мы все были такие. Я вспоминаю студенческие годы, и мы все были совершенно аполитичны. Если мы и говорили о политике — то только со смехом. Это было совершенно специфическое отношение. Классическое оруэлловское «двоемыслие» (double-think). Понимаете, мы могли смеяться над какими-нибудь политическими лидерами, например, над их походкой, или

выговором, или дурацким пенсне, — и в то же время я был готов умереть за них, если понадобится. Ибо они олицетворяли Идею. Это было типичное отношение холопа к своему барину. Холоп может смеяться над бариним у себя в холопьем избе и перемывать ему косточки, но, когда дойдет до дела, он за барина встанет стеной: возьмет острогу, топор и будет колотить, рубить и жизнь свою отдаст за барина... А точно так же, как холопа, высокая политика интересовала нас чрезвычайно мало.

БВ. С чем это было связано — с недостатком информации?

БС. Не то что с недостатком информации — скорее, со способом ее подачи. Информации как раз было навалом, нас пичкали ею в школе, в университете, она непрерывно передавалась по радио, по телевидению, когда оно появилось, в газетах... И — никакой разногласицы! Вот в чем фокус. Великая вещь: тотальность информации.

БВ. Однако в 70–80-е годы тотальность информации была такой же, между тем значительно большее число людей стало интересоваться политикой. Почему?

БС. Я же говорю об очень молодых людях. Совершенно уверен: нынешняя молодежь точно так же аполитична. И это нормально: что, в конце концов, интересного в политике для молодого человека? Есть куда более привлекательные занятия. Зачем говорить о политике, если гораздо интереснее рассказывать анекдоты или травить истории из жизни. Или трепаться о новых кино. Или, скажем, о музыке.

БВ. Вы не пытались заниматься музыкой?

БС. Никогда. Вместе с друзьями я пережил увлечение джазом — это было единственное, что у нас не глушили. О этот знаменитый «Час джаза» Виллиса Конновера! Джаз нам нравился страшно — и сам по себе, а к тому же в нем ощущался лакомый душок запретности. Немножко запрещать надо обязательно, особенно если хотите завлечь молодежь. Если бы сейчас у нас под запретом — формальным, по крайней мере — оказалась, скажем, некая газета, ее бы начали читать и раскупать гигантскими тиражами...

БВ. А что Вы в молодые годы любили читать? Я понимаю, что это нестандартный вопрос к писателю...

БС. С юных лет я был довольно квалифицированным читателем. Я любил не только читать, но и перечитывать — а это верный признак квалифицированного читателя, получающего от чтения не просто заряд информации, эмоциональной или рациональной, но еще и некоторое эстетическое наслаждение. Это — специфическое наслаждение, его нельзя получить ни от музыки, ни от кино, ни от созерцания красот природы — только от чтения книги! У меня был очень широкий диапазон чтения. Во-первых, к счастью, сохранилась почти полностью отцовская библиотека. Часть книг, правда, мы с мамой в голодные времена продали, но значительная часть уцелела — два шкафа книг, которые я прочел все, от корки до корки. Я знал таких писателей, о которых нынче в России, наверное, мало кто слышал, — скажем, Верхарна, или Пьера Мак-Орлана, или Анри де Ренье, или Андре Жида. Там был полный Мопассан, почти полный Достоевский, разрозненные тома Салтыкова-Щедрина. И, разумеется, Дюма, Рабле, Шарль де Костер. Были даже разрозненные тома Луи Буссенара и Луи Жаколио — в те времена их было не достать ни в каких библиотеках.

БВ. Из всего Буссенара в «застойные» времена, кажется, издавали только две книги — чуть позднее «Похитители бриллиантов» (она шла в обмен на 20 килограммов макулатуры), чуть раньше — «Капитан Сорви-Голова»...

БС. Кстати, «Капитан» — одна из самых плохих книг у Буссенара. У него надобно читать «Туги-душители» и «Факиры-очарователи». А у Жаколио — «Грабители морей». Вот это было чтение для настоящего мужчины! К счастью, я очень рано прочел «Войну и мир» — и таким образом спас ее для себя, потому что потом мы начали ее «проходить» в школе и для половины моих сверстников эта книга навсегда перестала существовать. А вот «Отцы и дети» я прочесть не успел. Я прочитал «Накануне» до того, как мы начали ее изучать в школе, и эта книга до сих пор остается одной из моих любимых у Тургенева. А вот «Отцы и дети» — вещь гораздо более глубокая и гораздо более достойная внимания, так и осталась для меня чужой. Так же, как и «Евгений Онегин». Зато «Повести Белкина», которые мы в школе не проходили, я люблю с детства и до сих пор. Так что у меня изначально был очень широкий диапазон любимых книг, хотя, будучи

человеком молодым, я предпочитал, естественно, фантастику и приключения.

БВ. Какая тогда была фантастика?

БС. Только старая. Можно было достать старые журналы «Мир приключений» или «Вокруг света», или издания Джека Лондона в библиотеке «Всемирный следопыт», или Конан Дойля... Из новых изданий были только Немцов, Охотников, Адамов, Казанцев — чей «Пылающий остров» я на протяжении многих (школьных) лет считал лучшей фантастической книгой на свете. Но основная масса советской фантастики была просто ужасна. Мы читали ее, потому что больше ничего не было. Если на книжке стоял значок «Библиотека фантастики и приключений» — мы были обязаны прочитать эту книгу с интересом. И вот мы брали какой-нибудь «Огненный шар» или «Тень под землей» и жевали ее, как сухое сукно. И с отвращением — но дожевывали до конца... Я много раз говорил о том, что именно отсутствие хорошей фантастики прежде всего и толкнуло нас с Аркадием Натановичем попытаться написать что-нибудь такое, о чем бы стоило говорить.

БВ. В «типовом» фантастическом произведении того времени — скажем, в каком-нибудь «Изгнании владыки» — обязательно присутствовал иностранный шпион, вредящий советским инженерам или ученым, и майор или полковник государственной безопасности, который вставал у него на пути. И если даже в книге забывали об этой конструкции, в фильме все вставало на свои места: так, когда поставили фильм по «Тайне двух океанов» Адамова, старшина Скворешня, который доблестно ловит шпиона под водой, в итоге оказался переодетым старшим лейтенантом госбезопасности...

БС. В любом фантастическом произведении того времени обязательно присутствовала страшная тайна, которая на поверку оказывалась такой лабудой, что не стоило тратить время на ее разгадку. Например, таинственный человек, которого считали шпионом (пришельцев из космоса тогда не было), оказывался просто профессором со странными манерами. В общем, это была очень плохая литература, и, если бы не старая иностранная фантастика — очень хорошая, — было бы совсем нечем насладиться бедному читателю.

БВ. Но ведь иностранную фантастику тогда, кажется, еще не переводили. Где же ее брали?

БС. Да, ее не переводили, но были книжные развалы, очень богатые, на которых можно было найти почти все что угодно. У меня до сих пор в библиотеке хранятся купленные в те времена книжки Уэллса, Киплинга, Конан Дойля. Было чем насладиться, было...

БВ. Массовый перевод зарубежной фантастики начался где-то в середине 60-х годов — когда вышла знаменитая «красно-серая» библиотека современной фантастики (БСФ)?

БС. Первым с западной фантастикой нас начало знакомить издательство «Мир» — оно издавало маленькие аккуратные «покетбуки» серии «Зарубежная фантастика». И в этой серии вышли практически все лучшие вещи из западной фантастики. Это была огромная работа, и спасибо людям, которые ею занимались. Ну а библиотека фантастики, которую Вы упоминаете, была уже позднее.

БВ. Хорошо помню, что 7-й том «Библиотеки современной фантастики», где были «Понедельник...» и «Трудно быть богом», было не достать ни в одной библиотеке, не говоря о магазинах. Примерно в 1971–1972 году мне удалось купить его с рук за очень большие для меня деньги, и я был страшно горд этим событием...

БС. А я вспоминаю случай, когда мы с мамой шли по Литейному проспекту, и вдруг в витрине магазина, который сейчас называется «Академкнига», я увидел свежий, только что изданный томик «Затерянного мира» Конан Дойля. Это был редчайший случай выпуска зарубежной фантастики. Мы с мамой были очень бедными людьми, но я ее умолил зайти в магазин и купить все-таки эту книгу. Боже, какое это было наслаждение и какое это было счастье! А вот появившуюся где-то в начале 50-х годов книжку «220 дней на звездолете» Александра Ивановича Шалимова я так и не смог достать. Теперь я понимаю, что книжка эта вполне посредственная, но тогда я ее так и не достал, не прочитал и, наверное, потерял некий кусочек удовольствия, который потом уже получить стало невозможно: я изменился, а книжка осталась прежней...

БВ. У Шалимова я помню разве что «Охотников за динозаврами». И еще в подростковом возрасте я прочел несколько книг упомянутого Вами Немцова — и не без удовольствия...

БС. Ни одной книжки Немцова я не прочитал с удовольствием, хотя читал их все! Или почти все. Когда вышла его книга «Семь цветов радуги», я, конечно же, купил ее, но быстро понял, что прочесть не смогу. Ни за какие коврижки. Это была первая фантастическая книга в моей жизни, которую я не смог прочесть. Больше я Немцова не покупал... Но почему мы говорим только о фантастике? Я читал не только фантастику, я прочел практически всего Джека Лондона, и очень много читал ныне совершенно забытого Кэрвуда. Конечно, я прочел всего Фенимора Купера, хотя и не очень его любил — за «старообразность». Так же, между прочим, как и Жюль Верна, хотя Жюль Верн был все-таки на голову выше. И разумеется, был Дюма, и был Алексей Толстой, и даже Понсон дю Террайль ходил некоторое время в моих любимцах...

БВ. Если бы Вам тогда рассказали, что возможно нынешнее разнообразие в книжной торговле — Вы бы поверили?

БС. Это невозможно было себе представить. Книжный голод был просто невероятный.

БВ. У Вас нет ощущения, что все лучшее из мировой фантастики мы прочли именно в те годы, когда был этот самый книжный голод? А подавляющее большинство того, что сегодня издается под видом фантастики (да еще под вымышленными именами или в «соавторстве» с Гаррисоном или Шекли, о чем они, наверное, и не подозревают), вообще говоря, издавать бы не стоило?

БС. Вы, безусловно, правы. Но закон Старджона живет и работает ежедневно и ежеминутно: «90 процентов всего на свете — дерьмо». Это полностью относится и к фантастике. Во времена советской власти книжная политика была чудовищной, в том числе — в части переводов западной фантастики. Но один плюс у этой политики был: книг издавалось настолько мало, что в их число, воленс-ноленс, попадали только самые лучшие. Поэтому так мало открытий мы сделали в последние десять лет в области иностранной фантастики: все лучшее уже было переведено и опубликовано раньше. А что касается «издавать — не издавать», то это неверная постановка вопроса. Все, что покупается, надо издавать. И всегда 90% того, что вы издали, будет дерьмом...

«МЫ ВЫКАРАБКАЕМСЯ ОБЯЗАТЕЛЬНО»*

БВ (Борис Вишневский). Наступил двадцать первый век — каким Вы его себе представляли? И насколько происходящее сейчас совпадает с Вашими ожиданиями?

БС (Борис Стругацкий). В конце восьмидесятых мы написали целый роман на эту тему — «Отягощенные злом», — действие там происходит в 20-х годах XXI века. То, что мы наблюдаем сейчас, очень мало совпадает с описанным в романе, но я иногда с ужасом думаю, что к 20-м годам века совпадение вполне может и увеличиться. Помните? В романе описана Россия, в которой слабо теплится рыночная экономика, власть принадлежит одной партии, в городе, где происходит действие, есть горком и «первый» этого горкома... Так вот, сегодня я наблюдаю определенные тенденции к авторитаризму, которые внушают мне опасения.

БВ. Разве раньше таких тенденций не наблюдалось?

БС. Во времена Бориса Николаевича ничего подобного, на мой взгляд, не было. Существовало очень жесткое разделение властей, исполнительная и законодательная власти не просто были разделены — они противостояли друг другу, и ни о каком авторитаризме не могло быть и речи. Свобода слова была в полной безопасности — Борис Николаевич, при всех своих недостатках, безукоризненно вел себя в отношении свободы слова и СМИ...

БВ. В том смысле, что ему было наплевать, что скажут в средствах массовой информации, — на действиях правительства это никак не отражалось...

* Беседует Борис Вишневский. Санкт-Петербург, 27 июня 2001 года. Опубликовано (в сокращении) в газете «Санкт-Петербургский курьер», 19 июля 2001 года.

БС. Во-первых, может быть, и отражалось. А во-вторых, меня удовлетворяет такая ситуация — я был бы счастлив, если бы исполнительной власти было бы «наплевать на СМИ».

БВ. А зачем тогда вообще нужны СМИ, если общественное мнение, транслируемое через них, не оказывает никакого воздействия? Собака лает, а караван идет...

БС. Общественное мнение обладает самостоятельной ценностью — совершенно независимо от того, оказывает оно непосредственное влияние на действия властей или нет. Если в стране есть общественное мнение — считайте, что полдела сделано. Рано или поздно это общественное мнение начнет оказывать влияние на исполнительную власть — просто потому, что рано или поздно носители этого общественного мнения начнут в исполнительную власть приходить. Так «шестидесятники», придя... нет, не придя, а только прикоснувшись к власти в начале перестройки, уже сыграли большую роль в том, что Россия пошла тем, а не иным путем. Хотя власти у них было мало, хотя к их мнению не очень-то прислушивались — все равно без них все могло бы быть иначе, мы могли пойти по китайскому пути уже в конце 80-х годов. Это не произошло в том числе и потому, что около власти оказались отдельные «шестидесятники». Поэтому я, в отличие от многих, не склонен рассуждать сугубо прагматично: мол, роль средств массовой информации должна быть такой, чтобы «сегодня в газете, а завтра в указе». Этого не будет никогда, такого влияния СМИ не имеют ни в одной стране мира. Максимум, что они могут, — это свалить какого-нибудь министра. Но влияние на кадровую политику явно не исчерпывает всех сложностей темы... А вот то, что СМИ воспитывают определенную точку зрения у читающей и слушающей публики, мне представляется гораздо более важным. Эта ситуация возможна только в условиях свободы информации. Если ее не будет — воспитание масс, разнообразие общественного мнения станет невозможно. Ничего страшного, что влияние на текущую политику оказывается СМИ не прямо, а опосредованно. Лишь бы оказывалось. А в конечном итоге — оказывается.

БВ. Вы полагаете, что сейчас ситуация со свободой слова отличается от «ельцинской» в худшую сторону?

БС. Ситуация несколько изменилась, конечно, но все же не на 180 градусов, не коренным образом. В обществе наметился некоторый поворот в сторону авторитарности. То, что происходит со СМИ, — это лишь часть общего поворота. Новый президент хочет выстроить свою «исполнительную вертикаль», и она, естественно, должна распространяться и на средства массовой информации. Смешно было бы рассчитывать на бесперебойную работу «исполнительной вертикали», если СМИ при этом абсолютно бесконтрольны. В этом смысле — да, появились некоторые неприятные тенденции. Но все же те точки зрения, которые преподносят нам СМИ, пока еще достаточно разнообразны. И особенной угрозы свободе слова я не вижу. Так, туманные намеки, а не реальные угрозы.

БВ. Достаточно много людей, однако, полагают, что, например, ситуация с НТВ — это уже не туманные намеки, а вполне конкретные действия, предпринятые в определенных политических целях. Мало кто сомневается: будь политическая позиция канала не оппозиционной, а такой же, как у РТР или ОРТ, — с них бы никто не требовал долгов, не заводил уголовные дела, не проводил бы обыски и аресты... Да Вы сами подписывали письмо, опубликованное в «Общей газете» на эту тему! И там Вы вполне разделяли все эти оценки...

БС. Я их и сейчас разделяю. С той только разницей, что, откровенно говоря, мне не кажется, что акция против НТВ была направлена против свободы слова. Она была направлена против определенной информационной группировки, которой я лично симпатизировал, а президент, видимо, нет. Что же касается оппозиционности НТВ — она и после смены собственника и смены руководства никуда, на мой взгляд, не исчезла. Я очень внимательно смотрю передачи и не вижу принципиальной разницы между «информационной атмосферой» три-четыре месяца назад — и сейчас. Профессионализм упал — вот это заметно. Дикторы стали похуже. Передачи стали не такие сочные и яркие. Но все приметы оппозиционности остались, никуда не делись. Иногда мне даже кажется, что они нарочно разыгрывают оппозиционность в тех ситуациях, когда для нее нет особенной причины. Может быть, для того чтобы не дать повода для обвинений в излишней

лояльности? И это убеждает меня в том, что борьба, которая имела место, — это была борьба с кадрами, а не с идеологией. Цель была не поменять идеологию, а убрать конкретных личностей. Теперь — кого выгнали за границу, кого уволили, — и все довольны. Нет проблем. Власть доказала, что связываться с ней опасно. Что она не простит выпадов против нее. Что СМИ, конечно, обладают определенной свободой — но контроль принадлежит властям, и забывать об этом нельзя. Урок преподан и, надо думать, усвоен.

БВ. Если, как Вы говорите (и с чем я согласен), выпады против власти «не прощаются» и с властью «опасно связываться» — о какой свободе слова можно говорить? Вы полагаете, что все нормально и так и должно быть?

БС. Я не полагаю, что это нормально. Я просто не считаю это настоящей борьбой со свободой слова.

БВ. В таком случае, что бы Вы считали этой «настоящей борьбой»?

БС. Вот если бы сегодня идеология НТВ ни по форме, ни по сути не отличалась бы от идеологии РТР — я бы сказал: да, это была борьба против свободы слова, борьба против оппозиции. Но этого, на мой взгляд, нет. Если сближение позиций каналов и есть — то очень малозаметное. Впрочем, не исключено, что прошло еще слишком мало времени. Нынешняя власть предпочитает постепенность во всем.

БВ. На мой взгляд, признак свободы слова — в том, что в СМИ могут свободно высказываться неприятные для властей точки зрения и могут выступать люди, серьезно оппонирующие власти. Обратите внимание: точно так же, как в последние полтора года на ОРТ и РТР (там это началось перед президентскими выборами), сейчас для НТВ стали персонами нон грата большинство представителей «Яблока» — и в первую очередь Явлинский. Если надо показать оппозицию — показывают Зюганова или Харитонову...

БС. Это опять борьба не с политическими позициями, а с конкретными людьми. Не с оппозиционностью вообще, а именно с той оппозиционностью, которую демонстрирует конкретно Явлинский. Не с оппозицией, а с ним лично. И уверяю вас, все было бы не так, если бы он не вызывал у высокого начальства персонального раздражения — точно так же, как в свое время господин Гусинский...

БВ. Конечно, Явлинский вызывает это раздражение, более того, он его вызвал куда раньше, чем Гусинский, который, если помните, и в 1993 году, и в 1996 году имел с властями прекрасные отношения. И не кажется ли Вам, что если основанием для отлучения какого-либо политика от национального телеэфира является тот факт, что он вызывает у властей раздражение, — значит, о свободе слова говорить, мягко говоря, сложно?

БС. Если ту же позицию выражает просто кто-то другой — тогда свобода слова, согласитесь, все же есть. А та позиция, которую выражает Явлинский, хорошо известна. Пусть и не по его выступлениям. И пусть даже без упоминания, что это именно его позиция. Но — известна. Как, скажем, позиция против введения повременной оплаты за телефон или против ввоза отходов ядерного топлива в Россию. Эти позиции представлены в СМИ — значит, борются не с идеями, а с конкретными людьми. Вот если бы идея о борьбе, скажем, против «повременки» была вычеркнута из общественной жизни вообще — это была бы борьба против свободы слова. А сейчас вычеркиваются не конкретные идеи, а конкретные личности. Это плохо, я согласен с вами, но это все-таки не безнадежно плохо.

БВ. Десять лет назад был августовский путч, с провалом которого у многих были связаны самые различные надежды. Они оправдались — у Вас в том числе?

БС. Десять лет назад в стране произошла «бархатная революция». Смена общественного строя. А путч — это была попытка остановить эту революцию. Или убыстренную эволюцию. Провалившаяся попытка. Провалившаяся потому, что активная часть народа не хотела старого, а пассивная часть была равнодушна к попытке это старое сохранить. Сейчас ситуация несколько иная. Сейчас вектор народной воли — к сожалению — поворачивает в другую сторону. Миллионы волей направлены на то, чтобы был «порядок». А тогда — они были направлены на то, чтобы существующий порядок упразднить. Этот порядок ни к черту ни годен, говорили люди, хватит! Надоело! Такой была точка зрения даже самых пассивных. Гори оно все огнем — палец о палец не ударим, чтобы вам помочь. Вы все испортили, все разворовали, все захватили, все прогадили — туда вам и дорога. Сейчас же —

другое: сейчас — порядка хотим! А что такое в России порядок — исторически? Прежде всего это — полицейская, державная, авторитарная система. Система, при которой все изменения в обществе могут происходить только под жестким контролем исполнительной власти. Что же касается моих надежд десятилетней давности — я отношусь к небольшому проценту людей, которые не жаловались и не жалуется на то, что происходило все эти десять лет. Я даже доволен! По очень простой причине: я всегда, все это время, ожидал гораздо худшего. Я и сейчас ожидаю худшего. Поэтому история, происшедшая с НТВ, для меня — не трагедия, а лишь неприятная ситуация, которая, слава богу, обошлась, как говорится, «малой кровью».

БВ. Какого «худшего» Вы ждете сегодня?

БС. Существенного усиления авторитаризма. Я допускаю, что соблазненное общим желанием порядка начальство начнет очень жестко контролировать происходящие в стране процессы. И когда появится единомыслие в СМИ — это будет началом конца. Это будет означать многолетнее торжество авторитаризма и тоталитаризма. И поэтому я подписываю все письма, направленные против нарождающегося авторитаризма во всех его формах. Не потому, что я так уж действительно боюсь, — когда я подписывал письмо в защиту НТВ, я не верил, что произойдет какая-то страшная трагедия. И правильно делал, что не верил, — ведь трагедии и не произошло. Но я буду подписывать все письма аналогичного содержания потому, что за свободу СМИ надо бороться, пока эта свобода есть. Когда ее не будет — бороться будет уже поздно. И потому начальство должно хорошо себе представлять: каждый его шаг в этом направлении вызовет отчаянный вопль протеста. Пусть даже эти акты протеста кажутся кому-то смешными, пусть они вызывают раздражение у исполнительной власти — мол, чего вы разорались? — кричать надо! Кричать, пока слышно. В полный голос.

БВ. Вопрос, вставший во время все того же конфликта вокруг НТВ: что важнее — свобода или собственность?

БС. Этот вопрос очень непростой. Право собственности священо — но и свобода слова тоже священна. И когда два этих священных права сталкиваются, я не знаю, кто должен побеждать.

Честно говоря, скорее должен побеждать все-таки собственник. Потому что только в обществе, где есть священное и неприкосновенное право частной собственности, может быть свобода слова. Там, где свобода слова выше, чем право частной собственности, все это обязательно кончится термидором. Потому что свобода слова будет использована для уничтожения права частной собственности и всех других прав.

БВ. Вам не кажется, что все наоборот: если есть свобода (не свобода слова, а свобода вообще) — собственность появится. А если нет свободы — собственность в любой момент могут отнять. И так, что жаловаться будет некому и никто не услышит.

БС. Свобода вообще возможна только тогда, когда есть частная собственность! Свобода без собственности — это анархия...

БВ. А собственность без свободы?

БС. Собственность без свободы — тоже плохо, конечно... Должна быть свобода частной собственности. Свобода управления частной собственностью.

БВ. Разве понятие свободы не шире, чем понятие свободы управления частной собственностью?

БС. Свобода вообще — я не знаю, что это такое. Чем она отличается от пресловутой «воли»? Свобода есть воля, ограниченная законами, и важнейший из них — закон, гарантирующий право частной собственности. Собственность не может быть всеобщей, собственность должна быть частной. Только тогда она будет использоваться эффективно и с максимальной пользой для общества. И только тогда будет эффективно использоваться свобода информации.

БВ. Давайте вернемся к двадцать первому веку: он ведь изображен у Вас не только в «Отягощенных злом». Если взять «быковский цикл» — «Страна багровых туч», «Путь на Амальтею», «Стажеры», кусочек от «Возвращения», наконец, «Хищные вещи века» — там ведь действие происходит в конце двадцатого — начале двадцать первого века. Помните, в «Стажерах» у генерального инспектора Владимира Юрковского был роскошный бювар с золотой пластиной с надписью «IV Всемирный конгресс планетологов, 20.12.02, Конакри», а с Михаилом Крутиковым они спорили по поводу того, когда они ходили на «Хиусе-8» к Урану

исследовать бомбозондами аморфное поле на его северном полюсе — то ли в 2001-м, то ли в 1999-м... Что же, вот и настали указанные времена — но где же предсказанные полеты на фотонных ракетах, где путешествия на Венеру и Марс (не говоря об Уране или Юпитере), где безгравитационное литье и прочие технические достижения цивилизации? Двадцать пять лет назад была последняя высадка на Луну, до Марса и Венеры кое-как добираются отдельные беспилотные аппараты, о более дальнем Космосе и речи нет. К сожалению. Ваши с братом предсказания оказались излишне оптимистичными...

БС. Почему, собственно, «к сожалению»? Все вполне естественно и очень просто объясняется. Вспомните конец 50-х — начало 60-х годов, когда писались все эти вещи, — это же был «шторм унд драгг» мировой космонавтики! Первый спутник, через пять лет — первый человек, еще через пять лет — пилотируемый облет Луны... Представлялось совершенно очевидным: еще 20–30 лет — и мы будем на Марсе, Венере, чуть позднее — на спутниках Юпитера и Сатурна... И лишь потом, когда эйфория спала, выяснилось: все это занимает гораздо больше времени, потому что все это гораздо дороже и гораздо технически сложнее. Мы тогда дружно ошиблись все — я не помню ни одного пессимистического текста по этому поводу.

БВ. А чего вы все не учли? Почему все оказалось настолько сложно?

БС. Космические полеты — и у нас, и в США — преследовали две цели. Во-первых, военную, а во-вторых, пропагандистскую. Так вот, обе эти цели уже давно себя исчерпали. Выяснилось, что планеты для войны не нужны, что Луна для войны не нужна, что все военные проблемы можно решать иными методами. Исчез главный движитель космического прогресса — а между тем деньги требовались чудовищные, ни с чем не соизмеримые...

БВ. Если обратиться к «Хищным вещам века» — когда-то Вы говорили мне, что описанный там мир, по зрелому размышлению, не так и плох...

БС. По зрелому размышлению, этот мир, прямо скажем, не хуже многих. Я знаю миры, которые гораздо хуже. Например, Северная Корея. Но, что самое интересное, этот мир «хищных

вещей» действительно реализуется! Пожалуй, это единственное сбывшееся (точнее, наиболее реалистическое) предсказание из тех, которые делали братья Стругацкие. Хотим мы этого или не хотим, нравится нам это или не нравится — мир идет по этому пути. Мир «Хищных вещей века» — это мир «сытого миллиарда», который возник на наших глазах и почти уже реализовался во всей своей красе.

БВ. А какие предсказания братьев Стругацких относятся к несбывшимся?

БС. В первую очередь не сбылось предсказание о процессе освоения космоса. Оно оказалось совершенно ошибочным. Как и то, что Советский Союз сохранится на протяжении всех этих десятилетий и что именно тот Советский Союз, который существовал в конце 50-х годов, будет процветать и достигнет неопишуемых высот и в освоении космоса, и в решении социальных проблем. Нам тогда и в голову не могло прийти, как на самом деле развернутся события истории.

БВ. Вы не раз говорили: предсказывать будущее на 3–4 года не беретесь, лет на пятьдесят — кое-как, вот лет на 100–200 — пожалуйста.

БС. Да, это известный парадокс.

БВ. Вы бы могли попытаться сформулировать прогноз на 100 лет вперед, на начало Вашего любимого — XXII — века? *Условно* говоря, на начало «Мира Полудня»?

БС. Сформулировать можно все что угодно, но на самом деле все зависит от двух ключевых факторов. Как человечество решит проблему энергетического кризиса и как оно решит проблему кризиса экологического. С ними человечество столкнется в нынешнем веке неминуемо. Конечно, все это решаемые проблемы, и речь идет не о том, «выкарабкаемся» мы или нет. Мы «выкарабкаемся» обязательно. Речь о том, будет ли у нас светлое будущее или мы получим будущее мрачное, «Стальные пещеры». Перенаселенную, нищую, тоталитарную, убогую Землю. В стиле даже не Азимова, а скорее Пола и Корнבלата. Так что, вообще, выбор невелик. Но однозначное предсказание сделать невозможно, потому что отсутствуют конкретные данные. Важно другое: катастрофы не будет. Не будет гибели человечества, эсхатологии, конца

света. И прогресс не остановится. Просто в одном варианте темпы развития человечества, темпы прогресса человечества, темпы развития качества жизни будут сохраняться нынешними, а в другом варианте они резко упадут, и мы будем бороться уже не за процветание свое, а за элементарное выживание.

БВ. Если говорить об экологических проблемах — трудно не затронуть тему ввоза ядерных отходов в Россию, которая сейчас стала крайне актуальной... Какова Ваша точка зрения?

БС. У меня ее нет, и вот почему. Я не могу понять — кто же все-таки там прав, не политически, а экономически. Я не могу понять, действительно ли это выгодно нашей стране? Можем мы без этого обойтись или не можем? И главное — я не могу понять: опасно это или нет? Никто до сих пор связного ответа на этот вопрос мне не дал. Но общее мое отношение, естественно, отрицательное. Ничего хорошего в том, что тысячи тонн сильно радиоактивных веществ поедут в нашу страну и будут здесь храниться, я не вижу. Правда, с другой стороны, я не такой паникер, чтобы заранее кричать: «Нельзя! Ни в коем случае!» Может быть, и можно. Только объясните мне, нужно ли это, во-первых, и справитесь ли вы с этим потоком радиоактивных веществ, во-вторых. Я вполне допускаю, что с этим потоком справиться можно. Что можно заготовить хранилища, можно сделать их безопасными, и так далее. Но будет ли это сделано и, главное, нужно ли это? Или мы таким путем просто удовлетворяем политические и финансовые амбиции сравнительно узкого круга лиц из Минатома?

БВ. У меня, как и у 90% граждан, даже и без всех этих объяснений такое мнение: держаться от ввоза ядерных отходов подальше, сколь бы большие экономические выгоды это ни принесло. Что также сомнительно — слишком хорошо известно, как разворачиваются деньги в России... Но даже если бы не разворачивались — рисковать я не готов. Чего и Вам желаю...

БС. Я все же допускаю, что проблема имеет техническое решение. Тогда глупо отказываться от выгодной сделки. Масса рабочих мест, деньги, драгоценное горючее... Я хотел бы в этом разобраться, но одни говорят одно, другие — противоположное, и никто ничего не способен доказать. В конечном итоге отношение мое — резко отрицательное, хотя и не основанное на понимании

сути дела. И каковы бы ни были разумные аргументы в пользу ввоза отходов ядерного топлива, если в нынешней ситуации меня спросят, я «за» или «против» — я, конечно, отвечу, что я против. Мне не хватает информации, мне страшно, мне никто не доказал, что это принесет пользу, — я считаю, что уровень риска слишком велик. Если будет проведен референдум — я буду голосовать против ввоза ядерных отходов.

БВ. Несколько лет назад — летом 1997 года — мы с Вами говорили о тенденциях в современной фантастике, и Вы говорили, что широко распространилась фантастика такого типа, которую Вы не принимаете, — «Fantasy», фантастика, не «сцепленная с реальностью», фантастика иллюзорного мира. Произошли ли какие-либо изменения за эти годы — в той мере, в какой Вы следите за выходящим?

БС. Я слежу очень внимательно — я член жюри нескольких литературных премий, поэтому вынужден читать почти все. Или, по крайней мере, очень многое. Только для АБС-премии я прочел более семидесяти произведений, отобранных номинационной комиссией. А еще были книжки для «Интерпресскона», для «Бронзовой улитки», для премии «Странник», которая будет присуждаться в сентябре... И я полон оптимизма! Хотя ситуация с тех пор, как мы ее обсуждали, нисколько не изменилась. По-прежнему 90% выходящей фантастики составляет плохая фантастика. Но это железный закон, который относится не только к фантастике, — закон Старджона: «Девяносто процентов всего на свете — дерьмо». А поскольку каждый год появляются новые авторы, да и старые добрые авторы тоже пишут хорошие книжки — все идет путем, как сейчас принято говорить. Много хороших книг, есть новые имена — чего же Вам еще надо?

БВ. Что бы Вы отметили за последний год?

БС. Обнаружилась любопытная картина: появилось очень много авторов-реалистов, которые принялись писать фантастику, и фантастику интересную, необычную, очень разнообразную. Тут и Борис Акунин, и Татьяна Толстая, и Павел Крусанов, и Всеволод Петров, и Александр Кабаков...

БВ. Разве симпатичный мне Акунин (он же Григорий Чхартишвили) пишет не только детективы про Эраста Фандорина и его потомков?

БС. Почитайте «Сказки для идиотов», написанные в манере Салтыкова-Щедрина или Гоголя. Маленькие сказочки о вполне щедринских градоначальниках, но — на сегодняшнем материале. Очень любопытно. Я уже не говорю о тех, кто фантастику пишет давно, — здесь и Вячеслав Рыбаков, и Михаил Веллер, и Евгений Лукин, и многие другие.

БВ. А на Западе появляется что-нибудь интересное?

БС. Вот здесь я мало что знаю, поскольку сейчас западной фантастикой почти не интересуюсь. В свое время я ее «переел». В том, что я читаю, — в журнале «Если», например, где много западной фантастики, — ничего сколько-нибудь заметного не встречается. Даже если пишут те из великих, кто остались, — я читал новые вещи Шекли, и они не произвели на меня особого впечатления.

БВ. Алексей Герман на вручении АБС-премии говорил, что идут съемки фильма по «Трудно быть богом». Вам известно, как там дела и в какой стадии процесс? Вас держат в курсе дела?

БС. Я знаю лишь то, что рассказывает Герман в своих интервью. Знаю, что примерно треть фильма снята в Чехии. Знаю, что сейчас он переехал в Питер и уже снимает в павильонах. Знаю, что работа идет очень тяжело...

БВ. Планировалось, что Румату должен был играть Леонид Ярмольник. Это осуществилось?

БС. Да, конечно, он и снимается. Я к нему очень хорошо отношусь, хотя Румата в его исполнении совсем не такой, как мы все себе его всегда представляли. Мы ведь представляли его в виде статного красавца двухметрового роста — эдакую «белокурую бестию»...

БВ. А с экранизацией «Обитаемого острова» к Вам никто не обращался? Вот уже какая вещь просто создана для экрана...

БС. Господи, двадцать раз обращались! Даже заключали договора и платили хорошие авансы. Что-то начинали снимать, какие-то сцены в Крыму... А потом все это исчезало бесследно.

БВ. Почему?

БС. Не знаю. Я имею дело с киношниками тридцать лет и должен признаться, что ничего не понимаю в этих людях...

«НАСТУПИЛО РАЗОЧАРОВАНИЕ В БУДУЩЕМ»*

В конце прошлой недели были присуждены государственные (нынче они, что характерно, называются президентскими) премии в области литературы и искусства за 2001 год. Среди лауреатов — Михаил Жванецкий и Валерий Гергиев, Глеб Панфилов и Нонна Мордюкова, Галина Волчек и Виктор Розов. И — знаменитый петербургский писатель-фантаст Борис Стругацкий.

БВ (Борис Вишневский). Прежде Вы не получали никаких государственных наград?

БС (Борис Стругацкий). Это не совсем так. Если вы помните, в 1986 году вышел фильм «Письма мертвого человека», за который дали Государственную премию. Поскольку я был участником написания сценария, мне премию тоже вручили. Я ужасно отбивался, поскольку считал свою роль очень маленькой, даже пытался отказываться, но мне объяснили, что ежели я откажусь, то будет грандиозный скандал и премии за фильм не получит вообще никто. «Дают — бери, бьют — беги». Так что эту премию я никогда не считал своей, поэтому будем считать, что президентская премия — первая, которая отмечает творчество Стругацких. Всякий знающий положение дел человек понимает, что это премия не Б. Стругацкому, а писателю по имени «Аркадий и Борис Стругацкие», которого давно уже принято сокращенно называть АБС. Этого писателя государство наконец отметило — чего раньше никогда не было. Если не считать третьей премии за «Страну багровых туч», которую вручило нам Министерство просвещения РСФСР в 1960, кажется, году.

* Беседует Борис Вишневский. Санкт-Петербург, 2 февраля 2002 года. Опубликовано: частично в «Новой газете», 14 февраля 2002 года, частично в газете «Санкт-Петербургский курьер», 28 февраля 2002 года.

БВ. Как Вы думаете, президент читал Ваши книги?

БС. У меня есть подозрение — лестное для меня, — что читал. Потому что вряд ли президент уж так «вслепую» подмахивает указы о награждениях. Наверное, все-таки смотрит список, задает какие-то вопросы. Так что я вполне допускаю, что он наши книги читал, и, видимо, даже благосклонно.

БВ. Как всякий ленинградский мальчишка 60-х годов?

БС. Если он вообще в те годы читал — то читал фантастику. А если читал фантастику — то уж наверняка читал Стругацких. Это мне приятно — не каждый писатель может похвастаться таким читателем, как президент. Премии вообще приятно получать — а президентские приятно вдвойне. Сейчас я очень интересуюсь, каково же денежное содержание этой премии. И не потому, что нужда заела. Просто я хочу всю соответствующую сумму вложить в АБС-фонд, который занимается всеми организационными делами, связанными с присуждением ежегодной АБС-премии за лучшее художественное и лучшее критико-публицистическое произведение в области серьезной фантастики. Премия вручается 21 июня — в условный день рождения писателя «братья Стругацкие», расположенный ровно посередине между днями рождения моим (15 апреля) и Аркадия Натановича (28 августа). Каждый год фонд занимается сбором соответствующих «премиальных» средств, и теперь я надеюсь, что в 2002 году эта задача облегчится...

БВ. Вы не ощущаете себя классиком жанра, сокращающегося, как шагреновая кожа? Чем дальше — тем больше и «чистая» научная фантастика в стиле Жюль Верна и Герберта Уэллса, Артура Кларка и Айзека Азимова, предсказывавшая технический прогресс человечества, и, если так можно выразиться, «научно-социальная», рисующая человека нашей эпохи в фантастических обстоятельствах будущего (многие произведения АБС — тому пример, как и произведения, скажем, Рэя Бредбери или Клиффорда Саймака), вытесняются либо «фэнтези» с магами, эльфами, троллями и гоблинами, либо мистической фантастикой в стиле Стивена Кинга, либо «космической оперой», причем в далеко не лучшем исполнении... Почему так происходит? Дело в массовом желании убежать от реальности в иллюзорный мир? Может быть, на фоне «героев нашего времени» гоблины кажутся симпатичными?

БС. Все это происходит именно потому, что у читателя наших дней особенно сильна тяга уйти от реального мира. Такая тяга вообще характерна для молодого поколения — недаром именно молодежь всегда любила романтику. В мое время «убегали» в Александра Грина, Густава Эмара, Кэрвуда, Жаколио, Буссенара... Все это был уход от реальности, которая была скучна, однообразна, уныла. Телевизора не было, кино — почти не было, компьютерных игр не было совсем, а так хотелось яркого, красивого, сказочного, необычайного. Вот это стремление к необычному и необычайному и является «локомотивом», благодаря которому «фэнтези» так популярна. Та фантастика, о которой вы начали говорить, — научная, социальная, философская, и та, которую я называю «реалистической», — отражение реального мира, искаженного фантастическим допущением, — все это предназначено читателю более серьезному и зрелому. Это не 12–15-летние подростки, а 20–25-летние студенты. Пресловутые «младшие научные сотрудники», которым уже под тридцать...

БВ. Но ведь эти категории читателей и сейчас существуют — и не в меньшем количестве, чем раньше. В чем же дело?

БС. Да, существуют. Но народ сейчас вообще читает гораздо меньше. Прежде всего потому, что появилась масса новых развлечений. Телевизор в первую очередь. Компьютерные игры. Интернет. Зарубежное кино. Огромное количество разнообразной, яркой, развлекающей информации.

БВ. Нет ли противоречия? Все отмечают происшедший в последние годы «книжный бум». Книгами торгуют на каждом углу, соответствующий бизнес, видимо, достаточно выгоден — выходит, читать стали не меньше, а больше?

БС. Читают, как мне кажется, все-таки меньше. Выпускается ведь не больше книг, а больше названий. Это — разные вещи. Тиражи-то снизились в десятки раз по сравнению с советскими! Сейчас пять тысяч — это вполне добротный тираж, а десять тысяч считается большим. Но зато названий ежегодно появляется сотни и тысячи — ситуация совершенно невозможная в советские времена. В результате создается впечатление, что книг очень много, что их больше, чем было, но это — иллюзия. Как и то, что аудитория читателей стала огромной. Количество раскупаемых

(и читаемых) томиков стало, на мой взгляд, меньше. Хотя точных подсчетов, насколько я знаю, нет — во всяком случае, мне они неизвестны.

БВ. Знаменитый «Гарри Поттер» Вам в руки не попадал?

БС. Не попадал. Я про него, конечно, слышал, но читать мне его не доводилось, да и совсем не хочется. Хотя из профессионального любопытства, наверное, следовало бы.

БВ. Мой московский коллега говорит, что «Поттер» совершил чудо — оторвал его 12-летнего сына от телевизора и компьютерных игр...

БС. За это — уже спасибо. Хотя я, честно говоря, не верю, что на нынешнего подростка эта книга способна произвести впечатление более сильное, чем на нас в свое время производил, скажем, «Старик Хоттабыч» или «Волшебник Изумрудного города».

БВ. Но почему все-таки так сокращается жанр научной фантастики? Нет спроса? Никому не интересно читать книги, где предсказывается будущее?

БС. Да потому, что вообще интерес к науке упал. Совершенно «к нулю» свелись научно-популярные издания и журналы. Никто не читает «Природу», уничтожены старые тиражи «Знание — сила» и «Химии и жизни», которыми все раньше зачитывались... Это — падение интереса к науке вообще. И связано оно с тем, что в обществе исчезли массовые надежды на науку. Надежды на то, что она осчастливит человечество. Было время, когда мы надеялись, что наука все решит. Помните, у Ильфа: «Все говорили: радио, радио... Вот, радио есть, а счастья нет». Это же произошло и с наукой. Казалось бы, есть множество научных достижений: расшифровка генома, замечательные открытия математиков, физиков, астрономов, биологов. А счастья нет! Жизнь не становится лучше — безопаснее, безмятежнее, спокойнее...

БВ. И у писателей не стало стимула пытаться выдумать такие фантастические изобретения, которые осчастливят человечество?

БС. Такие «благородно мыслящие дурачки», каким был, например, бесконечно уважаемый и чтимый мной Жюль Верн, исчезли совсем. Они встречаются только среди графоманов. Уже Герберт Уэллс сильно сомневался в том, что наука осчастливит

человечество. Уже он понимал, что наука никаких подлинных благ человеку не принесет. Скорее наоборот...

БВ. А Кларк или Азимов?

БС. Оба они безусловные последователи Жюль Верна. Они творили в те времена, когда еще казалось, что наука вот-вот станет всемогущей. Ученые возьмут в руки власть и сделают нашу жизнь прекрасной. А теперь уже никто не надеется, что только с помощью развития науки можно серьезно улучшить жизнь. Более того, наступило разочарование в Будущем! Сейчас преобладает тенденция считать, что вообще ничто не может улучшить жизнь. Ни социологические изыски, ни экономика, ни наука. Всеобщий пессимизм. Потому что перепробовано уже, кажется, все — а результата все нет. И совсем нет новых идей — а если они и есть, то носят характер скорее пессимистический. Нас ждет демографический кризис, экологический кризис, экономический провал... Оптимистических же идей нет вообще. Будущее несет в себе либо шок, либо угрозу, либо возврат в тоталитарное прошлое. Нет сегодня такой идеи будущего, которую можно было бы назвать светлой.

БВ. А раньше были?

БС. Конечно. Например, та же идея коммунизма. Или «Мир Полудня» у Стругацких. Который, как всем сегодня ясно, невозможен. Это красиво, заманчиво — но невозможно. Сейчас пытаются создавать какие-то новые утопии. Я этого не умею, но с интересом наблюдаю за попытками. Например, Вячеслав Рыбаков под именем Хольм Ван Зайчик создает образ «Ордуси» — империи, в которой живут счастливые люди. Империи, возникшей когда-то как некий симбиоз Древней Руси и Золотой Орды и дожившей до наших дней. Ван Зайчик строит модель государства, очень самодостаточную, очень ловко и даже изощренно построенную, красочно расписанную, и многие готовы считать ее новой утопией. А я — не могу. Ведь утопия это модель пусть невозможного, но желанного будущего. Но как может быть желанным будущим — империя? Всякая империя есть по сути своей подавление, подавление всего: внешнего врага, собственных подданных, новых идей, всего нового вообще. Никакая империя невозможна без бюрократии, и чем мощнее империя, тем толще и непроторней слой бюрократов. А там, где бюрократия, там

конец свободе, свободомыслию, прогрессу вообще. Хольм Ван Зайчик очень ловко обходит все эти острые углы, и у него все сводится к тому, что империей правят умные, интеллигентные и благородные люди, которые низменных желаний не имеют и плохих поступков не совершают...

БВ. Помните, у того же Рыбакова был рассказ «Давние потери» в похожем стиле?

БС. Типичная альтернативная история, рассказывающая, как было бы в нашем государстве, если бы товарищ Сталин был умный и добрый человек, по вечерам гонял чай с Бухариным и одалживал у знакомых сборники Мандельштама... Ордусть в этом смысле — аналог, потому что она так же исторически невозможна, как невозможен умный и благородный Сталин.

БВ. Вы не допускаете, что Сталин мог таким родиться или стать?

БС. В этом случае он не был бы Сталиным. Он бы просто не удержался у власти. Его бы сожрали соратники. Умный и добрый глава империи невозможен в принципе, как невозможен летающий человек. И так же невозможна благородная, честная, терпимая и интеллигентная империя. Она неминуемо погибла бы под ударами жестоких, свирепых и беспощадных окружающих ее государств! Но идея империи, где правят хорошие люди, чрезвычайно занимает Рыбакова. Он ее развивал еще в повести «Гравилет „Цесаревич“», где изображена альтернативная Россия конца двадцатого века, которой правит умный и добрый император, окруженный столь же умными и добрыми князьями и генералами... Недаром вся эта трилогия Рыбакова о стране Ордусть (пока что трилогия, потому что он обещает и продолжение) выпущена под общим слоганом-эпиграфом: то ли «Все люди — хорошие», то ли «Плохих людей нет», не помню точно.

БВ. К вопросу об империи, где правят хорошие люди: не знаю насчет всех, но то, что подавляющее большинство граждан нашей страны уверено, что у них — замечательный президент, есть медицинский факт. Что ни делает — рейтинг растет или, по крайней мере, не падает. Жизнь не улучшается — а рейтингу хоть бы хны. То 70%, то 80%... Чем можно объяснить феномен такой массовой поддержки?

БС. Не ручаюсь, что мое объяснение будет исчерпывающим и тем более верным. Но дать его — могу: в глазах огромного числа людей Путин — последняя надежда.

БВ. На что?

БС. На то, что у нас все наконец «устаканится». Что все проблемы решатся. Что зарплаты будут выдаваться вовремя, и они будут большими. Что пенсии будут не ниже прожиточного минимума. Что воры будут сидеть в тюрьме. Что по улице вечером можно будет пройти, ничего не опасаясь. Что Россия возродится как великая держава. И так далее. Это — последняя надежда миллионов людей, которые сперва изуверились в коммунистах, потом — в демократах, во всех этих Жириновских, в Зюгановых — во всех. Осталась последняя надежда — добрый царь. Добрый, сильный, властный и здравомыслящий. И вся эта надежда сосредоточена в Путине. Тем более что он часто дает «посылки», укрепляющие такую надежду. И пока надежды и добрые ожидания превалируют — рейтинг остается высоким.

БВ. Представляется, что феномен такой массовой поддержки должен опираться на что-то рациональное и осязаемое. Но как ни спросишь у любого из этих 80% сторонников президента — что же он хорошего-то для вас сделал? — никакого вразумительного ответа. Мизерный рост зарплат и пенсий давно съеден инфляцией, пенсия в три раза ниже прожиточного минимума...

БС. Рейтинг Путина держится не на этом. Он молодой, энергичный, скромный, хорошо и доступно говорящий, абсолютно непьющий, ведущий здоровый образ жизни, тихий на вид и одновременно вполне по-начальнически жесткий. Это идеальный образ руководителя, каким представлял его себе нынешний средний человек. Особенно — по контрасту с Борисом Николаевичем, который, безусловно, тоже имел свои достоинства. Настоящий русский царь, как кто-то его назвал. И значительно более характерный, чем Путин, который скорее похож на аккуратного, спокойного, хорошо образованного немца на российском престоле.

БВ. Россией немцы и их потомки и правили почти двести лет...

БС. Причем быстро обретали специфически русские черты — если оставались живы... Так вот, Ельцин, конечно, был типичный царь — но он надоел! Царь должен улучшать жизнь — а он

ее не улучшил. Если бы Борису Николаевичу удалось хоть что-то сделать — миновать дефолт, создать действительно мощное правительство, да хотя бы зарплаты повысить и сделать так, чтобы их платили вовремя, — у него была бы не меньшая народная поддержка, потому что имидж у него был как раз такой, как надо. А он не смог. Вообще ничего не смог сделать и — главное! — никакого порядка не сумел установить. А Путин — такой противоположный ему — смог. Кстати — сотрудник КГБ. А у нас к «органам» всегда относились со смешанным чувством страха и уважения. Да еще и считали, что из всех других-прочих эта организация наименее коррумпирована. «Око государево» — служат самой идее государства, не берут взятку ... Легенда, конечно, миф — но миф устойчивый, культивировавшийся десятилетиями, как и миф об особенных свойствах и качествах военного человека, особенно — генерала. Я всегда говорил, что в нынешней России высший пост может занимать либо бывший партайгеноссе, либо силовик. Так что же удивляться высокому рейтингу Владимира Владимировича? Срывов, провалов и социальных катастроф, слава богу, нет, и на том — большое спасибо. Причем, заметьте, он очень точно лавирует между Сциллой старого и Харибдой нового. Вот принимается старый гимн — удовлетворяются желания большого числа людей, ностальгирующих по старому. А вот устанавливаются дружеские контакты с Западом — удовлетворена другая, меньшая, но тоже значительная и влиятельная социальная группа...

БВ. Означает ли сказанное Вами, что, когда выяснится, что и перечисленные «последние надежды» не сбудутся, — наступит разочарование?

БС. Да, конечно. И тогда останется только один способ удержать рейтинг. Распроститься с народной любовью и сосредоточиться на старой доброй смеси «страх и уважение в одном флаконе». Это — самое опасное. Именно потому я очень боюсь провалов во внешней и особенно во внутренней политике. Если рейтинг начнет катастрофически падать — наступит очень сильный соблазн возместить его потерю страхом. Тогда рейтинг останется высоким, но держаться он будет не на симпатии, а на страхе. Как рейтинг Сталина, когда всенародная любовь росла из всенародного ужаса.

БВ. Летом прошлого года мы с Вами обсуждали ситуацию с НТВ. И тогда Вы говорили: не считаю борьбу с НТВ борьбой со свободой слова, это была борьба с кадрами, а не с идеологией. Цель была не поменять идеологию канала, а убрать конкретных личностей. Кроме того, Вы надеялись, что команде Киселева удастся что-то сделать на ТВ-6. Сегодня уничтожено и ТВ-6 — Вы по-прежнему не считаете это борьбой со свободой слова?

БС. Я и сейчас считаю, что борются с личностями. Мне и тогда было ясно, что пока не добьют олигархов — дело не остановится. Добьют Березовского — и кампания закончится.

БВ. Добивают-то вовсе не Березовского — с ним все в порядке, и я не очень волнуюсь за его будущее. Добивают последний национальный телеканал, где давалась хоть какая-то критическая оценка действий власти. ОРТ и РТР совершенно сервильны, НТВ к ним успешно приближается...

БС. То, что я слышал по ТВ-6 (изображение на этом канале мой телевизор не берет), вовсе не свидетельствовало о какой-то там исключительной оппозиционности. Ничего там не было особенного и ничего чрезмерного. И прикрывают их не потому, что они ведут другую политику и исповедуют другую идеологию. А потому, что там главный человек — Березовский. Я уверен, что именно эта команда получит лицензию на вещание, — но при одном, очень болезненном, условии: никто из «ставленников» Березовского не будет участвовать в работе канала. Например, Евгений Киселев. Это — логика войны в политике. Противник должен быть политически уничтожен.

БВ. Что же, это вполне укладывается в концепцию сохранения любым путем высокого рейтинга президента! Если нет каналов информации, находящихся под контролем «противников», а есть лишь государственные или контролируемые «подданными» — гражданам не будет доступна никакая несанкционированная (сиречь критическая) точка зрения на то, что делает президент и его правительство. Что же тут удивляться сохранению рейтинга?

БС. При советской власти ее не просто хвалили по телевизору — ее восхваляли и воспевали, а рейтинг (который, впрочем, никто не измерял и судить о котором можно было только по анекдотам) был крайне низок! Пик всего этого — 1985 год, когда уже

само начальство поняло, что оно никому не нужно. Восхваление способно некоторое время поддерживать рейтинг, но, как было сказано у нас в «Обитаемом острове», невозможно длительное время говорить по телевизору и радио то, что никак не соответствует действительности. Люди начнут сходить с ума — сравнивая то, что они слышат из «ящика», с тем, что они видят вокруг. Я думаю, такого в нашей стране уже никогда не будет. Мы никогда не станем снова «империей лжи». Не те времена. Это так же неэкономично и даже антиэкономично, как сталинские лагеря, использование рабского труда. Создание «империи лжи» осталось в прошлом.

БВ. А что — в настоящем?

БС. Полуправда. Много разнообразной полуправды, когда допускаются самые разные точки зрения, но им при этом положены некие достаточно широкие и мягкие, но пределы.

БВ. Кто их будет устанавливать?

БС. Кто-кто... Тот, кто их устанавливает обычно. Правящая бюрократия. Например, администрация президента.

БВ. И это состояние Вы называете свободой слова?

БС. Это состояние следовало бы называть реальной свободой слова. Ибо идеальной свободы слова, строго говоря, вообще не существует, как не существует добрых империй. Реальная же возможна только в том случае, когда имеют место разные и, желательно, разнообразные владельцы разных и, соответственно, разнообразных телеканалов. Короче, если не все каналы принадлежат государству.

БВ. Именно этого Кремль и стремится не допустить — последовательно уничтожаются каналы, у которых разные (точнее, негосударственные или нелояльные государству) владельцы.

БС. Уничтожаются два совершенно конкретных владельца. А вот, скажем, канал «Московия», принадлежащий Сергею Пугачеву, никто не уничтожает. Потому что он говорит то, что не раздражает. Хотя Пугачев — супердержавник с уклоном в национализм. Но он, по крайней мере, не выступает против святынь! Не выступает против Главных Лиц... И никоим образом не входит с ними в личный конфликт.

БВ. Вот Вы сами и подтверждаете мою точку зрения: уничтожают тех, кто говорит «не то, что надо». Кто может позволять

себе, как Вы говорите, «покушение на святыни». А остаются только те каналы, которые уже не могут себе этого позволить. Чем, собственно, это отличается от советских времен? Точно так же, как и сегодня, «выпады против власти не прощаются» (Ваше прошлогоднее выражение). И точно так же, как и сегодня, у тех, кто говорил то, «что надо», и тогда была полная свобода слова...

БС. Уничтожаются те, которые позволили считать себя равными власти. Но сказано же им, что власть в этом государстве принадлежит президенту и его администрации, и более никому. Можете говорить все что хотите, — но не претендуйте на власть. И Гусинский, и Березовский вошли в личные неприязненные отношения с президентом и его администрацией. Видимо, где-то кому-то из Кремля было сказано: а пошел ты туда-то и туда-то! Ты мне не начальник — в гробу я тебя видел! На что им было отвечено: не ты меня, а я тебя видел в гробу. И ничего ты не сделаешь такого, что мне неуютно. Это — тоже разновидность борьбы за власть.

БВ. И после всего этого многие считают президента поборником демократии и свободы?

БС. Это очень сложный вопрос. Демократические убеждения вовсе не противостоят борьбе за власть. Или, по-вашему, демократ никогда не борется за власть?

БВ. Конечно, борется. Все дело в методах борьбы. Уничтожение нелояльных СМИ — метод абсолютно недопустимый. Вряд ли это надо доказывать.

БС. За власть приходится бороться всеми методами. Потому что, если ты будешь бороться за власть только некоторыми методами, только «интеллигентными», только в перчатках — тебя уничтожат. Ты не только у власти не удержишься — ты вообще потеряешь все политические позиции. Борьба за власть обладает собственной логикой. И эффективность этой борьбы определяется волей, а не этикой. Другое дело — в борьбе за власть успешно может участвовать только человек, для которого эта власть играет большую роль, чем его представления о собственной порядочности. Иначе он обязательно проиграет. Хотя и сохранит в себе порядочного человека.

БВ. Вы одобряете такие методы? Когда во имя власти допустимо все?

БС. Я вообще не одобряю борьбы за власть. Когда во имя власти убивают — это отвратительно. Когда во имя власти предают — это мерзко. Естественно, я не одобряю этого и одобрить не могу. Но когда во имя власти идут на интриги, на подкуп, на ложь и так далее — я это не то чтобы одобряю или не одобряю, я это понимаю. Я считаю это естественным. Я понимаю, что эта жизнь, жизнь политика, протекает вне рамок обычной этики и по особым, специфическим правилам. Это — как бокс. Нельзя бить ниже пояса, но можно и даже желательно бить по лицу. Вы подумайте только: бить по лицу, в зеркало души, изо всей силы, чтобы сбить с ног, чтобы человек потерял сознание... Вы одобряете это? Вряд ли. Но вы понимаете, что таковы правила игры. А если говорить о борьбе за власть, то в ней разрешено все, практически все. Это может нравиться или не нравиться — но это существующий порядок вещей. Существующий не один век и не одно тысячелетие. И потому, когда я наблюдаю за политической борьбой, я стараюсь подавить в себе естественные человеческие эмоции вроде отвращения или ужаса и давно уж не пытаюсь искать благородство или, наоборот, низость в поступках политиков. При другом подходе ты никогда ничего не поймешь в политике. Если хочешь понять, что происходит, — надо отказаться от этих терминов. Или, если уж хочешь пользоваться этическими категориями, — заранее отказаться от мысли, что ты в этой малоаппетитной каше поступков и заявлений хоть что-нибудь поймешь...

БВ. Несколько лет назад Вы говорили нечто похожее: «Политика не бывает нравственной или безнравственной, политика бывает результативной или безрезультатной. И любая политика строится по принципу „цель оправдывает средства“. Значит ли это, что ЛЮБЫЕ средства хороши для достижения благородной цели? Нет. Политические средства допустимы, если они идут на пользу делу, но не переходят простого и ясного предела: не нарушают прав человека». Но разве уничтожение «неугодных», «покушающихся на святых» (то есть критикующих власть) СМИ не есть нарушение прав человека на достоверную информацию? Или, если говорить иначе, «удар ниже пояса»?

БС. Давайте все-таки признаем очевидное. Свобода слова является абсолютной ценностью для нас с вами, но отнюдь не для

рационально мыслящего политика. Для него она — лишь орудие, средство, «разменная монета» в Большой Игре. Иногда это — полезное орудие (как это было во время борьбы Ельцина за контроль над ситуацией), и тогда ее надлежит защищать и всячески лелеять. Но если, скажем, положение в стране резко ухудшается, стабильность власти оказывается под угрозой — тогда свобода слова может оказаться (не обязательно, но может) серьезной помехой власти имущим, и тогда она будет беспощадно раздавлена или как минимум загнана в определенные рамки. И не надо ссылаться на опыт либеральных стран Запада. Там историческая традиция за десятилетия и века сложилась так, что преследование свободного слова есть дурной тон в политике, зажимая прессу, авторитарный политик всегда больше теряет, чем приобретает, именно этим обстоятельством и объясняется невообразимый с точки зрения россиянина либерализм положения тамошних СМИ. Именно поэтому серьезное наступление на СМИ может позволить себе только тот политик, который решился на установление в стране тоталитарного порядка. Такого политика на Западе представить себе трудно, хотя и возможно. У нас же такой политик до сих пор смотрится (с некоторой точки зрения) даже предпочтительнее.

БВ. Последняя тема, которую хотелось бы затронуть, — «мир после 11 сентября». Сейчас достаточно часто говорят и пишут, что это — отражение конфликта цивилизаций Запада и Востока, столкновение цивилизованного мира с диким средневековьем, гуманистических западных религий — с жестоким исламским фундаментализмом, ни в грош не ставящим человеческие жизни... Ваше мнение?

БС. Очень многое зависит от правильно выбранной терминологии. Когда говорят о «конфликте цивилизаций», мне кажется, что этот термин лучше не использовать вообще, потому что он сам по себе конфликтен. Объявляя происходящее конфликтом цивилизаций, мы ставим крест на возможности мира и согласия. Потому что цивилизации — это объективная реальность, не зависящая от нашего сознания. И если они действительно вошли в конфликт — ничто этого конфликта не остановит, потому что цивилизации никогда не помирятся друг с другом. На мой взгляд, происходящее — попытка средневекового элемента исламской цивилизации (который, надо

признать, оказался достаточно силен) остановить течение истории. Но история сама по себе уже сформулировала, кто прав и кто не прав.

БВ. В какой форме?

БС. В самой простой: всегда прав богатый и сильный и всегда не прав бедный и больной. Так называемая западная цивилизация победила в экономическом, идеологическом да и политическом соревновании со средневековьем. А средневековье не хочет с этим согласиться! То, что мы наблюдаем, — попытка вернуть мир в средневековье, заставить мир жить по законам средневековья, наказать более передовую, более прогрессивную часть мира — силами средневековья, более отсталого и регрессивного. Это не борьба цивилизаций, потому что исламская цивилизация имеет свои положительные качества, свою великую историю и свое великое будущее — которое ничем не хуже, чем будущее западных стран. Это демонстрируют нам богатые исламские страны, которых уже немало. Но тот ядовитый «червяк», который сидит внутри, — червяк задержавшегося средневековья — грозит разрушением и бедой. Так я это представляю, и этот подход дает, мне кажется, некую надежду на мирное решение проблемы. Идейных сторонников прошлого на самом деле сравнительно мало, они сосредоточены в самых бедных, невежественных, отсталых государствах. Они составляют меньшинство даже в исламских странах. Поэтому можно надеяться, что разумное большинство будет на стороне прогресса. И сумеет успокоить, умиротворить меньшинство.

БВ. Существует течение, называемое антиглобализмом, сторонники которого утверждают: если богатые и сильные страны добровольно не поделятся с бедными и слабыми — мир ждут глобальные потрясения...

БС. Если они исходят именно из этого, то это выглядит вполне разумно. Повторяется как бы история с капитализмом. В начале двадцатого века капиталистам стало ясно, что не будет им покоя в стране, где бедные брошены на произвол судьбы. И капитализм (вопреки Марксу) выжил, в частности, и потому, что богатые отказались от абсолютной власти над обществом и стали делиться с бедными.

БВ. А теперь выясняется, что делиться надо не только в пределах какой-либо одной страны, а в пределах всей планеты?

БС. Да. Сильно подозреваю, что именно этим все и закончится.

«ПЕРЕСТРОЙКА БЫЛА ЧУДОМ И ПОДАРКОМ ИСТОРИИ»*

БВ (Борис Вишневский). Борис Натанович, сейчас отмечают 20-летие перестройки. Связывали ли Вы с ней какие-то надежды? Сбылись ли они, и в какой степени?

БС (Борис Стругацкий). Для меня перестройка означала всегда и прежде всего выход из империи лжи в мир свободы. И в той мере, в какой этот выход реализовался, сбылись и мои надежды. Перестройка была чудом и подарком истории, мы ведь обречены были сгнить в болоте застоя, но сделали, все-таки, рывок вперед, по дороге прогресса, и это, на мой взгляд, замечательно!

БВ. Ходили ли Вы сами когда-нибудь на митинги? Если нет, то что должно случиться, чтобы Вы пришли?

БС. В начале перестройки ходил, причем с большим удовольствием. Сейчас — здоровье уже не то, но защищать свободу слова, наверное, выполз бы и сейчас.

БВ. Во время недавних акций протеста, связанных с «законом о монетизации», сложилась невиданная ранее «право-левая» коалиция: вместе действуют коммунисты и «яблочники», «лимоновцы» и социал-демократы, правозащитники из «Мемориала»... Как Вы это расцениваете?

БС. По-моему, ничего такого уж особенного в таких коалициях нет. Идеологические противники политически объединяются при возникновении общей опасности. Если бы в 1932 году Сталин не запретил немецким коммунистам объединиться (перед выборами) с немецкими социал-демократами, фашизм в Германии, может быть, и не прошел бы — по крайней мере тогда, в начале тридцатых. Нынешние попытки «впрячь в одну телегу коня и трепетную

* Беседует Борис Вишневский. Опубликовано в «Новой газете», 24 марта 2005 года.

лань» вполне естественны, но, боюсь, бесперспективны. Никуда эта телега не поедет. Одно вовремя произнесенное слово президента перевесит (в глазах электората) любые, сколь угодно дерзкие и справедливые, призывы объединенной оппозиции.

БВ. Одни говорят, что задача противостояния путинизму важнее, чем разногласия между демократами и коммунистами. Другие считают, что демократы не должны ни при каких обстоятельствах выступать вместе с коммунистами, а, участвуя с ними в общих акциях, они теряют своих избирателей. Ваша точка зрения, как традиционного избирателя демократов: возможен ли тактический союз в такой ситуации? Или каждый должен бороться с режимом в своем идеологическом углу?

БС. Это вопрос политической практики. Не знаю. Откровенно говоря, президент, со всеми его контрдемократическими выпадами, мне, признаюсь, все-таки симпатичнее коммунистов-сталинистов и хулиганов-нацболов. Увидеть всю эту националистическую шоблу у власти (или даже — при власти) — в бреду страшно себе представить. Но я понимаю: политическая практика имеет свои законы. И во имя защиты той же свободы слова и предпринимательства можно идти на самые странные союзы, лишь бы удалось притормозить партию бюрократов, дорвавшуюся до кормила. Боюсь только, что все это — «оппозиция бессильных» и проку от нее будет чуть.

БВ. По всем опросам, число тех, кто готов голосовать за демократов (даже объединившихся) неуклонно сокращается. Мечтать о такой поддержке, какой она была в 1990 году, когда демократы триумфально выиграли выборы, им даже не приходится. Почему, на Ваш взгляд?

БС. Тут много причин, они неоднократно обсуждались и хорошо известны. Прежде всего, конечно, — разочарование в реформах. Неумелый пиар самих демократов. Их разобщенность. А кроме того — менталитет наш, традиционная склонность наша к авторитаризму и к жизни по принципу «барин нас рассудит».

БВ. «Нужны новые лидеры демократического фланга, старые (Явлинский, Немцов, Хакамада и другие) уже надоели, и от них устали», — говорят многие. Нужны ли? И кто мог бы в этом качестве выступить?

БС. Не знаю. Я от старых лидеров отнюдь не устал, они меня вполне устраивают. Но тут ведь дело не в лидерах и не во мне — население устало: устало ждать улучшений, устало надеяться на какой-нибудь решительный просвет впереди. А усталость эта порождает и ожидание Нового Лидера в том числе. Я такового не вижу пока. Я вообще не уверен, что сегодня возможно такое политическое явление — Новый Лидер либерального толка — не демагог, не националист, не державник. «Такие времена».

БВ. Может ли такой лидер возникнуть не из недр номенклатуры, а быть «внесистемным», как в свое время Гавел или Валенса?

БС. Лидером может, на мой взгляд, стать и Каспаров, и Рыжков, и Хакамада — это все известные люди с заслуженной репутацией. Но это — на мой взгляд. Электорат, я подозреваю, думает иначе. И, наверное, принял бы нового, «внесистемного» лидера на ура. Это должен быть человек известный, порядочный, энергичный, готовый принести себя в жертву политике... Я таких не вижу сейчас. Но это не значит, конечно, что таких нет вообще.

БВ. Как демократам работать в ситуации, когда практически нет публичной трибуны, почти нет доступа к эфиру, а бизнес ясно предупредили о репрессиях в отношении тех, кто будет поддерживать оппозицию? Ходить по квартирам и собирать митинги?

БС. А почему бы и нет? Не самый плохой метод политической работы. И не такой уж малоэффективный. Только вот и власть ведь это тоже понимает. Так что за одно это право «ходить по квартирам и собирать митинги» предстоит борьба и нешуточная.

БВ. Есть ли политическое будущее у «Единой России», или от этого проекта Кремль откажется и заменит его на какой-нибудь другой?

БС. А зачем? Пока проект работает неплохо. И всегда есть реальная возможность (если понадобится) отпочковать от ЕР «своих» левых и «своих» правых. Это — вопрос политтехнологии и не более того.

БВ. В эфире госканалов — параллельный мир, где старики во время получают пенсии и лекарства, где есть замечательный президент и умное правительство, поддерживаемые народом, а «против» выступает лишь жалкая кучка маргиналов... В общем, все, как 30–40–50 лет назад, когда очень хотелось жить в той стране,

которую нам показывали по телевизору. Вы до сих пор считаете, что у нас есть свобода слова?

БС. В конце концов, это вопрос терминологический. До тех пор, пока мы с Вами имеем возможность разговаривать так, как разговариваем сейчас и пока существует в стране хоть дюжина изданий, готовых эти разговоры опубликовать, — до тех пор «свобода слова у нас есть». Ибо ситуация эта принципиально отличается от той, что была «30–40–50 лет назад».

«НЕЛЬЗЯ БРОСАТЬ ВЕСЛА» *

*На вопросы «Новой газеты» отвечает Борис Стругацкий
К 80-летию Аркадия Стругацкого*

БВ (Борис Вишневский). «Нас не покидает ощущение, что самая наша лучшая, самая нужная книга еще не написана», — говорили Вы с братом в «Нашей биографии» осенью 1986 года. Удалось ли Вам решить эту задачу? Какую из Ваших книг Вы считаете самой лучшей, а какую — самой нужной (если есть разница)?

БС (Борис Стругацкий). По-моему, самая лучшая и самая нужная книга наша так и осталась ненаписанной. Либо, может быть, мы и написали ее, но сами того не заметили. Авторы, по-моему, не способны разобраться самостоятельно, какая их книга лучше прочих, а какая — нужнее. АБС, например, лучшей своей книгой считали «Улитку», но большинство читателей (по моим наблюдениям) так вовсе не считает. Кто прав — установить невозможно, нет таких критериев, чтобы это установить. Тут даже Время не поможет, хотя обычно и считается, что именно Время расставляет все оценки и определяет окончательно все рейтинги.

БВ. Были ли осенью 1991-го у Вас с братом какие-то замыслы, которые остались нереализованными — и не пытались ли Вы закончить эту работу сами? Если были, то о чем вы хотели написать?

БС. В рабочем дневнике осталось несколько замыслов, но ни один из них не увлекал нас настолько, чтобы тут же сесть и писать. И ни один из них не вдохновляет к работе сейчас меня одного. Это — замыслы другого времени и интересны они были совсем другим людям. Ну какое мне сейчас дело до приключений Максима Каммерера в лесах Островной Империи? Какое мне вообще дело до Островной Империи, когда на моих глазах и вокруг

* Беседует Борис Вишневский. «Новая газета», 1 сентября 2005 года.

меня неудержимо и грозно кристаллизуется и самоконструируется вполне реальная Новая Империя, чтобы начать свою новую жизнь на костях дураков и невежд? Впрочем, когда думаешь о таких предметах, писать не хочется вообще — хочется проснуться.

БВ. Аркадий Натанович успел увидеть август 1991-го и поражение ГКЧП. Как Вы думаете, что бы он сказал сегодня, увидев насаждаемое государственное единомыслие, восхваления президента на всех телеканалах, объявление оппозиции «пятой колонной» и утверждение, что линия фронта проходит через каждый дом?

БС. Думаю, он говорил бы то же, что говорят и пишут все без исключения нынешние либералы. Во всяком случае, ничего другого я представить себе не могу.

БВ. Помните ли Вы, как АН воспринял путч? В каких выражениях он это оценивал, какие строил прогнозы (в дни 19–21 августа), и так далее? Не обсуждали ли Вы с ним тогда, что получилось что-то похожее на «Жида города Питера»?

БС. По-моему, я звонил ему уже числа 28-го — поздравлял с днем рождения. К этому моменту все уже было кончено, и обсуждать было особенно нечего. Да и чувствовал себя АН уже совсем плохо.

БВ. Можете ли Вы представить себе 80-летнего Аркадия Натановича? Чем бы он занимался? Тихо сидел с внуками (и правнуками, если есть)? Продолжал бы писать вместе с Вами? Занялся бы общественной деятельностью? Кстати, не предлагали ли ему в 1989–1990 годах (как многим «властителям дум») заняться политикой и баллотироваться в депутаты?

БС. Вряд ли бы он занялся общественной деятельностью. Особенно — в семьдесят-то лет. Писал бы, наверное, помаленьку романы. Разражался бы время от времени статьёй в манере «Не могу молчать». Ругал бы предательское здоровье. Не знаю. Я плохо представляю его себе восьмидесятилетним. Что касается политики, то по-моему, «политические предложения» ему делались, но вот какие? Не помню ничего. Все-таки больше 15 лет прошло, а предложениям этим мы серьезного значения никогда не придавали.

БВ. Как вы думаете, что бы он сказал сегодня, увидев насаждаемое государственное единомыслие, восхваления президента

на всех телеканалах, объявление оппозиции «пятой колонной» и утверждение, что линия фронта проходит через каждый дом?

БС. Думаю, он говорил бы то же, что говорят и пишут все без исключения нынешние либералы. Во всяком случае, ничего другого я представить себе не могу.

БВ. Всем известно, что Вы вместе писали. Но ведь вы, кажется, еще и вместе переводили? Что именно? И зачем? Потому, что не было другого способа заработка — или потому, что это было просто интересно?

БС. Вместе мы перевели то ли два, то ли три романа. Андрию Нортон, помнится, Холла Клемента. Еще что-то, кажется. Делалось это, конечно, главным образом, ради денег. Никакого творческого удовлетворения эта работа не приносила — во всяком случае, мне. Да и для АН это был, скорее, способ заработать. Я имею в виду, разумеется, переводы с английского. К японским своим переводам он относился очень серьезно.

БВ. Вершиной своих переводческих достижений АН считал «Сказание о Есицунэ». Мечтал ли он перевести что-нибудь еще из японской прозы?

БС. Наверняка. К стыду своему признаюсь, я совсем почти не интересовался этими его японскими делами и замыслами. Прежде всего потому, что никак не мог приучить себя к «японщине». Я, собственно, любил и признавал тогда только Акутагаву и Абэ Кобэ — самых «неяпонских японцев» того времени. Все прочее оставляло меня совершенно равнодушным.

БВ. В «желтой» прессе время от времени встречаются намеки: мол, Аркадий Стругацкий во время войны «служил в войсках НКВД», а то и утверждения что вы с братом, мол, «воспевали спецслужбы»... Что Вы об этом думаете? Кстати, каким было ваше с Аркадием Натановичем отношение к КГБ — и какое сегодня у Вас отношение к ФСБ и все растущему «поголовью» чекистов во власти?

БС. И АН, и я относились к «органам», как и все советские люди, — то есть, с неприязненно-опасливым уважением. Ни в каком НКВД АН, конечно, никогда не служил. Легенда эта возникла из того обстоятельства, видимо, что в 1946 году, его, курсанта Военного института иностранных языков, в те годы ВИЯКа

[Военного института японского языка], откомандировали в распоряжение НКВД Татарии, в Казань, в качестве переводчика на готовящемся там будущем Токийском процессе над японскими военными преступниками. В Казани тогда он провел несколько месяцев, переводил на допросах, посмотрелся всякого, сохранил об этих временах самые неприятные воспоминания, но рассказывал обо всем этом мало и крайне неохотно. Что же касается ФСБ... Я не разделяю весьма распространенного убеждения, что сама принадлежность к спецслужбам делает из человека изверга и жандарма. И уж во всяком случае я не считаю, что «чекист у власти» так уж обязательно хуже, чем «румяный комсомольский вождь у власти». Тут уж — как получится. Профессия, конечно, как правило, накладывает на человека определенный отпечаток, но — не клеймо же. В конце концов, знаем же мы высокопоставленных в прошлом партийцев, оказавшихся на поверку вполне порядочными и вполне достойными людьми.

БВ. Как АН после минометного училища оказался в Военном институте иностранных языков? По каким критериям его туда выбрали? Там ведь готовили военных разведчиков? Или нет?

БС. Готовили там, как я понимаю, военных переводчиков, а никак не разведчиков. Во всяком случае, служил АН на Камчатке именно дивизионным переводчиком, хотя приходилось заниматься ему и радиоперехватом, и (совместно с погранцами) ловлей браконьеров. Отобрали же его из состава минометного училища (в 1943 году) просто по признаку грамотности: засадили все училище писать то ли сочинение, то ли диктант и выбрали двоих самых грамотных.

БВ. Когда-то Вы рассказывали мне, что Аркадий Натанович был в свое время исключен из комсомола. За что, если не секрет?

БС. Это любопытная и даже романтическая история в стиле купринского «Поединка», но я не уверен, что АН был бы доволен, если бы я стал ее сейчас рассказывать. Это никакая не семейная тайна, конечно, но говорили о ней у нас редко и неохотно.

БВ. Дочь АН — жена Егора Гайдара. Вы не знаете, где и как они познакомились? Чем занимаются сейчас дети и внуки Аркадия Натановича?

БС. Знаю, что они — Машка и Егор — были друзьями с детства, потом судьба развела их надолго, потом снова свела. О внуках я мало что знаю. Любимый внук Ванечка работает сейчас в какой-то корпорации в Москве, занимается экономикой на уровне, который мне совершенно недоступен.

БВ. Как Вы придумывали имена для своих героев (если действие происходило не на Земле)? И кто придумывал: АН или БН?

БС. Ничего такого уж интересного в процессе придумывания имен нет. Тут главное — сохранить единую стилистику, «акцент», не допускать внутренних противоречий. Например, в «Обитаемом острове» у нас имена аборигенов, всех почти, несут в себе румынско-венгерский акцент (из-за чего этот роман долгое время не желали переводить в социалистической Венгрии). Во «Втором нашествии» имена взяты из греческой мифологии. А в «Волнах» большинство имен вообще придумывала для нас специальная программка, которую я составил на калькуляторе «хьюлетт-паккард». Самый же обычный источник наших имен это вчерашняя газета или какая-нибудь, случайно попавшаяся под руку книжка, — так появились на свет, насколько я помню, Вечеровский и Каммерер.

БВ. БН писал стихи. А АН?

БС. Тоже писал! И неоднократно. Например, «Марш Боевой гвардии» из «Обитаемого острова» писал, помнится, БН, а когда цензура заставила нас заменить Боевую Гвардию на Боевой же Легион, то «Марш Боевого Легиона» писал уже, главным образом, АН.

БВ. Многие нынешние фантасты, прошедшие Ваш семинар, считают себя учениками и последователями БС. Были ли те, кто считал себя учеником АН? Кто, на Ваш взгляд, из сегодняшних фантастов, ближе всего по стилю и мыслям к братьям Стругацким?

БС. Никогда не встречал молодых писателей, которые «считают себя учениками и последователями БН» — только АБС, как единого автора! Выделять же кого-нибудь персонально из наших учеников я бы не хотел. Да и зачем?

БВ. Братья Стругацкие были убежденными демократами. Сейчас целый ряд российских фантастов начал воспевать и пропагандировать монархию. Почему? И как Вы относитесь к монархии?

БС. Эта, вдруг возникшая, любовь к империям и монархиям, и для меня — полнейшая загадка. Видимо, — реакция на издержки перестройки плюс ностальгия по «великому и могучему СССР», когда колбаса стоила два-двадцать, а над всем миром грозно нависали советские ракеты. Сам я к монархии отношусь сдержанно и готов признать, что в некоем варианте этот строй может выглядеть вполне приемлемо (Великобритания, например). Вообще же Аристотель идеальным общественным строем полагал аристократию. Но как можно построить аристократию, обеспечивающую регулярную и естественную смену элит? Без какой смены любая сколь угодно благородная аристократия через пару поколений неизбежно вырождается в самую гнилую автократию? Не знаю. И никто, по-моему, не знает. Вот и остается знаменитая Черчиллевская формула: «Демократия — безобразная форма правления, но ничего лучшего человечество пока не придумало»...

ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ «КОНЕЦ ОТТЕПЕЛИ»*

БВ (Борис Вишневский). Борис Натанович, буквально за год страна неузнаваемо изменилась: налицо то, что еще недавно трудно было себе представить. Массовое лизоблюдство в адрес президента, приравнивание оппозиции к врагам России, жестокие разгоны акций протеста, «запутинцы», «мишки», верноподданные ткачихи и холуйствующие академики... Что происходит?

БС (Борис Стругацкий). Это называется «реставрация». Конец очередной оттепели. А практически — возврат к наиболее естественному состоянию. Мы — страна задержавшегося феодализма. И никуда от этого не денешься еще несколько поколений. Мы терпеть не можем начальства, но без начальства не умеем и не хотим. Поэтому сбросив с шеи это самое начальство, мы очень скоро обнаруживаем, что без него нам сделалось еще хуже, и все начинается сначала.

БВ. Заклинания о «встающей с колен России», о том, что мы «возвращаем себе влияние», что «с Россией стали считаться» — любимый аргумент путинских пропагандистов. С нами действительно стали считаться? Или нас стали опасаться, как когда-то — Советского Союза, «Верхней Вольты с ракетами»?

БС. Это все, конечно, чистой воды пропаганда. Но это пропаганда, которая нравится многим и многим. Нам хочется быть грозными, опасными, могучими, первыми. И если не быть, то хотя бы казаться. Пока мы еще не вернулись к положению в мире, которое занимал СССР, но мы безусловно будем упорно к этому положению стремиться. Это нравится электорату, это нравится возрождающемуся военно-промышленному комплексу, а главное, это проще всего, — намного проще, чем реализация пресловутого Общества Потребления, которое нам обещали,

* «Новая газета». 14 января 2008 года.

обещают и будут обещать еще много-много лет под разными названиями.

БВ. Откуда в Путине такая ненависть к эпохе 90-х годов, которая сейчас тщательно культивируется в стране? Он сам — выходец из этих же лет, его сделал своим наследником Борис Ельцин, вокруг него масса людей, которые в 90-е годы занимали статусные должности, или именно тогда получили свое состояние... Как объяснить злобную риторику в отношении этих лет?

БС. По-моему, это всего лишь «проба пера». Этаким пробный идеологический шар. Еще один вариант поиска врагов. Как отреагирует общество? Как отреагирует Запад? Стоит ли вообще отыгрывать эту карту? Может ли этот пропагандистский прием стать модным сегодня? А завтра? Ведь нас ожидает дальнейший рост инфляции и — рано или поздно — энергетический кризис (в той или иной форме). Враг-виновник обязательно понадобится, и желательно, чтобы он был из самого близкого прошлого и находился под рукой. Может ли реально сработать такой прием? Не знаю. Все будет зависеть от глубины кризиса и от профессионального мастерства государственных СМИ.

БВ. Заслугой Путина считается то, что он «остановил распад страны», «победил олигархов», «навел порядок» и «сделал Россию сильной». Вы с этим согласны?

БС. Нет. «Распад страны» (в который я никогда, впрочем, не верил) остановлен был еще во времена Ельцина. Пресловутый «порядок» свелся к созданию огромной бюрократической машины, которая формально полностью управляема сверху, а фактически живет своей жизнью и по своим внутренним законам. «Победа над олигархами» — это лишь элемент гигантского проекта решительного и беспощадного огосударствления всего и вся, начиная с контроля над СМИ и кончая откровенной реприватизацией. Я вовсе не уверен, что все это сделало Россию сильнее. Наоборот. Кристаллизация общества, потеря внутренней свободы развития, ликвидация системы «сдержек-противовесов», замена конкуренции идей и проектов авторитарной вертикалью власти — все это ведет страну в тупик, в очередной застой, к неизбежному отставанию от стран, более мобильных и гибко организованных. Еще несколько шагов в этом направлении, и мы вернемся в полностью

авторитарное государство, совершенно не способное ни к чему, кроме реализации разнообразных «сверхпроектов», вроде всеобщей милитаризации экономики или грандиозных поворотов рек. Все это мы уже проходили и хорошо знаем, чем это кончается.

БВ. Вы ждали таких результатов думских выборов? Как можно их объяснить — массовыми фальсификациями, или чем-то иным?

БС. На мой взгляд ничего неожиданного не произошло. Фальсификации, наверное, были, но вряд ли они сыграли сколько-нибудь существенную роль. Сорок-пятьдесят процентов «Единая Россия» с Путиным набрали безусловно. Скорее, даже больше. И я совершенно не вижу причин, по которым результаты могли бы быть иными. Власть стоит прочно, оппозиция практически отсутствует, перемены не в чести, да и не ждет их никто по сути дела, даже протестные настроения сегодня, скорее, редкость, некая социальная экзотика — и в столицах, и на периферии. Чего же другого могли мы ждать от этих выборов?

БВ. Вы верите, что Путин будет работать простым премьером у Медведева? Или будут перераспределять полномочия?

БС. Он не будет «простым премьером». Он будет премьером-соратником. При удовлетворительном развитии событий этого будет вполне достаточно. В противном случае — «возможны варианты». Впрочем, если, не дай бог, разразится кризис, нам станет так плохо, что мы с радостью согласимся на любой вариант.

БВ. Почему люди так легко готовы возвращаться «назад, в СССР»? Голосуют по команде за «Единую Россию» и мифический «план Путина», боятся называть свои имена, рассказывая о давлении на них перед выборами, славят президента за 300-рублевые добавки к пенсии. Куда исчезла потребность в свободе, самоуважение, независимость?

БС. Слушайте, эта потребность всегда была достоянием подавляющего (подавляемого?) меньшинства. Это меньшинство никуда не делось, оно и сейчас ворчит, всем недовольно и раздражается. Меньшинство этого меньшинства даже позволяет себе протестовать — шумно и открыто. У Его же Величества Большинства названных потребностей нет и никогда не было. Была и есть потребность в стабильности (понимаемой как неухудшение

своего социального положения со временем), потребность в справедливости (чтобы жить не хуже других, — не обязательно так уж хорошо, но обязательно, чтобы не хуже), потребность в «порядке» (когда правила жизни устанавливает только начальство и никто кроме). Эти потребности неважно удовлетворялись в начале 90-х, «в эпоху перемен», а сейчас все помаленьку становится на свои места и скоро вообще будет как «в раннее время». Это и есть «демократия по-российски» — не от выборов до выборов, а от кризиса до кризиса. Под неувядающим лозунгом г-на Черномырдина «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

БВ. Удивляет молодежь: когда видишь «Наших» или «Молодую гвардию» — полное ощущение, что это не люди, а андроиды...

БС. Я ничего о них не знаю. Говорят, их попросту оплачивает власть. Может быть. Но ведь кроме того, — скучно. Скучно, господа! В бизнес идти — не получается да не всякому дано. Учиться — трудно, нудно и долго. Вот тусоваться — да, это клево, это то, что надо. И они тусуются таким вот своеобразным способом. А кое-кто из них, самые смекалистые и беспринципные, чувствуют здесь (и реализуют) некую карьерную перспективу.

БВ. Убийства Анны Политковской и Александра Литвиненко — дело рук тех, кто хочет этим нанести ущерб репутации России и лично Путина, как убеждает Кремль? Или дело рук наших спецслужб?

БС. Ниоткуда не следует, что два эти убийства связаны между собой. И ниоткуда не следует, что убийства эти преследовали какие-то серьезные политические цели. Без спецслужб, конечно, не обошлось (куда же без них?), но цели, я думаю, были вполне частные, может быть, даже личные: начальственная месть, наказание за «плохое поведение»...

БВ. Сколько лет может продолжаться новый застой? И что может привести к новой «оттепели»? Раскол элит? Падение цен на нефть? Давление Запада? Появление нового Горбачева?

БС. Раскол элит приведет скорее к новому закручиванию гаек, чем к новой оттепели. Давление Запада — фактор второстепенный (при прочих равных условиях). Появление нового Горбачева — следствие, а не причина. А вот падение цен на нефть — это серьезно. Мировой финансовый кризис (и реакция на него нашей

экономики) — тоже. Но в любом случае понадобится добрый десяток лет роста инфляции и безработицы, беспорядочных попыток авторитарного режима выправить ситуацию привычными административно-командными методами (денежная реформа, закрытие-открытие границ, удушение остатков независимых СМИ и Интернета, судорожное разграбление остатков крупного бизнеса) — добрый, повторяю, десяток лет понадобится, прежде чем Его Величество Большинство в очередной раз осознает, что его дурят, и снова делается склонно к очередной смене правящей элиты. И дай нам всем Бог тогда обойтись без большой крови...

«СТРУГАЦКИЕ НИКОГДА НЕ ПЫТАЛИСЬ ПРЕДСКАЗЫВАТЬ»*

БВ (Борис Вишневский). Борис Натанович, реальное начало XXI века сильно отличается от того, что предсказывали братья Стругацкие. Почему не сбылись прогнозы?

БС (Борис Стругацкий). Братья Стругацкие никогда ничего не «предсказывали». Даже не пытались. Просто рисовали картинки, которые казались им одновременно и любопытными, и правдоподобными. Естественно, почти все они на деле оказались «фантастикой». Конкретности непредсказуемы. Можно угадать банальности вроде послевоенной инфляции или попасть в точку чисто случайно, как мы угадали с нашей Урановой Голкондой и «предсказали» существование естественного уранового котла на Земле (где-то в Африке, не помню, как называется это место). Из того, что действительно удалось предугадать (но не предсказать!), — «сытые бунты» 68-го года, о которых мы написали в «Хищных вещах века» в 65-м. И вообще с этим романом мы опять же «попали в точку»: описанный там Мир Потребления очень похож на нынешний. Да и на завтрашний тоже сильно смахивает.

БВ. Если бы братья Стругацкие писали сегодня, как бы выглядел XXII век, Мир Полудня? Чем он отличался бы от описанного в вашем цикле?

БС. Ничем бы не отличался. Мир Полудня — это мир-в-котором-нам-хотелось-бы-жить. Мы очень ясно представили его себе 45 лет назад, и с тех пор ничего в наших представлениях не переменялось. Да и не могло перемениться. Ничего более славного и комфортного для обитания представить мы себе не могли. Да и никто не смог, по-моему.

* «Новая газета». 14 апреля 2008 года.

БВ. Алексей Герман закончил снимать фильм по «Трудно быть богом», а Федор Бондарчук всю снимает «Обитаемый остров». Вам ничего не показывали? Чего вы ждете от этих экранизаций?

БС. Ничего не видел, ничего не знаю, ничего не жду — боюсь. Впрочем, Герман плохого фильма снять не сумеет, даже если захочет. А он не захочет. Я уже много раз говорил и повторю снова: если в мире и существует режиссер, способный снять «адекватный» фильм по «Трудно быть богом», то это — Алексей Герман. И ждать следует не «точного воспроизведения», разумеется, а специфического перевода литературного текста на язык кино. Это тончайшая работа, доступная только подлинным мастерам. Герман — мастер.

БВ. Почему так возросло число «статусных» деятелей культуры, храбро поддерживающих власть? Даже в 80-е их было куда меньше...

БС. А почему — нет? «Легко и радостно говорить правду в лицо своему королю, как славно дышится в освобожденном Арканаре». Совершенно не вижу, почему бы благородному дону не поддерживать теперь власть самым храбрым образом. Ведь вдобавок ко всему прочему ты еще оказываешься вместе с подавляющим большинством, то есть с народом. Чего, кстати, в 80-е годы отнюдь не было.

БВ. «Точка раздора» демократической оппозиции: вести диалог с властью, пытаясь заставить ее либерализоваться, или «никаких компромиссов». Ваше мнение?

БС. Реальная политика — это всегда умелое сочетание жесткости и компромисса. А «никаких компромиссов», по-моему, — типично демагогический лозунг. И бесперспективный к тому же. Периферия политики. Стоит ли самим себя загонять на периферию?

БВ. Почему так жестоко и с таким непропорциональным применением силы подавляются многие акции протеста? Неужели власть так боится нескольких сотен или даже тысяч митингующих — при ее-то рейтингах?

БС. Это привычки старых добрых советских времен. «Всякую оппозицию надлежит душить в зародыше, причем самым беспощадным образом». Пламя, знаете ли, возгорается из искры. Им палец только дай — они и руку откусят. Лучше пере-, чем недо-

БВ. Что заставило бы и Вас выйти на площадь? Какая ситуация?

БС. Сейчас — не знаю. Я сейчас на улицу вообще не выхожу. Разве что — в больницу. Какие уж тут площади... Моя «площадь» — клавиатура ноутбука.

БВ. Вы боитесь НАТО и вступления в него Украины и Грузии? Угрозы Путина признать в этом случае Южную Осетию и Абхазию, и расколоть Украину — блеф, или реальная угроза?

БС. Я не боюсь НАТО, меня ничуть не пугает вступление туда Украины и Грузии, — я все силюсь, но никак не могу понять, в чем здесь таятся угрозы и опасности для меня, для моих близких и для моей страны. И никто мне этого не объясняет, даже и не пытается, — только хрипло каркают на всю Россию: «Полундра! НАТО у границ! Не позволим!..» У меня такое впечатление, что сути этой опасности не понимает вообще никто. Просто застряло в наших головах еще со времен Великого Противостояния, что НАТО — враг, и теперь умные дяди заботливо лелеют и окучивают этот идеологический кактус, имея в виду свои цели, которые никакого отношения не имеют ни к НАТО, ни к внешней политике вообще.

БВ. Две «оттепели» вы уже застали — после 1956-го и после 1985-го. Надеетесь ли вы на третью, о которой сейчас много говорят? Или правление Медведева не будет ничем отличаться от правления Путина?

БС. Если политика огосударствления всего и вся, запущенная в последние годы, будет продолжаться, мы неизбежно упрямся в экономический тупик, в очередной застой, из которого выбрать можно будет только одним, уже испытанным (и не раз!) путем: перестройка, либерализация, возвращение к демократии (не к «национальной», не к «суверенной», а к самой обыкновенной). Подозреваю, что Медведев понимает все это прекрасно, но сумеет ли он затормозить огосударствление, позволит ли это ему сделать всеильная госпожа Бюрократия — не знаю. И к сожалению, никак не рискую вслед за поэтом повторить: «В надежде славы и добра гляжу вперед я без боязни».

«ВПЕРЕДИ – БОЛЬШОЕ ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕ И РЕШИТЕЛЬНАЯ МИЛИТАРИЗАЦИЯ»*

БВ (Борис Вишневский). Уважаемый Борис Натанович, предполагали ли Вы, что на Кавказе вспыхнет новая война? Кто виноват в происшедшем – и в какой степени?

БС (Борис Стругацкий). Кавказ балансирует на грани мира и войны с момента распада СССР. Хронический геополитический фурункулез. Время от времени очередной гнойник лопается, и тогда прорывается гной, копившийся десятилетиями, и брызжет кровь ни в чем не повинных. Идет расплата за грехи отцов. Кто виноват? Большевики, поделившие Осетию пополам? Политики, сделавшие равнозначными два противоречащих друг другу принципа: право наций на самоопределение и право государства на территориальную целостность? Саакашвили, дерзко нарушивший «худой мир» в регионе? Россия, за столько лет так и не сумевшая разрешить вызревающий конфликт и даже, по-моему, не пытавшаяся это сделать (из каких-то высших, недоступных мне, геополитических соображений)?... Все виноваты. Не могу придумать ни одного политика, ни одной политической силы, задействованной в регионе, кто не был бы виноват, – если не действиями своими, так значит, своим бездействием.

БВ. Должна ли была Россия начинать военную операцию в Южной Осетии, или существовал другой выход?

БС. Не могу представить себе государства, которое в создавшейся ситуации поступило бы иначе. Разве что «где-нибудь не в этой жизни». Другое дело – последствия. Авторитарному государству вредны «маленькие победоносные войны». Они дают ему право одерживать сколь-угодно крутые победы над собственной экономикой и вообще над собственным народом. Боюсь, все наши надежды на либерализацию теперь окончательно развеялись в прах.

* «Новая газета в Санкт-Петербурге», 25–27 августа 2008 года.

БВ. Существует ли универсальный ответ на вопрос — что важнее: право на самоопределение или право на территориальную целостность?

БС. Важнее всего — Сила. Именно она расставляет приоритеты и решает (в каждом конкретном случае), кто именно — здесь и сегодня — прав. Юридические дискуссии возможны только в тех геополитических ситуациях, к которым Центры Силы почему-либо равнодушны. Тут даже от ООН может быть некоторая польза.

БВ. Имеют ли те, кто «восстанавливал конституционный порядок» в Чечне, моральное право обвинять других в «военных преступлениях» в Южной Осетии? А те, кто осуждал НАТО за «принуждение к миру» Милошевича — бомбить Тбилиси, Гори и Сенаки?

БС. О каких «моральных правах» может идти речь, если помнить, что Саакашвили не совершил в Южной Осетии ничего такого, чего не совершили мы 15 лет назад в Чечне? И там, и там — сплошное «восстановление конституционного порядка и непримиримая борьба с сепаратизмом». Тут уж одно из двух: или мы правильно (законно, легально, высоконравственно) разобрались с Чечней, — но тогда в чем мы можем винить Саакашвили? Либо Саакашвили — негодяй, авантюрист, военный преступник, — но тогда какими глазами должны мы смотреть на разрушенный Грозный? Два противоречащих друг другу международных принципа столкнулись, — а значит, все решает сила, и давайте не отвлекаться на мораль. Гораздо полезнее было бы способствовать организации плотного и непрерывного потока информации о происходящем; чтобы не дать народу захлебнуться во вранье; чтобы Сила, и без того почти неодолимая, не сумела бы вдобавок превратить себя еще и в Правду.

БВ. Большинство граждан, рассуждая о российско-грузинской войне, сегодня ведет себя, как при запуске на полную мощность излучения башен в «Обитаемом острове», и только кучка «выродков» отчаянно пытается сопротивляться официальной лжи... Казалось бы, российская власть приучила общество к тому, что лжет во все критические моменты. Так почему сегодня срывается пропаганда — неужели после Чечни, Беслана, «Курска», «Норд-Оста» не выработался иммунитет?

БС. Человек так устроен, что в первую очередь слышит именно и только то, что ему хочется слышать. Это касается и слушателя

«Эхо Москвы», и постоянного зрителя Первого канала. СМИ не создают мировоззрения, СМИ — поддерживают мировоззрение, уже сложившееся. А мировоззрение наше (массовое мировоззрение, я имею в виду) остается тоталитарным. «Нас должны бояться». «Мы самые лучшие». «Хозяин всегда прав, он — орел». «Мы их вздуем на раз» «А чего они!?» На этот нехитрый набор представлений официальная пропаганда ложится как масло на блин — «легко и нежно», — и вот уже готов семидесятипроцентный «одобрямс». А чтобы отсеять ложь, чтобы разобраться в происходящем, надо иметь совсем другой менталитет, надо уметь искать, находить и анализировать информацию, надо быть «выродком».

БВ. Ваше ощущение: все закончилось — или все только начинается, и последуют новые попытки избавиться от ненавистного Кремлю грузинского президента?

БС. Наша политическая элита никогда не согласится выпустить Грузию из сферы своего влияния. Так что все это — на годы и годы. И надежда только на то, что «все проходит».

БВ. «Десятиминутки ненависти» к Грузии и грузинам захлестывают эфир и печатные площади, причем — совершенно безнаказанно. Шовинизм стал государственной политикой?

БС. Иначе и быть не может. Мы ведь уже вернулись в начало 80-х. Дай бог только, чтобы не занесло нас в конец 30-х.

БВ. Вы верили, что Михаила Ходорковского освободят? Если нет, то почему?

БС. У меня, как и у многих, теплились надежды, связанные со сменой руководства. Очень слабые надежды, и не более того. Теперь надежд не осталось совсем. Разве что режиму понадобится улучшить свой имидж, решительно пострадавший из-за войны. Да только захотят ли они «бисер метать»? Так ли уж он нужен им, этот имидж? В конце концов — зачем? У России ведь, как известно, только два союзника: наша верная бюрократия и наши доблестные органы.

БВ. То есть, на «медведевскую оттепель» Вы больше не надеетесь?

БС. Нет. Никаких иллюзий. Впереди Большое Огосударствление и Решительная Милитаризация со всеми вытекающими отсюда последствиями касательно прав и свобод. Оттепель закончилась, не начавшись. Все.

БОРИС СТРУГАЦКИЙ: «НЕЛЬЗЯ БЕСКОНЕЧНО ДОЛГО ВРАТЬ ЦЕЛОМУ НАРОДУ»*

БВ (Борис Вишневский). Уважаемый Борис Натанович, помните ли Вы выборы 1989 года, двадцатилетия которых (а сейчас — двадцатилетия первого съезда) власть постаралась не заметить? Чем они стали в Вашей жизни?

БС (Борис Стругацкий). Помню довольно смутно. Помню ощущение надвигающихся перемен. Помню страх, что все вернут назад. Помню неверие в происходящее, помню радость, когда так много «партайгенацвале» народ провалил... Хорошее было время, одним словом.

БВ. Прошло двадцать лет — многое вернулось: выборы без выбора, руководящая партия, государственная идеология, радость, когда проваливают начальство... Насколько далеко можно вернуть историю страны назад? И что вернуть уже не удастся?

БС. Вернуть можно все, — как в виде фарса, так и в виде трагедии. Вот и сейчас все, вроде бы, вернулось, но все какое-то б/у, словно молью траченное. «Выборы без выбора» — да, но ведь половина электората на них вообще не ходит. «Руководящая партия» — да, но какая-то неубедительная: занимается своими тихими делишками и в авторитете только у чиновников. «Государственная идеология» — господи, да какая нынче государственная идеология? Замшелый антиатлантизм, — годится обывателя уговорить, а более ни для чего... Террор — не террор, застой — не застой. Вернулись на злачные поля, а там — глиняная пустыня, и вся заросла чертополохами нового поколения, которое хочет только, чтобы было весело и ни о чем не надо было думать. Будущее — как в тумане, и как бы ни старались его сформировать более-менее образцово-показательно, все время получается неопределенность

* «Новая газета в Санкт-Петербурге», 8–10 июня 2009 года.

с двадцатью неизвестными, и остается только генералиссимуса перефразировать: «Нэ так всо это будэт, савсэм нэ так».

БВ. Что это было, тогда, двадцать лет назад — «революция сверху», всплеск пассионарности, пробуждение народа, желавшего демократии и свободы?

БС. Можно безнаказанно и сколь угодно долго врать одному человеку. Можно не слишком долго и не слишком бесстыдно врать многим людям сразу. Но нельзя бесконечно долго и абсолютно бесстыдно врать целому народу. Вранье обрыднет, и лопнет терпение. Вот что с нами тогда произошло. Всеобщая тошнيلовка. Как у Михаила Евграфовича в «Современной идиллии»: «Воняет! Шабаш!» «Тоска проснувшегося Стида» — вот что это, наверно, было.

БВ. Может ли подобное повториться еще раз? При каких условиях?

БС. Нужно новое поколение, выращенное в атмосфере беспросветного вранья. У нас это вряд ли состоится. В КНДР — может быть.

БВ. Разве сегодня власть не врет народу так же тотально и бесстыдно, как двадцать лет назад? Почему же терпение не лопаается и стыд не просыпается? Слишком мало лет прошло? Или врут не тотально?

БС. Врут, во-первых, не так тотально и не так бесстыдно — с оглядкой: Интернет, все-таки, чужое радио, какая-никакая, но оппозиционная пресса... Лет прошло, разумеется, мало; повое поколение еле-еле успело прорасти и ничего еще не способно решать. И страх свободы по-прежнему сильнее стыда, и по-прежнему неодолима жажда стабильности (то есть, готовность во всем подчиняться начальству в обмен на надежду покровительства).

БВ. Предлагали ли Вам участвовать в выборах 1989-го? Шансы у Вас были бы почти абсолютные...

БС. Предлагали. В Ленинграде и, почему-то, в Мурманске. Я подумал и отказался. Я не публичный человек. И я не люблю врать, — политик из меня никакой.

БВ. Разве политик обязательно должен врать? А как же Андрей Сахаров, Сергей Ковалев, Галина Старовойтова, Михаил Молоствов, Юрий Афанасьев и другие — или они не были политиками?

БС. Все они — политики посредственные и даже, пожалуй, никакие. Власти в руках у них никогда не было. И не будет никогда. Моральные авторитеты — да. «Крикуны и печальники», да, безусловно. «Отягощенные нравственностью» — без всякого сомнения, но не ТОЙ. Власть ведь тоже может быть нравственна, но это совсем другая нравственность, — толкуемая «расширительно и прагматически».

БВ. Нынешние выборы, как представляется, куда менее свободные, чем выборы 1989-го, да и интерес народа к ним несравнимо меньше. Почему так случилось?

БС. Это называется реставрация. «Все возвращается на круги своя». Равнодействующая миллионов волей. Миллионам стало холодно и неуютно на сквозняках свободы. Стабильность оказалась привлекательнее. Да и привычнее тоже. Семьдесят лет задержавшегося феодализма даром не прошли. Теперь нужно новое поколение, — и, наверное, не одно.

БВ. В декабре Вы говорили, что в этом году ждете неизбежного «закручивания гаек», и опасаетесь погружения в «совок» и возвращения России в состояние страны-изгоя. Прогноз оправдался?

БС. В какой-то степени. Но все еще впереди. Этот прогноз себя еще не исчерпал.

БВ. В какой степени оправдался? Что Вам представляется наиболее опасным из того, что уже было в этом году?

БС. Последняя новелла о комиссии по фальсификации истории. Даже зябко стало на душе: это ведь, по сути, проект создания нового «Краткого курса».

БВ. А зачем, на Ваш взгляд, Кремль затеял всю эту «борьбу с фальсификациями истории»?

БС. Бороться будут не с таинственными фальсификаторами. Бороться будут с вольнодумцами и вольнодумством. Борьба за единообразие, — вот что нам предстоит. Да уже и происходит реально.

БВ. Где Вы видите «историческое вольнодумство»? Скорее, наоборот: одна за другой выходят книги и статьи с прославлением Сталина, восхвалением Берии, рассказами о том, как хорош был великий и могучий Советский Союз...

БС. Я не об «историческом вольнодумстве» говорю. Я говорю о вольнодумстве в самом широком смысле слова: открытое выражение неудовольствия решениями начальства. Любими решениями и любого начальства. История — это частность. Не фальсификация прошлого их беспокоит, а фальсификация настоящего, — когда «всякие отдельные» позволяют себе называть черное черным, а подлое — подлым. И был ли Сталин великим менеджером, а Берия — реформатором с трагической судьбой, — это все проблемы вовсе не пошлого. Это проблемы настоящего, и подлежат административному анализу и надлежащему контролю.

БВ. Независимо от отношения к кремлевской политике и ее целям, прославление бывших нацистов в Прибалтике и на Украине налицо. Почему это происходит? От непонимания того, что фашизм есть зло?

БС. У них своя история, и в этой истории на теле их стран ломали друг друга, вытаптывая все беспощадно, два титана тоталитаризма: нацизм и сталинизм. Нацизм убит и стал (по их мнению) безвреден. Сталинизм же никем убит не был, он жив и опасно прорастает. И родина сталинизма никуда не делась, она здесь, сразу за границей. Их «профашизм» есть не что иное, как проявление обостренного национализма и страха.

БВ. Новый процесс Ходорковского-Лебедева: чего Вы ждете? Возможно ли оправдание — или новый приговор неизбежен?

БС. Не знаю, каков будет приговор. Но в любом случае, Ходорковский и Лебедев будут сидеть. До следующей перестройки.

БВ. Кто сейчас «перевешивает» во власти (если пользоваться уже примененной Вами терминологией) — «аскеты», стремящиеся к власти ради власти, или «гедонисты», желающие жить сами, и готовые дать жить другим?

БС. Пожалуй, «гедонисты». Но вот надолго ли?

БВ. Что лучше для России — чтобы цены на нефть падали, заставляя власть идти на перемены, или чтобы опять стали расти?

БС. Я вовсе не уверен, что кризис побудит власть «идти на перемены». Это — возможно, но вовсе не обязательно. Так что не в ценах на нефть дело. До какой степени застоя готово довести страну начальство? До какой степени замкнутости и «изгойности»? Когда

им станет неудобно и неприятно править? На эти вопросы я не знаю ответов.

БВ. Если бы Вам, как доктору Будаху в «Трудно быть богом», довелось беседовать с прогрессором с другой планеты, что бы Вы попросили? Дать людям вволю хлеба, мяса и вина, кров и одежду? Вразумить жестоких правителей? Сделать так, чтобы люди получили все, и не отбирали это друг у друга? Провести «массовую гипноиндукцию и позитивную реморализацию», чтобы люди больше всего любили труд и знание? Или, как в конце концов просит Будах, «оставить нас, и дать нам идти своей дорогой»?

БС. Боюсь, что ответ доктора Будаха — реально — единственно верный. Все остальное — фантастика. Историю невозможно ни облагородить, ни обескровить, ни подлатать. Я уверен, что реальная история — самая благородная, бескровная и здоровая из всех виртуальных. Она, как демократия по Черчиллю: отвратительна, но ничего лучше выдумать ни у кого не получится. Любая выдуманная история будет либо не осуществима, либо еще более отвратительна, чем реальная.

БВ. То есть, прогрессорство вообще не имеет смысла, потому что будет только хуже? Помните, Вы когда-то говорили: как было бы хорошо, если бы Гинденбург в свое время не вручил власть Гитлеру, а разогнал и пересажал нацистов. Неужели и в этом случае история пошла бы по еще более кровавому, чем в реальности, пути? А если бы в 1917-м удался бы мятеж Корнилова, и большевики не захватили бы власть — неужели могло быть еще кровавее, чем гражданская война и сталинские репрессии?

БС. Могло. В Германии власть могла достаться Тельману (любимцу Сталина), а Корнилов, человек военный и безукоризненно жестокий, залил бы бунтующую Россию кровью почище любого Троцкого. Я, разумеется, далек от утверждения, что могло произойти именно это, — я просто привожу (почти наобум) примеры «ухудшения» истории. Россия 17-го и Германия 30-х были чреватые социальной катастрофой, и избежать этой катастрофы, меняя политические фигуры, было невозможно. Вот если бы получилось предотвратить Первую Мировую!.. Но эта задача не по плечу никаким прогрессорам, потому что никто не знает и даже предположить не умеет, как ее решать.

«ВОЗВРАЩЕНИЕ В СОВОК» — ИТОГ «ПУТИНСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ»*

БВ (Борис Вишневский). Уважаемый Борис Натанович, 2009 год закончился целой серией катастроф: авария на Саяно-Шушенской ГЭС, «Невский экспресс», пожар в Перми... Случайность? Или таким путем начал разваливаться миф о «путинском благополучии» и «путинском чуде»?

БС (Борис Стругацкий). Идет давно уже предсказанная серия техногенных катастроф — результат безнадежной изношенности «матчасти», починять которую неинтересно и невыгодно никому. «Держава заплатит». Уродливое порождение перехода от зрелого социализма к «красному» капитализму: собственность, пенки с которой снимает начальник (не собственник, а именно начальник, назначенный бюрократ), а потери возмещает государство (другой бюрократ).

БВ. Так было ли «чудо»? И как можно оценить итоги «путинского десятилетия» (31 декабря 1999 года президент Борис Ельцин ушел в отставку, передав власть Владимиру Путину)?

БС. Было лишь одно: поворот от демократической революции девяностых к «стабильности и равновесию» нулевых. Фактически — отказ от курса политических и экономических реформ в пользу курса на державность и застой. Итог «путинского десятилетия» и есть возвращение к стабильности и застою брежневского типа. По сути — «возвращение в совок».

БВ. На фоне торжественной кампании по празднованию 130-летия Сталина руководители государства молчат, в учебниках истории продолжают рассказывать про «эффективного менеджера», и лишь правозащитники и «Яблоко» безуспешно пытаются призвать к государственному осуждению сталинских

* «Новая газета в Санкт-Петербурге», 22–24 февраля 2010 года.

преступлений. Почему так происходит? Нынешний режим видит себя наследником сталинского?

БС. Потому что сталинский режим это, в конце концов, апофеоз стабильности и равновесия! «Стабильность, управляемая удавкой». У нее есть определенные издержки (бюрократия не может считать себя в безопасности), но эти издержки, как показывает опыт, благополучно устранимы: см. режим застоя им. Л. И. Брежнев — абсолютный и незлой самодержец во главе толпы всемогущих бояр. К этому и идем постепенно.

БВ. Сталинский режим — это еще и репрессии, от которых сегодня, судя по всевластию «силовиков», никто не застрахован. Что касается нынешнего «самодержца» (не юридического, а фактического), то назвать его «незлым» трудно. Так к чему мы ближе — к брежневской или к сталинской эпохе?

БС. К брежневской, конечно. Всевластие силовиков (бюрократической элиты) установлено «мирным путем». Но вот уже слышатся призывы к «точечным» репрессиям, образцово-показательным процессам над коррупционерами. Истинная цель этих призывов, на самом деле, конечно, не борьба с коррупционерами, а начало беспощадной схватки между элитами. (Точно так же, как Большой Террор 30-х годов был, по сути, войной между «стариками-ленинцами» и «новыми» революционерами, носителями прагматических представлений о власти и целях).

БВ. Читали ли Вы статью Александра Подрабиника, вокруг которой разгорелись страсти? Ветераны войны — это герои или не заслуживающие симпатии защитники сталинского режима? И кто, на Ваш взгляд, генерал Власов — предатель или борец с «безбожным большевизмом»?

БС. Память о Великой Отечественной стала святыней. Не существует более ни понятия «правда о войне», ни понятия об «искажении исторической истины». Есть понятие «оскорбления святыни». И такое же отношение стремятся создать ко всей истории советского периода. Это уже не история, это, по сути, религия. С точки зрения верующего человека, с точки зрения церкви, не бывает искажения «правды Библии», — бывает покушение на святость, оскорбление веры, ересь. Библия Войны написана, и апокриф о предателе-генерале Власове в нее внесен. Все. Не

вырубишь топором. Но с точки зрения «атеиста» нет здесь и не может быть ни простоты, ни однозначности. И генерал Власов — сложное явление истории, не проще Иосифа Флавия или Александра Невского; и ветераны — совершенно особая социальная группа, члены которой как правило различны между собою в гораздо большей степени, чем сходны.

БВ. После скандальных откровений майора Дымовского и его последователей казалось, что перемены в «милицейской» сфере неизбежны. Но пар ушел в свисток: министр Нургалиев уцелел, и ясно, что все обойдется лишь мелкими изменениями. Что делать с милицией, которую граждане боятся больше, чем преступников?

БС. Что делать с властью бюрократии вообще? Вот вопрос! Мы все, во главе с самым высоким начальством, хотели равновесия и стабильности. Мы их получили, — ценой создания класса всемогущей бюрократии, которой вообще ничего не надо, кроме самого равновесия и стабильности. Развитие, прогресс, движение — это всегда нарушение равновесия и стабильности, всегда — риск, всегда (неуправляемое) неравенство. Бюрократия зорко следит, чтобы ничего этого не было, чтобы каждый сверчок знал свой шесток, чтобы откат следовал за откатом, а прогресс... да гори он огнем этот прогресс, кому он нужен?! Это и есть классическая ситуация застоя: стабильность — всё, прогресс — ничто. И в этой ситуации разгон чего бы то ни было (кроме пикета с плакатами), невозможен. Бюрократия никогда не станет разгонять сама себя, — нарушать основополагающий принцип равновесия и стабильности.

БВ. Может ли Дмитрий Медведев, на Ваш взгляд, стать самостоятельной фигурой? Или так и останется в тени Владимира Путина? И стоит ли искать какие-то признаки расхождений между ними?

БС. Так мы с Вами решим или иначе, но «признаки расхождения» искать все равно будем. Было бы странно и противоестественно их не искать. Ведь такое расхождение сейчас — единственная «точка сингулярности» в окружающем нас океане стабильности, и именно в этой точке, казалось бы, должны мы обнаружить первые признаки распада Застоя. «Где тонко, там и рвется...» Но, надо думать, не одни только мы это понимаем, а значит, надлежащие меры правящей элитой будут приняты.

БВ. Вы верите в «модернизацию», о которой говорит президент? Или это такой же лозунг, как советская «интенсификация»? И какая модернизация нам на самом деле нужна?

БС. Боюсь, это только слова. Модернизировать надо политическую жизнь, без этого никакая модернизация экономики и науки невозможна (разве что милитаризация, которая не есть выход из тупика, а как раз углубление в него). Модернизация же политической жизни означает схватку между элитами («державниками» и «либералами», «аскетами» и «гедонистами», «антизападниками» и «прозападниками»). К этой схватке ни одна из элит не готова, риск слишком велик, можно разрушить страну и потерять все. Поэтому и модернизации никакой не произойдет, а наступит одно лишь «одержание и слияние», медленное гниение без резких движений вплоть до очередного кризиса. А практически — до появления нового Горбачева или Сталина.

БВ. Одни политики и экономисты считают, что экономический прорыв невозможен без политической либерализации (и изменений политической системы), другие — что именно экономические успехи в конце концов неизбежно приведут к политическим изменениям. Кто прав?

БС. Правы «либералы», но это вовсе не означает, что страна пойдет именно по этому пути. Путь превращения в лидера Пакта Изгоев тоже выглядит вполне реальным. Во всяком случае, сторонников этого пути более чем достаточно.

БВ. Чем более нечестными становятся выборы — тем меньше активных граждан на них ходит, и тем легче фальсифицировать их результаты и сделать выборы еще более нечестными, а власть — еще меньше отражающей волю граждан. Как разорвать этот порочный круг? И другой порочный круг: за оппозицию не голосуют потому, что она не может ни на что влиять и решать проблемы граждан, а влиять и решать проблемы она не может потому, что за нее не голосуют... Как быть?

БС. Все это — следствие установившейся стабильности. «Ты этого хотел, Жорж Дандэн...» Мы хотели покоя — мы его получили. Теперь это надолго. Например, до очередного катастрофического падения уровня цен на нефть. Или до обострения финансового кризиса. Или, не дай бог, до неудачной военной экспедиции

в Иксландию... Нужен взрыв инфляции. Нашествие дефицита. Дефолт Сбербанка... (Митинги и забастовки не предлагать — они не эффективны). Вот тогда и повеют у нас знакомые ветры перемен, стабильность станет вдруг поперек горла, и мы гаркнем (как у Салтыкова-Щедрина): «Воняет! Шабаш!»

БВ. Среди правозащитников стало популярным призывать к отмене 282-й статьи УК РФ — о разжигании межнациональной вражды и ненависти, потому, что по ней наказывают оппозиционеров (обвиняя их в «разжигании ненависти» к таким «социальным группам», как милиционеры или чиновники). В то же время, только эта статья дает возможность привлекать к ответственности фашистов. Ваше мнение?

БС. Смешно рассчитывать на разумность и «благородство» Уголовного Кодекса авторитарной страны! Правозащитники обречены бороться с уродливыми искажениями смысла и духа вполне благоразумных статей. Антифашисты у нас с легкостью становятся разжигателями межнациональной ненависти: критики нарушений Конституции — «экстремистами, выступающими против общественно-политического строя». Бюрократия защищает себя. Бюрократия не потерпит никакого инакомыслия и никакого нарушения стабильности. Тем более, что и широким народным массам это тоже не нравится.

БВ. И еще — в продолжение темы: существует такая точка зрения, что вообще нельзя преследовать никого по суду за высказывание убеждений, пусть даже фашистских или расистских, что со словом надо бороться только лишь словом, а не государственным насилием. Так могут ли в обществе свободно и безнаказанно проповедоваться фашистские идеи?

БС. Это чрезвычайно сложный и тонкий вопрос. Если бы речь шла об инакомыслии в науке, никакие вопросы не возникали бы: свобода мысли, свобода формулировок ограничены здесь только логикой и доказанными фактами. Но когда мы приближаемся к области идеологии, философии, социологии, на нас «из-за угла» обрушивается пресловутый принцип «идея, овладевшая масса-ми, становится материальной силой» — и тогда берегись! И все-таки... и все-таки... и все-таки... Идее может и должна противостоять только идея. Нельзя, преступно, жечь на кострах носителей

идей, — будь то книги, или пророки. Ибо мерзость не в словах, и не в мыслях, и не в лозунгах — мерзость всегда в клыках, кулаках и бейсбольных битах. За «нацизм в голове» непозволительно карать, как нельзя карать за план ограбления банка. Этот фундаментальный принцип правосудия — «наказывается преступление, а не умысел» — невозможно обосновать логически, но мы вынуждены его принять, ибо слишком уж легко он доводится до абсурда. И мы приходим к выводу, что единственным оружием против слова должно быть слово; против идеи — идея: против книги — книга. Слишком уж легко (в противном случае) скатиться от диспута к кровавой бойне. (Тем более, что к кровавой бойне норовят обычно скатиться не побеждающие в диспуте, а проигрывающие его).

БВ. Минуло почти полтора года после российско-грузинской войны. Как Вы оцениваете ее последствия?

БС. Это была наша первая, кажется, демонстрация силы, примененная к фундаментальным проблемам новейшей внешней политики. И демонстрация готовности нынешней властной элиты идти сколь угодно далеко в стремлении удержать в сфере российского влияния «бунтующие» бывшие братские республики. Теперь ясно, что правящая российская элита никогда уже «не отпустит на волю» ни Грузию, ни Украину (ни Белоруссию, кстати) и никогда не допустит ухода этих бывших «братских стран» в сферу влияния Запада. Война продемонстрировала, насколько далеко мы готовы пойти в этом вопросе. Очень далеко. Опасно далеко. Неприлично далеко для страны, по инерции все еще провозглашающей старые добрые лозунги: «миру — мир!», «нет — войне!» и т. д. И совершенно теперь очевидно стало, что есть всего лишь одна, единственная, причина, не позволяющая России включить себя в число безусловных агрессивных держав, — плохое состояние армии.

БВ. Почти никто в мире так и не признал Абхазию с Южной Осетией (или признал, как микроскопическая «республика Науру», за российские деньги). Содержание Южной Осетии — целиком на России, Абхазии — частично. Так стоила ли овчинка выделки?

БС. Независимость Абхазии и Южной Осетии рассматривалась в этом контексте, как некая разменная монета, не имеющая

самостоятельного значения. Стоила ли овчинка выделки? Не знаю. Во всяком случае, Запад будет теперь осторожнее «прикасаться к старым ранам». Хорошо это или плохо? Опять же не знаю. Мы возвращаемся в середину восьмидесятых — время всеобщего застоя, тотальный бесперспективный тупик и ожидание нефтяного кризиса.

БВ. Рамзан Кадыров заявил, что Россия должна «ликвидировать» такие внешнеполитические проблемы, как Грузия и Украина. И все это прекрасно сошло ему с рук. Почему?

БС. Кадыров выразил достаточно распространенную в правящей элите точку зрения. Об этом у нас предпочитают не говорить (неприлично!), но безусловно и много думают.

БВ. По опыту Вашего постоянного участия в жюри всевозможных конкурсов — что из новинок российской фантастики Вы бы порекомендовали читателю?

БС. Рекомендую читателю посмотреть списки лауреатов премий Интерпресскона, «Звездного Моста», Странника, АБС-премии последних лет — там он найдет несколько десятков отличных произведений, способных удовлетворить самый взыскательный вкус.

БВ. Не планируется ли экранизация других произведений о Максиме Каммерере («Жук в муравейнике» и «Волны гасят ветер»)? Или опыта с «Обитаемым островом» оказалось достаточно?

БС. Планы есть — денег нет. Кризис.

БВ. Появившиеся сейчас «аудионаркотики» уже сравнили со «слогом» из «Хищных вещей века». Вы ожидали, что этот прогноз братьев Стругацких сбудется?

БС. Ничего об этом не знаю, и не волнует меня это ничуть. Во всяком случае, в гораздо меньшей степени, чем то обстоятельство, что Мир Потребления, построенный нами «на кончике пера» как некая малопривлекательная антиутопия, оказался, спустя сорок лет, вполне реальным миром, миром-тенденцией, Миром нашего Будущего, — по-прежнему малопривлекательным, но далеко не самым мрачным из возможных.

«...И НИКАКОЙ ПОЩАДЫ»*

*Борис Стругацкий — о приговоре по «делу ЮКОСа»,
молчании Медведева, игре Путина, страхах элиты
и возможностях Запада*

БВ (Борис Вишневский). Уважаемый Борис Натанович, 2010 год закончился суровым приговором Ходорковскому и Лебедеву — по мнению многих, перечеркнувшим надежды на «оттепель» и «либерализацию сверху». Вы ожидали такого исхода?

БС (Борис Стругацкий). Ничего неожиданного не произошло. Любому взрослому человеку изначально ясно было, каков будет приговор. Каков он *должен* быть. Единственный, осмысленный, с точки зрения нынешнего политического курса, приговор. Но мы ведь не просто «взрослые», мы — взрослые граждане авторитарного государства, а значит в какой-то степени дети. Мы не можем жить без надежды на чудо. Без надежды на чудо жизнь делается беспросветна, — кристально ясна, понятна во всех деталях, беспощадно закономерна и — беспросветна. Такое видение обстоятельств — единственно верное и продуктивное с точки зрения практического политика. Но мы-то не политики, мы не умеем извлекать пользу из точно выверенных прогнозов, мы вообще не нуждаемся в истине, как в окончательной ценности, мы с радостью признаем ошибочность своих безошибочных расчетов, только бы реальная история повернула ход свой в желательном нам направлении. Пусть это будет *deus ex machina*, мы не возражаем. Пусть это будет абсурдно (чудо всегда абсурдно). Пусть это не лезет ни в какие ворота (на то оно и чудо). Но вдруг появляется некто, весь в белом, и объявляет (безошибочно просчитанный нами, единственно разумный) приговор несправедливым, юридически

* «Новая газета», 12 января 2011 года.

несостоятельным и вообще — жутковатым атавизмом совсем другой эпохи, с которой нам так хотелось бы расстаться навсегда. И все происходит, как в знаменитом гимне государства Швамбрания: «Но никто из них не умер, все они спаслись, — всех врагов вдруг победили и поднялись ввысь». Швамбранию придумали дети. Мы готовы придумывать свое ближайшее будущее, «движимое Чудом», потому что будущее без чуда это, по сути, есть просто повторение прошлого.

БВ. Чуда не произошло — значит, и оттепели ждать уже не стоит?

БС. Ни в малейшей степени! Очередная политическая оттепель неизбежна так же, как и весенняя. Мы-то это знаем достоверно, — видели. Малая (Хрущевская), Большая (Горбачевская), — все это происходило на наших глазах, и каждый раз — внезапно, вдруг, когда и надежд никакой разумный человек питать себе уже не позволял. И каждый раз оттепель возникала как результат жестокого экономического кризиса, многолетнего периода дефицитов, утери экономической и идеологической перспективы. И каждый раз правящая элита раскалывалась на «аскетов» и «гедонистов»: на тех, кто по старинке считал, что главное — сохранить власть, любой ценой, «важнее власти нет ничего и быть не может»; и на тех, которые понимали: надо менять порядки, пора, и не потому даже, что «народ не выдержит», а потому, что не выдержит страна, — потонет в трясине, навсегда станет обитателем Третьего мира. Путь на огосударствление всего и вся — это путь в тупик, в застой, навстречу неизбежному кризису, очередному и неизбежному приступу бедности, к состоянию тоскливой бесперспективности. А значит — к неизбежной... называйте ее как хотите: к оттепели, эпохе перемен, по сути — к революции (будем надеяться, бескровной).

БВ. Видите ли Вы другие причины для преследования Ходорковского, кроме личной мести со стороны Путина? Имущество отнято, компания разгромлена — а преследование продолжается...

БС. Я не очень верю в мотив личной мести. Конечно, этот мотив способен играть некую достаточно важную роль (как и мотив «экспроприации экспроприатора»), но, все-таки, лишь вспомогательную, не основную. Нет, здесь работает какой-то гораздо более

мощный, системообразующий политический принцип. Может быть, процесс над МБХ призван служить фундаментальным аналогом политических процессов 30-х годов: показать раз и навсегда всем и каждому, кто именно в этом доме хозяин; что ожидает безответственного смельчака, осмеливающегося проводить здесь и сейчас пусть даже лишь подобие самостоятельной политики; никакой самодеятельности, — единая власть, единая вертикаль, единый политический курс. И никакой пощады. Если враг не сдается, его уничтожают. Если сдается, — тем более. Любое либеральное отклонение от этого проверенного алгоритма означает провал всего первоначального замысла, а потому и недопустимо.

БВ. Существует две гипотезы о роли президента Дмитрия Медведева в этой истории. Первая — он ничем не отличается от Владимира Путина (играя в паре с ним известную роль «добраго следователя»). Вторая — он просто ничего не значит в государстве, и приговор Ходорковскому и Лебедеву должен это явственно всем показать и окончательно приготовить общественное мнение к возвращению Путина. Какая из гипотез Вам ближе? Или у Вас есть третья?

БС. По-моему, вопрос о возвращении Путина давно уже решен, и никакие «мелочи», типа приговора МБХ, на эту ситуацию повлиять не способны. Цены на нефть и газ; раскол внутри правящей элиты; какие-то форсмажорные обстоятельства, которые невозможно предвидеть, — да, существуют факторы, способные повлиять на расклад сил в 12-м году. Но это все — из области занимательной футурологии. А принципиальные решения давно приняты и никаких сенсаций в себе не содержат. Что касается Медведева, то он считает себя учеником Путина. Как это часто бывает, ученик оказывается либеральней, прогрессивней и современнее учителя. Но ученики редко предают своих учителей. Хотя «известны прен-цен-денты».

БВ. Есть ли в обществе силы, которые могут реально помешать Путину вернуться? Говорят, что очень многих он «достал», и даже совершенно «системные» персонажи публично заявляют, что его курс ведет в тупик...

БС. Таких сил нет. Появление таких сил означало бы начинающуюся шизофрению власти, возникновение раскола властвующей

элиты, осознание заметной частью этой элиты пагубности курса на дальнейшее всеобщее огосударствление ценой отказа от конкуренции и классической демократии. Для возникновения такого раскола сегодня нет серьезных оснований. Большинство общим положением дел довольно и склонно любые перемены рассматривать как перемены к худшему. Прозревшие «системные персонажи» это всего лишь солома, которая показывает, куда дует ветер. Не надо обладать какой-то специфической информацией или особого склада умом, чтобы понять, что избранный курс ведет в застой и тупик. Надо, «всего лишь», чтобы эта простая истина сделалась достоянием миллионов, а вот это представляется сейчас совершенно невозможным.

БВ. Возвращение Путина будет окончательным «возвращением совка», которое Вы предсказывали?

БС. Возвращение в совок УЖЕ совершилось. От классической брежневской системы нас отделяет наличие нескольких СМИ, которым разрешено пока существовать независимо от власти и наперекор этой власти. Для того, чтобы прекратить эти явно экстремистские упражнения достаточно небольшого «триумфа воли», и вопрос можно было бы решить в два дня. Когда (и если) потребность власти в существовании демократической витрины исчезнет, исчезнет и сама витрина, и это есть характернейший признак победившего совка.

БВ. Вы подписывали несколько обращений к президенту — в защиту Ходорковского и Лебедева. Ни разу президент (как и на все прочие обращения, впрочем) не откликнулся и даже не удостоил ответом. Почему он традиционно молчит?

БС. Видимо, сколько-нибудь содержательный и политически значимый ответ на эти запросы не возможен. Не исключаю, впрочем, что президент просто не считает данных конкретных подписантов достойными специального ответа.

БВ. Рассчитывали ли Вы на ответ президента? А если рассчитывали, то на какой? Он ведь мог ответить, что у нас независимый суд, и влиять на него он не может...

БС. Именно такого примерно ответа я и ожидал. Но я подписывал эти обращения не потому, что надеялся получить ответ по существу. Я просто считал себя обязанным сделать это. Это

тот минимум участия в политике, на который обязан решиться любой уважающий себя гражданин: публично выразить свое несогласие с действиями властей и попытаться обратить внимание главы государства на эти действия.

БВ. В свое время академик Сахаров призывал Запад оказать давление на Советский Союз, чтобы изменить его внутреннюю политику. Сегодня Вы бы призвали к подобному? Или считаете это бесполезным?

БС. Откровенно говоря, я не вижу в этом особого смысла. Во времена Сахарова такое давление было совершенно бесполезно. Сегодня ситуация несколько иная, само безбедное существование элиты завязано на «добрые отношения» с Западом, но совершенно же очевидно, что фундаментальные основы внутренней политики неприкосновенны и ни от каких «добрых отношений» зависеть не могут.

БВ. Почему «бесполезно»? Именно тогда президент США Рональд Рейган провозгласил СССР «империей зла», и начал гонку вооружений, которую не выдержал Советский Союз — что стало одной из причин перестройки...

БС. Вряд ли политика Рейгана была реакцией на призывы Сахарова. Это, скорее уж, была реакция на внешнюю политику СССР. На Афганистан, в частности.

БВ. Что может повлиять на российские власти — запрет на въезд в Европу и США (как этого требуют для виновных в смерти Сергея Магнитского)? Блокировка счетов представителей путинского окружения? Арест их активов? И реальны ли эти меры?

БС. Не знаю. Если дела действительно обстоят именно так, как об этом говорят и пишут, тогда названные меры могут оказать определенное воздействие. Но, во-первых, никакой деловой человек не кладет все яйца в одну корзину. А во-вторых, все ведь они совки, и нет для них ничего более страшного, чем отклонение от принятого курса. Никакие активы и никакие счета не стоят потери доверия на фронте борьбы, скажем, с экстремизмом. Нет, на российские власти могут реально повлиять только российские власти же — в лице возникшей вдруг группы, исповедующей некий новый курс.

БВ. Откуда же возьмется эта группа?

БС. А откуда взялся Рютин со своим «Союзом марксистов-ленинцев», — единственный, может быть, кто возглавил реальную антисталинскую оппозицию? Откуда вынырнул вдруг Хрущев (вчера еще верный слуга и раб Сталина)? Откуда Горбачев появился, почтительнейший ученик Андропова? Нужда заставила. И заставит нужда.

БВ. И все же, судя по болезненности реакции, перспектива стать «невъездными» очень даже пугает нашу «элику». Тем более, что деньги и имущество они держат за границей, и там же учат детей...

БС. Не исключено. Но «линия партии», я думаю, все-таки важнее всего. Уклонишься — не вернешься. И что тебе тогда деньги, имущество, да и дети, в конце концов? Без власти, без влияния, без «команды». Никто и звать никак. И делать ничего не умеет, — только «решать вопросы».

БВ. За приговором Ходорковскому и Лебедеву последовал многосуточный арест оппозиционеров в Москве. У Вас нет впечатления, что власть пошла «вразнос», перейдя некий Рубикон? И что имиджевые потери ее уже не интересуют?

БС. Еще интересуют. Не знаю, почему. Если бы к имиджевым потерям интерес был действительно утрачен, власть занялась бы крамольными СМИ, а не «уличной оппозицией».

БВ. Мы уже живем в мире «Гадких Лебедей», где возразить президенту — неслыханный подвиг? Если нет, то к миру какой из книг братьев Стругацких мы сейчас ближе всего?

БС. Это Город эпохи Фридриха Гейгера. (См. «Град обреченный»). Возражать высокому начальству можно, это не есть «неслыханный подвиг», но стоит ли рисковать? Пользы не будет никакой, это очевидно, а неудовольствие большого человека вызывать можно. «Умные нам не надобны, надобны верные».

БОРИС СТРУГАЦКИЙ:
ОБЪЯВЛЕНИЕ О «РОКИРОВОЧКЕ» ПУТИНА
И МЕДВЕДЕВА НИСКОЛЬКО НЕ УДИВИЛО*

БВ (Борис Вишневский). Уважаемый Борис Натанович, объявление о «рокировочке» Путина и Медведева Вас удивило?

БС (Борис Стругацкий). Не удивило нисколько. Это было так очевидно, так ожидаемо, так естественно. Только форму подачи я не рискнул бы предсказать («конкретности не предсказуемы»), но суть происшедшего, «конечный продукт политической жизнедеятельности», — скорее уж любой другой исход этой кампании мог бы удивить, но не этот.

БВ. Есть две точки зрения на выборы. Первая: выборы — фарс, власть нарисует результаты, какие захочет, участвовать в них бесполезно. Вторая: надо участвовать, система не всесильна, сопротивляться можно и нужно. Что Вы думаете?

БС. Я думаю, что мне, — лично мне, — голосовать просто не за кого. Четыре парламентские партии, каждая из которых ничего, кроме раздражения, не вызывает, — что прикажете делать с бюллетенем? Я вижу только два варианта: либо его испортить, либо не брать в руки совсем. Учитывая состояние здоровья, зимнюю погоду и постоянную нехватку времени, я, скорее всего, выберу второй. И все дела, как говорится. Разумеется, если бы в думском бюллетене было «Яблоко», я пошел бы голосовать, как говорится, «при любой погоде». Но пока нет полной уверенности даже, что эта партия попадет хотя бы в бюллетени на выборах питерского ЗАКСа.

БВ. Сторонники бойкота говорят, что участие в нечестных выборах «легитимизирует режим». А уплата налогов — не легитимизирует? Суды очень многие считают ангажированными — значит ли это, что в них бессмысленно обращаться, защищая свои права?

* «Новая газета», 28 сентября 2011.

БС. Такая постановка вопроса представляется мне излишне «теоретической». Выборы — это самая простая штука в политике, элементарный кирпичик демократии, и не более того. Я не испытываю ни малейшего желания рассматривать их, как элемент борьбы против существующей власти. Я вообще противник такой борьбы, — в тех случаях, когда неясно, какой результат следует считать победой, а какой — поражением. «Ну пробьешь ты головой стену, — и что потом будешь делать в соседней камере?». Ну, свалишь ты власть тандема, — и что будешь делать, когда к власти придут лимоновцы? Или зюгановцы? Или, не дай бог, русские нацисты?

БВ. Вы считаете, что никто, кроме лимоновцев, зюгановцев или русских нацистов к власти придти не может?

БС. Я вовсе не считаю, что «никто, кроме». Я лишь опасаясь такого именно развития событий. И, вслед за Бродским, признаюсь: «ворюга мне милей, чем кровопийца». И пока не увижу я на наших политических горизонтах реальной силы, способной организовать движение страны по торной дороге европейской цивилизации, я остерегусь требовать, скажем, свержения нынешней власти, — даже с ее курсом в тупик и застой, с явным нежеланием ее и неумением реформировать себя. И когда мне говорят: все так плохо, хуже не бывает, я как тот оптимист из анекдота отвечаю: что вы, что вы! Может быть и хуже! Может быть гораздо хуже!

БВ. Стоит ли надеяться, что «голосование ногами» заставит власть устыдиться и пойти на реформы?

БС. Теоретически возможны все эти варианты. Но сами по себе они не побудят власть «пойти на реформы». Устоявшаяся, стабильная власть пойдет на реформы только в каких-то экстраординарных случаях, «голосование ногами» к таковым явно не относится. Это, скорее, повод для ужесточения режима, чем для реформ.

БВ. Если так, то надо именно голосовать, чтобы не допустить ужесточения...

БС. Ну-ну-ну. «Чтобы не допустить ужесточения», лучший способ как раз — пойти строем и проголосовать за «Единую Россию». К сожалению (или к счастью?) механизм выборов отлажен у нас так безукоризненно, что от нашего поведения не зависит ничего. Голосуй не голосуй, — победит «удостоенный».

БВ. Именно такого — внутреннего согласия с всеилием Системы, — власть и добивается. Но ведь есть немало случаев, когда ЕР

проигрывает выборы, встречая реальное сопротивление. Значит, не так уж безукоризненно отлажен механизм? И от нас что-то зависит?

БС. Собственно этого «внутреннего согласия с всесилием Системы» власть уже практически добилась, и это важный элемент названного всесилія. Еще более важный элемент — наша пресловутая пассивность. «Реальное сопротивление» — это, увы, скорее некая экзотика наших политических пейзажей. Прекрасный, кстати, материал, используемый властью для обоснования тезиса о том, что суверенная демократия процветает и что у нас вообще «все как у людей». У хорошей хозяйки, как известно, любая корочка в дело идет, именно это мы и наблюдаем на нашей политической кухне: у нас и свобода слова имеет место, и сердитая неуправляемая оппозиция, и — в умеренных пределах — даже отдельные победы оппозиции допускаются. «Разве мы не люди?» На мой взгляд, вся эта «разрешенная свобода» чрезвычайно важна. Она, прежде всего, важное свидетельство того, что власть считает возможным и, видимо, для себя полезным держать паровоз демократии на запасном пути. Имея возможность все эти проблемы, оставшиеся в наследство от лихих девяностых, решить «в двадцать четыре часа, в пятнадцать минут», власть проявляет поразительный либерализм, вызывающий зоологическое бешенство державников и националистов.

БВ. Что же ее заставляет так себя вести?

БС. Эта невероятная терпимость, совершенно не свойственная авторитарной системе, может быть объяснена, разумеется, самыми разными причинами. Мне же она, повторяю, представляется как бы залогом возможного будущего поворота на разумный курс. По сути, это источник осторожной надежды на существование некоей благотворной «шизофрении» в настроениях властной элиты, намок на существование трещины в монолите командно-бюрократической системы, не заинтересованной, вроде бы, ни в чем, кроме сохранения статус кво. Наивно рассчитывать, что разрозненные и случайные вспышки «реального сопротивления» смогут хотя бы даже слегка углубить и расширить эти трещины. История движется по равнодействующей миллионов волей, а наши миллионы, как водится, «безмолвствуют». И слава богу, наверное: семнадцатый год приближается, и очень не хотелось бы юбилейного повторения истории, — ни в виде трагедии, ни в виде фарса.

БВ. Сменить власть можно только на честных выборах, но чтобы они стали честными, надо сменить власть. Как разорвать замкнутый круг?

БС. Этот круг разорвать нельзя. Вопрос поставлен неправильно. Без революции власть сменить может только сама власть, — та часть властной элиты, которая захочет и сумеет изменить курс (политический, экономический, идеологический). Это называется «революция сверху». В России это единственный сравнительно бескровный способ «разорвать замкнутый круг».

БВ. То есть, должен появиться «новый Горбачев». Но что заставит его появиться?

БС. Например, «возвращение в застой». Возвращение в состояние, когда полностью исчезает перспектива. Огромным народным массам, несмотря на все ухищрения СМИ, становится ясно, что ничего не получается: жизнь все дорожает, тарифы все растут, дефициты возникают время от времени; штампуемые Думой законы становятся все несообразнее, все глупее; инфляция норовит выйти из-под контроля, а потом и выходит из-под него... Мы уже проходили все это в конце 80-х. Властная элита раскалывается. Большинство, разумеется, за сохранение статус кво, пусть даже ценой ужесточения режима. Но возникает «пассионарно мыслящее» меньшинство, не желающее управлять страной холопов, на глазах превращающейся в Буркино-Фасо с ядерными ракетами наперевес. Это странные люди, — большие начальники, которым всего мало: мало возможности получать откаты, мало возможности давать образование детям в самых престижных вузах Запада, мало счетов в надежных оффшорах. Может быть, страсть к реформаторству обуревают ими. Может быть, срывает «наполеонов комплекс». А может быть, они попросту вступили в конфликт с могущественными коллегами, которые из консерваторов? Важно, что эти странные люди появляются с неизбежностью, и теперь остается только ждать лидера, готового возглавить «движение в сторону перемен». Он появится рано или поздно — просто потому, что свято место пусто не бывает. «Реформаторы возникают там и тогда, где и когда история создала условия для их возникновения». Основная аксиома Теории Исторических последовательностей.

БВ. Пример борьбы с «Охта-центром» в Петербурге показал, что можно победить даже в ситуации, которая кажется безнадежной. Можно ли так же рассуждать применительно к выборам?

БС. Это совершенно разные ситуации. Корпорацию победить можно, — так или иначе привлеки на свою сторону власть, то есть одного-двух VIP-чиновников. Самое же власть можно победить, только заручившись поддержкой как минимум сотен тысяч вышедших из повиновения граждан. В первом случае, по сути, используется пресловутый «административный ресурс». Во втором случае, — революция.

БВ. Разве в случае с «Охта-центром» тысячи людей не «вышли из повиновения», борясь против башни? И разве не общественное давление заставило власть отказаться от этих планов?

БС. Со всем уважением моим к упомянутым тысячам людей, не могу, однако, не заметить: если бы не было произнесено Известным Лицом нескольких веских и вполне определенных слов, если бы было бы решение проблемы отдано целиком и полностью на усмотрение «сатрапов второго разряда», никакая победа над «Газоскребом» не состоялась бы, несмотря на любое «общественное давление». Вспомните Химкинский лес. Безнадежную войну против «мигалок». Озеро Байкал, в конце концов.

БВ. Есть ли смысл в обращениях к Западу — чтобы ввели «списки Магнитского», приняли «проект Кардина», закрыли нашим чиновникам, нечестным судьям и политикам въезд на Запад, арестовали их счета, и так далее? Призывал же Сахаров в свое время к давлению на СССР...

БС. Не знаю. По-моему, ничего серьезного из этой затеи не получится. Никакой сенат не захочет утвердить эти «списки» — ведь это было бы слишком похоже на «акт внесудебного преследования». А жаль! Не вижу средства воздействия на поганых чиновников более эффективного, чем такое вот ограничение возможностей получать нехитрые, но столь желанные удовольствия на проклятом Западе. Мера, вполне способная задуматься любого чиновника (особенно привыкшего «таиться под сению закона», за завесой должностной секретности, когда «все шито-крыто»), но насколько она юридически безупречна? Не знаю. Посмотрим.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МИРЫ СТРУГАЦКИХ СЕГОДНЯ

МЕНЯТЬ ЭТОТ МИР ПРИДЕТСЯ САМИМ...

Одной из любимых тем для обсуждения с Борисом Натановичем Стругацким на протяжении двадцати лет нашей дружбы было — в каком именно из «миров братьев Стругацких» мы живем сейчас?

Ответ на этот вопрос менялся — по мере того, как менялась наша жизнь.

Да и в последние годы — после ухода Бориса Натановича, — этот ответ продолжает меняться.

И с каждым изменением я не устаю (хотя и горько) удивляться: как же точно они все это предсказали!

Может быть (как не раз шутили мы, их читатели и ученики), братья Стругацкие были или прогрессорами из другой звездной системы, или «контрамотами», живущими из будущего в прошлое, и потому совершенно точно знавшими наше будущее?

Впрочем, давайте по порядку.

Мир, в котором сами братья Стругацкие хотели бы жить, был хорошо известен: это был светлый и радостный «мир Полудня», так привлекательно изображенный в повести «Полдень. XXII век».

Затем этот мир продолжили «Малыш», «Далекая Радуга», «Попытка к бегству», «Трудно быть богом», «Парень из преисподней», «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер».

Этот мир так и не реализовался по известным историческим причинам, но он был необычайно привлекателен!

Это был мир «коммунаров», на героев которого мы в юности (и не только) очень хотели быть похожими. Звездолетчики Леонид Горбовский и Марк Волькенштейн, великолепная четверка из Аньюдинской школы — Геннадий Комов, Атос-Сидоров, Александр Костылин и Поль Гнедых, доктор Мбога и штурман

Кондратьев, прогрессоры Антон — он же благородный дон Румата, Максим Каммерер — он же Мак Сим, и Рудольф Сикорски — он же Странник...

Это был мир победившего коммунизма — где удовлетворены все базовые потребности человека, главной движущей силой становится потребность в познании окружающего мира и его загадок, а главной проблемой — ограниченность человеческих ресурсов и возможностей на пути этого познания. Где труд на благо общества считается естественной обязанностью и потребностью каждого. Где жизнь разумного существа признана безусловной и высшей ценностью, а проявление агрессии и недоброжелательства по отношению к ближнему — вопиющее исключение. И где политические проблемы сменились этическими (хотя не упростились при этом).

Помните, например, «Далекую Радугу»?

По замыслу авторов, это должна была быть последняя повесть о далеком коммунизме. А получился единственный у АБС «роман-катастрофа» — хотя гибнет в ней не Земля и не ее часть, а земная колония на далекой планете Радуга, превращенной в гигантский полигон для экспериментов по нуль-транспортировке (ставшей вполне себе обыденной вещью в «Жуке» или «Волнах»).

«ДР» — это повесть о том будущем, где единственная проблема — откуда взять энергию для удовлетворения растущих потребностей ученых. Кстати, в 1962 году, когда написана повесть, вера в могущество физики была всеобщей, физики уверенно побеждали лириков, конкурс в физические вузы зашкаливал, а самым популярным мужчиной в стране был Алексей Баталов, сыгравший физика Гусева в «Девяти днях одного года». И мысль Стругацких о том, что вовсе не обязательно отдавать науке безусловный приоритет, как сказали бы сейчас, в «бюджетном финансировании» выглядела весьма спорной...

«Смысл человеческой жизни — это научное познание», — говорит один из героев «ДР», физик Альпа. И добавляет: «Мне грустно видеть, что миллиарды людей сторонятся науки, ищут свое призвание в сентиментальном общении с природой, которое они называют искусством. Наука переживает период материальной недостаточности, а в то же время миллиарды людей рисуют

картины, рифмуют слова... а ведь среди них много потенциально великолепных работников».

Физик так и не решается продолжить эту нехитрую мысль, и вместо него это делает Леонид Горбовский: мол, хорошо бы всех этих художников и поэтов согнать в учебные лагеря, отобрать у них кисти и гусиные перья, заставить пройти краткосрочные курсы и вынудить строить для солдат науки новые конвейеры для производства ульмотронов (нечто вроде аккумуляторов энергии огромной мощности)...

В будущем, обрисованном в «Далекой Радуге», на полном серьезе обсуждается такая проблема: не перебросить ли в науку часть энергии из Фонда Изобилия? Значит, верили Стругацкие тогда, что будет в Мире Полудня и Изобилие, и Фонд. Верили в то, что будет обсуждаться идея во имя чистой науки «поприжать человечество в области элементарных потребностей». Верили в то, что одни будут выдвигать лозунг «Ученые готовы голодать», а другие отвечать им «А шесть миллиардов детей не готовы. Так же не готовы, как вы не готовы разрабатывать социальные проекты...».

Впоследствии, заметим, эта вера иссякнет довольно скоро — уже в «Малыше», не говоря о «Парне из преисподней», «Жуке в муравейнике» или «Волны гасят ветер», люди Полудня озабочены куда более сложными проблемами — и куда более грустными.

Впрочем, как известно, мечты о коммунизме растаяли, когда вместо него в 1980 году объявили Олимпиаду. И в начале 90-х, после распада Союза, окончания построения «развитого социализма с человеческим лицом» и начала «шоковых» экономических реформ, мы оказались совсем в другом мире — в мире «Хищных вещей века», в нарождающемся обществе потребления.

«Страна Дураков», куда приезжает бортинженер «Тахмасиб», а ныне — агент спецслужбы Совета Безопасности Иван Жилин (герой «Пути на Амальтею» и «Стажеров», по времени относящихся к концу 20 — началу 21 века, за столетие до «Мира Полудня») — это уже сформировавшееся общество потребления.

Термина, в 1970 году придуманного Жаном Бодрийяром, в 1964 году, когда писались «ХВВ», еще не было — вместо него они писали об обществе изобилия, но смысл был практически тот же самый.

Мир, где обеспечен материальный достаток (при 4-часовом рабочем дне), где «на пятьдесят тысяч человек было пятнадцать тысяч легковых автомобилей, пятьсот вертолетов и шестьдесят тысяч телевизоров». Где «восемьдесят процентов населения было занято в сфере обслуживания». И где приезжающим гостям — таким, как Жилин, — предлагали «веселиться и ни о чем не думать».

Критика «общества потребления» и неразрывно связанного с ним понятия «мещанство» в советские времена была чрезвычайно распространена. За отсутствие в нем пропагандируемого при строительстве социализма и коммунизма стремления человека к сознательному труду на благо общества, за примат материального над духовным, за стремление к обогащению и удовлетворению личных потребностей в ущерб потребностям общественным, и так далее, и тому подобное. Недаром эпитафией к «ХВВ», — кроме цитаты из Андрея Вознесенского, откуда собственно и взято название книги, — были выбраны слова Сент-Экзюпери «Есть лишь одна проблема — одна-единственная в мире — вернуть людям духовное содержание, духовные заботы».

Надо ли удивляться что в упомянутом 1964-м (через три года после того, как было торжественно обещано построение коммунизма к 1980 году) братья Стругацкие, мечтавшие жить в «Мире Полудня», были уверены, что написали антиутопию, изобразили мир, в котором каждому уважающему себя человеку тошно и стыдно жить? Борис Стругацкий не раз об этом вспоминал — как и о том, что когда-то один мудрый читатель задал им совершенно неожиданный вопрос: «А чем, собственно, так уж плох этот ваш мир? Ведь, на самом деле, он существует по принципу „каждому — свое“, а это далеко не самый плохой из принципов существования».

И тут, по словам Бориса Натановича, «выяснилось, что это — мир, не лишенный, разумеется, своих недостатков, в чем-то — убогий, в чем-то — пакостный, в чем-то — даже непереносимо отвратный... Но при всем при том — содержащий в себе немало светлых уголков и оставляющий, между прочим, широчайший простор и для духовной жизни тоже. Ведь человек в этом мире — свободен. Ты волен в этом мире стать таким, каким сможешь и захочешь. Выбор за тобой. Действуй».

И тогда, по словам Бориса Стругацкого, отношение авторов к этому миру, как к антиутопии, переменялось. Они поняли, что этот мир, конечно, не добр, не светел и не прекрасен, но и не безнадежен в то же время, — он способен к развитию. Он похож на дурно воспитанного подростка, со всеми его плюсами и минусами. И уж во всяком случае, среди всех придуманных миров, — как говорил Борис Натанович мне году этак в 1993-м, — он кажется наиболее вероятным. Мир Полудня, скорее всего, недостижим, считал БНС, а мир «1984», слава богу, остался уже, пожалуй, позади. .

Забегая вперед — ах, как они ошиблись, великие! И с «наиболее вероятным», и с тем, что Оруэлловский мир «остался позади»! Аркадию Натановичу не суждено было это увидеть, а вот Борис Натанович увидел и появление «министерства правды», и возрождения «двоемыслия» и «мыслепреступлений»...

В завершение — две убийственно актуальные цитаты из «Хищных вещей века».

«Если во имя идеала человеку приходится делать подлости, то цена этому идеалу — дерьмо».

«До каких же пор вас нужно будет спасать? Вы когда-нибудь научитесь спасать себя сами? Почему вы вечно слушаете попов, фашиствующих демагогов, дураков? Почему вы не желаете утруждать свой мозг? Почему вы так не хотите думать?»

90-е годы закончились, наступила «путинская эпоха» — тут-то окружающий нас мир и стал похож на Город времен правления Фридриха Гейгера из «Града обреченного».

Этот мир, нарисованный авторами в далеком 1972-м (и лишь через полтора десятилетия удалось напечатать книгу) — один из этапов загадочного Эксперимента, где возражать высокому начальству можно, это не есть неслыханный подвиг, но стоит ли рисковать? Пользы не будет никакой, зато «неудовольствие большого человека» вызвать можно. Помните? Как там объяснял одному из главных героев «Града», на тот момент — редактору городской газеты Андрею Воронину, другой главный герой — Изя Кацман?

Вас ведь никто не тронет: вы — желтая оппозиционная либеральная газетка. Вы просто перестанете быть оппозиционными и либеральными. Вас еще поблагодарят, подбросят вам бумаги, чтобы вы повысили тираж, повысят вам оклады и расширят штат... И только по-

том, если вам вздумается вдруг брыкаться, только тогда вас возьмут за штаны и уж тут, несомненно, припомнят вам все ваши либерально-оппозиционные бредни... Но только зачем вам брыкаться? Вы и не подумаете брыкаться, наоборот!».

Как в воду глядели — стоит только вспомнить, как «сигнал», посланный во время разгрома НТВ в 2001 году, был правильно понят. Очень многие, чтобы не иметь неприятностей, перестали быть оппозиционными и либеральными, за что получили повышение тиражей и расширение штатов — после чего и не думали брыкаться. И часть бывших вполне себе демократических и либеральных «золотых перьев» сразу или постепенно превратились в ярых охранителей и реакционеров, старающихся не вспоминать про свои «либерально-оппозиционные бредни»...

И еще две актуальные цитаты из «ГО»:

Уничтожать надо вовсе не просто те бумаги, где ругают нашего вождя. Ругать тоже можно по-разному. Уничтожать же надо бумаги, написанные умными людьми!..

Ты не был болваном, — сказал Изя. — Ты был хуже. Ты был обольщенный. С тобой ведь по-человечески разговаривать было нельзя. Я знаю, я ведь и сам долгое время был таким...

Если бы этим в нашей стране и ограничилось — было бы еще полбеды. Но, как известно, на первых оборотах закручивания гаек российская власть не остановилась. Она пошла дальше. Гораздо дальше.

После осени 2003 года — ареста Ходорковского и «дела ЮКОСа», — в России наступило время «Гадких лебедей», где возразить президенту считалось уже почти подвигом. И лишь очень немногие могли себе это позволить, не рискуя практически всем.

Приведенное ниже — как сегодня написано.

В мире все обстояло по-прежнему. Одна страна задерживала торговые суда другой страны, и эта другая страна посылала ноты протеста. Страны, которые нравились господину Президенту, вели справедливые войны во имя своих наций и демократий. Страны, которые господину Президенту почему-либо не нравились, вели войны захватнические

и даже, собственно, не войны вели, а попросту производили бандитские злодейские нападения. Сам господин Президент произнес двухчасовую речь о необходимости раз и навсегда покончить с коррупцией».

Стоит только включить телевизор — и станет понятно, что именно по этой нехитрой «методичке» уже давно работают российские телепропагандисты, описывая происходящее в мире.

«Господин Президент изволил взвинтить себя до последней степени, из клыкастой пасти летели брызги, а я достал платок и демонстративно вытер себе щеку, и это был, наверное, самый смелый поступок в моей жизни, если не считать того случая, когда я дрался с тремя танками сразу. Но как я дрался с танками, я не помню, знаю только по рассказам очевидцев, а вот платочек я вынул сознательно и соображал, на что иду...». (Заметим: по первоначальному замыслу авторов, главный герой «ГЛ» Виктор Банев, о лица которого ведется рассказ, должен был быть капитаном пограничных войск).

И еще:

— Скажи, а ты как — сначала напишешь, а потом уже вставляешь национальное самосознание?

— Нет, — сказал Виктор. — Сначала я проникаюсь национальным самосознанием до глубины души: читаю речи господина президента, зубрю наизусть богатырские саги, посещаю патриотические собрания. Потом, когда меня начинает рвать — не тошнить, а уже рвать, — я принимаюсь за дело...

Есть люди, которые не могут жить без прошлого, они целиком в прошлом, более или менее отдаленном. Они живут традициями, обычаями, заветами, они черпают в прошлом радость и пример. Скажем, господин президент. Что бы он делал, если бы у нас не было нашего великого прошлого? На что бы он ссылался и откуда бы он взялся вообще?

Опять же, аналогии очевидны — уже давно опора на «славное прошлое» (где удивительно уживаются «православие, самодержавие, народность» и победа в Великой Отечественной) стала почти что единственной для российского политического режима.

Они вышли на проспект Президента. Здесь было много фонарей и попадались прохожие — торопливые, согнутые многодневным дождем

мужчины и женщины. Здесь были освещенные витрины и озаренный неоновым светом вход в кинотеатр, где под навесом толпились очень одинаковые молодые люди неопределенного пола, в блестящих плащах до пят. И над всем этим сквозь дождь сияли золотые и синие заклипания: «Президент — отец народа», «Легионер Свободы — верный сын Президента», «Армия — наша грозная слава»...

— Государственный аппарат, господа, во все времена почитал своей главной задачей сохранение статус-кво. Не знаю, насколько это было оправданно раньше, но сейчас такая функция государства попросту необходима. Я бы определил эту функцию так: всячески препятствовать будущему запускать свои щупальца в наше время, обрубить эти щупальца, прижигать их каленым железом... Мешать изобретателям, поощрять схоластов и болтунов...

Когда речь заходит о господине президенте, все это не имеет значения, все мы становимся трусами. Почему мы все такие трусы? Чего мы, собственно, боимся? Перемены мы боимся. Нельзя будет пойти в писательский кабак и пропустить рюмку очищенной... швейцар не будет кланяться... и вообще швейцара не будет, самого сделают швейцаром. Плохо, если на рудники... это действительно плохо... Но это же редко, времена не те... смягчение нравов... Сто раз я об этом думал и сто раз обнаруживал, что бояться, в общем, нечего, а все равно боюсь. Потому что тупая сила, подумал он. Это страшная штука, когда против тебя тупая, свиная со щетиной сила, неуязвимая, ни для логики неуязвимая, ни для эмоций...

— Ваш намек, — сказал Виктор, — напомнил мне один разговор — мой разговор с его превосходительством господином референтом господина Президента по государственной идеологии... Его превосходительство вызвал меня в свой скромный кабинет — тридцать на двадцать — и осведомился: «Виктуар, вы хотите по-прежнему иметь кусок хлеба с маслом?» Я, естественно, ответил утвердительно. «Тогда перестаньте бренчать!» — гаркнул его превосходительство и отпустил меня мановением руки.

Ах, как многие, желая по-прежнему иметь кусок хлеба с маслом, в последние годы перестали «бренчать!».

Продаваться надо легко и дорого. Чем талантливее твое перо, тем дороже оно должно обходиться власть имущим.

Ну это просто жизненный принцип очень многих «мастеров пера» в последние полтора десятилетия. Впрочем, тут же — и продолжение:

Моральные ценности не продаются, Банев. Их можно разрушить, купить их нельзя. Каждая моральная данная ценность нужна только одной стороне, красть или покупать ее не имеет смысла. Господин Президент считает, что купил живописца Р.Квадригу. Это ошибка. Он купил халтурщика Р. Квадригу, а живописец протек между пальцами и умер.

Это что-то вроде демократических выборов: большинство всегда за сволочь...

Именно то, что наиболее естественно, менее всего подобает человеку...

И, наконец, знаменитое:

Будущее создается тобой, но не для тебя.

Но и время «Гадких Лебедей» закончилось — 18 марта 2014 года, с аннексией Крыма и началом необъявленной войны с Украиной.

И пророческим стал «Обитаемый остров», рисующий жутковатый образ тоталитарного мира, в котором власть держится на «промывке мозгов», тщательной воспитываемой преданности к вождям и ненависти к врагам, как внешним, так и внутренним, которыми объявлены «выродки», не восприимчивые к излучению башен.

Излучение башен предназначалось не для выродков. Оно действовало на нервную систему каждого человеческого существа этой планеты. Мозг облучаемого терял способность к критическому анализу действительности. Человек мыслящий превращался в человека верующего, причем верующего иступленно, фанатически, вопреки бьющей в глаза реальности. Человеку, находящемуся в поле излучения, можно было элементарными средствами внушить все, что угодно, и он принимал внушаемое как светлую и единственную истину и готов был жить для нее, страдать за нее, умирать за нее.

Поле было всегда. Незаметное, вездесущее, всепроникающее. Оно непрерывно излучало гигантская сеть башен, опутывающая страну. Гигантским пылесосом оно вытягивало из десятков миллионов душ всякое сомнение по поводу того, что кричали газеты, брошюры, радио,

телевидение, что твердили учителя в школах и офицеры в казармах, что сверкало неонам поперек улиц, что провозглашалось с амвонов церковей. А дважды в сутки, в десять утра и в десять вечера, гигантский пылесос запускали на полную мощность, и на полчаса люди переставали вообще быть людьми».

Именно это — превращение «человека мыслящего в человека верующего вопреки бьющей в глаза реальности» мы наблюдаем сегодня у очень и очень многих. При этом башни-излучатели в нынешней России после марта 2014 года включают на полную мощность не по два раза в день на полчаса, как на Саракше, а круглосуточно. Ведь почти все российское телевидение, с его часами ненависти ко всему, что ненавистно власти, с бесконечными соловьевыми-киселевыми-поповыми-скабеевыми-шевченко-норкиными-андреевыми-багдасаровыми, и с устранением любых сомнений в правильности действий «Неизвестных Отцов»... простите, президента и его администрации, — просто калька с излучения башен Саракша.

Это излучение, — мощность которого пробивает защитные барьеры, позволяющие человеку сомневаться, думать, анализировать, сохранять способность к критическому анализу действительности, — действует на большинство российских граждан. И лишь меньшинство «выродков», объявленных «национал-предателями» и «пятой колонной» невосприимчиво к излучению...

А еще на Саракше, — как в любом тоталитарном мире, — все поставлено на службу Государству, безраздельно властвующему над жизнью любого. И крайняя нищета в «Районах, Еще Не Достигших Процветания» сочетается с фанатичной верой в необходимость отдавать все силы на нужды обороны от коварных врагов, как внешних, так и внутренних. К бывшим провинциям старой империи, — Хонти и Пандее, провозгласившим независимость в тяжелые времена, — относятся так: «Вернуть гадов в лоно, предварительно строго наказав» (не это ли мы видели в последние годы, когда с телеэкрана раз за разом требовали «идти на Киев?»).

Ну, а правители — «Неизвестные Отцы — это «анонимная группа наиболее опытных интриганов, остатки партии путчистов, сохранившиеся после двадцатилетней борьбы за власть между военными, финансистами и политиками. У них две цели,

одна — главная, другая — основная. Главная — удержаться у власти. Основная — получить от этой власти максимум удовлетворения». Разве что, правители у нынешней России не анонимные — а все прочее, как нетрудно заметить, уверенно сходится...

Частично, впрочем, мир «Обитаемого острова», в котором мы оказались после Крыма (и написанный, как рассказывал мне Борис Стругацкий, по образцу советского общества 40-х годов, причем «Боевая Гвардия», борющаяся с «выродками», должна была напоминать НКВД), оказался совпадающим со средневековым миром «Трудно быть богом».

Вокруг сегодня — множество узнаваемых по «Трудно быть богом» деталей.

Мир, с точки зрения лавочников, «совсем не плох: цены на хлеб падают, цены на латы растут, заговоры раскрываются вовремя, колдунов и подозрительных книгочеев сажают на кол». Это вам не «не смутное время» — «прочность престола, благосостояние, незыблемое спокойствие и справедливость» (совсем как пропагандистские сравнения путинской эпохи «стабильности и порядка» с «лихими 90-ми»). И король в этом мире «по обыкновению велик и светел, а дон Рэба безгранично умен и всегда начеку».

Правда, в этом мире «горожане перестали распевать куплеты политического содержания, стали очень серьезными и совершенно точно знали, что необходимо для блага государства».

Правда, в этом мире господствует «ощущение наползающей тени. Непонятно, чья, непонятно, откуда, но она наползает и наползает совершенно неотвратно».

Правда, в этом мире, когда после торжествовавшей серости приходят черные, дают «пять розог без целования за невесторженный образ мыслей».

Недаром в земном аналоге этого мира — России начала 21 века, — правит почти два десятка лет и намеревается править дальше, несменяемый дон Рэба.

Помните, как все начиналось?

Три года назад он вынырнул из каких-то заплесневелых подвалов дворцовой канцелярии, мелкий, незаметный чиновник, угодливый, бледненький...

Не высокий, но и не низенький, не толстый и не очень тощий, не слишком густоволос, но и далеко не лыс. В движениях не резок, но и не медлителен, с лицом, которое не запоминается, которое похоже сразу на тысячи лиц. Вежливый, галантный с дамами, внимательный собеседник, не блещущий, впрочем, никакими особенными мыслями...

Он никто. Он ниоткуда. Это не могучий ум при слабом государе, каких знала история, не златолюбец-временщик, думающий лишь о золоте и о бабах, убивающий направо и налево ради власти и властвующий, чтобы убивать...

Мы тут ломаем головы, пытаюсь втиснуть сложную противоречивую фигуру орла нашего дона Рэбы в один ряд с Ришелье, Неккером и Монком, а он оказался мелким хулиганом и дураком. Он предал и продал все, что мог, запутался в собственных затеях, насмерть струсил и кинулся спасаться к Святому Ордену.

Но не стоит надеяться, что после «настоящего макроскопического воздействия» удастся, как мечтает благородный дон Румата, увидеть «спины серой сволочи, озаряемые лиловыми вспышками выстрелов, и перекошенную животным ужасом всегда такую незаметную, бледненькую физиономию дона Рэбы и медленно обрушивающуюся внутрь себя Веселую Башню».

Последнее. В каком мире мы живем сегодня? Ни в одной книге АБС, пожалуй, нет точной аналогии. Смесь из «Обитаемого острова», «Трудно быть богом» и «Гадких лебедей». Мир, где «умные нам не надобны, надобны верные». Именно такие и расставлены на большинство государственных постов после двух десятилетий негативного отбора. Они умеют запрещать и карать, воровать и обманывать, пресмыкаться перед высшими и унижать низших. Но категорически не умеют принимать верные решения в сложных ситуациях, и думать о благополучии граждан, а не о собственном.

Что же, менять этот мир придется самим — без прогрессоров с другой планеты.

**«БУДУЩЕЕ – ЭТО ТЩАТЕЛЬНО
ОБЕЗВРЕЖЕННОЕ НАСТОЯЩЕЕ».
И ДРУГОЕ, СКАЗАННОЕ СТРУГАЦКИМИ***

Книги Аркадия и Бориса Стругацких начали растаскивать на цитаты еще полвека назад.

Эти цитаты действовали как пароль, как маркер, безошибочно позволяющий в любой компании определить единомышленника, близкого тебе по духу и восприятию мира.

Стоило лишь услышать от прежде незнакомого человека «Мерзко, когда день начинается с дона Тамэо», или «нет ничего невозможного, есть только маловероятное», или «профессор Выбегалло кушал», или «пять розог без целования за невесторженный образ мыслей»...

Отобрать лучшее из сказанного ими — невероятно трудная задача. Наверное, у каждого из выросших в мирах братьев Стругацких этот список будет своим. Для меня он — вот такой.

«Стажёры»

В двадцать лет, отправляясь в дальний поход, все берут с собой фотографии и потом не знают, что с ними делать. В книгах говорится, что на эти фотографии нужно смотреть украдкой и чтобы при этом глаза были полны слез или уж, во всяком случае, затуманивались. Только на это никогда не хватает времени. Или еще чего-нибудь, более важного.

Мы все стажеры на службе у будущего. Старые стажеры и молодые стажеры. Мы стажиремся всю жизнь, каждый по-своему. А когда мы умираем, потомки оценивают нашу работу и выдают диплом на вечное существование.

Нет ничего невозможного, есть только маловероятное.

* Новая газета, 10.10.14

Жизнь даёт человеку три радости. Друга, любовь, работу. Каждая из этих радостей уже стоит многого. Но как редко они собираются вместе!

«Понедельник начинается в субботу»

Каждый человек — маг в душе, но он становится магом только тогда, когда начинает меньше думать о себе и больше о других.

Человек — это только промежуточное звено, необходимое природе для создания венца творения: рюмки коньяка с ломтиком лимона.

Бессмыслица — искать решение, если оно и так есть. Речь идет о том, как поступать с задачей, которая решения не имеет.

«Сказка о тройке»

У каждого вида существует своя исторически сложившаяся, передающаяся из поколения в поколение мечта. Осуществление такой мечты и называют обычно великим свершением.

У людей было две исконные мечты: мечта летать вообще, проистекшая из зависти к насекомым, и мечта слетать к Солнцу, проистекшая из невежества, ибо они полагали, что до Солнца рукой подать.

Если начальство недовольно каким-нибудь ученым, вы объявляете себя врагом науки вообще. Если начальство недовольно каким-нибудь иностранцем, вы готовы объявить войну всему, что за кордоном.

Нет ничего более гибкого и уступчивого, нежели юридические рамки.

Проблема, которую мы здесь решаем, поставлена некорректно. Она базируется на смутных понятиях, на неясных формулировках, на интуиции. Как ученый я не берусь решать эту задачу. Это было бы несерьезно. Остается одно: быть человеком. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

«Хищные вещи века»

Если во имя идеала человеку приходится делать подлости, то цена этому идеалу — дерьмо.

Они были люди, так сказать, решительного действия, гиганты немедленных решительных мер. Они не давали спуску. Они рубили узлы и срывали дамкловы мечи. Они принимали решения быстро, а приняв, больше уже не сомневались. Они не умели иначе.

До каких же пор вас нужно будет спасать? Вы когда-нибудь научитесь спасать себя сами? Почему вы вечно слушаете попов, фашиствующих демагогов, дураков? Почему вы не желаете утруждать свой мозг? Почему вы так не хотите думать?

«Далекая Радуга»

Манеры любого человека странны. Естественными кажутся только собственные манеры.

Я не знаю, с чего начать, а через минуту я буду уже не человек, а взбесившийся администратор. Вы никогда не видели взбесившегося администратора? Сейчас увидите. Я буду судить, карать, распределять блага! Я буду властвовать, предварительно разделив!

Ох, до чего же это трудно — решать! Надо выбрать и сказать вслух, громко, что ты выбрал. И тем самым взять на себя гигантскую ответственность, совершенно непривычную по тяжести ответственность перед самим собой, чтобы оставшиеся три часа жизни чувствовать себя человеком, не корчиться от непереносимого стыда и не тратить последний вздох на выкрик «Дурак! Подлец!», обращенный к самому себе.

«Попытка к бегству»

Почему все устроено так глупо: можно спасти человека от любой неважной беды — от болезни, от равнодушия, от смерти, и только от от настоящей беды — от любви — ему никто и ничем не может помочь...

В этом мире царит средневековье, это совершенно очевидно. Но уже теперь здесь есть люди, которые желают странного. Как это прекрасно — человек, который желает странного!

Вы хотите изменить естественный ход истории. А знаете вы, что такое история? Это само человечество! И нельзя переломить хребет истории и не переломить хребет человечеству...

Что вы будете делать, когда придется стрелять? А вам придется стрелять, когда вашу подругу-учительницу распнут грязные монахи.

И вам придется стрелять, когда вашего друга-врача забьют насмерть палками молодчики в ржавых касках! И тогда вы озвереее и из колонистов превратитесь в колонизаторов...

«Трудно быть богом»

Протоплазма, подумал Румата. Жрущая и размножающаяся протоплазма.

Мир совсем не плох, цены на хлеб падают, цены на латы растут, заговоры раскрываются вовремя, колдунов и подозрительных книгочеев сажают на кол, король по обыкновению велик и светел, а дон Рэба безгранично умен и всегда начеку.

Кстати, благородные доны, чей это вертолет позади избы?

Трусоват наш дон Тамэо, да и политик известный...

Мерзко, когда день начинается с дона Тамэо...

Умные нам не надобны. Надобны верные.

Суть в основных установлениях нового государства. Установления просты, и их всего три: слепая вера в непогрешимость законов, беспрекословное оным повиновение, а также неусыпное наблюдение каждого за всеми!

Горожане перестали распевать куплеты политического содержания, стали очень серьезными и совершенно точно знали, что необходимо для блага государства.

Мы думали, что это будет вечный бой, яростный и победоносный. Мы считали, что всегда будем сохранять ясные представления о добре и зле, о враге и друге. И мы думали в общем правильно, только многого не учли.

Разве бог имеет право на какое-нибудь чувство, кроме жалости?

Там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные.

В темноте мы во власти призраков. Но больше всего я боюсь тьмы, потому что во тьме все становятся одинаково серыми.

Мне объяснили, что правда — это то, что сейчас во благо королю... Все остальное ложь и преступление.

Мы смели серую нечисть с лица земли, и так сладко и вольно дышится теперь в возрожденном Арканаре!

Это был известный рыботорговец, ему назначили пять розог без целования за невосторженный образ мыслей

Раб гораздо лучше понимает своего господина, пусть даже самого жестокого, чем своего освободителя, ибо каждый раб отлично представляет себя на месте господина, но мало кто представляет себя на месте бескорыстного освободителя.

«Гадкие лебеди»

Именно то, что наиболее естественно, менее всего подобает человеку.

Господин президент изволили взвинтить себя до последней степени, из клякастой пасти летели брызги, и я достал платок и демонстративно вытер себе щеку, и это был, наверное, самый смелый поступок в моей жизни, если не считать того случая, когда я дрался с тремя танками сразу.

Будущее — это тщательно обезвреженное настоящее.

Государственный аппарат, господа, во все времена почитал своей главной задачей сохранение статус-кво. Не знаю, насколько это было оправданно раньше, но сейчас такая функция государства попросту необходима. Я бы определил эту функцию так: всячески препятствовать будущему запускать свои щупальца в наше время, обрубить эти щупальца, прижигать их каленым железом...

— Ты слишком любишь маринованные миноги. И одновременно — справедливость.

— Правильно. Но, по-моему, это хорошо.

— Это неплохо. Но если бы тебе пришлось выбирать, ты бы выбрал миноги, вот что плохо.

— Скажи, а ты как — сначала напишешь, а потом уже вставляешь национальное самосознание?

— Нет, — сказал Виктор. — Сначала я проникаюсь национальным самосознанием до глубины души: читаю речи господина президента, зубрю наизусть богатырские саги, посещаю патриотические собрания. Потом, когда меня начинает рвать — не тошнить, а уже рвать, — я принимаюсь за дело...

Страны, которые нравились господину президенту, вели справедливые войны во имя своих наций и демократии. Страны, которые го-

сподину президенту почему-либо не нравились, вели войны захватнические и даже, собственно, не войны вели, а попросту производили бандитские, злодейские нападения.

Продаваться надо легко и дорого — чем честнее твое перо, тем дороже оно обходится власть имущим, так что, и продаваясь даже, ты носишь ущерб идеологическому противнику, и надо стараться, чтобы ущерб этот был максимальным...

Есть люди, которые не могут жить без прошлого, они целиком в прошлом, более или менее отдаленном. Они живут традициями, обычаями, заветами, они черпают в прошлом радость и пример. Скажем, господин президент. Что бы он делал, если бы у нас не было нашего великого прошлого? На что бы он ссылался и откуда бы он взялся вообще?

Как это славно — вовремя помереть!

Это что-то вроде демократических выборов: большинство всегда за сволочь...

Все благородные поступки глупы.

Будущее создается тобой, но не для тебя.

«Второе нашествие марсиан»

В таком маленьком городке, как наш, учителя знают все. Родители твоих учеников почему-то воображают, будто ты чудотворец и своим личным примером способен помешать их детям устремиться по стопам родителей.

Представления не имею, что же еще нужно оторвать человеку, чтобы он навсегда перестал быть унтер-офицером

Полифем жить не может без патриотизма. Без ноги он жить может, а вот без патриотизма у него не получается

Хоть бы одна сволочь спросила, что она должна делать. Так нет же, каждая сволочь спрашивает только, что с ней будут делать.

Если человек бесчестен, то он бесчестен до конца.

Не в громе космической катастрофы, не в пламени атомной войны и даже не в тисках перенаселения, а в сытой, спокойной тишине кончается, видите ли, история человечества.

«Обитаемый остров»

Неизвестные Отцы — это анонимная группа наиболее опытных интриганов, остатки партии путчистов, сохранившиеся после двадцатилетней борьбы за власть между военными, финансистами и политиками. У них две цели, одна — главная, другая — основная. Главная — удержаться у власти. Основная — получить от этой власти максимум удовлетворения.

Глупость есть следствие бессилия, а бессилие проистекает из невежества, из незнания верной дороги... но ведь не может быть так, чтобы среди тысячи дорог не нашлось верной!

Он вдруг впервые подумал, что на Земле тоже могло так случиться и он был бы сейчас таким, как все вокруг — невежественным, обманутым, раболепным и преданным.

Ваша совесть возмущена существующим порядком вещей, и ваш разум послушно и поспешно ищет пути изменить этот порядок. Но у порядка есть свои законы. Эти законы возникают из стремлений огромных человеческих масс, и меняться они могут тоже только с изменением этих стремлений.

Совесть своей болью ставит задачи, разум — выполняет. Совесть задает идеалы, разум ищет к ним дороги. Это и есть функция разума — искать дороги. Без совести разум работает только на себя, а значит — в холостую.

Идеалы потому и называются идеалами, что находятся в разительном несоответствии с действительностью. И поэтому, когда за работу принимается разум, холодный, спокойный разум, он начинает искать средства достижения идеалов, и оказывается, что средства эти не лезут в рамки идеалов, и рамки нужно расширить, а совесть слегка подрастянуть, подправить, приспособить...

Пусть ваша совесть не мешает вам ясно мыслить, а ваш разум пусть не стесняется, когда нужно, отстранить совесть.

История нашей империи знает немало случаев, когда дерзкие и сильные одиночки добивались до трона... Правда, именно они-то и создали самые жестокие традиции тирании.

Либералы были в общем против башен и против Неизвестных Отцов. Однако больше всего они боялись гражданской войны. Это были национальные патриоты, чрезвычайно пекущиеся о славе и мощи государства и опасющиеся, что уничтожение башен приведет к хаосу,

всеобщему оплеванию святынь и безвозвратному распаду нации. В подполье они сидели потому, что все, как один, были сторонниками парламентских форм правления...

Политика есть искусство отмывать дочиста очень грязной водой.

Имейте в виду и расскажите своим друзьям. Вы живете не на внутренней поверхности шара. Вы живете на внешней поверхности шара. И таких шаров еще множество в мире, на некоторых живут гораздо хуже вас, а на некоторых — гораздо лучше вас. Но нигде больше не живут глупее.

«Жук в муравейнике»

Существуют на свете носители разума, которые гораздо, значительно хуже тебя, каким бы ты ни был. И вот только тогда ты обретаешь способность делить на чужих и своих, принимать мгновенные решения в острых ситуациях и научаешься смелости сначала действовать, а потом разбираться. В этом сама суть прогрессора: умение решительно разделить на своих и чужих.

Нам разрешается прослыть невеждами, мистиками, суеверными дураками. Нам одного не простят: если мы недооценили опасность.

«Волны гасят ветер»

Раз мы спрямляем чью-то историю, значит, и нашу историю могут попытаться спрямить...

Я был прогрессором всего три года, я нес добро, только добро, ничего, кроме добра, и, господи, как же они ненавидели меня, эти люди! И они были в своем праве. Потому что боги пришли, не спрашивая разрешения.

Ветер богов поднимает бурю, но он же раздувает паруса.

Во всей Вселенной только одно наше человечество занимается прогрессорством, потому что у нас история такая, потому что мы плачем о своем прошлом... Мы не можем его изменить и стремимся хотя бы помочь другим, раз уж не сумели в свое время помочь себе.

Дедушка Горбовский. Он был как из сказки: всегда добр и поэтому всегда прав. Такая была его эпоха, что доброта всегда побеждала. «Из всех возможных решений выбирай самое доброе».

«Отягощенные злом»

Конечно же, мечтать надо. Надо мечтать. Но далеко не всем и отнюдь не каждому. Есть люди, которым мечтать прямо-таки противопоказано.

Самые убедительные наши победы мы одерживаем над воображаемым противником.

Люди несоизмеримы, как бесконечности. Нельзя утверждать, будто одна бесконечность лучше, а другая хуже.

Каждый человек — человек, пока он поступками своими не показал обратного.

Вся эта погань испытывает наслаждение, не только издеваясь над теми, кто попал ей в лапы, она же наслаждается и собственными своими унижениями в лапах того, кого считает выше себя.

Из десяти девять не знают отличия тьмы от света, истины от лжи, чести от бесчестья, свободы от рабства.

«Пикник на обочине»

Разум есть способность живого существа совершать нецелесообразные или неестественные поступки.

«Повесть о дружбе и недружбе»

Известно, что есть лишь один способ делать дело и множество способов от дела уклоняться

«Град обреченный»

Если у еврея отнять веру в бога, а у русского — веру в доброго царя, они становятся способны черт знает на что.

Вас никто не тронет: вы — желтоватая оппозиционная либеральная газетка. Вы просто перестанете быть оппозиционными и либеральными.

Приходя — не радуйся, уходя — не грусти.

Лучше всего быть там, откуда некуда падать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Выигрывает вовсе не тот, кто умеет играть по всем правилам; выигрывает тот, кто умеет отказаться в нужный момент от всех правил, навязать игре свои правила, неизвестные противнику, а когда понадобится — отказаться и от них.

Ничего человек не может и не умеет. Одно он может и умеет — жить для себя.

У человека должна быть цель, он без цели не умеет, на то ему и разум дан. Если цели у него нет, он её придумывает...

Право на власть имеет тот, кто имеет власть. А ещё точнее, если угодно, — право на власть имеет тот, кто эту власть осуществляет. Умешь подчинять — имеешь право на власть. Не умешь — извини!

Великие писатели всегда брюзжат. Это их нормальное состояние, потому что они — это больная совесть общества, о которой само общество, может быть, даже и не подозревает.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ

Венера Галеева

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫЛ СТАТЬ ФИЛЬМ «ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ» В 1969 ГОДУ*

В архивах нашли сценарий к фильму «Трудно быть богом», каким его хотели видеть Борис и Аркадий Стругацкие. Фильм предполагали снимать с азартом, а юмора в нем было столько, что «сцену с пьяным Руматой» предпочли убрать.

Считавшийся утраченным сценарий фильма «Трудно быть богом», написанный Аркадием и Борисом Стругацкими в 1968 году, нашли в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга. Там же обнаружено и «сценарное дело» — 35 страниц документов, из которых следует, что советский фильм по культовой повести должен был получиться наполненным юмором и приключениями, несмотря на мрачный антураж и личное поражение могущественного, но скованного должностными обязательствами главного героя.

Повесть Аркадия и Бориса Стругацких «Трудно быть богом» («ТББ») пытались экранизировать несколько раз. В итоге фильмов вышло два. В 1989 году вышел фильм режиссера Петера Фляйшмана из ФРГ, его соавторами по сценарию стали Жан-Клод Каррьер, Даль Орлов и Берт Вайншенкер. Братья Стругацкие никак не участвовали в работе над фильмом, и результат им не понравился. Писатели хотели, чтобы их повесть экранизировал советский режиссер, желательно Алексей Герман. Фильм Германа вышел в 2013 году, ни Аркадий, ни Борис Стругацкие до премьеры не дожили. Сценарий к картине Алексей Герман

* «Фонтанка.ру». 25.02.2020.

написал в соавторстве с женой, Светланой Кармалитой. Поклонники творчества Стругацких картину приняли холодно.

А спустя семь лет выяснилось, каким мог быть фильм, если бы его сняли по сценарию, написанному самими братьями Стругацкими.

Случайности не случайны

Оригинальный сценарий фильма по повести «Трудно быть богом», написанный братьями Стругацкими, никогда не публиковался на русском языке и многие годы считался утраченным. Но в феврале 2020-го выяснилось, что и сам сценарий, и целая папка документов, описывающих этапы работы над ним, более пятидесяти лет хранились в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга.

«Сценарное дело» братьев Стругацких было «раскрыто» спустя более чем пятьдесят лет благодаря случайности. Доцент Высшей школы печати и медиатехнологий Алина Клименко занималась подготовкой научной статьи о творчестве поэта Геннадия Алексева. В шестидесятые он написал поэму «Жар-Птица» о блокадном Ленинграде. Текст решили опубликовать только в середине 70-х, и то только после того, как автор убрал из него самые страшные детали. Алина Клименко искала в ЦГАЛИ материалы о творчестве Алексева. И обратила внимание на то, что в каталоге сценарных заявок есть карточка с заголовком «Пикник на обочине». То есть в архиве хранился авторский вариант сценария фильма, который не был бы похож на снятого Тарковским «Сталкера». Этим наблюдением Алина Клименко поделилась с профессором Алексеем Ельяшевичем, а тот сообщил о находке депутату петербургского ЗакСа от партии «Яблоко» Борису Вишневному, который был дружен с Борисом Стругацким, добился присвоения имени писателей «двойной» площади на Московском проспекте и является признанным знатоком их творчества.

«Я знал, что Бориса Лазаревича заинтересует любая информация, касающаяся Стругацких, — рассказал «Фонтанке» Алексей Ельяшевич. — С его подачи мы продолжили поиски. И оказалось, что там есть очень интересные материалы, вплоть до рецензий

Стругацких на некоторые фильмы. Более того, в документах упоминается, что по одной из их книг планировали поставить оперу. Но эти материалы нам еще только предстоит получить из архива».

Французский след

Оказалось, что летом 2019 года сценарий фильма «Трудно быть богом» был издан в Париже на французском языке. «Сценарий «Трудно быть богом», написанный в 1968 году Аркадием и Борисом Стругацкими и Алексеем Германом, является прекрасным примером традиции советского литературного сценария и увлекательным объектом, знаменующим начало истории создания фильма, которая растянется более чем на полвека», — говорится в французской аннотации к изданию. Кандидат наук и доцент по киноведению в университете Париж VIII Евгения Звонкина просматривала «сценарное дело» в 2014 году. Когда вышла книга, литературный агент Стругацких за рубежом Франц Роттенштайнер сообщил об этом координатору группы исследователей творчества АБС (традиционная в кругах любителей фантастики аббревиатура, образованная инициалами писателей) «Людены» Юрию Флейшману. «Франц Роттенштайнер, когда за границей выходят книги Стругацких, обычно пересылает экземпляры родственникам и мне, — рассказал Юрий Флейшман «Фонтанке». — Но в качестве источника Евгения Звонкина указала в своей публикации РГАЛИ, поэтому сначала мы тщетно искали сценарий в московском архиве, а не в Петербурге. Сейчас готовится к выходу полное собрание сочинений Аркадия и Бориса Стругацких в 33 томах, там не будет ранее не известных текстов. Тираж — всего 300 экземпляров. Раньше мы работали только с теми документами, которые хранились в личных архивах братьев Стругацких. Дело в том, что специалисты-литературоведы, которые умеют работать с архивами, не воспринимали Стругацких как серьезных писателей, и их творчество исследовали любители, вроде группы «Людены». Теперь ситуация меняется: по книгам АБС защищаются диссертации, появляются новые исследования».

При этом на сегодняшний день сделаны далеко не все открытия, связанные со сценариями братьев Стругацких. Например,

в «сценарном деле» содержится третий вариант сценария, после изменений и правок, внесенных по требованию комиссии «Ленфильма». Возникает вопрос: а где тогда первый и второй варианты и чем они отличались?

«Из первого варианта сценария у нас пока есть только одна страница, — говорит Юрий Флейшман. — Но из материалов, которые уже обнаружены, мы знаем, что в московском архиве хранится сценарий некоего исторического мультипликационного фильма, который Борис Стругацкий написал совместно с Алексеем Германом. Это был период, когда они сидели без денег, и сценарий написали, вероятно, ради заработка».

Фантастический контракт

«Сценарное дело» было начато в январе 1966 года, а закрыто в декабре 1968-го.

Сначала все шло по плану. В январе и марте 66-го Стругацкие исправно сдавали текст, вносили требуемые поправки и получили два аванса. Третий аванс в июле того же года им выплачен не был, потому что сценарий законсервировали. Работа была возобновлена только в феврале 1968 года. А в июне художественный совет принял готовый сценарий и рекомендовал его руководству студии «Ленфильм». Но студия его не приняла.

Директор 3-го творческого объединения Геннадий Малышев заключил с авторами договор на фантастические в реалиях середины 60-х четыре тысячи рублей. На эти деньги можно было купить кооперативную квартиру. При этом по договору авторы имели право принимать участие в работе съемочной группы, а все изменения в сценарии должны были согласовываться с ними.

«В предлагаемом сценарии существенно не практически утилитарная сторона коллизии, а этическое содержание побуждений героя, высота человеческого духа, непримиримого и сильного, утверждающего себя в трагедийном конфликте, — говорится в сценарной заявке братьев Стругацких. — Сценарий построен на остром сюжете, но главной его задачей является показать столкновение двух противоположных моралей, психологий,

мировоззрений — коммунистических с одной стороны и фашистских, мещанских, варварских с другой».

В феврале 1966 года Стругацкие не только сдали первый вариант сценария, но и получили по нему редакторское заключение. Редакторы Рохлин и Михайлова похвалили работу за острый сюжет, развитый юмор и наличие интеллектуального героя, но отметили, что завязка в повести кажется им вернее той, которую Стругацкие выбрали для сценария. «Видимо, надо начинать с частного и конкретного, то есть с темы Будаха, с тем, чтобы через это силой заданной необходимости втянуться в более сложные и значащие отношения». В книге сюжет, действительно, начинается с того, что Румата пытается спасти арестованного доном Рэбой доктора Будаха. А первый вариант сценария, судя по редакторским замечаниям, начинался в лоб — с рассказа о том, что в Арканаре «под прикрытием» работают сотрудники Института экспериментальной истории с Земли. «Сказав в экспозиции лишнее вы, наряду с этим, лишили нас необходимой информации, — отмечают редакторы. — Кто эти люди? Где они? Какова их задача?.. Что связывает их с Землей?» Также не понравилось авторам отзыва то, что единственный женский персонаж — Кира — в сценарии занимает «чисто обстоятельное место»: «Драматургические приличия требуют найти ей собственное стремление, дать ей пусть небольшую, но собственную роль».

«Надо делать азартно»

Второй вариант сценария Стругацкие должны были сдать 15 апреля 1966 года, но авторы попросили продлить срок до 15 июня, так как много времени ушло на обсуждение работы с редакцией 3-го творческого объединения.

В «сценарном деле» сохранился протокол заседания редсовета от 1 июня 1966 года, из которого следует, что во втором варианте сценария было много юмора. Впрочем, сцену с пьяным Руматой, которая присутствовала в первом варианте, авторы убрали. Но сценарий все равно был достаточно веселым и приключенческим. И тут встал вопрос о том, где взять подходящего под это настроение режиссера. «И это сложный вопрос — надо делать азартно,

легко», — говорится в протоколе. Кроме того, участникам обсуждения неубедительными показались рассуждения Руматы о том, что он, как наблюдатель, не имеет права вмешиваться в ситуацию, а как только дело коснулось его лично и Киры, которую он любил, герой тут же обнажил меч. «Не случайно вызывает этот сценарий столько споров. Сложно, как в жизни. Мы обладаем массой силы и не можем вмешаться в условия и жизнь Китая или Америки». Комиссию беспокоит, как фильм с главным героем, который обладает почти неограниченной силой и при этом не может ее применить, чтобы побороть несправедливость, воспримут зрители. «Нельзя внушать людям мысль, что их гражданские, нравственные возможности ограничены». Кроме того, участники обсуждения отметили, что сюжет больше ассоциируется не со Средневековьем, а с Третьим Рейхом, хотя дон Пампа в сценарии чем-то напоминает Тиля Уленшпигеля. И на его фоне Румата, обремененный многими знаниями, проигрывает. А еще в сценарии присутствовал начальник Руматы, дон Кондор — разведчик с Земли, который живет в Арканаре много лет. По мнению комиссии, этот персонаж мешал главному герою принимать решения, делал его несамостоятельным. В целом же второй вариант сценария был признан далеким от готовности. Прежде всего потому, что мрачный антураж в нем полностью вытеснил идею, которая четко была прописана в повести: подвиг самодисциплины во имя далекой и большой цели. В сценарии же получилась история о бессилии главного героя перед обстоятельствами и предопределенности его личного поражения. При этом комиссия подчеркнула, что на этом этапе уже требуется участие будущего режиссера картины. Работа над сценарием была законсервирована на время поиска такого режиссера.

Летом 1967 года такой режиссер нашелся. В августе редактор-организатор 3-го творческого объединения Михайлова сообщила об этом братьям Стругацким официальным письмом. «Последнее время довольно активную привязанность к вашей повести и отчасти к написанному сценарию проявляет наш молодой режиссер А. Ю. Герман, — говорится в письме. — Который через некоторое время завершит свою первую самостоятельную постановку и будет иметь возможность целиком посвятить себя заинтересовавшей его теме».

«Трудно быть богом». Главное

Третий, итоговый вариант сценария делался уже вместе с Германом. Основой сюжета должен был стать поиск и спасение доктора Будаха. То, что дон Румата на самом деле разведчик с Земли по имени Антон, зрителю предполагалось сообщить не сразу. Одним из ключевых эпизодов, смещенных в начало сюжета, должен был стать диалог Руматы и местного бунтовщика Араты Горбатого, который, зная, что благородный дон — практически бог, требует дать ему силу богов для мятежа против диктатора. В отношениях Руматы с Кирой должен был появиться драматический конфликт. Третий вариант сценария Стругацкие сдали 21 июня 1968 года. Спустя месяц художественный совет 3-го творческого объединения дал свое итоговое заключение. Найденные в тексте недостатки, такие как длинноты и излишне обиходные «земные» речевые характеристики в диалогах, были признаны второстепенными. «Художественный совет высоко оценил сценарий по его идейно-нравственному и художественному уровню, — говорится в заключении. — С учетом вышесказанных замечаний одобрил его и вынес решение рекомендовать руководству студии литературный сценарий «Трудно быть богом» к включению в тематический план 1969 года и запуску в режиссерскую разработку».

Окончательное решение должен был принять директор студии «Ленфильм» Илья Киселев. А 26 августа 1968 года Стругацкие получили письмо, в котором директор 3-го творческого объединения Малышев сообщил им, что студия сценарий отклонила, «указав на слабость драматургического решения». «Условность и приблизительность композиции лишает читателя (а, следовательно, и зрителя), возможности с доверием и интересом следить за развитием сюжета. «Несущая конструкция» этого сюжета — поиски и спасение ученого Будаха — не только малозначительна сама по себе, но и невыгодна для характеристики главного героя сценария, Антона, или дона Руматы. Миссия этого посланца Земли на другой планете представляется в конечном счете весьма неясной... Дон Румата произвольно всемогущ в одних ситуациях и столь же произвольно беспомощен — в других. Полагая, что опыт экранизации романа «Трудно быть богом» удачным признать

нельзя, руководство студии не сочло возможным принять предложенный нашим объединением сценарий». 28 декабря 1968 года был составлен акт списания, в котором говорится, что сценарий не нашел заинтересованного режиссера. Роль Алексея Германа в работе над третьим вариантом сценария в документе никак не отмечена.

«Много лет считалось, что сценарий фильма по «ТББ» безвозвратно утерян. В разговоре со мной в августе 1995 года Борис Натанович говорил: «Сценарий куда-то исчез, мы не могли найти ни одного экземпляра, потом Алексей Герман где-то его разыскал, но снимать он будет совсем другое кино...», — рассказал «Фонтанке» Борис Вишневский. — И вот все нашлось — и сценарий, и «сценарное дело», завершающееся отказом руководства «Ленфильма» снимать картину. Несмотря на одобрение худсовета. Почему? Моя гипотеза проста. За пять дней до этого, 21 августа 1968 года закончилась попытка строить «социализм с человеческим лицом»: войска пяти стран Варшавского договора вошли в Чехословакию, раздавив «Пражскую весну». На этом и завершилась знаменитая «оттепель» 60-х. Борис Натанович говорил мне, что именно после этих событий у них с братом «наступил конец всех иллюзий».

Уверен, что это не случайное совпадение: август 68-го стал началом очень долгой реакции. И недаром в 70-е годы у Стругацких не вышло ни одной новой книги — только пара переизданий. Кстати, Борис Натанович как-то говорил мне: самое удивительное в судьбе Руматы вовсе не то, что на последних страницах «ТББ» он обнажает оба меча и идет крушить негодяев! Самое удивительное — то, что он не начинает этим заниматься с первых же страниц книги! И потому центральный эпизод «ТББ», на мой взгляд, — разговор Руматы с доктором Будахом... Очень жаль, что сценарий 1968 года не был реализован. Он как раз был бы — о главном».

ПОВЕСТЬ, СОЗДАННАЯ ДЛЯ ЭКРАНИЗАЦИИ

Приведенный в книге (с разрешения автора) текст Венеры Галеевой замечательно описывает историю несостоявшегося фильма — который имел все шансы стать лучшей экранизацией ТББ. Но не стал — по указанным выше причинам.

А теперь — о самом сценарии.

С того момента, как я в первый раз взял в руки «Трудно быть богом» (этот сборник — издание «Молодой гвардии», 1964 года, с «Далекой Радугой» и ТББ, и поныне бережно хранится у меня на полке) прошло более полувека: это был далекий 1967 год.

И сразу стало ясно, что эта повесть создана для экранизации — но пришлось ждать почти четверть века: только в 1989 году вышел фильм Петра Фляйшмана. Впрочем, Борису Натановичу фильм этот (как и критикам) активно не понравился, он счел его «пошлым» и «желтым». Я был не столь критичен: Фляйшман снял добротный боевик, и актеры были прекрасные. В первую очередь, Александр Филиппенко, которому я через много лет, когда мы познакомились, подарил свою книгу «Двойная звезда» о братьях Стругацких с очевидной надписью «Дону Рэба от автора».

А были еще Андрей Болтнев — доктор Будах, и французская актриса Анн Готье — Кира, и Михаил Глузский — оружейник Гаук, и Регимантас Адомайтис — дон Кондор, он же Александр Васильевич, «главный» над прогрессорами Арканара, и грузинский актер Элгуджа Бурдули — великолепный барон Пампа дон Бау, и другие.

Но все же это был только боевик — ограничившийся лишь внешней фабулой повести, и оставивший, большей частью, за скобками ее социально-философское содержание и рассуждения главного героя.

В частности, знаменитый диалог Руматы и доктора Будаха, в котором Румата предлагает собеседнику представить себе, что у него есть возможность посоветовать богу, чтобы можно было сказать

«вот теперь мир добр и хорош», — был в фильме не просто вдвое сокращен. Из него «ушли» две, причем ключевые, финальные реплики. Когда Будах, перебрав все варианты советов (безжалостно опровергаемые Руматой), говорит «тогда, господи, оставь нас и дай нам идти своей дорогой» — а Румата отвечает «Сердце мое полно жалости. Я не могу этого сделать».

И возлюбленная Руматы, Кира, — смотрящая на него в этот момент «с ужасом и надеждой», и уже давно понявшая, что Румата — не обычный человек, и взявшая с него обещание, когда все закончится, рассказать, наконец, о себе, — не присутствует в экранном эпизоде вообще...

Минуло лет десять — и Борис Натанович сказал мне, что Алексей Герман начинает снимать ТББ. Я обрадовался, но ненадолго: БНС заметил, что Герман снимает, как обычно, что-то свое, имеющее весьма малое отношение к их книге. Что он в это не вмешивается, что Герман никак с ним не советуется — ну и ладно.

А еще через несколько лет мне попался комментарий Германа — что у него, оказывается, прообразом главного героя «Трудно быть богом» является Владимир Путин, который героическими усилиями пытается вытащить страну из крови, из грязи, из пропасти, к светлому будущему.

Ошарашенный, я прибежал к Борису Натановичу, сказав, что у меня Путин всегда ассоциировался никоим образом не с Руматой, а с совсем другим героем «Трудно быть богом» — доном Рэбой. «У меня тоже», — ответил Борис Натанович...

Помните?

«Три года назад он вынырнул из каких-то заплесневелых подвалов дворцовой канцелярии, мелкий, незаметный чиновник, угодливый, бледненький. Не высокий, но и не низенький, не толстый и не очень тощий, не слишком густоволос, но и далеко не лыс. В движениях не резок, но и не медлителен, с лицом, которое не запоминается, которое похоже сразу на тысячи лиц. Вежливый, галантный с дамами, внимательный собеседник, не блещущий, впрочем, никакими особенными мыслями»...

Фильм Германа был закончен уже после кончины БНС — на экраны он вышел только в 2013 году. И, как мне представляется, выдающийся режиссер Герман, снимая фильм «о своем»,

или не понял, или не захотел понять книгу Стругацких. Исчезли не только многочисленные, — и важнейшие для понимания, — рассуждения главного героя, исчезла проблема *выбора* («главная тема Стругацких — это выбор», — раз за разом повторял БНС). Тяжелейшая нравственная проблема — возможности или невозможности вмешательства в дела чужого мира. Может ли и должен ли человек с Земли спокойно смотреть, как в средневековом мире, куда он послал разведчиком, убивают, пытаются, насилуют, казнят? В какой степени он может — и может ли вообще, — вмешаться?

Опять же, процитируем ТББ — вот что говорит Румата дону Кондору в самом начале повествования:

«Мне не нравится, что мы связали себя по рукам и ногам самой постановкой проблемы. Мне не нравится, что она называется Проблемой Бескровного Воздействия. Потому что в моих условиях это научно обоснованное бездействие... Я знаю все ваши возражения! И я знаю теорию. Но здесь нет никаких теорий, здесь типично фашистская практика, здесь звери ежеминутно убивают людей! Здесь все бесполезно. Знаний не хватает, а золото теряет цену, потому что опаздывает...».

Все это, — и многое другое, — из фильма Германа ушло. И ушла суть книги.

Между тем, все могло быть иначе — так, как задумывали Стругацкие.

18 ноября 1965 года они подписывают заявку на сценарий ТББ, где говорится:

«Главный герой — ученый-историк, человек коммунистического века, лицом к лицу сталкивается с ужасами варварства, невежества, с миром феодальной жестокости, отягощенным какой-то разновидностью средневекового фашизма. Не в силах наблюдать страдания, которые несет местному населению фашизм, герой не может ограничиться только своей научной задачей — он вступает в опасный поединок со злом, отвоевывая для будущего этой планеты ее разум и совесть — ее лучших людей»...

Сценарий, — в варианте 1968 года, — начинается почти с концовки книги — когда прилетевшие на помощь земные разведчики находят на площади перед дворцом Антона-Румату, завершившего здесь свой кровавый путь, начавшийся после убийства Киры.

Которую, кстати, в сценарии зовут иначе — Ари. Возможно, затем, чтобы все имена жителей Арканара были иностранные?

На пустынной площади «мешками лежат люди в черном», и «зигзаг мертвых тел ведет к каменным ступеням приземистого здания, едва различимого в тумане». И тут находят Румату: «Он лежит ничком, руки его неестественно вывернуты, в полуразжатых кулаках — рукоятки мечей, один меч сломан». И, открывая глаза при виде своих, он беззвучно произносит «Трудно быть богом»...

В общем, типичный кинематографический (впрочем, и в книгах такое встречается) прием — когда пролог «закольцовывается» с финалом.

По всей видимости, после этого на экране должно было появиться название фильма — и должен был начать разворачиваться его сюжет.

Конечно, нельзя было всю повесть вместить в сценарий — чем-то Стругацкие должны были пожертвовать.

В результате «ушли» некоторые, в том числе «знаковые» эпизоды — и можно попытаться понять, почему авторы так поступили.

Не вошел в сценарий эпизод с посещением Руматой «Патриотической школы», которая была «учреждена иждивением дона Рэбы два года назад для подготовки из мелкопоместных купеческих недорослей военных и административных кадров». И не оказался среди персонажей будущего фильма ее прокуратор, «высокоученый отец Кин — садист-убийца, постригшийся в монахи».

В чем причина такого сокращения?

ТББ была написана в 1963 году — на пике хрущевской «оттепели». Но уже весной 1964-го прошел суд над «тунеядцем» Иосифом Бродским, а с осени 1965-го до весны 1966-го проходил процесс Андрея Синявского и Юлия Даниэля («смрадный и отвратительный, как газовая атака», по словам Бориса Натановича). И к осени 1967 года, как напишет потом БНС, «даже самому изумрудно-зеленому оптимисту ясно сделалось, что «оттепель прекратила течение свое» и пошел откат...».

В условиях этого отката знаменитое (и одно из самых цитируемых у Стругацких вообще) выражение отца Кина «Умные нам ненадобны, надобны верные» звучало, как возмутительная крамола, явно вызывая, как писали советские цензоры в своих замечаниях,

«нежелательные ассоциации» с окружающей действительностью. А ведь зрителю полагалось быть уверенным, что дело происходит на неведомой планете, где разведчик с коммунистической Земли сражается с средневековым фашизмом. И столь же «нежелательные ассоциации» могли вызвать и предложения отца Кина об основных установлениях нового государства — «слепая вера в непогрешимость законов, беспрекословное оным повиновение, а также неусыпное наблюдение каждого за всеми»...

Выпал из сценария и сюжетная линия, связанная с хозяином оружейной лавки отцом Гауком, у которого были «печальные добрые глаза и маленькие бледные руки в неотмытых чернильных пятнах». В его лавке Румата присматривал себе кинжалы и беседовал о поэзии — а потом, увидев его повешенным, как «скрытого книгочея», вспоминал его стихи:

Теперь не уходят из жизни,
Теперь из жизни уводят.
И если кто-нибудь даже
Захочет, чтоб было иначе,
Бессильный и неумельный,
Опустит слабые руки,
Не зная, где сердце спрута
И есть ли у спрута сердце...

На дворе был, напоминаем, 1968 год — и очень во многих семьях очень хорошо помнили недавние времена, когда из жизни не уходили, а уводили. Между тем, по словам Бориса Натановича, тогда «слухи о реабилитации Сталина возникали чуть не ежеквартально». Не потому ли и не вошел этот эпизод в сценарий?

Наконец, среди персонажей сценария нет доны Оканы, — фаворитки дона Рэбы.

Помните, как она присылает Румате письмо, с предложением нынче же вечером навестить ее, «томящуюся нежно» (а в постскриптуме простыми словами было написано, чего она, собственно, ждет от этой встречи)?

Сцену, где она неудачно пытается соблазнить Румату, мы еще в студенческие годы разобрали на цитаты — «совершенно не вижу, почему бы благородному дону не посмотреть на ируканские

ковры», «Мы, бедные провинциалки, неспособны устоять против такого натиска», «ваши ковры прекрасны, но мне пора»...

Почему эта линия ушла из сценария — можно догадаться: в 60-е годы в советском кино такие вольности не приветствовались.

Что касается других эпизодов книги, то в сценарии есть хоть и небольшие, но важные отличия.

Так, практически с самого начала появляется имя главаря бунтовщиков Араты Горбатого — и именно со ссылкой на него отец Кабани (помните его самогонный аппарат для изготовления «горючей воды» — творение «прирожденного инженера, инстинктивного химика и мастера-стеклодува»?) сообщает Румате, что исчез доктор Будах. И еще он передает сообщение от Араты, что тот собрал армию и не может больше ждать, потому что «крестьяне злые как дьяволы».

На слова Руматы о том, что дон Рэба «натравливает на ученых всю серость королевства», дон Кондор, который в книге говорит «я верю, что положение в Арканаре совершенно исключительное, но я убежден, что у тебя нет ни одного конструктивного предложения», в сценарии отвечает «внутренняя политика дона Рэбы тебя не касается». При том, что не было в ТББ даже таких слов как «внутренняя политика»...

Сложнее, чем в книге, образ Ари, она же Кира.

Возможно, в соответствии с рекомендациями редакционно-го совета «Ленфильма», требовавшими «найти ей собственное стремление, дать ей пусть небольшую, но собственную роль». А еще рецензенты требовали, чтобы «в отношениях Руматы с Кирой появился бы драматический конфликт».

И вот в описании Ари появляется то, чего не было в книге.

В ТББ она выглядит так: «девчонка как девчонка, восемнадцать лет, курносенькая, отец — помощник писца в суде, брат — сержант у штурмовиков, и замуж ее медлили брать, потому что была рыжая, а рыжих в Арканаре не жаловали».

В сценарии же все немного иначе: Ари — «большеглазая, скуластая, не очень красивая». И, в отличие от книги, к Румате в дом она приходит вопреки его запрету.

«Я ведь говорил тебе: ко мне приходиться нельзя», — сердится Румата. — И объясняет: «все мои друзья в опасности, любого

могут схватить или убить... вот ты тоже на виду, тебя тоже заметили. А я боюсь за тебя, и боюсь за себя, потому что если они схватят тебя, они смогут вить из меня веревки»...

Иным предстает и король Арканара — тот самый, «двадцать лет не видевший солнца из страха перед всем на свете, сын собственного прадеда», который «слабоумно хихикая, подписывает один за другим жуткие приказы, обрекающие на мучительную смерть самых честных и бескорыстных людей». Он даже говорит немного другим языком: встречает Румату словами «рад тебя видеть», а потом сетует «черт знает что: никому нельзя верить. Какие времена настали для королей... вот наш министр (про дон Рэбу) — бездарность, наглец, десять лет не может изловить Арату».

Зачем авторы решили сделать образ его Арканарского величества менее карикатурным, сегодня уже сложно догадаться. Возможно, чтобы не показывать верховную власть совсем уж ничтожной?

В книге не сразу выясняется, что вовсе не доктор Будах, а найденный доном Рэбой самозванец, дает королю лекарство, затем оказавшееся ядом (Румата еще удивляется, что «не могло быть у мудреца и гуманиста таких бегающих выцветших глазок, трясущихся от страха губ, жалкой заискивающей улыбки»).

В сценарии же дон Рипат («верный и неглупый агент Руматы, лейтенант серой роты галантерейщиков, с великолепными усами и без каких бы то ни было принципов») сразу сообщает Румате, что «настоящий Будах — в Веселой башне, я доверил вам страшную тайну». А потом (чего также нет в книге) дон Рэба сообщает, что «прием окончен», что «король почувствовал себя дурно», и «я прошу вас молиться за здоровье его величества». И говорит Румате: «странного лекаря вы выписали для его величества, дон Румата. Много, слишком много вы на себя взяли...» — после чего сразу становится ясно, что произошло. Но здесь изменения сюжета, скорее всего, связаны лишь с кинематографическими особенностями — чтобы не воспроизводить в фильме рассуждения Руматы, когда он понимает, что дон Рюба отравил короля, подсунув под видом Будаха «какого-то шарлатана», ибо «из рук своего министра король не взял бы и огурца».

А еще в книге Арата Горбатый, после того, как Румата отказывается дать ему земное оружие, уходит — спросив только, на прежнем ли месте обещанное ему золото.

В сценарии же вместе с ним уходит мальчик-слуга Уно — бросив Румате «Они нас будут давить — а мы будем сидеть? Вы — бог, ваше дело благородное, вам-то все нипочем». Его пытается остановить Ари, крича ему «Такого господина предаешь!». Но ей отвечает Арата: «Человек не может предать бога, женщина. Это боги предают людей»... Это, видимо, и есть тот самый «драматический конфликт», которого требовали рецензенты.

В сценарии, в отличие от книги, Румата говорит себе перед началом «ночи длинных ножей»: «Сегодня Рэба будет резать всех своих врагов, которых не успел вырезать раньше. Родовую знать. Баронов. Непокорных купцов. Оставшихся книжечеев. Всех будут резать. И помешать этому мы не можем. Что мы вообще можем? Я спас несколько алхимиков, астрономов, лекарей. Переправил за море несколько поэтов и писателей. Предупредил некоторых друзей. Все. Двадцать два человека сегодня в безопасности. Остальные тысячи будутarezаны...».

В книге барон Пампа, освобожденный Руматой из тюрьмы, отправляется освобождать свой захваченный Орденом замок: «Они посадили там какого-то отца Ариму! Не знаю, чей он там отец, но дети его, клянусь господом, скоро осиротеют». И бросает коня в галоп, прямо на толпу монахов у ворот Веселой башни.

А в сценарии барон Пампа, пытающийся прорваться через эти ворота, гибнет от арбалетных стрел (впрочем, и фильме Фляйшмана барон Пампа тоже гибнет, как и в фильме Германа).

В книге дон Кондор, после переворота Святого (в сценарии — Черного) Ордена, говорит Румате «тебе надо было убрать дону Рэбу, а не советоваться с дураками, которые ни черта не понимали в том, что происходит».

В сценарии же иначе: Румата просит у дона Кондора разрешения убить Рэбу. Ему отвечают: «вообще-то, конечно, его придется убрать рано или поздно, это не та фигура. На его место мы намечаем епископа Тамэо. Но интригу нужно готовить уже сейчас».

Румата отвечает «Я хочу убить его сейчас. Сам. И не только его. Я все время спрашиваю себя: зачем же я здесь, если я позволяю таким жить».

После этого Кондор забирает у него скорчер, тот самый, из «Попытки к бегству», «тяжелый длинноствольный пистолет-дезинтегратор, стреляющий миллионвольтными разрядами; на всей Планете было не больше сотни экземпляров этого страшного оружия, и оно выдавалось только капитанам сверхдальних десантных звездолетов».

И говорит Румате: «ты хочешь мстить, утолять свой гнев и свою ненависть. Но мы пришли сюда не для этого. Мы пришли, чтобы изменить ход здешней истории. Чтобы этим людям не нужно было еще триста, пятьсот, тысячу лет тащиться через кровь и грязь к светлому будущему... Мы первые. Еще никто в мире не ускорял истории. И никто в мире не знает, как это сделать»...

Тамэо, кстати, в книге вовсе не епископ — а один из двух «благородных донов», чьи имена стали нарицательными (второй — дон Сэра, «известный дурак и враль»).

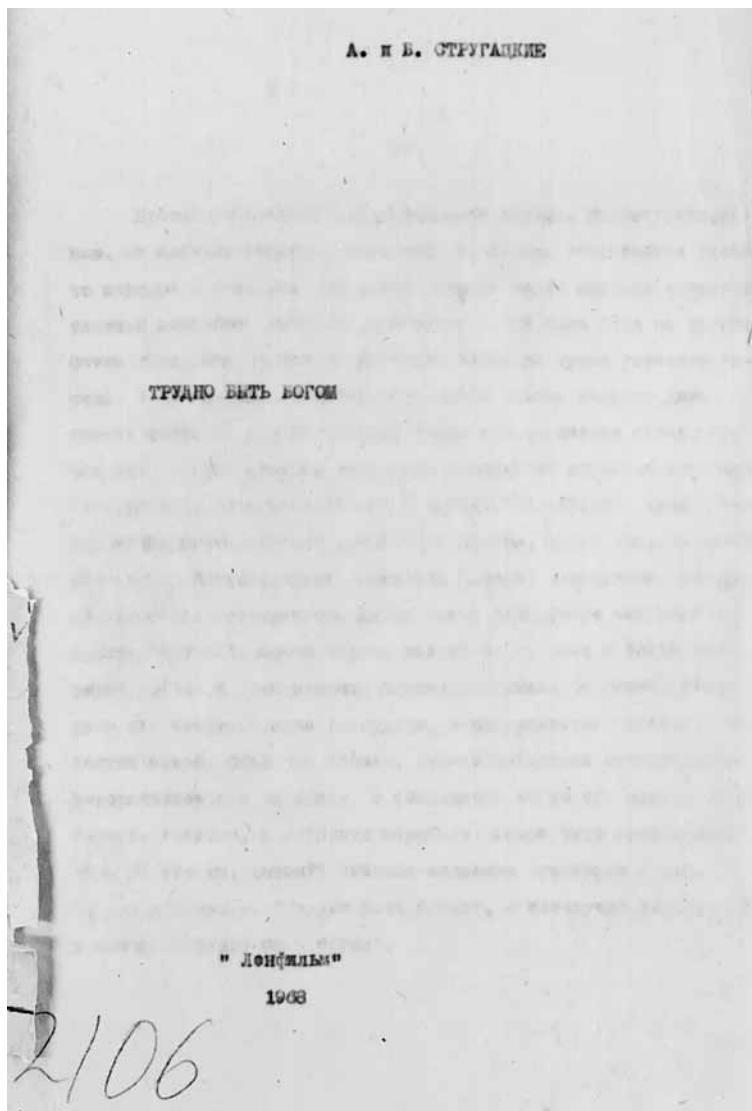
Это о нем сказано «мерзко, когда день начинается с дона Тамэо». И «трусават наш дон Тамэо, да и политик известный» — о нем.

И это он в книге (как жаль, что нет этого в сценарии) произносит культовое «как сладко и вольно дышится в возрожденном Арканаре».

В том самом, в котором мы живем последние два десятилетия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЦЕНАРИЙ ФИЛЬМА «ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ» (1968)

Центральный государственный архив
литературы и искусства Санкт-Петербурга (Ф. 257, оп. 18, д. 2170)

П Р О Л О Г

16

Пустынная площадь средневекового города. Раннее утро, туман. На площади мешками лежат люди в черном. Угадывается какой-то порядок в том, как они лежат: словно через площадь зигзагом тянется невидимая тропинка, на которой они пали один за другим. Очень тихо, слышно только карканье ворон да треск горящего дерева. В тумане над площадью провесаются клочья черного дыма. Где-то тоскливо завyla собака, потом еще несколько собак, потом еще. Зигзаг мертвых тел ведет к каменным ступеням приземистого здания, едва различимого в тумане. На ступенях люди в черном лежат беспорядочной кучей. Они мертвы, зарублены, на каменных плитах блестит кровь, лица под низкими козырьками металлических касок запрокинуты. Потом голос невидимого человека говорит: "Вот он". Среди черных тел лежит человек в белой блестящей рубашке в обтягивающих штанах с пуфами. Он лежит ничком, руки его неестественно вывернуты, в полураскатых кулаках - рукоятки мечей. Один меч сломан. Кто-то невидимый осторожно переворачивает его на спину, и становится видно его лицо - измученное, грязное, в глубоких морщинах. Голос тихо произносит: "Как же это ты, Антон?" Человек медленно открывает глаза, губы его шевелятся. "Трудно быть богом", - беззвучно говорит он. И снова: "Трудно быть богом".

ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ

Грязная улица на окраине Арканара. Покосившиеся хижины, окна без стекол, ватянутые рванными пузырями. По улице беспорядочной толпой бегут люди: крестьяне в рубахах до колен, расхлябанные бабы, голые ребятишки. Они вязнут в грязи, шлепают по лужам, на лицах — азарт и жадное любопытство; из-под ног у них перахаются подкарые грязные свиньи. Толпа катится мимо смирительно целого дома с грубо намалеванной вывеской. На высоком крыльце толпятся лады, одетые почище. В дверях, с мясницким ножом в волосатой лапе, — красный, потный трактирщик. Рядом с крыльцом несколько всадников: дворяне и важточные купцы, в руках у некоторых чаши, кое-кто смачно жует. Видно, что это проезжающие, остановившиеся на минутку выпить и закусить. Один особенно выделяется надменным до наглости лицом и гордой осанкой. Голову его охватывает золотой обруч с большим наумрудом над переносицей. Окружающие поглядывают на него с опаской и интересом. Стоит гомон множества неразборчивых голосов, свист, улюлюканье, визг свиней, лай собак, ржание коней. Нивкое вечернее солнце отбрасывает длинные тени и озаряет лица красноватым светом.

Толпа валит к покосившемуся домику с жалким палисадником. Из домика несется отчаянный женский крик, потом ветхая дверь слетает с петель. На улицу головой вперед, как от сильного удара, вываливается в грязь человек в городской одежде. Он поднимается на четвереньки, шаря в грязи руками, как-бы чего-то ища, а из дверей неторопливо выходят двое здоровенных пугурмовиков в серых рубахах и высоких сапогах. Тупые, скучные

морды, низкие лбы с прилизанными чубчиками, в руках топоры. Они рывком, действуя слаженно и привычно, поднимают городского человека на ноги и, закрутив ему руки так, что он сгибается до земли, волокут, почти несут на толпу. Толпа расступается. Из домика выходит офицер в сером мундире при шпаге, лицо длинное, бледное, с кучащее. Он останавливается и брезгливо рассматривает окровавленную руку. За ним выходит третий штурмовик с плотно набитым дорожным мешком и выползает на коленях избитый, в распоясанной рубахе мужик. Мужик приползает к офицеру и утыкается бородой ему в сапоги. Офицер, не обращая внимания, берет у штурмовика мешок, переворачивает его и вытряхивает книги и бумаги. Затем вытирает об мешок окровавленные руки, перегибает через мужика и идет за штурмовиками, выбирая места посуше. Оставшийся штурмовик присаживается на корточки рядом с дверью, вынимает кресало и принимается раздувать огонь.

Трактирщик, расставляя кружки с пивом, разглагольствует перед посетителями:

- Кого я всегда ненавидел, так это книголюб и всю эту ученую братию. Дон Раба, орел наш, он их правильно раскусил. На вид они все тихие, благонаправные, поглядишь - купец купцом, а внутри - яд горький! Выдумают, надо же: мир круглый. Да по мне хоть квадратный, а умов не муть! От грамоты, от грамоты все идет! Я бы делал что? Я бы прямо спрашивал: грамотный? На кол тебя! Книжки читаешь? На кол! Таблицы знаешь? На кол! - знаешь больно много!

Разношерстные посетители подлакивают, кто робко, а кто и с полным сочувствием: "Это точно", "верно говорит - на кол!" "жечь их, и все тут!". "Уж дон Раба - это орел!". "Он не подведет..."

Всадник у крыльца допивает чашу, трогает коня, едет через площадь. Народ толпится вокруг виселицы. Верхом на виселице сидит штурмовик и возится с петлей. Внизу второй штурмовик придерживает горожанина. Офицер его за что-то отчитывает, штурмовик оправдывается. Горожанин с тоской смотрит по сторонам.

Всадник едет по базару. Толкучка, гомон, мухи. На крыжах развешено мясо, кричат овцы. За загородкой вклячат и кусаются бойцовые свиньи, азартно гадят столпившиеся вокруг зрители.

На заборе - грубые лубочные картинки; продавец размеренно бьет в барабан, выкрикивает:

- А вот бунтовщик Арата, как дьявол, от рождения горбаты! Кушнов честных грабит и убивает, кровь благородную проливает!.. А вот наш орел дон Рэба, такого благородного министра у нас никогда не было! Всех чернокожишников он в петле удавит, а разбойника Арата как клопа раздавит!..

Народ останавливается, смотрит, слушает, смеется с одобрением.

Всадник медленно едет по окраинной улице мимо покосившихся ободраанных развалюх, подпертых колами. Скрипит ворот, полуголый раб в медном шейнике поднимает воду из колодца. Под забором роется в отбросах тощая собака.

Всадник едет, уперев руку в бок, задрав подбородок, высокомерный, равнодушный, презрительный. Из канавы, из гнилых кустов вылезает на дорогу маленький, плотный горожанин в широкой шляпе, в бедном плаще, замаранном глиной, под мышкой у него узелок.

- Прому проленья, благородный дон, - тихо говорит он,

поднимая шляпу.

Всадник осаживает коня.

- Что надо?

- Разрешите мне бежать у вашего стремени, благородный дивн...

- Кто таков?

- Киун... жестящик Киун... с Белотной улицы... мастерская у меня там, благородный дон... иду из Арканара по торговым делам...

Всадник вглядывается в его лицо, и под пристальным холодным взглядом горожанин говорит все тише и тише, а потом и вовсе замолкает.

- Ты лжешь, - говорит всадник резко... - какой же ты жестящик... ты - книгочей.

- Ваша милость, - лепечет горожанин.

- Бежишь из города, книгочей? Боишься, собака?

- Ваша милость... - Киун пятится, губы у него трясутся, он пытается незаметно избавиться от узелка, бросает его в канаву.

- Эй ты, - говорит всадник. - Подбери что ты там бросил и дай сюда... Ну!

Киун, всхлипывая, стоит, покачиваясь, потом бесцельно хлопает себя ладонями по плащу, лезет в канаву и обреченно протягивает всаднику свой узелок.

- Что здесь у тебя? - говорит всадник. - Книжки, конечно.

- Нет... - хрипло отвечает Киун. - Всего одна книга...

Моя книга...

- Хорошо, - вдруг говорит всадник. - Можешь взяться за стремя.

Киун широко раскрытыми глазами смотрит на него, машинально утирая лоб скомканной шляпой.

- Ну, быстро! - командует всадник, трогая коня.

Все еще всклипывая, Киун берется за стремя и идет рядом.

- Не хнычь... Я думал - ты шпион. Не терплю шпионов...

И куда же ты бежишь, книголюб? - спрашивает всадник.

- Не знаю... Куда-нибудь подальше... Многие бегут в Ирукан... Попробую и я в Ирукан.

- Ты полагаешь, там лучше?

- Вряд ли там хуже...

Впереди появляется застава. Посреди дороги торчат кое-как расставленные рогатки. Топчутся у коновязи оседланные лошади. На ступеньках сторожевой будки сидит серый штурмовик, поставив боевой топор между колен. Рукоять топора стянула ему физиономию набок. Видно, что ему жарко и темно с переноса. Поодаль двое других в дражных кожаных куртках возятся со свиной тушей, подвешенной к дереву.

Всадник все так же неторопливо едет мимо, глядя прямо перед собой. Киун, прячась за круп лошади, широко шагает рядом. Он без шляпы, лысина блестит от пота.

Штурмовик, заметив всадника, оживает:

- э-эй! Как там тебя... Ты, бла-ародный! С-стой!..

Всадник не оборачивается.

- С-стой, говорят! - орет штурмовик. - Бумаги предъяви!

- Я мог бы идти быстрее, если надо, - говорит Киун естественно бодрым голосом.

- Вадор, - говорит всадник.

Они уже миновали рогатки: впереди - кусты, заросли лошухов, пустая дорога. Сзади стучат копыта. Всадник разворачивает коня.

- Няное мужичье... Неужели тебе никогда не хочется подраться, Киун?

- Нет, - говорит Киун... - Мне никогда не хочется драться

- В том-то и беда, - бормочет всадник.

От корчмы скачут к нему две всадника с топорами неаготовку; наскочав, останавливаются, крутятся на месте, поднимая много пыли.

- Эй, ты, благородный дон! А ну - предъяви подорожную!

- даме, - стеклянным голосом говорит всадник. - Вы же неграмотные... Зачем вам подорожная. - Он подает жеребца им навстречу. Штурмовики неуверенно поднимают топоры и пятятся. Один тут же поворачивает коня и скачет прочь. Другой вся пятится, опустив топор и бормоча:

- это, значит, что же? это, значит, благородный дон Румата?... Прощенья просим... Обознались... Дело государственное, благородный дон. Ошибочки всегда возможны... - он начинает отъезжать боком. - Сами понимаете, время тяжелое, ловим беглых книгочеев. Опять же бандит Арата под городом пощаливает... Опасно... - Неуклюже кланяясь, он поворачивает коня и скачет прочь.

Румата остается один.

- Киун, - зовет он негромко. - Киун!

Никто не отвывается, только трещат и колышутся кусты там

где Куун продирается напролом через колючие заросли. Свади, над окраиной города поднимается, упираясь в вечернее небо, столб дыма.

Лицо Румата становится усталым и печальным. Он зубами стягивает перчатку и бьет коня между ушей.

Лес, огромные белые стволы, темные заросли гигантского папоротника. Ночь, белая кремневая дорога. Дико и страшно кричит не то птица, не то зверь. Румата подъезжает к низенькой, вросшей в землю, избушке, соскакивает с лошади, обматывает повод вокруг вкопанного у крыльца старинного идола. Дверь избушки приоткрыта, виден отблеск светильника. Румата, нагнувшись, входит в дверь.

За столом, на котором среди обглоданных костей и кусков вареной бряквы возвышается огромная глиняная кружка, сидит неподвижно, положив обвисшее лицо на ладони, волосатый, пьяный человек. Один глаз у него закрыт. Румата, звеня шпорами, подходит к столу, швыряет на скамью перчатки и, стягивая через голову перевязь с двумя мечами, говорит, озираясь:

- Добрый вечер, отец Кабани. А где же Будах?

Кабани с трудом высвобождает из-под щеки правую руку и машет волосатым пальцем.

- Государственный министр охраны короны орел наш дон Раба! - провозглашает он. - Гиена он, вет и все... - Отец Кабани смачно плюет на стол и вытирает ногой под столом. Румата с неподвижным лицом смотрит на него. - Изобретаю я умнейшую штуку, - продолжает отец Кабани, - мясокрутку называемую. Чтобы делать нежный мясной фарш. А он говорит: "Молодец, го-

ворит, мясокрутка нам нужна". И забрал. И теперь в Веселой бане фарш делает. Из государственных преступников.

Пока Кабани разглагольствует, Румата отливает на кружки несколько капель на стол и подносит к ним огонь светильника. Капли горят голубым пламенем.

- Горячая вода! - провозглашает отец Кабани. - Для растопки печей и прожжедения веселых фокусов. Тоже я изобрел. Еще к пиву подмешивать - цены пиву не будет. И пью. День пью. Ночь пью...

Румата поднимается и идет в чулан. Отец Кабани тащится сюда, хватаясь за стены.

- Опух весь, - продолжает он, - падаю все время. падаю. - Вчера, дон Румата, не поверишь, к зеркалу подошел - испугался. Смотрю - помоги господи! - где же отец Кабани? Морской зверь, спрут, весь цветными пятнами иду, то красный, то синий.

В чулане между кучей бряквы и кучей опилок блестит стеклянными трубками громоздкий агрегат. Румата, кривя рот, обходит его вокруг, затем подымает с полу лом и сразнаху крушит стекло. Раздается ляг, дребезжанье, бульканье.

- Вей! - с восторгом кричит Кабани. - Вей его, гада! Никому не достанется! - хватает брякву, швыряет в аппарат.

Румата подходит к нему, хватая за бороду и дергает.

- Открой рот.

- А ?!

- Рот открой, тебе говорят! Язык высун...

Кабани послушно высовывает язык. На лице его покорность и недоумение. Румата достает флягу и льет в пасть Кабани черную жидкость. Глаза Кабани выпучиваются. Румата легким ударом

под подбородок закрывает ему рот. Кабани ошалело мотает головой.

- Ну как? - спрашивает Румата.

Кабани озирается.

- Это я где? - спрашивает он. - А, благородный дом Румата! Приветствую вас. Тьфу, черт, какая во рту гадость... Ну, и вонь же здесь...

- Где Будах? - спрашивает Румата.

- Насчет Будаха Арата велел передать: Будах в назначенное место не пришел. Из дому вышел, а на место не пришел. Нет Будаха. Пропал.

Румата хватается его за плечи.

- Как пропал?

- А вот так. Пропал и все. Как люди пропадают?... Долго ли у нас пропасть?

Румата выпускает его и садится, закусив губу.

- Это первое, - говорит Кабани. - А второе - Арата армию опять собрал, горбатый черт. " Не могу больше ждать, говорит, так дону Румате и передай. Голод, говорит, крестьяне злые, как дьяволы, самое, говорит, время. /Румата слушает, обхватив голову руками, упершись локтями о стол/. И в Арканаре, говорит, у вас беспорядки. Такой случай, говорит, не скоро будет..."

Румата вдруг поднимает голову.

- Тихо, помолчи!

В тишине слышен мягкий гул. Румата вскакивает и выбегает из избы. Гул становится все громче, в небе вспыхивают

яркие электрические огни, и на поляну медленно опускается почти невидимый в темноте вертолет. Кабани высовывается из дверей испуганно омахивается большим пальцем, ослепленно моргая в луче прожектора, и исчезает в избе. Гул моторов стихает, в провращной кабине вертолета загораются свет, распаивается дверца, и на траву спрыгивает дон Кондор. Он в берете и огромном плаще оттопыренном свади мечом. Румата срывает шляпу и затейливо кланяется. Кондор прикладывает палец к шляпе.

- Я прилетел, - говорит он.

- Будем надеяться, вас не видели, - замечает Румата.

- Легендой больше, легендой меньше, - говорит Кондор, озираясь. - Право же у меня нет времени для драк на дорогах...
А где Будах?

- Его нет.

- Опаздывает?.. - рассеянно спрашивает Кондор. Они проходят в избу. Кондор расстегивает плащ и садится на скамью, раздвинув ноги, уперев левую руку в бок, а отставленной правой держась за эфес волоченного меча. Он худой, с большими выпуклыми глазами на бледном лице, седые волосы охвачены таким же, как у Руматы, обручем с зеленым камнем. Из чулана выглядывает и снова прячется Кабани

- Дон Кондор, - говорит Румата, хмурясь. - Будах не опаздывает. Он пропал.

- Пропал? - медленно повторяет Кондор. Улыбка сползает с его лица.

- Он не пришел в назначенное место... что-то случилось..

- Так, - говорит Кондор. Он ставит меч между колен и опускает осторожно подбородок на рукоятку. - И что-же по ва-

чему могло произойти?

- Одно из трех... Либо его заставил к себе какой-нибудь пьяница-барон и сделал его своим гостем. Насильно... Либо его перехватили ночные люди Ваги колеса... Это все не странно. Хуже, если это серые роты - тогда его могли просто забить на месте. У нас тут происходят странные вещи, дон Кондор. У меня не хватает рук. Прежние методы работы не годятся, даже золото теряет цену, потому что она удвояется... Я перестал успевать, дон Кондор...

- Надо успевать, - холодно говорит Кондор. - Это наша работа, дон Румата. Надо успевать. На земле был один Галилей, один Джордано Бруно, а на этой планете есть один Будах... Очень жаль, что ты упустил его, Антон...

Румата резко поднимается и встает в дверях, упершись ногой в косяк. Над поляной стелется туман, фыркает лошадь, привязанная к идолу. Над лесом дико и странно висят два узких, ярких серпа.

- Дело не в Будахе, - говорит он. - Дон Раба решил натравить на ученых всю серость королевства... Грамотные люди объявлены вне закона... Если ты умен, образован, сомневался, говоришь непривычное - просто не пьешь вина, наконец! - ты под угрозой. Любой лавочник вправе отравить тебя хоть насмерть. Если мы не вмешаемся...

- Внутренняя подпитка дон Раба тебя не касается, - резко говорит Кондор. - Сейчас твоя задача - Будах! Перестань разбрасываться...

- Но, если мы не вмешаемся... - повышает голос Румата.

- Хватит вмешиваться!.. Ты и так слишком много вмешиваешься! Ты помогаешь крестьянским восстаниям и добился того, что за тобой установлена постоянная слежка. Ты же разведчик, черт возьми! Ты историк! Ты знаешь на что идешь и что здесь увидишь.

- А все это не так просто...

- Нет. Все очень просто. Изволь делать то, что ты обязан делать. А если не можешь - возвращайся на Землю. Нам не нужны спринтеры с коротким дыханием.

Румата молчит.

- Ну ладно, - говорит Кондор. - Хватит об этом. Иди-ка сюда... Он лезет под плащ, вынимает и кладет на стол плоскую коробочку.

Румата подходит к столу, берет из коробки камень в оправе, почти такой же, как на обруче, осторожно поворачивает в пальцах. Потом снимает обруч, вынимает старый камень, вынимает новый.

- Очередная новинка? - спрашивает он, криво усмехаясь.

- Да. Стереопанорамный телепередатчик повышенной светосилы...

- Стереопанорамный... - говорит Румата. - Что толку. Они там сидят перед экранами, и для них это - кино!.. Документальный фильм с эффектом присутствия. Но эффект присутствия - это не присутствие... - он снова надевает обруч. - Так же как фильмом про Землю - это, к сожалению, не Земля...

- Земля, - грустно говорит Кондор. - Что это такое - Земля? Я, голубчик, уже и сны про Землю видеть перестал... Он медленно поднимается и проходит в чулан, говорит оттуда:

- Приснилась мне давеча одна женщина - знакомая, но кто она? Не помню...

Румата встает и останавливается в дверях чулана. Кондор включил фонарик, разбирает в углу кучу хлама. Под хламом оказывается полевой синтезатор. Кондор загребает лопатой опилки и бросает в приемную воронку. Затем подставляет под желоб ржавое ведро. Из выхода синтезатора начинает сыпаться золотые монеты.

- Мой князь глотает золото, как акула, - сообщает Кондор - Тоннотворная, скажу я тебе, фигура... - некоторое время он молчит, глядя на работающий синтезатор. - Я иногда уже и сам не понимаю, кто я: работник Института экспериментальной истории или генеральный судья княжества Соанского...

Ведро переполнено, монеты сыплются на земляной пол.

- Очень неладно получилось у тебя с Будахом, Антон...
Что же ты намерен теперь делать?

По булыжной мостовой - грррум, грррум, грррум - коваными сапогами коренастые красномордые парни в серых рубахах с тяжелыми топорами на правом плече. Крипло подревывает рог. Визгливо орет команда серый офицер. Из окон и дверей высываются солидные горожане, дебелие теткли, девки на выданье, - машут, вопят. Трактирщик, распихивая толпу, бежит за отрядом, ревет, надрываясь: "Дону Раба - сла-ава! Орлу нашему!.. А ты что не кричишь, вошь корявая!" - хватает за ворот толстого ремесленника в кожаном фартуке. Тот, закрываясь рукой, прижимается к стене. Сквозь толпу, придерживая мечи, продирается Ру-

мата, сворачивает за угол, коротко оглянувшись по сторонам, ныряет в темную щель между домами.

Толкнув плечом дверь, Румата входит в нелепую, грязную комнату. За стойкой дремлет длинноносый старик с лицом мумии. Румата неслышно подходит к нему, и вдруг обнаруживает, что спящий старик вовсе не спит, а, напротив, внимательно и настороженно рассматривает его одним глазом. Румата бросает на стойку монету. Старик открывает другой глаз и деловито осведомляется:

- Что будет угодно благородному дону? Травку? Появшку? Девочку?..

- Ну-ну, - говорит Румата. - Не притворяйся.

- Э, да никак это дон Румата! - восклицает старик. - Это я смотрю...

Он снова прикрывает веки, а Румата, обойдя стойку, согнувшись, пролезает в узкую дверь. Здесь темно. Каменные ступени ведут вниз. Неприятный скрипучий голос гнусавит: "Мы можем и должны доставить ему эти грешные головы и порадовать его, старика..." Румата откидывает грязную тряпку и, шагнув через высокий порог, останавливается.

Здесь полу темно, мигают коптилки, видны только угрюмые, тяжелые лица людей, неподвижно сидящих в два ряда перед конторкой, за которой стоит сморщенный, сутулый человек с хиденькой бородкой и в круглой плоской шапочке.

- ... Но с другой стороны, многие из этих ученых людей хотели бы скрыться от гнева его величества и не жалеют на это своих средств. И, поскольку мы верные подданные его величества короля нашего... - он берет с конторки длинный тонкий хлыст

и несколько раз наотмашь хлещет по небригой толстой физиономии вдремывающего детину в первом ряду. - Не спи, не спи, Пига, сынок... Не спи...

Детина только вздрагивает и жмурится, не осмеливаясь даже отклониться. На морде у него вспухают толстые рубцы.

- Да я не спал, Вага, - спит он. - Как можно...

- Нельзя, Пига! Нельзя! - ласково говорит Вага, кладя хлыст на место. - Все вы разъедетесь отсюда, и некому будет по-советовать вам и объяснить что к чему... Так вот, - продолжает он, всматриваясь в темноту и пытаясь понять, кто вошел, - как верные подданные мы заработаем на каждой ученой голове по семь золотых, но, поскольку мы еще и ночные подданные его величества, и, поймав, он приказывает вешать нас за шею, мы, во имя милосердия, не откажемся помочь и тем из книгочеев, кто сумеет за это хорошо заплатить... Собственно, и этих мы тоже, конечно, отдадим потом орду нашему дону Рабе - зачем его огорчать! - но уже за особую награду...

Вага замолкает, опустив голову. По щекам его вдруг начинают ползти медленные старческие слезы.

- Старее я, дети мои, - говорит он жалобно. - Мало того, что животом мучаюсь невыносимо - теперь вот и глаза отказали. Не вижу ведь, никак не вижу, кто к нам пожаловал, чув только, что благородный дон, а вот зачем и по какому делу - не понимаю. Но все равно, дети мои, давайте встанем и поприветствуем благородного доня...

Он выходит из-за конторки и, кричтя, сгибается в поклоне перед Руматой. И все бандиты поднимаются, с шумом и неуклюже

кланяются, а битый детина тарачит бычьими глазами и только облизывается беспрерывно, не в силах уловить смысл происходящего.

Румата проходит на середину комнаты и садится на табурет, закинув ногу на ногу.

- Я тебя приветствую, почтенный Вага, - говорит он. - Коть у меня к тебе один пустяковый вопрос... Однако, что же ты стоишь? Можешь сесть... /Вага, еще раз поклонившись, садится. Прочие продолжают стоять/. э-э... Пропал у меня звездочет по имени Будах. Я его выписал из Ирукана для своих надобностей, но он до меня не доехал - пропал. Не твоя ли это работа, почтенный?

- Будах? - Вага поворачивается к бледному, тихому человеку с чернильницей на шее, стоящему поодаль - рядом с низким столиком, заваленном бумагами. У человека странное лицо - почти без подбородка - за ухом торчит перо.

- Числится таковой, - шикливо говорит он. - Будах Ируканский... человек лезет в стол, достает папку картонок, перебирает их, извлекает одну и читает вслух: "Будах Ируканский по прозвищу Добрый. Ростом длинен, лицом костляв, голову бреет.

- э-э? - перебивает Вага, обращаясь к Румате.

- Не знаю, - равнодушно отвечает Румата. - Никогда его не видел.

Вага делает знак, человек без подбородка продолжает:

- Знаменитый философ, звездочет и лекарь. Имеет труды: "О лунах, звездах и планетах", "Род человеческий", "Кероль и раб", а также "О травах и иных злаках, таинственно могущих слу-

жить причиной скорби и уснокоения, а равно о слюне и соках гадов, пауков и голого веяря". Проклят святой церковью, поскольку утверждает, что мир наш имеет форму шара и что все люди по природе своей и от рождения равны и должны жить равно - без богатых и бедных.

- Как так? - спрашивает Вага с интересом.

- "что король, что свинопас последний, - цитирует писец, все равны от природы и отличаются лишь в одежде своей и в образовании".

- П-ц-ц, - Вага качает головой. - Да это страшный еретик. Надо полагать, что за такого орел наш дон Реба заплатит большие деньги...

- Возможно, - холодно говорит Румата. - Однако это вопрос практический и говорить здесь не о чем... -он швыряет на конторку мешочек с золотом. - Это задаток... Что скажешь, поэтенький?

Вага кланяется.

- Превосходно, - Румата поднимается и натягивает перчатки. - Я знал, что мы с тобой договоримся... как всегда... Да, кстати, - он приостанавливается. - Ты тут говорил что-то об ученых людях. Чувствую я, что через месяц трудами дома Ребы в королевстве не останется ни одного порядочного книжочей. Мне же нужно их штук пять или шесть для основания университета в княжестве Соанском. Такой обет я дал святому Мике за калечение меня от черного мора... Так что, почтеннейший, когда вы ловите их побольше, дай знать сперва мне, а потом уже дону Ребе...

- это можно, - говорит Вага, ковыряя в ухе. - это не

трудно... Ах, дон Румата, дон Румата... ученые, университет... Вы такой молодой, такой красавец, вы и представить себе не можете, как жалок старик вроде меня, дряхлый, одинокий, замученный болезнями...

Румата, усмехаясь, неторопливо идет к двери, потом вдруг останавливается:

- Достанешь мне Будаха - вылечу твои болезни.

- Благородный дон изволит шутить...

- Я никогда не шучу и шутю не люблю, - холодно и резко говорит Румата. Он кладет руку на вспухшую щеку побитого ребенка. Гот от изумления лупит глаза. Румата отнимает руку - рубцы на щеке исчезли.

- Вот тебе еще один задаток, почтеннейший, - говорит Румата Ваге и выходит.

Ребенок обалдело пучает щеку, обливаясь, в страхе омывается большим пальцем.

- Святой Мика! Колдун, ей-ей колдун...

Вага задумчиво качает головой, перебирая пальцами золотые монеты.

- Бери выше, Пяга, сынок, бери выше... Гораздо выше! Он пробует монету на зуб, подбрасывает на ладони, а потом достает из-под конторки замшеловатую шкатулку, высыпает туда золото Руматы и запирает шкатулку на ключ.

Румата подъезжает к своему дому. У огромной мощной двери, окованной железом, торчат неподвижными болванами двое рослых слуг с арбалетами и при мечах. Один из них обегает с крыл

ца и принимает хозяйскую лошадь, другой, навалившись, открывает тяжелую дверь. В сыром помещении вестибюля у стен сложены поленицы дров, под зарешеченными окнами - грубые деревянные скамьи.

У входа идет Румату угрюмый, ~~шишиши~~ тощенький мальчик Уно - тоже олуга.

Румата срывает с себя плащ, шляпу, перевязь с мечами, сваливает все на лавку и принимается мыть над бадьей лицо и шею. С наслаждением трет Румата шею, фыркает, покряхтывает.

- А сам ты мылся сегодня? - спрашивает он Уно.

Уно, ничего не отвечая, собирает разбросанную одежду.

- Я тебя, кажется, спросил - мылся ты сегодня? - напоминает Румата.

- Водой грехов не смоешь, - бормочет Уно. - Что я, благородный что-ли - мыться?..

- Я тебе про микробов что рассказывал?

Уно торопливо омахивается большим пальцем.

- Три раза за ночь молился, чего вам еще?.. У всех дом как дом, а у нас? То им новые простыни, то манеру завели водой обливаться... рубаху им через день чистую...

- Я при дворе, - поучающе говорит Румата, - не какой-нибудь барон влиный... Придворный должен быть чист и благоухать!

- Только у его величества и заботы, что вас нухать... Вон, дон Раба, говорят, и вовсе не моется... А у нас на один полотенца сколько уходит...

- Ну, ладно, не ворчи, - говорит Румата. - Вели подать обедать в кабинет.

- Вас там дожидаются, - угрюмо сообщает Уно.

- Кто еще? Зачем пустил?

- Да эта... ваша... И чего пришла? Стыда нет...

Румата мрачнеет, медленно натягивает халат, завязывает пояс.

- Кто видел? - спрашивает он.

- Кто видел... Да все видели... Прогнать, что-ли?

Румата молча качает головой и медленно поднимается по лестнице. Он отворяет дверь, гнусно завягнувшую несмазанными петлями, и входит в гостиную. У большого обеденного стола сидит на краешке стула, напряженно выпрямившись, молодая женщина - большерглавая, скуластая, не очень красивая. Она поднимается ему навстречу.

- Здравствуй, - говорит Румата, остановившись перед ней.

- Здравствуй, - тихо говорит она.

Румата садится за стол, подпирает голову рукой, спрашивает, не глядя на Ари:

- Что случилось?

- Ничего...

- Если ничего не случилось, зачем ты пришла?

Ари все еще стоит.

- Тебя не было три дня... Я беспокоилась, я думала, видишь что...

Визжат дверные петли, входит Уно с подносом, принимается накрывать на стол. Румата молчит. Ари спрашивает, чтобы хоть что-то сказать:

- Это твой раб?

- Нет, это свободный мальчик...

Уно уходит, громко стуча и шаркая деревянными башмаками.

Он очень недоволен. Тогда Ари говорит:

- Я больше не могу дома. Я больше туда не вернусь. Можно я у тебя служанкой буду? Даром... Брат придет из патруля, серую рубаху свою сдерет с плеч, а она вся в кровице, и топор в крови... а сам пьянее пива. Всех, кричит, вырежем до двенадцатого потопка; отца допрашивает: ты почему, гнида старая, грамотный? Сегодня с приятелями заехали в дом какого-то человека, били его, все кровью забрызгали, кричал он страшно... Не могу я так, не вернусь, лучше убей меня...

Румата поднимается, подходит к окну, смотрит, прислоняясь лбом к стеклу. В доме напротив, в одном из окошек, быстро задергивается занавеска. Какой-то человек прохаживается по мостовой с безразличным видом. Быстро опускает глаза нищий под забором. Румата резко задергивает штору, поворачивается к Ари:

- Я ведь говорил тебе: ко мне приходиться нельзя... Просил. Ты же мне обещала.

Снова крикает дверь - Уно вносит блюдо с мясом.

- Я тебе тысячу раз говорил: смажь петли! - рывкает на него Румата. - Неужели, черт возьми, трудно!

- А чего их смазывать - только деньги на сало тратить...

- Не дерви!

Уно, ворча под нос: "То им не так, это им не так... говорил же - прогнать надо..." идет к двери. Дико визжат несмазанные петли. Ари поднимает с полу свой узелок и тоже делает несколько шагов прочь.

- Подожди! - говорит ей Румата. / Она с готовностью останавливается/. - Останься...

Он подходит к ней, берет за плечи:

- Все мои дурья в опасности, - говорит он. - Любого из них могут когда-нибудь схватить... Или убить... Вот теперь ты тоже на виду, теперь тебя тоже заметили.

- Я не боюсь, - говорит Ари.

- Я боюсь! Я боюсь за тебя. Я боюсь за себя, потому что если они схватят тебя, они смогут вить из меня веревки... Зачем ты пришла!.. Было так хорошо...

- Давай уедем, - говорит Ари. - И будет хорошо...

- Я не могу уехать... И вот что: теперь тебе нельзя никуда выходить отсюда. Никогда. Поклянись, что не выйдешь... Хотя ты уже обещала не приходить и все-таки пришла... Что мне делать с тобой, рыжая? Что делать?..

Он обнимает ее, прижимает к себе, они стоят обнявшись посредине комнаты. На улице горланят пьяные. Жирный голос провозглашает: "Ор-лу нашему дону Рабе - ура!" Нестройные голоса подхватывают. Визжит собака, сыплются со звоном выбитые стекла. Ухо приоткрывает дверь, смотрит с неудовольствием и исчезает.

Ари поднимает заплаканное лицо и прикрывает ладонью объектив телепередатчика:

- Сними... Нехорошо. Ты говорил - это глаз бога...

Румата стягивает обруч, кладет на стол, закрывает какой-то книгой.

Поздний вечер. Кабинет Руматы. Ари спит под меховым плащом. Румата, уже одетый, в мундире и в шляпе, сидит за столом

и быстро пишет. Рядом стоит Уно со светильником.

- Найди кого-нибудь из слуг, кто трезвый, - негромко говорит Румата, подавая ему записку, - пусть отнесет дону Рипату. На словах пусть передаст, что я уже в трактире и жду его...

- Трезвого... - ворчит Уно. - Где я его, трезвого, возьму, когда праздник на дворе... И дон Рипат вам тоже, надо полагать, хмельного наелся, что глаза в разные стороны смотрят. Ему и до трактира-то не дойти...

Румата отбирает у него светильник и выпроваживает, наподдав легонько под зад. Потом, вернувшись к столу, переворачивает песочные часы и подходит к окну. На улице, прямо под окнами - дуэль. Два толстых, хрипящих от ярости дона, валтуют друг друга. Мечи отброшены, один повалил другого в грязь и макает мордой в лужу. Гуляющие с задним интересом следят за происходящим. "Протоплазма, думает Румата, просто крутая и размножающаяся протоплазма. Это безнадежно. Никаких сил не хватит, чтобы вырвать их из привычного круга забот и представлений. Можно поселить их в самых современных домах и научить юнним процедурам, и все равно - самым большим наслаждением для них будет вот это..."

Доны поменялись местами, оба грязны как свиньи, зрители в восторге.

А что делать - не знает пока никто.

... Где-то в доме раздается топот, ляг, визжат распахиваемые двери. Румата кладет руку на рукоять кинжала, оглядывается на Ари. Где-то могучий бас ревет: "Па-а-шел! Не путайся под ногами!" - и Уно отчаянно вопит: "Да спят они, говорят вам!" Румата узнает голос барона Пампы. Барон пришел не во-

время, Румата раздасадован, но не может удержаться от улыбки. Он поспешно движется навстречу шуму, выходит в гостиную.

- Брысь! Па-ахел! Отдаваю уши! - ревет барон.

- Не велено, - говорят вам!

Дверь распахивается и в гостиную вваливается огромный барон Пампа - краснощекий, белозубый, с торчащими вперед усами, в бархатном берете набекрень и в роскошном плаще, под которым тускло блестит панцирь. Следом, вцепившись барону в штаны, волочится Уно.

- Барон! - восклицает Румата, разводя руками. - Как вы здесь очутились, дружище? Уно, оставь барона в покое!

- Нередкость вьедливый мальчишка! - рокошет барон, приближаясь с распростертыми объятиями. - Из него выйдет толк! Хотите на него двадцать золотых? Впрочем, об этом потом. Дайте мне обнять вас. Я вижу, вы совершенно трезвы, мой друг! Впрочем, мы всегда трезвы, счастливы...

- Уно! - приказывает Румата. - Подай нам эсторского, да побольше!

- Ни капли, - говорит Пампа.

- Ни капли эсторского? Уно, не надо эсторского, принеси ируканского.

- Не надо вообще вин, - говорит Пампа с горечью. - Я не пью.

Румата опускается в кресло.

- Что случилось? Вы нездоровы?

- Я здоров, как бык. Но эти проклятые семейные сцены...

Одним словом, я поссорился с баронессой, и вот я здесь!

- Поссорились с баронессой... Вы? Полно, барон, что за странные шутки?

- Представляете себе, я сам, как в тумане. Сто двадцать миль проскакал, как в тумане.

- Мой друг, мы сейчас же садимся на коней и скачем к баронессе.

- Но моя лошадь еще не отдохнула... И потом я хочу навзять ее.

- Кого?

- Баронессу, черт подери. Какуюсь шпорой, мужчина я или нет? Она, видите ли, недовольна Пампой пьяным. Так пусть она посмотрит, что такое Пампа трезвый. Я сгнию здесь от воды, но я не вернусь в замок.

- Скажите ему, чтобы уши не крутил, - угрожающе вставляет Уно.

- Па-аша, волчонок! Да принеси шива. Я вспотел, и мне нужно возместить потерю жидкости. Проклятые пропойцы-соседи. Приезжают с самого утра, якобы на охоту, а потом охнуть не успеешь, уже все пьяны и рубят мебель... Разбредаются по всему замку, везде гадят, калечат собак, обижают прислугу и подает отвратительный пример мному баронету... Потом они разезжаются по домам, а ты, пьяный до неподвижности, остаешься один на один с баронессой.

Уно приносит ему огромный жбан с шивом. Пампа машинально делает несколько глотков, затем с отвращением швыряет жбан на пол и орет:

- Что ты мне принес, соплик? Эсторского, черт возьми,

ес... - он спохватывается. - Черт побери эту проклятую привычку к пьянству!

- Барон, - говорит Румата, - здесь мы не выдержим. Мне все время хочется потребовать эсторского, а пить без вас я не буду. Уйдите, мой друг!

- Да! - восклицает Нампа. - У вас слишком богатые погреба. Но куда мы денемся?

- Мне пришла в голову отличная мысль. Мы едем в трактир и вам покажу наш новый трактир "Серая радость".

- Трактир... - говорит Нампа с сомнением. - Гм... А что мы будем делать в трактире?

- Что за вопрос, барон? - Румата развлекается. - Мы будем играть в кости, мы будем беседовать и рассматривать женщины!

Некоторое время Нампа молча дергает себя за ус.

- Вы так думаете? - говорит он. - Гм... Впрочем... Пр-проклятье! Не не спать же ложиться, в конце концов! Вы совершенно правы, мой друг. Будем беседовать, будем играть в кости, будем драться, черт возьми! Будем веселиться, и наплевать на всех!

- Коня мне, - приказывает Румата, поднимаясь.

В "чистой" половине "Серой радости" народу немного. В одном углу мрачно веселится компания серых офицеров. У окна за большим узкогорлым кувшином скучает пара аристократов с кислыми от общей разочарованности физиономиями. Неподалеку от них располагается кучка безденежных донов в потертых кометах и штюцанных плащах - маленькими глотками пьют пиво и ежешинутно

обводят помещение жадными взорами. У стены на скамье сидят девки, ждут, когда их позовут к какому-нибудь столу. Румата и Пампа разыгрывают партию в кости за столом посредине. Из дверей на половину престоиародья доносится шум, крики, хохот: там полно.

- Проклятые пьяницы, - ворчит Пампа. - Ваша очередь, благородный Румата. - Он подносит к носу кружку с пивом; нюхает и с отвращением оставляет. - Пьянство, везде пьянство, разгул. И эти шлюхи... Разве это женщины?

- По-моему, очень приятные девочки, - говорит Румата. Он явно кого-то ждет: время от времени озирается, поглядывает на дверь.

- Вы молоды и легкомысленны, мой друг. Вот у этой - отменный зад. А вон у той - совсем нет зада. Вообще никакого. Это коровы, мой друг... Вспомните баронессу: какие руки, какая грация! Какая осанка, мой друг!.. Опять у вас двадцать четыре. Вам везет... - Он снова нюхает пиво и снова кривится. Свирепая, обводит взором помещение. Но аристократы его не замечают, а бедные донны угодливо улыбаются. Взор Пампы останавливается на задней двери. Усы барона встают торчком.

- Это еще что за обезьяна? - осведомляется он. - Друг мой, он уставился на вас самым оскорбительным образом!

Румата поворачивает голову. В дверях стоит и смотрит на него дон Рипат. Глаза их встречаются. Рипат молча кланяется и исчезает.

- Простите, барон, - говорит Румата. - Я сейчас вернусь.

- В чем дело? Дуэль?

- Нет. Королевская служба.

- А-а... Жаль. Сочуюствую. Ни за что на свете не пошел бы на службу...

Румата выходит из трактира на задний двор. Здесь темно. У коновязи лошади переступают с ноги на ногу, хрустят сеном. Дон Рипат в форме лейтенанта серой роты идет, широко расставив ноги, вясунув волосатые ладони за кожаный пояс, охватывающий объемистое брюхо. При появлении Руматы он подбегает, выпрастывает руки и кланяется вновь.

- Приветствую вас, дон Рипат! - восклицает Румата. - Что принесли, наконец, этот злосчастный должок?

Рипата криво усмехается.

- Никак нет, благородный дон! Пока нет. Просто я получил ваше письмо, и я к вашим услугам.

- Какое письмо? - Румата очень удивлен. - Ах, да! Конечно! Простите, я запамятовал... Видите ли, мой друг... - он берет Рипата под руку, и они начинают прохаживаться вдоль стены. - Это пустяковое дело, но именно вы могли бы оказать мне небольшую услугу... Я выписал из Ирукана некоего доктора Будаха. Для своих надобностей. Однако он до меня не добрался. Может быть, вам что-либо известно об этом деле? Вы же знаете обстановку - король велел всех книгочеев выловить и... - он делает выразительный жест. - Если бы такая беда приключилась с моим лекарем, я был бы весьма огорчен, вы понимаете?

- Да-да, конечно... Естественно... Как вы его назвали? Будах? Из Ирукана?

- Именно так. Высокоученый доктор Будах из Ирукана.

- Но, мой благородный дон! Ирукан - не в моем отделе!

- Вы хотите сказать...

Слышно как в трактире Цампа орет: "С каких это пор в столице его величества погомки древнейших родов шагу не могут огунить, не наткнувшись на всяких там лавочников и мясников в дурацких серых ливреях с дурацкими галунами?" Рипат немедленно ошестинивается, но Румата, дослушав, мягко увлекает его за собой.

- Вы хотите сказать, - продолжает он озабоченно, - что ничего не слышали о моем докторе?

- Именно так, благородный дон, - говорит Рипат. - Все, что касается Ирукана, проходит через брата Абу...

В трактире раздается грохот, летит посуда. Рипат вновь настораживается, и вновь Румата отвлекает его.

- Понимаю, понимаю, - говорит он. - Но я надеюсь, что вы выясните этот мой маленький вопрос, не так ли?

- Ну, разумеется, мой благородный дон! Завтра же я доложу вам...

В трактире барон ревет: "Вы здесь все перетрусили! А я вот ни черта не боюсь! Я бью серую сволочь, как только она мне попадается!"

- По-моему, там ссора, - нервно говорит Рипат... - По-моему, этот человек оскорбляет серые роты...

- Не обращайтесь внимания, - ласково советует Румата. - Это мой друг, у него сегодня плохое настроение... Так я могу на вас рассчитывать?

- Ну, разумеется, мой благородный дон... /Цампа ревет; "лавочники и трусы! Серая сволочь!.. / -Простите, мой благо-

родный дон, но я, кажется, буду вынужден арестовать этого человека.

- В этом нет никакой необходимости. У вас так много других важных дел... Завтра утром я хотел бы быть в курсе...

- Разумеется, мой благородный дон, но этот человек...

- Я же сказал - это мой друг! До свиданья, дон Ринат. Желаю вам удачи в ваших поисках.

Дон Ринат вынужден откланяться. Он уходит в темноту, не переставая оглядываться. В трактире трещит мебель и летит посуда.

Румата возвращается в "чистую" половину и видит, что стол повален, серые, оцетинившиеся, стоят, хватаясь за рукоятки мечей, а барон Пампа, взгромоздившись на скамью, стоит головой над потолок и на лице его - удовлетворение.

- Эй, вы, серые подонки! - орет он, надсаживаясь. - Имеете в виду, что я, барон Пампа дон Вау, третьего дня задал вашим ха-арошу встречу!.. Вы представляете, мой друг! - обращается он к Румате из-под потолка, - вдруг вбегает комок и сообщает, что шайка серых разнесит мою корчму на моей родовой земле! Клянусь шпорой, их было там двадцать подмечов. Они захватили какого-то ируканского книжочка с дурацким именем Будах /Румата вадергивает голову/, перепились, как свиньи, пить эти лавочки не умеют, и стали всех лупить и все ломать. Я схватил одного за ноги и погнал их, как свиней.

На этом рассказ барона прерывается. Капитан серых взмахивает рукой, и металлический нож лягает о нагрудную пластину баронского панциря.

- Давно бы так, - заявляет Пампа и навлекает из ножен

огромный двуручный меч. Он соскакивает на пол, размахивается и перерубает поперечную балку. Потолок проседает, на головы сыплется мусор. Безденежные донь шарахаются к стенам, аристократы, оживившись, забираются на стол, чтобы лучше видеть. Серые, выставив перед собой клинки, с трясотой полукругом и движутся к барону, но останавливаются, потому что Пампа вращает гигантским мечом над головой. Румата хватает ближайшего серого и стучает его по уху ребром ладони. Серый, закачив глаза, оседает на пол. Барон ревет:

- Прирежьте его, благородный Румата, а я прикончу остальных.

Румата говорит серым:

- Вам не выстоять против нас. Бросайте оружие и уходите.

- Вот еще! - кричит Пампа. - Я желаю драться! Пусть они дерутся! Деритесь же, черт вас подери! - он надвигается на них, все убыстряя вращение меча. Серые растерянно отступают, им страшно.

- Погодите, мой друг, - говорит Румата. - Нам совершенно незачем ссориться с этими лодьми. Они сейчас уйдут.

- Без оружия мы не уйдем, - угрожающе говорит капитан. - Мы патруле.

- Черт с вами, уходите с оружием. Клинки в ножны, руки за голову, и быстро!

- Как же мы уйдем, - раздраженно спрашивает капитан, - когда этот дон загоразивает дорогу?

- И буду загоразивать! - заявляет барон.

Румата обнимает его за обширную талию.

- Мой друг, - говорит он. - Мне кажется, вы забыли, что наши благородные мечи употреблялись нашими благородными предками только для благородного боя. Ибо сказано: не обнажай в тавернах.

На лице барона появляется задумчивость.

- Но у меня же нет другого меча, - нерешительно говорит он.

- Тем более.

- Вы так думаете? - Пампа колеблется.

- Но вы же знаете это лучше меня.

- Да, - говорит барон. - Вы правы. - Он опускает меч, и серые, согнувшись, проскакивают мимо него. - Не знаю, не знаю, нерешительно говорит барон. - А как вы думаете, правильно я делаю, что не провожаю их хорошими пинками в зад?

- По-моему, это совершенно правильное решение.

- Ну что ж, - говорит барон. Лицо его озаряется. - Черт возьми, раз уж нам не удалось подрагаться, то имеем же мы право слегка выпить и закусить! Хозяин, - ревет он. - Вина и закусок! Много вина! много закусок!

Он возвращается к поваленному столу, перешагнув через безчувственного серого, и усаживается на лавку.

- И пусть нам прислуживает почтенная пожилая женщина, а не какая-нибудь смазливая вертихвостка!

Аристократы приближаются и учтиво поздравляют с победой

- Пустыки, пустяки, - благодушно говорит барон. - Штерка пльгавых молодчиков. У себя в корчме я раскидал их два десятка...

- Кстати, - говорит Румата, легко поднимая и ставя стол.
- А куда делся тот ируканский книгочей которого вы освободили?

- Освободил? Я? Мой друг, вы меня неверно поняли! Я никого не освобождал. Это государственное дело! С какой стати я буду освобождать какого-то дурацкого Будаха, если его взяли по приказу министра доня Рабы? И без того вокруг смута и неподчинение... Вы слышали? Арата опять идет на Арканар. А я вдруг стану освобождать книгочей, да еще ируканского книгочей, да еще вдобавок с дурацким именем Будах...

- Да, конечно, - говорит Румата мрачно.

Пампа перестает жевать и с беспокойством всматривается в его лицо.

- Мой друг, - говорит он озабоченно. - Вы, кажется, огорчены? Я сделал что-нибудь не так? Черт возьми, неужели вы полагаете, что я должен был освободить этого Будаха?

- Нет, нет, что вы, - говорит Румата. - Вы ошибаетесь, я несколько не огорчен.

- Мой друг, - говорит Пампа с достоинством. - Я все вижу. Я вижу, что вы огорчены, и я вижу теперь, что я поступил неподобающе. Как! Они арестовывают книгочей на моей земле! А я ...

- Право же, не о чем разговаривать, мой друг!

- Но я же вижу! Проклятье! Какой-то жалкий дон Раба! Да я королю не позволю распоряжаться на моей родовой земле! Клянусь вам, дон Румата, что я завтра же...

- Оставьте это, мой друг. Завтра я буду на утреннем приеме у его величества и увижу там доня Рабу. Я сам поговорю с ним.

Яркое солнечное утро. Ветер кружит белую алебастровую пыль, гонит по улице какие-то тряпки, клочки соломы. Румата, придерживая шляпу от ветра, выежжает на главную улицу и останавливает коня. По мостовой в клубах пыли движется странная и жуткая процессия. Какие-то ободранные, голые, грязные люди бредут, слотыкаясь, под охраной серых штурмовиков, идут связками, по пять-семь человек, привязанные за шею длинн к длинным деревянным нестам. По тротуарам стеной стоит народ, горожане смотрят. Медленно на рессом херебце проезжает главатай с бумагой. Он ревет, широко разевая волосатую пасть:

- ... Сей гнусный и зловердый Арата, возмечтав напиться крови благородного дворянства, подняв богопротивный бунт... Но этой ночью в бятве при реке Серебрянке был разбит доблестной конницей его величества нашего и рассеян как дурной сон... Его светлое величество король наш по сему поводу всемиловейше повелевает...

Румата едет вдоль колонны, кадно вглядываясь в лица пленных, как будто кого-то ищет среди них. Но у них нет лиц - белые маски из пыли, склеенные потом, рот и глаза кажутся черными дырами. Румата останавливается. Колонна проходит мимо, скрываясь в клубах пыли. Последний из бунтовщиков мал ростом, он идет на цыпочках, напряженно вытянувшись, чтобы петля не захлестнула его.

Рассыная любезные улыбки и пожимая ручки дамам, Румата продвигается в первые ряды разряженной, надушенной, обильно

потешней толпы придворных. Благородное дворянство в ожидании выхода короля из опочивальни вполголоса беседует:

- Господа, я всегда говорил, что Арата просто беглый каторжник и будет в конце концов повешен за ноги...

- Слава богу, мои поместья остались в стороне...

- Да, но сам Арата не пойман...

- Мой благородный дон, никакого Араты не существует, это миф, выдуманный мужичьем, легенда, сказка...

- Что же касается бедер, мой благородный дон, то они у нее формы необыкновенной!..

- А дон Тамбо наблевал на пол, поскользнулся и заехал головой в камин...

- И вот монах ей говорит: "А расскажи-ка ты мне, красавица, свой сон!.." - Га-га-га!..

Пройдя в опочивальню, Румата, изогнувшись в соответствии с этикетом, приближается к развороченной постели. Королю натягивают чулки. Он угрюм, не выспался, глаза мутные. Справа от лека дон Раба неслышно беседует с полковником Цуником, - рослым, толстым человеком, затянутым в серый мундир. Дон Раба лобзает и мия, полковник же тихо бесится. Румата обводит взглядом ряды отдушин под потолком - там поблескивают пристальные глаза, тускло отсвечивают отполированные лека арбалетов. Полковник Цуник вдруг яростно дергает плечом и идет вон сквозь толпу оцепеневших от такой нагаснитанности придворных. В отдушинах - движение, но дон Раба не дает знака. Извинительно улыбаясь, он глядит вслед угождающему Цунику. Король тоже глядит вслед полковнику и вдруг хихикает:

- А ведь он вас слышет, Раба, а? Ну-богу, слышет!

/ Раба почтительно слушает, наклонив голову/. - Вот я ему велю вас удавить, а? Хотите? /Дон Раба кланяется, притав руку к сердцу/. - Вы дрянной министр, Раба. И хвастук. Подумаешь - разогнал стадо мужиков. А где Арата? Вы же хвастались, что поймаете его, что притащите его сюда, сегодня к завтраку, а? Нет Араты? Хвастун, дзец...

Он замолкает, туло уставившись на свой живот. Камердинеры мешкают. Румата вырывает у одного из них туфлю и, опустившись на колено, почтительно и ловко насаживает туфлю на жирную королевскую ногу. В глазах короля вспыхивает огонек интереса.

- Румата, - говорит он. - Рад тебя видеть. Опять они его не поймали. Черт знает что: никому верить нельзя... Какие времена настали для королей, - он обводит рукой придворных, - дурачье, стяжатели... Вот наш министр! Бездарность, наглец, десять лет не может поймать Арату, серого мужичья понапихали во дворец - всех этих лавочников, бакалейщиков, горгашей; я болен, а он моих лейб-знахарей попереवेशал... - отпихнув камердинера ногами, он поворачивается к дону Рабе, и живот его, похожий на туго набитый мешок, перекачивается на одно колено. - Где знахари? - ворчит он горестно. - Где мой добрый Тата? Вы повесили его, дурак! А мне от одного его галоса становилось легче! Молчите, я сам знаю, что он отравитель. Ну и что ж, что отравитель? Он был знахарь, понимаете, убийца! Зна-ахарь! Одного отравит, другого вылечит... А вы вот только травите! /Дон Раба кланяется, прижимая руку к сердцу/. Ведь всех повесил, одни поны остались и шарлатаны! Кто оставит микстуру? Кто разогрет мне ногу?

Румата решается.

- Государь! - во весь голос говорит он, и тотчас наступает пронзительная, звенящая тишина. Вздергивает голову дон Раба. Насторожились отдушины под потолком. - Прикажите, и лучший лекарь империи будет во дворце через полчаса!

Король огорелое смотрит на него. И дон Раба смотрит, подняв брови, с выражением благожелательного любопытства. Тишина кончается, снова слышны пошоты и шорохи.

- Что это значит? - брезгливо осведомляется король. - Ну, приказываю. Ну, где ваш лекарь?

- Государь, - быстро говорит Румата. - Полагая своим долгом облегчить поистине невыносимые страдания вашего величества, я выписал знаменитого лекаря Будаха из Ирукана. Однако серые солдаты уважаемого дона Рабы захватили его три дня назад и теперь, я полагаю, что лекарь Будах находится здесь, в Веселой банке. Если только странная неприязнь дона Рабы к лекарям вообще уже не отразилась роковым образом на его судьбе.

Румата торжествующе смотрит на дона Рабу и испытывает потрясение: дон Раба доволен. Он улыбается. Он кивает Румате с ласковой отеческой укоризной. А какие-то серые люди уже куда-то бегут, распаливая и захлопывая двери. Зато король к ярости.

- Где лекарь? - орет он. - Мошеники! удавить! Где лекарь, я вас спрашиваю? Я вас спрашиваю, где доктор?

Дон Раба выступает вперед, приятно улыбаясь.

- Ваше величество! Дон Румата не искушен в политике, он солдат. Но мы-то с вами знаем, на что способен герцог Ирукана

кий в своей бешеной злобе против вашего величества. Мы-то с вами уже видели лекарей, подсланных врагами и вооруженных ядовитыми микстурами. А потому я счел необходимым перехватить указанного доктора Будаха и произвести небольшое предварительное расследование.

- Гм, - говорит король. - А вы не дурак, дон Раба. Расследование - это хорошо. Это никогда не мешает. Проклятый ирландец, - король стонет и хватается за колено. - Проклятая нога! Так давайте его сюда, чего вы ждете? Если бы у вас так болело колено, вы бы визжали, как свиньи! Где этот лекарь?

- Несколько минут терпения, государь, - говорит дон Раба. - А пока... завтрак его величества!

хрипло ревет трубы. "Завтрак его величества!" - надувая горло, ревет министр церемоний. По знаку дон Раба камердинеры подхватывают короля вместе с ложем и влекут в столовую. Придворные расступаются, пропуская короля и дон Рабу, затем толпой валют за ними. Становится тише.

Румата, отстав, идет по сырому грязноватому коридору следом за всеми. Он в прекрасном настроении, интрига удалась, Раба попался в ловушку и вынужден теперь выпустить Будаха из темницы. Румата догоняет унылого, тощего человека, бредущего по стеночке. Человек одет в нелепый придворный костюм, глаза у него бегают, он все время ежится и передергивает плечами и сильно вдрагивает, когда Румата берет его под руку.

- "Быть или не быть... - говорит Румата, - таков вопрос: что благородней духом - покоряться пращам и стрелам яросной судьбы, или, оплывшись на море смут, сразить их противоборством?" /Человек поднял к Румате лицо, внимательно слушает,

чуть приоткрыв рот/. Отец Гур, а ведь было время - и вы писали отличные стихи! Помните: "Как лют увядший падает на душу..."

- Нет, - испуганно говорит отец Гур, вырвав свою руку.

- Нет. Не надо! Это были плохие стихи.

- Вадор! Это - отличные стихи! Вы отличный поэт, отец Гур... были отличным поэтом... И имейте в виду: единственный сохранившийся экземпляр книги - у меня...

- Я ничего не хочу об этом знать!.. Пустите меня!.. -

Гур вырывается, звеня ладонскими бубенчиками, пришитыми к его костюму, и пытается убежать, но Румата догоняет его, снова берет под руку и читает:

- " Так трусами нас делает раздумье, и так реальности природный цвет хиреет под налетом мысли бледным, и начинаешь, несешься мощно, сворачивая в сторону свой ход, теряют имя действия..."

- Чьи это стихи? - испотом спрашивает потрясенный Гур.

- Мои, - отвечает Румата.

Они входят в столовую. Гур выпрямился, голова его откинута, он беззвучно шевелит губами, повторяя шекспировские строчки. Король восседает за огромным столом.

Придворные толпятся вокруг. Ревут трубы. Дон Раба берет чашу, отпивает несколько глотков, задумчиво смакует, глядя в потолок, а затем, удовлетворенно кивнув, подает чашу королю. Тот принимается пить. Рев немедленно смолкает. Дон Раба делает знак, отец Гур, спохватившись, выступает вперед и читает неестественно высоким голосом: "Велик и славен, словно вечность, король, чье имя - благородство. И отступила бесконечность, и уступила первородство..." Король не слушает. Придвор-

ные разражаются жиденькими аплодисментами. Гур возвращается на свое место и говорит Румате сквозь зубы:

- Легко и сладостно говорить правду в лицо своему королю.

Румата отводит глаза.

Король отламывает курячью ногу, жуя, обращается к дону Ребе:

- Где же лекарь? Долго вы будете меня мучить, животное?

- Он здесь, ваше величество! - провозглашает дон Реба.

Распахивается внутренняя дверь опочивальни. Непрерывно кланяясь, входит сгорбленный пожилой человек в долгополой мантии, украшенной изображениями серебряных пауков, звезд и змей. Под мышкой у него плоская сумка. Его сопровождает толстый, лысый господин в сером мундире. Румата пристально смотрит на Будаха. На лице его тревога и недоумение.

- Ну-ка, ну-ка, пооди сюда, лекарь, - гнусавит король.

- Экий ты, братец, мозгляк. И ну-ка, приседай, приседай, говорят тебе!

Несчастный Будах приседает. Лицо его искажается от ужаса

- Еще! - гнусавит король...-Еще разок! Еще... Коленки не болят, вылечил-таки себе коленки. И руки ничего, крепкие. Ну, давай, голубчик, лечи - чего стоишь?

- Ва... ваше величество, - лепечет лекарь, - со-согн-вольте показать ножку, ножку...

Лекарь становится перед королем на колени и осторожно мнет ему ногу. Король дергается.

- Э... - говорит он. - Э! Ты что это? Ты не хватай.

Ваялся лечить, так лечи.

- Мне все по... понятно, ваше величество, - говорит лекарь. Он принимается копаться в сумке.

Все затаивают дыхание. Дворяне вытягивают шеи, таращат глаза. Некоторые омахиваются большими пальцем. Лекарь достает из сумки несколько флаконов, откупоривает их и расставляет на столе. Затем берет кубок короля и наливает до половины вином. Пошептав заклинания, опорожняет в кубок флаконы. Над кубком поднимается пар. Король, поджав губы и скривив нос, оглядывается на дону Рабу. Тот сочувственно улыбается. Рушета недоуменно пожимает плечами.

- Это что, растирать? - спрашивает король, кивая на кубок.

- Огнюдь нет, ваше величество. Это - внутрь.

- Вну-у-утрь? Я не желаю внутрь. Растирай!

- Как угодно, ваше величество, - покорно говорит лекарь.

- Но осмелюсь предупредить, что от растирания польем не будет никакой.

- Почему-то все растирают, а тебе обязательно надо вливать в меня эту гадость.

Король берет кубок и нохает.

- Мерзавец ты, - говорит он лекарь неприятным голосом.

- Мужичонка! Мозгляк шаршивый! Вот как тресну тебя этой штукой по зубам! - Снова нохает кубок. - А если меня вытошнит?

- Придется повторить, ваше величество, - скорбно произносит лекарь.

- Ну ладно, с нами бог, - решает король и подносит было кубок ко рту, но вдруг резко отстраняет его, расплескивая содержимое. - А ну, сначала сам отпей. Знаю я вас, ируканцев, вы святого Мику в рабство продали... Ней, говорят!

Лекарь с оскорбленным видом отпивает несколько глотков.

- Ну как? - спрашивает король.

- Горько, ваше величество, - сдавленным голосом говорит лекарь, - но пить надо.

- На-адо, на-адо, - брызжит король. - Сам знаю, что надо. Дай сюда. Ишь, полкубка вылакал, дорвался!..

Он залпом опрокидывает кубок. В толпе придворных проносятся сочувственные вздохи, и вдруг все замирает. Король застывает с разинутым ртом. Из глаз его катятся слезы. Он багровеет, потом синее, протягивает над столом руку и судорожно щелкает пальцами. "Вина" - шипит он. Лакей кидается, подает кувшин. Король, бешено вращая глазами, гулко глотает. Красные струи текут по белой сорочке. Потом король швыряет кувшином в лекаря, но промахивается.

- Стервец! - говорит он неожиданным басом. - Ты за что меня убил? Мало тебя вешали? Чтоб ты лопнул! - он замолкает и трогает колено. - Болит! - гнусавит он прехким голосом. - Все равно болит.

- Ваше величество, - говорит лекарь, прикрываясь рукой. - Для полного излечения надо пить микстуру ежедневно в течение двенадцати дней.

Король синее.

- Вон! - визжит он. - Все вон отсюда!

Придворные, опрокидывая мебель и сбивая друг друга с ног, бросаются к дверям.

- Во-о-он! - истошно вопит король, сметая со стола посуду и брызжа слюной.

выбравшись в соседнюю залу, Румата стоит, управляя воротник.

Дон Рипат, весь перекошенный, хватается его за рукав и, сунувшись к уху, шепчет, захлебываясь и кося глазами в разные стороны:

- это не Будах... Понимаете? это не Будах!

Румата, прищурившись, смотрит ему в лицо.

- Мой милый, что с вами? - говорит он спокойно, чуть отстраняясь. - В чем дело? Почему такая паника?

- это не Будах! Настоящий Будах в Веселой башне. /Рипат смотрит на него безумными глазами/. Я доверил вам страшную тайну, - хрипло бормочет он. Страшную тайну я вам доверил... страшную...

Румата резко поворачивается и идет к дверям опочивальни. Рослый гвардеец вступает ему дорогу. Румата отстраняет его, толкает дверь и останавливается. На пороге стоит дон Рэба. Он мрачен, брови трагически заломлены.

- Господа, - провозглашает он, - прием окончен. Король почувствовал себя дурно, господа. Я прошу вас молиться за здоровье его величества. /Он обращает взгляд на Румату/: странного лекаря выписали вы для его величества, дон Румата. Много, слишком много вы взяли на себя, благородный дон!..

Придворные замерли. Рипата с мольбой смотрит на Румату: " Не выдавай "! Румата молча кланяется Рэбе и поворачивается, чтобы идти.

- Одну минуту! - говорит Рэба. В голосе его - угроза. - Если я не ошибаюсь, сегодня вечером вы дежурите в этой самой комнате, дон Румата?

Румата снова молча кланяется.

улица перед домом Руматы. Поздний вечер, темно. Люди из дома напротив закрывают ставни. По мостовой тащится телега со скарбом. Возница подгоняет лошадь, поминутно оглядываясь. Среди уелов на телеге женщина с ребенком; ребенок громко плачет.

Уно, наблюдавший все это через зарешеченное отверстие в двери, закрывает окошечко, задвигает засов. В обширном вестибюле темно, только в дальнем углу под коптящим факелом несколько вооруженных слуг в кольчугах играют в кости. Уно, стуча башмаками, поднимается по лестнице, проходит через пустые темные комнаты и, навалившись, открывает тяжелую дверь в кабинет Руматы. Румата и Ари сидят на диване.

... эта девушка была совсем дикая, - говорит Ари. Она была варварка из-за гор. Но принц ее полюбил и она его полюбила. Сначала все было хорошо, у них родился мальчик, они были счастливы. Но потом король сказал, что не может принц любить вражеское отродье, что это колдовство. И вот однажды принц уехал на охоту, а ее сожгли. Когда он вернулся, ему долго боялись говорить, но он конечно узнал... Ах, какая это книга! Я даже не знала, что есть такие... Мне все время казалось, что это про нас с тобой.

- Это вообще про всех людей, которые любят, - говорит Румата. - И про нас. Только нас не разлучат.

- Третья стража пробилла, - говорит Уно, стоя на пороге.
- Пора нам.

Румата закрывает книгу, поднимается.

- Пора - так пора, - говорит он. Ему очень не хочется уходить.

- На дворе что-то больно тихо, - говорит Уно. - Нехорошо как-то... Соседи вдруг собрались и уехали...

Румата подходит к окну, некоторое время глядит на улицу, потом говорит Ари:

- Рыжая, принеси мундир.

Он проходит в соседнюю комнату, останавливается перед зеркалом, потом выдвигает потайной ящик и вынимает скорчер - оружие, похожее на автомат с коротким стволом. Задумчиво протирает с него рукавом пыль, резко оборачивается. Рядом стоит Уно и смотрит на скорчер.

- Что это такое? - шепотом спрашивает мальчик.

- Игрушка такая, - говорит Румата. Он бросает скорчер в ящик и задвигает его.

- Чего это такое - игрушка? - спрашивает Уно.

Румата треплет его за ухо, сбрасывает халат, достает из гардероба блестящую пластметалловую рубашу.

- Говорят, резня будет, - сообщает Уно. - Всех недорезанных этой ночью дорезут... Не уходили бы, а, хозяин?..

- Служба, - говорит Румата. - Он натянул рубашу, сняв обруч, тщательно протирает объектив. Уно ворчит:

- Люди по домам прячутся - он уходит. Рубашу какую-то особенную ему надо...

- это не рубаша, это кольчуга.

- Какая же кольчуга, когда рубаша?

Румата протягивает ему кинжал.

- Вей. Вот сюда бей. - Показывает ему на грудь.

- Чего это я буду бить! Убью еще...

- Бей, говорят, бей!

Уно пожимает плечами и хочет положить кинжал. Тогда Румата несильно, но обидно шлепает его по щеке. Уно мгновенно звереет и с силой бьет Румату кинжалом в живот. Кинжал соскальзывает. Уно шарахается, бросает кинжал и оманывается большим пальцем.

Входит Ари с мундиром, молча передает его Уно и снова выходит, не говоря ни слова. Румата провожает ее глазами, приходящая одеваться говорит Уно:

- Слушай меня. Запомни: что бы здесь ни случилось, Ари должна остаться живой и невредимой. Пусть дом сгорит, пусть все деньги разграбят, но Ари ты мне сохрани. Уведи ее по крышам, по подвалам, как хочешь, но сохрани. Понял?

- Понял. А только не уходите бы вам сегодня. И куда вас несет в такое время?.. Надо же... Все не как у людей.

- Ладно, ладно, не ворчи... - Румата легонько щелкает мальчика в нос и улыбается в ответ на его неумелую улыбку. Надевает мечи, позвякивая шпорами, идет из комнаты, и сталкивается в дверях с Ари. Ари с его шляпой в руках стоит на пороге. Румата целует ее, берет шляпу и идет прочь. Уно, постукивая башмаками, идет рядом, несет светильники и открывает двери перед хозяином.

Они входят в гостиную и останавливаются. За столом перед слабеньким светильником сидит монах в капюшоне, надвинутом на лицо.

- Кто ты такой? - резко спрашивает Румата. - Почему здесь?

- Добрый вечер, благородный дон Румата, - говорит монах

откидывая капюшон.

Румата всматривается, качает головой.

- Ловко, - говорит он. - Добрый вечер, славный Арата... Уно, принеси хлеба и вина... Как вы очутились в Арканаре? - спрашивает он Арату.

- Пришел с монахами.

- Вы с ума сошли! Вас же так легко опознать.

- Только не в толпе монахов. - Арата усмехается, глядя Румате в лицо. - Калеки угодны богу.

Уно приносит еду и вино, подает Арате, опустившись на одно колено. Арата безобразной искаленной рукой гладит его по щеке.

- что вы намерены теперь делать? - спрашивает Румата.

- как обычно. Не пройдет и года, как арканарский люд ползет из всех щелей с топорами - драться на улицах. И тогда я поведу их, чтобы они били тех, кого надо, а не друг друга и всех подряд.

Арата ломает хлеб и запивает вином.

- Вам понадобятся деньги, - говорит Румата.

- Да. Как обычно. И оружие...

Он ест. Румата молча глядит на него. И Уно, стоящий у дверей, тоже глядит на Арату. Лицо Руматы грустное, на лице Уно - ребяческий восторг.

- Я двадцать лет главарь мятежников, - говорит Арата. - И всегда одно и то же. Мои победы всегда оборачиваются поражениями. Мои brave друзья всегда становятся врагами, самые храбрые бегут, самые верные предают или умирают. Дон Румата,

почему вы не хотите мне помочь по настоящему? Дайте мне ваши молнии.

Некоторое время длится молчание, затем Румата произносит

- Не будем об этом говорить.

- Нет, мы будем говорить об этом. Я не звал вас, я никогда не верил в вас, я никогда никому не молился. Вы пришли ко мне сами. Что же, вы решили просто позабавиться?

- Что вы собираетесь делать с молниями?

- Я выжгу золоченую сволочь, как клопов, всех до единого весь их проклятый род до двенадцатого потомка. Я сотру с лица земли их крепости. Я сожгу их армии, я уничтожу всех, кто будет защищать их и поддерживать. Я сожгу всех монахов - всех! Мирных попов, которые читают проповеди, и тощих попов, которые режут и вешают. Я освобожу рабов, я раздам им золото и земли!

- Арата тяжело дышит, его лицо потемнело от прилива крови. - Вы можете не беспокоиться, ваши молнии будут служить только добру. И когда в мире наступит свобода, я верну вам ваши молнии и никогда больше не попрошу их у вас.

Не выдержав его взгляда, Румата опускает глаза и говорит: вяло, без всякой убежденности:

- Я не могу дать вам молнии. Не имею права.

- Вам не следовало спускаться с неба, - жестко говорит Арата. - Вы слишком боитесь крови. Возвращайтесь к себе на небо, дон Румата. И никогда больше не приходите. Либо дайте нам ваши молнии. Или вашу летающую колесницу. Или хотя бы просто обнажите мечи и встаньте во главе нас.

- Да, - неожиданно говорит Уно. - Послушайте его, хозяин.

Он стоит рядом с Аратой, и они вдвоем глядят на Румату и идут. Румата закрывает глаза.

Следующая сцена происходит только в воображении Руматы.

Кабинет погружается в полумрак, освещены только лица Руматы и Араты.

- Хорошо, - говорит Румата. - Я скажу тебе правду. Твое дело пока что обречено. Твоим солдатам не нужно царство свободы. Ты знаешь, что даже лучшие из них мечтают только о богатстве. Они совсем не против рабства, просто они сами не хотят быть рабами. Если я дам тебе молнии, ты победишь. А, может быть, победишь и сам, без моих молний. Ты отнимешь земли у баронов и поделаешь их между своими товарищами. Но кому в вашем мире нужна земля без рабов? И появятся новые бароны, и появятся новые рабы, и появится новый Арата.

- Нет, - горячо говорит Арата. - Ты лжешь! Я не допущу этого!

- Я знаю твой мир лучше тебя. Одно из двух: либо ты не допустишь этого, и тогда тебя убьют; либо ты станешь тираном! Пойми, Арата, мы видели это много раз и здесь, в твоём мире, и в далеком прошлом у нас.

- Так значит все напрасно? Значит, царство свободы - сказка?

- Нет. Но это царство построят другие люди. Может быть они прославят тебя в своих легендах, но будут сильнее тебя и сделают то, что тебе не дано. Эти люди непременно появятся, это закон всех миров.

- А я? Что делать мне?

- Сражаться! Сотрясать троны. Путь в царство свободы

начинается с таких, как ты.

- Не верю!.. Какое мне дело до этих людей? Я все отдал этой войне! Как же мне теперь жить? Будь ты проклят со своей правдой! - Арата выхватывает из-под рясы меч и ломает его об колено.

- Вот поэтому я и не скажу тебе правды. Такой ты никому не нужен: ни царству свободы, ни самому себе...

- Молчите? - говорит Арата. Рукавом рясы он смахивает на пол крошки и поднимается. - Жаль. Но в нашем деле не может быть друзей наполовину. Друг наполовину - это всегда наполовину враг. - Он надвигает капюшон на глаза. - Я ухожу. Золото на прежнем месте?

- Да, - говорит Румата. - На прежнем.

- Тогда я пойду. Прощайте, дон Румата.

Уно хватается его за полу.

- Подожди! - с отчаянием кричит он. - Попроси его еще раз!

Арата молча вырывается и идет к двери.

- Подожди! - кричит Уно. - Я с тобой!

- Уно! - рывкает Румата, поднимаясь.

- А чего - Уно? - говорит мальчик. - Чего - Уно? Они нас будут давить, а мы будем сидеть? Вы - бог, ваше дело благородное, вам-то все нипочем...

Он выскакивает за Аратой, с силой захлопнув за собой дверь.

Арата и Уно спускаются в прихожую. Внизу, загораживая

им путь, стоит Ари. Не обращая внимания на Арату, она говорит Уно:

- Бесстыдники! Как ты смеешь? Он тебя из грязи вытащил, он тебя человеком сделал! Неблагодарный мальчишка! Такого господина предаешь? Будь ты проклят за это!

Уно стоит, опустив голову.

Арата говорит холодно:

- Человек не может предать бога, женщина. Это боги предают людей. Отойди, женщина, ты мешаешь.

Он отстраняет Ари рукой и проходит мимо. Ари хватается Уно за рукав.

- Он же любит тебя... Он же совсем один, ты понимаешь? Ну и что же, что он бог? Все равно ведь один! Пожалей его, мальчик, опомнись!

Не поднимая глаз, Уно стряхивает ее руку и уходит за Аратой.

- Предатель! - сквозь слезы кричит она ему вслед. - Предатель! Предатель!

Поздний вечер, черное поле. На фоне далекого зарева слышны два человека - один высокий, горбачий, другой - мальчик. Они уходят все дальше и дальше.

Румата едет по темному городу. В окнах темно. На улицах пусто. Даже собаки не лают. На перекрестке молчаливая толпа штурмовиков с факелами. Блестят лезвия топоров. На другом перекрестке - десяток черных всадников с пиками. Лица их покрыты железными козырьками с прорезями для глаз.

Вдоль улицы, прижимаясь к стенам, проходит волчьей печкой, крадучись, десяток оборванцев с дубинками. "Вага!" - окликает Румата. Идущий впереди оглядывается и тотчас все исчезает, словно их не было. А на следующем перекрестке - снова штурмовики с факелами. Тихо, мертво, только факелы трещат и позвякивает железо о железо.

В ковровом зале перед опочивальней короля происходит смена караула. Румата в парадном мундире и долговязый гвардеец совершают сложные манипуляции мечами под строгим взглядом министра церемоний. Потом гвардеец удаляется, а министр церемоний, прошептав: "Прошу соблюдать полную тишину, благородный дон, - его величество крайне неважно себя чувствует", на цыпочках удаляется в опочивальню.

Румата обходит зал, проверяя светильники, запоры на многочисленных дверях, пытается поправить ковер, из-под которого виднеются сырые разводы на стене. Потом он придвигает кресло к окну, садится и смотрит на ночной город. Город погружен во тьму, только кое-где виднеются группы колеблющихся огней.

- Ночь длинных ножей, - думает Румата. - Сегодня Раба будет резать всех своих врагов, которых не успел вырезать раньше. Родовую знать. Баронов. Непокорных купцов. Оставшихся книжечеев. Всех будут резать. И помешать этому мы не можем. Что мы вообще можем? Я спас несколько алхимиков, астрономов, лекарей. Переправил за море несколько поэтов и писателей. Предупредил некоторых друзей. Все. Двадцать два человека сегодня в безопасности. Остальные тысячи будут зарезаны. Самое страшное

ное, что они будут зарезаны в любом случае. Да, Арате, я могу взять мантию, убить доня Рабу и перебить несколько тысяч штурмовиков. Полковник упики будет в восторге, а король двинет на меня гвардию, и мне придется уничтожить гвардию. И возникнет хаос, Арате. Варвары спустятся с гор и вырежут всех, от детей до стариков, если мы не перебежим эти орды. И войска герцога ируканского перейдут через границу и выгнут всю страну, если мы не перебежим эти войска. Вся эта страна набухла кровью. Стоит сделать один неудачный надрез, и кровь затопит все.

Он вдруг видит огромную пустую площадь современного земного города, окруженную стеклянными домами. Солнце, зелень. Посредние площади стоят друг против друга Румата и доня Раба. В руках Румата скорчер. Раба отшатывается, он хихикает, палочничает. Румата нажимает на спусковой крючок. Раба вспыхивает, как факел. Румата бросает скорчер. Раздается вопль.

Румата в кресле отнимает руки от лица. Крик продолжается. В темном городе начинается движение. Кучки агний распадаются, тлеют цепочками, появляясь и исчезая между невидимыми домами. Вспыхивают пожары, озаря соседние крыши. Румата хладно смотрит в окно, потом резко оборачивается. Распахивается дверь опочивальни. Оттуда выскакивает слуга от ужаса министр церемоний, истошно кричит: "Спасите! король умер! Намена! король отравлен!" И сейчас же несколько дверей вылетают, в залу дежут, выставив топоры, погные мордастые штурмовики. Румата обнажает мечи.

- Назаді - холодно приказывает он. В спальне кто-то визжит ужасным голосом. Румата отскакивает в угол, загораживает

ся креслом. Штурмовики, тяжело дыша, заполняют комнату. Вперед проталкивается серый офицер в тесной форме, клинок наголо.

- Дон Румата? - говорит он, задыхаясь. - Вы арестованы! Отдайте мечи!

Румата оскорбительно смеется.

- Возьмите, - говорит он, косясь на окно.

- Взять его! - орет офицер.

Штурмовики толпой набрасываются на Румату. Но Румата дерется как дьявол. Пятнадцать здоровенных парней с топорами кажутся совершенно беспомощными увальнями перед этим человеком, который, казалось, окружил себя крутящейся сталью.

Толпа откатывается. На полу валяются выбитые топоры, но никто не ранен, все только ошеломяны, перепуганы. Румата идет вдоль стены к ближайшему окну, забирается на подоконник, смеясь, предупреждает:

- Сунетесь еще раз - буду обручать лапы. Вы меня знаете.

Они его знают. Они топчутся на месте, пятятся, и напрасно офицер кричит, надрываясь: "Груси! Вперед!.. Он же не убивает!.. У него обет - не убивать!.. Вперед!.."

В этот момент со звоном вылетает стекло за спиной Руматы и длинное копье бьет ему в спину. Румата от удара падает на пол, и вся свора разом наваливается на него. С огромным трудом ему удастся стать на ноги. Волоча за собой кучу тел, он идет к двери, по дороге наклоняясь и отдирая вцепившихся в ноги штурмовиков. Арбалетная стрела бьет в грудь, и он снова падает. Под ним бьются задавленные. Но он снова встает, нанося короткие удары, от которых штурмовики тяжело шлепаются.

Внежит перекошенный от ужаса офицер, держа перед собой разряженный арбалет, а в двери лезут новые потные морды. На Румату набрасывают сеть, валют, и он скрывается под шевелящейся кучей.

В огромном низком зале трещат багровые светильники. Посередине на потертом ковре сидят и лежат связанные и окровавленные люди; почти все босы, в разном ночном белье. Вдоль стен стоят крайномордые штурмовики, свирепые и самодовольные, в небрежных повах, опираясь на топоры и секеры. Перед ними прохаживается, заложив руки за спину, серый офицер с озабоченным лицом. Румата входит в зал - руки у него скручены за спиной, лицо разбито, одежда разодрана, блестит рубаха-кольчуга. Спутник Руматы - маленький человечек, закутанный в черное до глаз, подходит к офицеру, шепчет ему что-то, и офицер тотчас скрывается за портьерами. Штурмовики глазят на Румату.

- Хорош камушек у донна, - говорит один с заплывшим глазом.

- Пр-рекрагить, - говорит маленький человек в черном. Штурмовики смотрят на него с изумлением и неприяньем.

- Это еще кто такой на нашу голову? - говорит заплывший глаз.

Черный человечек поворачивается к нему спиной, возвращается к Румате и встает рядом.

- Братцы, - говорит заплывший глаз. - Никак это поп! Эй, поп, хощь в лоб?

Штурмовики гогочут. Заплывший глаз тянет лапу к телепередачнику. Но тут человек в черном резко ведергивает вверх

руку с блестящей эмблемой церкви. Звонко шелкает арбалет из стдушины на потолке. Короткая стрела впивается штурмовику в переносицу и он валится навзничь. Гогот стихает. Румата поражен. И вдруг в комнату входят один за другим еще люди в черном — монахи в железных касках с прорезями для глаз.

Притихшие штурмовики сбились в угол.

Румату подталкивают в спину. Он шагает вперед, раскрываются и вновь смыкаются лиловые портьеры и тихий голос дон Раба провозносит:

- А вот и благородный дон Румата...

Дон Раба сидит за столом в своем кабинете, напряженно выпрямившись, положив локти на стол и сслета пальцы. Справа от него, почти к нему спиной, развалился в кресле полковник Цупик, недовольный, с подхваченными губами; слева — благодушно улыбающийся брат Аба — толстый, похожий на мясника человек.

- ... наш старый и весьма последовательный недруг, — говорит Раба.

- Повесить! — распоряжается отец Цупик. — Эй, кто там? Следующего!

- Одну минуточку! — мягко возражает Раба. — А ваше мнение, брат Аба?

- Господа мои, — истово говорит брат Аба, — согласно существующему законодательству...

- П,нес, понес... — брвжит Цупик. Он поднимается, небрежно заглядывает за портьеру и возвращается на место. — А дело стоит!..

- Но, господа мои! Господни полковник! Имущество!..

Руматы — сказочно богатый род!.. Надо же предоставить ему возможность облегчить свою участь.

— Это интересная мысль, — замечает Раба.

— Тогда может быть мы начнем по всей форме? — спрашивает Аба.

Пушик демонстративно зеваает и снова косится на портьера. Он явно чего-то ждет.

— Да. По всей форме... — говорит Раба. — Вы обвиняетесь, мой благородный дон, в отравлении его величества короля нашего через посредство подкупленного вами еретика и шпиона лекаря Будаха...

— Развяжите мне руки, — говорит Румата.

Аба вздрагивает и отчаянно мотает головой. Полковник Пушик выпрямляется в кресле и показывает Румате огромный костистый кулак.

— А вот этого не хочешь? Я тебе развяжу!..

РУМАТА. Я не скажу ни слова, пока мне не развяжут руки.

Отец Пушик медленно поднимается и зловеще говорит:

— Скажешь. Заговоришь. Сейчас огоньку сюда принесут, и ты у меня заговоришь.

Он замолкает и прислушивается. За портьерами слышен какой-то шум. На лице Пушика появляется жуткая улыбка. Забыв о Румате, он поворачивается к Рабе и Абе, засунув руки за пояс, и торжествующе говорит:

— Ну вот и все, государи мои! Поболтали и хватит.

Из-за портьер выскакивают трое в черном, он оглядывается на них. По-видимому это совсем не то, что он ожидал. Трой-

ка быстро и бесшумно подскакивает к нему и берет его за руки.

- Ам... ня... - бормочет Цулик, покрываясь смертельной бледностью.

РЭБА. Как вы полагаете, брат Аба?

АБА. Ну, разумеется, несомненно!

Дон Рэба делает слабое движение рукой, черные приподнимают отца Цулика и бесшумно выносят за портьеры. Брат Аба потирает руки.

- Все обошлось превосходно, как вы думаете, дон Рэба?

РЭБА. Да, неплохо... Однако продолжим. Освободите ему руки.

Руки Руматы падают как плети: кто-то, подойдя сзади, разрезал веревки. Брат Аба с неожиданной резвостью извлекает из-под стола огромный боевой арбалет и кладет перед собой на бумаги.

- Итак, - говорит Рэба, - ваше имя, род, звание?

- Румата из рода Румат Эсторских. Благородный дворянин до двадцать второго предка. - Оглядевшись, Румата садится на софу и принимается массировать кисти рук. Аба, взволнованно сопя, берет его на прицел.

- Сколько вам лет? - спрашивает Рэба.

- Тридцать пять.

- Откуда прибыли в Арканар?

- Из города Эстор.

- Какова была цель этого перемещения?

- Личные обстоятельства.

- Какие именно?

- Я убил на дуэли члена августейшей семьи.

- Вот как? Убили?.. Гм...

- Имейте в виду, - наставительно говорит брат Аба, - мы хотим правды, одной только правды.

- Правды? Вы дурак, брат Аба. Дурак и лавочник. Живой покойник...

- Вам не следует говорить в таком тоне, - замечает Раба.

- Он хочет правды. Вот ему правда - истинная правда и только правда: вы дурак, брат Аба, и живой покойник.

- Мне кажется, мы немного отвлеклись, - говорит Раба. Он задумчиво смотрит на Румата. Брат Аба кипит, но сдерживается.

РЭБА. Вы богаты?

РУМАТА. Я мог бы скупить весь ваш Арканар, но меня не интересуют помойки.

РЭБА /со вздохом/. Мое сердце обливается кровью. Обрубить столь славный росток столь славного рода! Если бы это не вынуждалось государственной необходимостью...

РУМАТА. Поменьше думайте о государственной необходимости и побольше думайте о собственной шкуре.

РЭБА. Вы правы. Эй, кто там!

Румата напрягается. Из-за портьеры снова выскакивают трое в черном, хватают брата Абу и заворачивают ему руки за спину. Брат Аба вопит.

- Скорее, скорее, не задерживайтесь, - брезгливо говорит Раба. - Пора! И кончайте всех!.. Всех!.. Всех!..

Абу выволакивают вон, и сейчас же за портьерами поднимается страшный шум, ляг оружия, крики: "Измена!", хрипы.

Дон Раба встает, осторожно разряжает арбалет и, почесывая страдой спину, подходит к портьеру. Он смотрит в щелочку, приговаривая сквозь шум и дят: "хорошо, хорошо, прелестно!" Потом шум стихает и Раба, помахивая на ходу стрелой, как джирхерской палочкой, принимается кружить по кабинету, напевая что-то и все убыстряя шаги. Потом он резко останавливается, отшвыривает стрелу, осторожно садится на стол и говорит, улыбаясь во все лицо:

- Как я их, а? Никто и не пикнул! "Измена, измена..." У вас, я думаю, так не могут. Или могут?.. Давайте поговорим, дон Румата. А может быть, не Румата? А может быть, и не дон вовсе?

РУМАТА. Я вас слушаю.

РАБА. Вы не дон Румата. Вы самозванец. Румата эсторский умер пять лет назад от дурной болезни и лежит в фамильном склепе своего рода. Он покойник... Сами признаетесь или вам помочь?

РУМАТА. Сам признаюсь. Меня зовут Румата эсторский, и я не привык, чтобы в моих словах сомневались.

РАБА /зловеще/. Я вижу. Нам придется продолжить этот разговор в другом месте. Вы слышали про такую штуку: мясокрутка святого Мики? Сначала пальцы, потом рука... Или, скажем, перчатки великомученицы Паты? /Резко двигается, морщится от боли/.

РУМАТА. А у вас правда геморрой?

Некоторое время Раба молча жует губами.

- Хорошо. Видимо, начать придется все-таки мне. - Раба

внимает огромную связку бумаг. - Давайте посмотрим, в чем замечен дон Румата эсторский за пять лет своей загробной жизни в Арканарском королевстве. Да будет вам известно, что мною, министром охраны Арканарской короны, были приняты некоторые действия против так называемых книгочеев, ученых и прочих бесполезных и вредных для государства людей. Эти действия, однако, встретили некое странное сопротивление. В то время, как весь народ всячески помогал мне, то есть выдавал укрывшихся, указывал на подозрительных и расправлялся самосудно, в это самое время кто-то неведомый выхватывал у нас из-под носа и переправлял за пределы королевства самых отпетых, самых отвратительных преступников...

Дон Раба идет что-то в кипе бумаг, потом хлопает в ладоши. Из-за портьеры выходит человек, кладет перед ним бумагу и кланяется Румате. И пока Раба говорит, из-за портьеры выходят люди, кланяются и кладут перед Рабой бумаги. Это все знакомые Румате люди: нищий с улицы, бедденежный дон, его сосед в трактире, слуга, принимавший у него коня, и другие.

- ... Так ускользнули от нас: безбожный астролог Багир, преступный алхимик Синада, связанный с нечистой силой и с ируканскими властями, мерзкий памрлетист и нарушитель спокойствия Цурен, сумасшедший колдун и механик Кабани и ряд других, рангом поменьше... - Раба повышает голос. - Вы докатились до того, что привели к своим грязным делишкам отпетого преступника и ночного бандита Вагу по кличке Колесо, который, по счастью, оказался верным и преданным нашим слугой!

Из-за портьеры выходит человек без подбородка, архивари-

ус Ваги, с шутовской почтительностью кланяется Румате и ставит перед Рабой замысловатую шкапулку. Румата исподлобья наблюдает весь этот спектакль. Раба останавливается, ожидая какой-нибудь реакции, и, не дождавсь, продолжает:

- Далее. На спасение этих растлителей душ вы, дон Румата, потратили не меньше трех пудов золота. И это золото /он вынимает из шкапулки горсть золотых монет, смахивается большим пальцем/... одного этого золота достаточно, чтобы сжечь вас на костре! Это дьявольское золото! Человеческие руки не в силах изготовить металл такой чистоты.

Сверлит Румату взглядом. Румата одобрительно кивает.

В голосе Рабы вдруг появляются участливые отеческие нотки.

- А кроме того, вы ведете себя так неосторожно. Вы такой дуэлянт, вы такой задира. Сто двадцать шесть дуэлей за пять лет. И ни одного убийства! Странно, странно, дон Румата! А ведь вы не могли не знать, что деретесь за свою жизнь; да, вы мастер. Вы, несомненно, лучший меч империи. Но только а аду можно научиться этим невероятным, сказочным приемам боя.

Тонкий поросячий визг прерывает его. С треском обрывается и падает портьера. В кабинет вползает плешивый, с окровавленным подбородком лекарь, тот самый, что лечил короля. Он дико кричит:

- Я никого не травил! Это Будах травил. Он и меня отравил! Я ничего не знал! Скажите вы, дон Раба, я ничего не знал!

Из темноты высовываются огромные лапы и уволакивают его за ноги. Визг резко обрывается. Кто-то в черном быстро подхватывает и вешает портьеру.

Румата вскакивает.

- Где Будах?

- Вы же видите... С ним какое-то несчастье...

- Вадор! Я спрашиваю, где НАСТОЯЩИЙ Будах?

- Ах, дон Румата... - Реба уже пришел в себя. - Ну что вам Будах? Он вам родственник или как?

- Слушайте, Реба, - бешено говорит Румата. - Я не шучу! Если с Будахом что-нибудь случится, вы подохнете, как пес! Я раздавлю вас!

- Не успеете...

- Вы дурак, Реба, - Румата идет на него. - Вы ничего не понимаете. Никогда в жизни вы еще не брались за такую опасную игру. Вы даже не подозреваете об этом.

Реба страшен. Он посмел, губы его дергаются, он что-то бормочет, брызгая слюной.

- Мальчишка! - шипит он, отступая. - Я никого не боюсь! Это я могу раздавить тебя, как пиявку!.. Смотри!

Он поворачивается и срывает гобелен, закрывавший окно. За окном занимается заря. В серое небо поднимаются дымь пожаров. На площади чернеет ровный, неподвижный квадрат - всадники в неправдоподобно точном строю, в длинных черных плащах, в железных касках с длинными пиками.

- Пррашу! - говорит дон Реба, сотрясаясь от возбуждения. - Смирные дети господа нашего, конница святого ордена, высадились нынче ночью в Арканарском порту. Бунт подавлен. Святой орден владеет городом и страной! Отныне - Арканарской областью ордена... /Румата невольно чешет в затылке/. - Реба, торжеству!

ще скаля зубы, продолжает: - Мы еще незнакомы, позвольте представиться: наместник святого ордена, епископ и боевой магистр, раб божий Раба!

Лицо Руматы снова принимает высокомерно-тупое выражение. Он закладывает руки за спину и зевает.

- Это все вздор, - говорит он. - Где Будах? Я хочу спать. Я хочу помыться в горячей воде и смыть с себя кровь и слюны ваших головорезов...

- Их двадцать тысяч! - кричит дон Раба, указывая в окно. Румата морщится.

- Потихие немножко, пожалуйста. Слава богу, я не глухой. И запомните, Раба, я вижу вас насквозь! Вы не епископ, вы просто грязный предатель и дешевый интриган. Я согласен вас терпеть, но вам придется научиться во-время убираться с моей дороги. Вы поняли меня?

Дон Раба терпеливо говорит, просительно улыбаясь:

- Я хочу одного. Я хочу, чтобы вы были при мне. Я не могу вас убить, не знаю почему, но не могу...

- Бойтесь.

- Ну и бойсь! Может быть, вы дьявол. Может быть, сын бога. Кто вас знает. Я даже не пытаюсь заглянуть в пропасть, которая вас извергла. У меня кружится голова, и я чувствую, что впадаю в ересь. Но ведь я тоже могу убить вас - в любую минуту, сейчас, завтра, вчера... Это вы понимаете?

- Это меня не интересует.

- А что же? Что вас интересует?

- А меня ничто не интересует. Я развлекаюсь. Я не дья-

вол и не бог, я кавалер Румата эсторский, благородный дворянин, привыкший к полной свободе в своих действиях. Запомнили?

Раба утирается платочком и приятно улыбается.

- Я ценю ваше упорство, я ценю ваши идеалы, хотя и не понимаю их. Ведь вы стремитесь к каким-то идеалам? Как знать может быть я ошибаюсь и стремлюсь не к той цели, ради которой стоило бы работать так усердно и бескорыстно, как работал я. Я - человек широких взглядов и вполне могу представить, что когда-нибудь вы объяснитесь окончательно, и я стану работать с вами плечом к плечу...

- Там видно будет. А сейчас берите перо и пишите приказ на освобождение Вудаха. Где он у вас? В Веселой башне?

В сводчатых коридорах Башни через каждые десять шагов торчат в стене смердящие факелы, в нишах чернеют дверцы с решетчатыми окошечками, скрипят засовы, хлопают двери, кого-то волокут, и он упирается. Полно людей в черном, без оружия и без касок, лица их деловиты до жесточенности: все творят государственные дела. Румата спускается в подвалы. Он подходит к монаху, сидящему за столиком под факелом, и говорит громко:

- Во имя господа.

- Именем его, - отвечает монах, не переставая записывать что-то в огромную книгу.

- Кто здесь коридорный смотритель?

- А он тебе зачем? - монах поднимает голову.

Румата подносит к его лицу приказ.

- Ага, - говорит монах. - Ну я буду нынче коридорный смотритель.

- Превосходно, - говорит Румата. - Я - дон Румата; его преосвященство подарил мне доктора Будаха. Давай его сюда.

Монах засовывает руку под клобук и громко скребется.

- Будах? - говорит он раздумчиво. - Это который же Будах? Бальшивоменетчик, что ли? Нет, тот Рудах. Его и выпустили давеча.

- Вадор, вадор. Доктор Будах, королевский отравитель.

- А-а-а... Помню. Так он на колу уже наверное.

Он уходит и быстро возвращается, таща за собой на веревке хилого, совершенно седого старика в грязной светлой одежде.

- Вот он, Будах-то. А ничего он не на колу, живой Будах, здоровый. Ослабел маленько, правда. С собой будешь забирать или тут его кончить?

- Это мое дело, - говорит Румата. - Он мой.

- Ну тогда бумажечку позволь сюда. Бумажечка в дело пойдет.

Румата вырывает веревку у него из рук и снимает петлю с шеи старика.

- Вы Будах Ируканский?

- Да, - отвечает старик, глядя исподлобья.

- Бумажечку-то, бумажечку! - напоминает монах встревоженно.

- Я Румата, - говорит Румата Будаху. - Идите за мной и не отставайте.

- Бумажечку!! - кричит вслед монах. Потом машет рукой и снова садится за свой грессбух.

Будах шатается, ему плохо. Он останавливается, держась за стену, болезненно улыбаясь.

- Извините, благородный дон, - говорит он.

Румата достает из кармана ампулу, высыпает на ладонь таблетку, протягивает Будаху.

- Проглотите, - говорит он.

Будах берет таблетку, осматривает, нюхает, поднимает косматые брови, потом осторожно кладет на язык.

- Глотайте, глотайте, - улыбается Румата.

- М-м... - промывает Будах, чмокая. Потом глотает. - Я полагаю, что знаю о лекарствах все. - Он молчит, прислушиваясь своим ощущениям. - М-м-м! - восклицает он. - Любопытнейше! Что это? Сушеная селезенка? Нет, вкус не гнилостный...

- Пойдемте, - говорит Румата. Он быстро идет вперед. Будах бодро трусит за ним следом с наумленно задранными бровями.

Дорогу им преграждает толпа, с грудившаяся возле одной из камер. Из камеры вдруг доносится яростный рев. Румата останавливается, как вкопанный. Толпа тоже замирает с раскрытыми ртами. Многие смахиваются большими пальцами. Румата расталкивает толпу ремничков, ставит перед дверью Будаха с приказом и печатями, а тем щинком вышибает дверь.

В мигущем свете факелов голый барон Лампа распят на стене вниз головой. За кривоватым столиком сидит, заткнув уши, седой чиновник, а лоснящийся от пота палач перебирает в железную тазу лязгающие инструменты. Барон изрыгает проклятья, лицо его черно от прилива крови. Румата аккуратно прикрывает за собой дверь, рукояткой меча бьет палача по затылку, затем смаху разбивает перед чиновником стол с бумагами. Палач, слабо икая, садится в таз, а чиновник на четвереньках удирает в угол и там прячется. Румата берет за цепи, на которых висят ноги барона, выдергивает их из стены. Барон замолкает, потом рывком освобождает руки.

- Могу ли я поверить? - гремит он. - Это вы, мой благородный друг! Наконец-то я нашел вас?!

- Да, это я. Пойдемте отсюда, мой друг, вам здесь не место.

- Ниво! - гремит барон. - Где-то здесь было ниво!

Он ходит по камере, волооча обрывки цепей.

- Полночи я бегал по городу - искал этого злосчастного Будаха. Мне сказали, что вы арестованы. Черт возьми, я перебил массу народа! Сначала я бил этих серых собак. Потом откуда-то взялись черные собаки. И я их тоже бил, но они меня схватили и привезли сюда. Я не сопротивлялся, я был уверен, что найду вас здесь... Ага, вот оно!

Он подходит к палачу и смахивает его на пол вместе с тазом. Под тазом обнаруживается бочонок. Барон вышибает дно и пьет прямо из бочки, подняв ее над головой. Ниво потоком льется по его груди. Румата с нежностью смотрит на него. Пустой бочонок барон швыряет в угол, где дрожит чиновник.

- Ну вот, - говорит барон, вытирая бороду. - Теперь можно идти. Это ничего, что я голый?

Румата вытряхивает палача из фартука и фартук отдает барону.

- Вы правы, - говорит барон. - Было бы неудобно явиться к баронессе голым.

Они идут по коридору, впереди Румата с бароном, позади Будах, и коридор пустует за двадцать шагов перед ними.

- Я их всех разнесу, - ревет барон. - Пр-роклетье,

что: здесь за потолки, я ободрал себе макушку.

Выйдя на середину площади, барон ревет:

- Эй, кто там! Коня!

- Во имя господи! - кричит Румата.

Возле коновязи возникает суета.

- Да не того! - ревет барон. - Вон того, серого в яблонках.

Испуганный монашек подводит барону коня, и барон влезает в седло. Румата сует ему один из мечей.

- Торопитесь! - говорит он.

- Да, - говорит Пампа. - Надо спешить. Они послали людей грабить мой замок. Но я их всех разнесу. Жду вас у себя завтра!

- Да скачите же вы, черт возьми! - кричит Румата.

Поперек площади разворачивается строй черных всадников с коньями.

- Что передать баронессе? - осведомляется Пампа.

- Торопитесь, торопитесь! Они перехватят вас.

- Кто? Они? Меня?

Барон взмахивает мечом и с места в карьер пускает коня на черный строй.

- Назад! - кричит Румата и, спотыкаясь, бежит за ним.

- Назад!

- Трусы! - орет барон на скаку. - Черная дрянь!

Строй всадников внезапно размикается, четко, как на учении, и в образовавшуюся брешь навстречу Пампе щелкают арбалеты.

Одно мгновение, и Пампа, утыканный стрелами, как еж, запрокинувшись, валится на землю. Румата со сдавленными криком поднимает над головой сжатые кулаки и вдруг видит Ребу, который в сопровождении святы идет через площадь. Реба живоначально улыбается и разводит руки.

Румата и Будах бродят по городу.

Красноватое утреннее солнце угрюмо озаряет пустынные улицы, дымящиеся развалины, сорванные ставни, наломанные двери. Кроваво сверкает битое стекло. Нечислимые поляны ворон спустились на город. Румата с окаменевшим лицом идет через площадь, обходя распростертые тела мужчин, женщин, детей в платьях горожан, в мундирах штурмовиков, в лохмотьях нищих, в фартуках мастеровых, в ночном белье.

- В учебниках об этом будет две строчки, - думает Румата: "... В конце года воды центробежные процессы в империи стали значимыми. Воспользовавшись этим, святой орден, представляющий интересы наиболее реакционных групп..."

А это вы видели?!.. А это?... Вы - еще не родившиеся мальчики и девочки, школьники будущей Арканарской коммунистической республики?..

В грудь Руматы упирается копьё. Он поднимает глаза. Всадник молча глядит на него сквозь прорез в железном забрале. Румата вяло поднимает приказ с печатями. Копьё поднимается, всадник глухо провозносит: "Во имя господ" и

отъезжает. Другой всадник старается достать копьём деревянную фигурку веселого чертика под карнизом крыши. За полуотворенной ставней на втором этаже белеет помертвевшее от ужаса толстое лицо.

Трактирщика в спущенной с плеч рубахе тащит за собой на аркане черный всадник. Трактирщик, тряся жирами и придерживая спадавшие штаны, трусит из последних сил. По жалкому потному лицу катятся слезы.

Вдоль улицы стоят свежесрубленные виселицы. Румата и Будах догоняют телегу, груженную бревнами, на бревнах — несколько монахов. Больше на улице — никого. Около дома Руматы телега останавливается, монахи деловито соскакивают, начинают стругать бревна. Черные их рясы перепоясаны веревками, за веревку засунуты короткие топоры.

Румата с Будахом подходят к своему дому. У дверей никого. Дом грозен, словно оцегинился. Румата стучит. Никто не отзывается. Румата стучит изо всех сил. Голос из решетчатого окошка говорит: "Отойди... Больше никого не пускаем: полно!".

— Это я, — говорит Румата. Дверь распахивается. Румата пропускает вперед Будаха, входит сам. Обширный вестибюль заполнен народом. Вооруженный слуга в кольчуге, испуганно тарашась, говорит:

— Донабежали со всего герода... Хозяика велела впускать. Резня идет, благородный дон, так они спасаются...

Ленщины, дети, старики, напуганные, съехившиеся, одетые кое-как, на узлах, на сундучках, просто на каменном полу, сидят и смотрят круглыми, блестящими от страха, глазами.

- Накорми их, - говорит Румата.

огромный чумазый человек в драной одежде робко трогает его за плач.

- Ваша милость, - говорит он. - Что же теперь будет? Кузнец я, молотобоец... Кузню сохгли, ребят поубивали... Что делать-то теперь?..

- Что делать? - говорит Румата. - Ты меня спрашиваешь - ты, молотобоец?.. Вас таких в городе десять тысяч... Ваялись бы разом, да навалились бы - раздавили бы черных в лешенку.

Кузнец в страхе облизывается.

- Как это - в лешенку?.. - бормочет он, заикаясь. - Как это? - монахи ведь... святая же церковь. Кто руку поднять осмелится... Да и разбежались наши кто куда...

Румата отворачивается от него и идет к лестнице. На лестничной площадке, у дверей в покои, сидит на ступеньках слуга с арбалетом на коленях. Румата начинает подниматься по лестнице. Слуга встает ему навстречу. Он поражен видом ховлина. Распахивается дверь, выбегает Ари, бросается Румате на шею.

- Что они сделали... - бормочет она. - Что они с тобой сделали...

- Ничего, - говорит Румата. - Все хорошо... все в порядке, рыжая... Это доктор Будах... Накорми его, одень... и побыстрее, он должен уйти отсюда...

Румата и Будах, переодетые в чистое и отмытое, сидят за накрытым столом. Ари прислуживает. Румата мрачен и молчалив. Будах в одежде доня, борода расчесана, он слегка разгорячен вином.

- Проходит время жить и наступает пора умирать. Так было и так будет всегда. И не то страшно, что тысячи и тысячи уже растерзаны или будут растерзаны завтра. Страшно то, что живые смирились и покорно ждут своей судьбы. Души их полны нечистот, и каждый час ожидания загрязняет их больше и больше. Вот сейчас там, в затаявшихся домах, невидимо рождаются подлещи, доносчики, убийцы - тысячи людей, пораженных страхом на всю жизнь, будут беспощадно учить сграху своих детей и детей своих детей. Так возникает преемственность страха, преемственность жестокости, преемственность покорности. Так мы убиваем свое будущее...

- Это так, - говорит Румата. - Но что мы должны желать, чтобы спасти свое будущее?

Будах качает головой.

- Этот мир ужасен, но он таков, каков есть. Не в наших силах изменить течение его. Таким создали его высшие силы.

- Бог?

- Ну, скажем, бог, - снисходительно говорит Будах. - И только бог способен изменить этот мир.

- Ну, хорошо, - говорит Румата, - представьте себе, что вы бог.

- Если бы я мог представлять себя богом, я стал бы им, - улыбается Будах.

- Ну, хорошо. Предположим, вы можете посоветовать богу. Что вы посоветуете ему сделать, чтобы мир стал добрым и хорошим?

Будах одобрительно кивает.

- У вас богаче воображение, благородный дон. - Он откидывается на спинку кресла и складывает руки на животе. - Что бы я ему посоветовал? Извольте. Я сказал бы ему: создатель, дай людям волю хлеба. Дай им кров и одежду. Пусть исчезнут голод и нужда, а вместе с ними все, что разделяет людей.

- И это все?

- Вам кажется, что этого мало?

Румата качает головой.

- Бог ответил бы вам: не пойдет это на пользу людям, ибо сильные отберут у слабых то, что я дал им, и слабые по-прежнему останутся нищими.

- Огради слабых, - сказал бы я. Бравыми жестокых правителей!

- Жестокость - это сила. Утратив жестокость, правители потеряют силу, и другие жестокие заменят их.

Будах перестает улыбаться.

- Накажи жестоких. Пусть неовадно будет сильным проявлять жестокость к слабым.

- Но человек рождается слабым. Сильным он становится, когда нет вокруг никого сильного. Когда я накажу жестоких, на их место придут сильные из слабых, тоже жестокие. Так придется карать многих, слишком многих, а я этого не хочу.

- Хорошо. Тогда сделай так, чтобы люди получили все в избытке и чтобы им не нужно было отбирать друг у друга.

- И это не пойдет людям на пользу. Ибо, когда они по-

лучат все даром, то забудут труд и превратятся в моих домашних животных, которых я вынужден буду впредь кормить и одевать вечно.

Будах неловко улыбается.

- Да, я вижу, это не так просто. Я как-то раньше не думал об этих вещах... Кажется, мы с вами перебрали все. Впрочем... - Он подается вперед. - Сделай так, чтобы люди больше всего любили труд и знание, переделай людей, вычеркни из их памяти жадность и ненависть.

Румата отвечает не сразу.

- Я мог бы сделать и это, - медленно говорит он. - Но разве люди кролики, у которых нет ни гордости, ни истории? Ведь это означало бы заменить одно человечество совсем-совсем другим, это то же самое, как если бы я стер это человечество с лица земли и на его место посадил бы новое, которое мне, богу, нравится. По-моему, это самая страшная жестокость, какую можно допустить.

Будах, сморщив лоб, молчит. За окном орут вороны, тоскливо воет собака. Стучат топоры.

- Тогда, господа, согри нас с лица земли, - тихо говорит Будах. - Или, еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.

- Сердце мое полно жалости, - медленно говорит Румата. - Я не могу этого сделать.

Тут он видит глаза Ари. Ари глядит на него с ужасом и надеждой.

В темном кабинете Румата медленно идет к стене, открывает потайную дверцу. Во мраке неясно блестят детали устройства для нуль-связи, прибора, уничтожающего расстояния. Румата нажимает клавиши, набирает номер на диске. Стена темноты распахивается. Открывается кабинет дона Кондора, резидента Земли в соседнем с Арканаром государстве. Кондор в роскошном халате сидит за столом, заваленном бумагами и толстыми фоллиантами. На стенах развешены маски, диковинное оружие. Много света от великолепных светильников. Кондор поднимает голову. Затем говорит:

- Антон?

- Будах у меня, - говорит Румата.

- Молодец, - говорит Кондор. - Я знал, что ты это сделаешь... Он здоров?

- Да. Он сейчас спит.

Кондор встает и запирает дверь на ключ.

- Что с тобой? - спрашивает он. - Изменилась обстановка? Ты под угрозой?

- Да. Обстановка изменилась. Арканар оккупирован святым орденом.

Дон Кондор подсакивает.

- Вот как? Кто боевой магистр? Епископ Тамзо?

- Нет. Дон Раба.

- Кто?

- Дон Раба. Орел наш дон Раба.

Кондор становится мрачен. Он берет кучу бумаг и принимается их листать. На протяжении разговора он перебирает листы которые рвет и обрывки сжигает на светильнике.

- Александр Васильевич, - говорит Румата. - По-моему, я здесь больше не нужен. Будах - это, наверное, последний человек, которого я спасал. Спасать больше некого. - Помолчав, он говорит: - Александр Васильевич, разрешите мне убить Ребу

- убить? - Дон Кондор поднимает голову и медленно говорит, глядя в лицо Руматы: - Убить... Вообще-то, конечно, его придется убрать рано или поздно, это не та фигура. На его место мы намечаем епископа Тамэо. Но интригу нужно готовить уже сейчас...

- Вы меня не поняли, - говорит Румата. - Я хочу убить его сейчас. Сам. И не только его. Это мерзавцы, - говорит Румата. - Вокруг них все гниет, я не могу больше... Я все время спрашиваю себя: зачем же я здесь, если позволяю таким жить?

- Так, - говорит дон Кондор и встает. - У тебя есть оружие?

- Господи, - говорит Румата. - Да сколько угодно! Да мне и не надо никакого оружия. - Он протягивает руки. - Чем плохое оружие?

- Я говорю о земном оружии. Скорчер, дезинтегратор. Есть?

- Есть.

- Где оно?

Румата выдвигает ящик и вынимает скорчер.

- Давай его сюда.

Румата равнодушно протягивает скорчер через сотни миль, отделяющих его от дэна Кондора. Скорчер с трудом проходит через невидимую преграду. Сыплются искры. Раздается гудение.

Дон Кондор обматывает руку белой халата, принимает скорчер и поспешно бросает на ковер. Ковер дышится.

- А теперь слушай меня, - говорит Кондор. - Ты хочешь мстить. Да, именно мстить, утолять свой гнев и свою ненависть. Но мы пришли сюда не для этого. Мы пришли, чтобы изменить ход здешней истории, чтобы этим людям не нужно было еще триста, пятьсот, тысячу лет тащиться через грязь и кровь к своему будущему... Мы первые. Еще никто в мире не ускорял историю. И никто в мире не знает, как это сделать - ускорить историю не отдельного народа, и даже не отдельной страны - целой планеты. Чтобы это узнать, мы должны изучить этот мир доскональнейшим образом, потому что мы не имеем права ошибиться, потому что ошибка в этом эксперименте означает миллионы человеческих жизней. Судьба этой планеты зависит от полноты и точности информации, которую ты здесь собираешь. Не от жизни и смерти дон Рабы, а от информации. От этой вот... - он стучит пальцем по объективу передатчика, - и от той, которую мы получаем от Будаха, от Кабани, от Цурэна... - он вдруг обрывает себя и смотрит на Румату. - Я вылетаю к тебе, - говорит он. - Буду через час дни.

Изображение гаснет.

Румата и Ари сидят в темноте, держась за руки. Тихо. Изредка вост собаки и где-то неподалеку визжат и бьются кони. Однообразно шумит ветер, нудно и претивно скрипит сторванная ставня.

Некоторое время они молчат. Потом Ари спрашивает:

- Румата, у тебя правда есть молния?

- Не будем об этом говорить, - резко отвечает Румата.

Ари замолкает, а потом вдруг говорит:

- Никогда я не могу понять, почему ты не бьешь меня?

- Те есть, как это - почему? Разве тебя можно бить?

- Ты не просто добрый и хороший человек, - продолжает она, не слушая. - Ты еще и очень странный человек. Ты словно аргангел... Когда ты со мной, я делаюсь смелой... А иногда, наоборот, - мне очень страшно с тобой. Но это совсем другой страх. Ты понимаешь?

- Да. Но ты только не думай...

- Нет, я не хочу ни о чем думать. Ты мне только пообещай, что когда-нибудь - не сейчас, а потом, когда все пройдет - ты мне расскажешь о себе. Все расскажешь, хорошо?

- Да. Обязательно. Потом, когда все пройдет.

- Скорее бы все прошло, - говорит Ари.

Румата молчит, прислушивается. На улице слышен цокот множества копыт, хрип лошадей. Донесся грубый голос: "Здесь, что ли?". "Вроде здесь". По ступенькам крыльца гремят каблуки. Дом вздрагивает от тяжелых ударов в дверь. Ари прижимается к Румате

- это за мной, - говорит она.

Румата освобождается из ее рук и, отбросив одеяла, подбегает к окну.

Внизу режут: "Во имя господи! Открывай! Выходи по одному! Внизу тончутся всадники в черных остроконечных кашпонах, мотаются факелы. Румата несколько секунд глядит вниз, потом напаривает в темноте меч и бьет рукояткой в стекло.

- Эй, ны! - рывкает он. - Вам что, жить надоело?
Внизу становится тихо.

- А хозяин-то дома, - говорит кто-то. - И всегда ведь эти
сыщики напугают. Где сыщик? Что ж ты, стервец?

- Дал бы я тебе по зубам.

- Что делать-то будем?

- Есть приказ: женщину взять, - значит надо брать.

- Хозяин-то, говорят, на мечях первый в мире.

- Выполнять приказ! Эй, кто там с арбалетами?

- Всем известно, - у него обет не убивать.

- Перебью, как собак, - говорит Румата страшным голосом.

Ари прижимается к нему сзади.

Внизу командуют: "Ломай; братья! Во имя господи!"

Румата оборачивается и глядит на Ари. Она смотрит на него
как давеча: с ужасом и надеждой.

- Ну, что ты, рыкая, - говорит он ласково. - Неужели эти
шваки испугались? Да я же их сейчас прогоню.

Он торопливо натягивает металлопластовую кольчугу, штаны
с пуфами. В дверь бьет тяжелым. Румата наклоняется, отскикивает
второй меч, а когда выпрямляется, видит, что Ари, только что
явшая у окна, медленно сползает на пол, цепляясь за портьеру.

- Ари! - кричит он. Одна арбалетная стрела пробилла ей
ло, другая торчит из груди.

Он берет ее на руки, переносит на кровать, зовет "Ари"

В комнату вбегает Будах, осматривается, бросается к кр
ти, отталкивает Румату. Ари всхлипывает и вытягивается. Будах
поднимает лицо и отшатывается от Руматы. Лица Руматы не види

Он медленно идет из комнаты, держа в руках по мечу. Будах провожает его взглядом.

Румата тяжело спускается по лестнице и останавливается в прихожей, ссутулившись, глядя на дверь, трещащую под ударами.

Румата, лягая подкованными сапогами, медленно идет к двери. Дверь падает. Люди в черном толпой лезут в прихожую. Румата надвигается на них.

На экране под звук шагов одна за другой возникают ментальные снимки, сфотографированные как бы с точки зрения Руматы.

Толпа вооруженных монахов, застрявшая в дверях. Они очень испуганы, они хотят назад, но снаружи навалились и толкают их под мечи.

Лестница. Разбегающиеся монахи. Несколько валяются на ступеньках.

Улица. Охваченный ужасом вага колесо в черной рясе полубернулся на бегу, закрываясь рукой от удара.

Площадь перед дворцом. Дон Реба в окружении свиты. Все смотрят в объектив. С лица дома Ребы еще не сползла спокойная улыбка.

Строй всадников, опустивших конья. Целый частокон коний, и все направлены в одну точку.

И как в начале. Площадь. На ней мешками лежат люди в черном.

Небо, затянутое белым дымом. Косо идет на посадку вертолет с включенными фарами.

Дон Кондор отбрасывает последнюю фотографию. Он сидит в той самой избе, где Румата нашел полумертвого Кабани. На деревянном столе — две плоски с нефтью. У окошка виднеется силуэт Руматы, закутанного в плащ.

— Епископ Тамэо гораздо умнее доня Рэбы, — говорит Кондор. — Но он фанатик, а дон Рэба просто грязный интриган. Вам еще никогда не приходилось иметь дело с фанатиком?

Человек у окна поворачивается. Это не Румата. Это какой-то незнакомый симпатичный молодой мужчина. Волосы его перехвачены таким же обручем, и такой же изумруд сверкает посредине лба.

— Я все понимаю, — говорит человек. — Нужен кто-то при Черном ордене, и нужно, чтобы он выдержал и не сорвался. Я выдержу и не сорвусь. Я попробую.

Они выходят из избы. Человек поднимается в седло, трогает коня и скачет прочь, махнув на прощанье рукой. Дон Кондор остается у идола и смотрит всаднику вслед. По лесу ползет призрачный туман, над туманом, над верхушками деревьев холодно и странно светят два узких ледяных серпа.

К о н е ц

/второй вариант концовки/

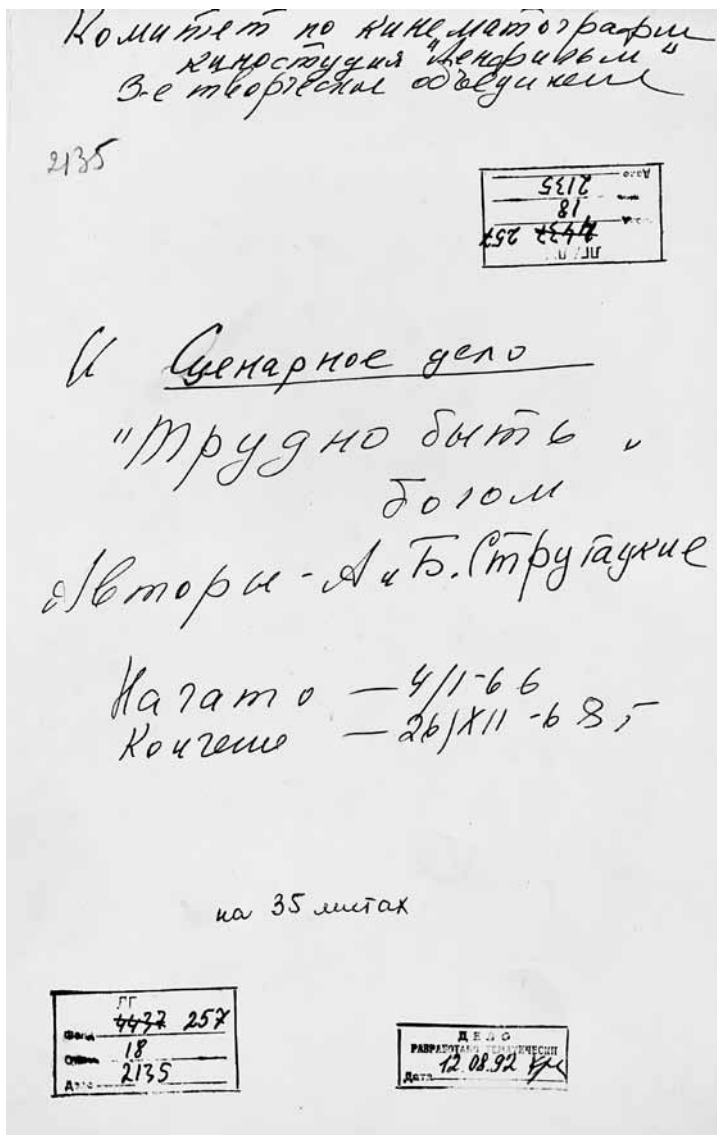
Падает на стол последняя фотография. Открывается стеклянная стена, выходящая на пустое бетонное поле. Спной к зрителям стоит у стены Румата, закутанный в плащ, смотрит сквозь стекло. Человек, разглядывающий фотографии - худощавый, в обычном европейском платье, поднимается из кресла и говорит негромко: "пора!". Человек в плаще оборачивается. Это не Румата. Это какой-то незнакомый симпатичный молодой мужчина. Волосы его перевязаны таким же обручем и такой же изумруд сверкает посредине лба.

Они пожимают друг другу руки.

худощавый, ссутулившись, стоит перед прозрачной стеной и смотрит как по бетонным плитам уходят к горизонту странные здесь люди: благородные доны в роскошных одеждах, в шляпах с развевающимися перьями; коренастые ремесленники в кожаных фартуках; осанистые толстые купцы... Бекит, подпрыгивая и гремя погремушками, шут в дурацком колпаке... Бредет, шаркая по бетону, согбенный крестьянин с сохой... Эта дикая толпа удаляется, исчезает у горизонта... и вдруг оттуда над бетонным полем, из дрожащего марева, один за другим беззвучно поднимаются и таит в пустом небе странные белые корабли.

К о н е ц

ИЗБРАННЫЕ ЛИСТЫ ИЗ СЦЕНАРНОГО ДЕЛА

Центральный государственный архив
литературы и искусства Санкт-Петербурга (Ф. 257, оп. 18, д. 2135)

Предлагаем сценарий по мотивам нашей фантастической повести "Трудно быть богом", в которой рассказывается о судьбе гражданина коммунистической Земли отдаленного будущего, направленного вместе с группой других ученых на чужую планету для участия в грандиозном эксперименте по изменению хода истории чужой, хотя и землеподобной цивилизации. Главный герой-ученый-историк, человек высоких моральных качеств, настоящий коммунар, пройдя специальную подготовку, попадает в мир феодально-фашистских отношений. Его задача состоит, главным образом, в том, чтобы собирать и передавать на Землю детальнейшую информацию о чужой цивилизации, в подготовке к решительному вмешательству в тяжелую судьбу братьев по Разуму. Он, человек коммунистического века, лицом к лицу сталкивается с ужасами варварства, невежества, с миром феодальной жестокости, отягощенным какой-то разновидностью средневекового фашизма. Не в силах наблюдать страдания, которые несет местному населению фашизм, герой не может ограничиться только своей научной задачей - он вступает в опасный поединок со злом, отвоєывая для будущего этой планеты ее разум и совесть - ее лучших людей. Для окружающих его аборигенов он - бог, всемогущий и всезнающий. Однако сам он, знает, что сил его недостаточно, что историю нельзя повернуть по личному, хотя бы и самому доброму побуждению. И все же он не может не действовать. В предполагаемом сценарии существенно не практически утилитарная сторона коллизии, а этическое содержание побуждений героя, высота человеческого духа, непримиримого и сильного, утверждающего себя в трагедийном конфликте.

Сценарий построен на остром сюжете, но главной его задачей является показать столкновение двух противоположных моралей, психологий, мировоззрений-коммунистических, с одной стороны, и фашистских, мещанских, варварских, с другой.

18.11.1965г.

А. Стругацкий /А. Стругацкий/
Б. Стругацкий /Б. Стругацкий/

Сценарий
получено 21 февр.

Авторам сценария "Трудно быть богом"
Б.Н. и А.Н. СТРУГАЦКИМ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По варианту сценария, представленного 3-му творческому объединению 8 февраля 1966 г.

Уважаемые Борис Натанович и Аркадий Натанович!

Сценарий, представленный Вами объединению, был обсужден в редакционном порядке в вашем присутствии и с вашим участием. Стало быть вы полностью в курсе наших впечатлений и здесь, в заключении, остается лишь зафиксировать основные мотивы этого разговора.

На наш взгляд, в представленном варианте проступили основные контуры замышленного сценария: приключенческого, заключающего в себе серьезную и значительную тему, сценария с интеллектуальным героем, острым сюжетом и развитым юмором. Все эти элементы существуют в сценарии, некоторые из них выразились с особенной ясностью в удачно сделанных эпизодах — содержательных, драматургичных, экранных. Все это рождает обнадеживающее впечатление и позволяет считать вашу работу серьезной и перспективной.

Между тем, её нельзя еще принять как завершенную. Те элементы, о которых сказано выше, пока еще скорее сосуществуют, нежели соединяются в единую и целостную пластическую ткань вещи. Композиционный порядок сценария пока еще прочитывается как некая временная последовательность, вполне возможная, однако, не продиктованная драматургической обязательностью и неизбежностью. В построении есть логика, но ему недостает самодвижения.

Очевидно, завязка романа вернее той, которая предпринята в сценарии. Видимо, надо начинать с частного и конкретного, т.е. с темы Будаха, с тем, чтобы через это силой заданной необходимост

втянуться в более сложные и значимые отношения. Завязка не должна намекать на результат, иначе вы лишаете себя драматургической перспективы, впадаете в повторение, теряете структуру действия, снимаете его непредвзятость и первоначальность.

И наоборот - сказав в экспозиции лишнее вы, наряду с этим, лишили нас необходимой информации. Кто эти люди? Где они? Какова их задача? Каковы границы, которые определены дисциплиной их положения? Надолго ли они здесь? Что и как связывает их с Землей? в чем они повинны, в чем свободны? Все это - вопросы, которые неизбежно возникают. Вы предлагаете нам фантастические обстоятельства. И мы с полной ясностью должны быть информированы об условиях необычной игры. Наш зрительский или жизненный опыт ничего нам не подскажет, как это бывает в области реальных, относительно обжитых обстоятельств и отношений. Здесь всё надо сказать и понять.

Думается, что в итоговой части надо показать той же ясности вывода, не бояться суммировать тему вещи в открытом определении. Это не всегда бывает хорошо, здесь, в сценарии философского свойства, это представляется подходящим и нужным.

Следует также подумать над тем, чтобы избежать чисто иллюстративного элемента. Размышления героя в основном хороши и должны войти в сценарий. Но они ставят нас перед проблемой такого экранного решения, которое сочетало бы их с органичным и действительным изобразительным рядом. Вы предприняли близлежащее, наиболее элементарное и, скажем прямо, неудовлетворительное решение.

Надо подумать и о том, что единственный женский образ сценария пока еще недоразвит. Кира существует в сценарии, она занимает пока чисто обстоятельственное место. Драматургические "приличия" требуют найти ей собственное стремление, дать ей пусть небольшую, но собственную роль.

Таковы, в общих чертах, наши пожелания к дальнейшей работе над сценарием.

Представленную Вами рукопись мы принимаем в качестве первого варианта сценария. Для выполнения той работы, которая вытекает из нашего заключения, мы предлагаем вам срок до 15 апреля 1966г.

Желаем Вам всего наилучшего.

Главный редактор 3-го творческого объединения

Редактор

А.В.Михайлова/

/Я.Н.Рохлин/

№ 1648-1649
в два адреса.

5 июля

1966

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

сценарно-редакционной коллегии 3-го творческого об"единения по 2-му варианту литературного сценария А. и Б. СТРУГАЦКИХ "Трудно быть богом".

Обсудив 2-й вариант сценария "Трудно быть богом", сценарно-редакционная коллегия 3-го творческого об"единения отмечает, что сравнительно с I-м вариантом авторами проделана значительная работа, которая в основном сказалась по линии развития приключенческого сюжета.

Вместе с тем сценарно-редакционная коллегия считает, что в целом сценарий еще не может считаться завершенным.

По-видимому, стремление совместить концепцию романа с задачей приключенческого фильма встречает серьезные трудности. Попытка такого совмещения приводит пока лишь к тому, что мрачность предлагаемой обстановки не компенсируется и не преодолевается содержанием и силой нравственной темы. Напротив, она, т.е. мрачность, лишь ступает от того, что сценарий, удерживая результативный вывод романа, не удерживает и не может удержать его многостороннее логическое об"яснение. От этого и самый вывод теряет свою убедительность и ставит под сомнение нравственную основу вещи. Оказывается, что сценарий не просто уступает роману в полноте смысла, но пытается сохранить его в сокращенном и адвентированном виде, так

сказать меняет его алгебраический знак. Если роман адресуется к сознанию долга и утверждает подвиг самодисциплины во имя далекой и большой цели, то в сценарии с неизбежностью акцентируется тема ограниченных возможностей человека, его бессилия перед обстоятельствами, предопределенности поражения в рамках его личной судьбы. В романе последнее составляет лишь одну из сторон сложной темы, в сценарии это становится ее господствующим и едва ли не исчерпывающим определением.

Очевидно, стремясь к героико-приключенческой картине, необходимо свободнее отходить от романа. ~~Бюджарий угрожает~~ ~~смерть, совершая акт самопожертвования~~. Ограниченная, сравнительно с романом, емкость сценария выдвигает не только вопросы объема, но и вопросы содержания. Очевидно, речь идет о необходимости сохранить наиболее общее определение темы романа, т.е. темы нравственного достоинства человека, противостоящего напору исключительно трудных обстоятельств. Но в условиях сценария для этого необходимо пересмотреть конкретные поводы столкновения и конкретное существо подвига героя. В этом направлении авторы сценария идут еще недостаточно смело и свободно, связанные больше, чем нужно, усложненной и непосильной для сценария концепцией романа.

Сценарно-редакционная коллегия считает, что сценарий не может считаться завершенным и что работу над ним необходимо продолжить. Вместе с тем работа находится в такой стадии, когда желательное участие в ней будущего режиссера картины. Без этого ее результаты и даже конкретные направления поправок будут оставлять ощущение неоконченности и создавать

перспективу дополнительных поправок и вариантов, что нередко ведет к "заредактированности" и омертвлению сценария. В связи с этим сценарно-редакционная коллегия предлагает законсервировать работу до определения имени режиссера, после этого вернуться к обсуждению сценария с тем, чтобы предложить авторам конкретно обозначенное направление работы, т.е. поправки к третьему и, надо надеяться, окончательному варианту сценария.

ГЛ. РЕДАКТОР 3-ГО ТВОРЧЕСКОГО
ОБЪЕДИНЕНИЯ

/Я.Н.Рохлин/

w/839

10 августа 7

Уважаемые Андрей Натанович и Борис Натанович !

Этим письмом мы постараемся ввести вас в курс дел, которые, к нашему удовлетворению, начали завязываться вокруг вашего сценария. За последний год сценарий "Трудно быть богом" периодически вызывал к себе интерес у некоторых наших режиссеров, но все это не носило серьезного характера и замирало после двух-трех бесед, Именно поэтому мы не беспокоили вас и не привлекали к участию.

Последнее время довольно активную привязанность к вашей повести и ошести к написанному сценарию проявляет наш молодой режиссер А.Ю.Герман, который через некоторое время завершит свою первую самостоятельную постановку и будет иметь возможность целиком посвятить себя заинтересовавшей его теме.

В настоящее время Алексей Юрьевич готов для встречи с вами, которая, по-видимому, будет иметь пока характер общего знакомства, ибо к серьезному, обстоятельному разговору он в силу своей занятости еще не готов.

Очень прошу вас откликнуться на наше предложение и, не откладывая эту встречу на неопределенный срок, дать о себе знать письмом или телефонным звонком, как вам удобнее.

Ждем от вас вестей.

С уважением

редактор-организатор

(М ихайлова)

492
72/11/68

Авторам литературного сценария "Трудно быть богом"
А.Н.Стругацкому и Б.Н.Стругацкому.

Уважаемые Аркадий Натанович
и Борис Натанович!

Ту длительную консервацию, которой мы по обоюдному согласению подвергли нашу общую работу, теперь можно считать оконченной. После серии обсуждений, поисков новых решений, той подробной предварительной работы, которая была проведена при участии вашем и режиссера А.Германа, пришла пора вернуться к письменному столу с тем, чтобы довести работу над сценарием до конца. Вам хорошо известны все те предложения, которые были выработаны и согласованы в предварительных встречах и беседах. Поэтому здесь напомним лишь о главных.

Сохраняя все основные предпосылки, касающиеся социальной и нравственной темы сценария, надо сюжетную конструкцию выстроить так, чтобы приключенческий сюжет /поиски Будаха/ и всемирно-исторические размышления героя, а также связанные с этим его трудности и утраты располагались не последовательно, а слагались и взаимопроникали еще в процессе предлагаемой жизни. Для этого развязку в отношениях героя с Аратой следует поднять вож времени и поместить перед дворцовым переворотом и решающим объяснением с доном Рабой. Это даст Румате существенную нагрузку во второй половине приключенческого сюжета и ритмически сдвинет его душевное существование в более серьезную драматическую плоскость. Кроме того, это даст выгодное композиционное соотношение эпизодов с Аратой и Будахом.

В упомянутых встречах возникло, на наш взгляд, интересное предложение о том, чтобы сохранить в сюжетном развитии интригующую загадку относительно происхождения Руматы, раскрывая её не сразу, а в порядке накапливающейся информации, так чтобы зрительские представления смещались от благородного дона к сверхчеловеку или богу и от него - к человеку со всей его слабостью, но и его величием. Это предложение потребует ряда новых решений в существенных моментах сюжета, но задача, как нам кажется, стоит этих усилий.

Необходимо драматургически осложнить отношения Руматы с Кирой, введя в них конфликтные мотивы и, может быть, также какой-то элемент приключенческой игры.

В линии Араты необходимо ввести экспозиционный эпизод, а в решающей сцене развязки надо попытаться найти более органичный прием непрямого, воображаемого диалога. /Может быть, это диалог молчащих людей, субъективно заполненная вполне объективная пауза, когда между друзьями легла тяжелая тень и ничего нельзя объяснить, а молчание наполняется отчужденностью?/

Есть необходимость в том, чтобы пересмотреть эпизоды с королем в духе жанровой меры.

При композиционной перестройке сценария, очевидно, отпадет сцена в Патриотической школе. Возможно, напротив, возникнет необходимость в привлечении материала романа, до сих пор не использованного в сценарии - например, эпизода с Вагой Колесом. Впрочем сейчас это предусмотреть трудно и такие вопросы придется решать в ходе работы.

При доработке сценария следует просмотреть все эпизоды и линии сюжета с тем, чтобы соблюсти непрерывность психологического действия и чтобы драматургическая выразительность нигде не подменялась литературной. В общей литературной фактуре сценария такие вещи бывают скрыты, но затем они могут болезненно сказаться при создании картины. Надо постараться избежать такой перспективы.

Для представления сценария в доработанном и, мы надеемся, завершенном виде вам предоставляется срок до 25 апреля 1968 г.

Желаем вам успешной работы!

Главный редактор
3-го творческого объединения

/Я.Н.Рохлин/

12 февраля 1968 г.

АВТОРАМ ЛИТЕРАТУРНОГО СЦЕНАРИЯ "ТРУДНО
БЫТЬ БОГОМ"
А.СТРУТАЦКОМУ и Б.СТРУТАЦКОМУ

Уважаемые Борис Натанович и Аркадий Натанович!

Сценарно-редакционная коллегия объединения, ознакомившись с последним вариантом сценария "Трудно быть богом", нашла, что Ваши усилия, предпринятые при участии режиссера А.Германа, привели к удовлетворительным результатам. Объединение считает целесообразным представить сценарий на обсуждение художественного совета.

Настоящим письмом мы информируем вас о нашем решении. Созыв художественного совета потребует некоторых технических усилий и связанного с этим времени. О точной дате заседания мы поставим вас в известность дополнительно.

С уважением

Гл. редактор III-го
творческого объединения

/Я.П.РОХЛИН/

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

художественного совета 3-го творческого объединения студии "Ленфильм" по литературному сценарию А. и Б. Стругацких "Трудно быть богом".

26 июля 1968 г. художественный совет 3-го творческого объединения обсудил и одобрил литературный сценарий А. и Б. Стругацких "Трудно быть богом".

Сценарий представляет собой экранизацию одноименного романа, известного и широко признанного, обладающего незаурядной популярностью как одно из лучших произведений нашей современной научной и популярной фантастики.

Светлая и тематическая предпосылка сценария состоит в том, что на другой планете в условиях своеобразной феодальной цивилизации работают историки-разведчики с Земли — люди совершенного будущего нашей планеты. Они застают здесь политическую ситуацию наиболее отвратительной военно-феодальной диктатуры, внушающей современному человеку воспоминания о социальном атавизме и дикости гитлеровского фашизма.

Земляне обладают военными и техническими средствами многократно превосходящей цивилизации, в этом смысле они здесь — как боги. Но они знают, что нельзя по субъективной воле превратить феодальное общество в общество коммунаров, что история закономерна и что волюнтаристское подталкивание, продиктованное даже самыми благородными побуждениями, ни к чему не ведет, кроме еще худших трагедий. Эта марксистская мысль лежит в основе предлагаемого сюжета и составляет его коренную предпосылку.

Разведчики с Земли изучают эту цивилизацию, ставя перед собой в дальнейшем беспримерную по сложности и смелости цель: по возможности воздействовать на исторический процесс планеты, обеспечивая наиболее скорое и безболезненное его развитие. Наряду с этой пока еще академической деятельностью они практически делают то малое, что только и могут делать разведчики. В частности, они помогают крестьянским повстанцам, спасают из-под топора духовный цвет этой цивилизации, её ученых и мыслителей. Как раз попытка спасти от преследований одного из них, ученого Будака, составляет приключенческую фабулу сценария, его композиционную несущую конструкцию.

По существу же основу сценария составляет его нравственная тема, воплощенная в центральном образе разведчика Антона, принявшего на себя имя и роль "благородного дона Руматы". Положительно-прекрасный человек по своему моральному и гражданскому сознанию, романтик и боец по натуре, Румата деятельно примеряет к своему идеалу действительность, с которой встречается. Контраст разительный - и тем глубже и острее оказывается драма героя. Румата - тип революционера, и перед лицом антигуманистической, бесчеловечной действительности ему трудно удержаться в рамках академической задачи. Конфликт этого нравственного стремления и понимания, что оно сейчас неосуществимо, составляет драматическое содержание образа. Румата в итоге "срывается", но и в этой своей слабости обнаруживает "безумство храбрых", остается героем и Человеком. Его гражданский и нравственный пример призывает в любых обстоятельствах - даже там, где "боги" бессильны - оставаться человеком и осуществить всё, на что способен человек.

Таково содержание сценария, написанного в популярной форме приключенческого и фантастического жанра. Принцип формы сценария осуществляется в сочетании приключенческого развития и философского размышления, причем и то и другое, по заключению художественного совета, выполнено на хорошем литературно-драматургическом и художественном уровне.

Сценарий не лишен недостатков: есть длинноты и излишне обиходные, слишком "земные" речевые характеристики в диалоге, имеют место некоторые частные неточности в сюжетных мотивировках, желательна более отчетливая ясность в экспозиционной информации. Эти недостатки относительно второстепенны и вполне устранены в процессе создания режиссерского варианта.

Художественный совет высоко оценил сценарий по его идейно-нравственному содержанию и художественному уровню, с учетом высказанных замечаний одобрил его и вынес решение рекомендовать руководству студии литературный сценарий "Трудно быть богом" к включению в тематический план 1969 года и запуску в режиссерскую разработку.

Зам. председателя
художественного совета

/Я.Н.Рохлин/

~~535~~
~~13/VI 68г~~

№ 2430⁻³²⁻
13/VI 68г.

Авторам литературного сценария "Трудно быть богом"

-А. и Б. Стругацким

Уважаемые Борис Натанович и Аркадий Натанович !

Вы знаете, что Художественный совет объединения, на одном из заседаний которого был принят Ваш сценарий, - орган совещательный, его функции ограничиваются рекомендациями в адрес руководства студии. Окончательное же решение вопроса о судьбе сценария и возможности постановки по нему фильма - прерогатива директора студии.

И.Н.Киселев сейчас находится в отпуске, и для выяснения дела, в котором мы крайне заинтересованы, потребуется время. Как только совещание по этому поводу состоится, мы сообщим Вам о его результатах.

Директор
3-го творческого объединения

/П.Д.Малышев/

Москва Г-59 Березковская наб. 14 кв. 46
СТРУГАЦКОМУ А.Н.

Ленинград М-70, ул. Победы 4 кв. 186
СТРУГАЦКОМУ В.Н.

Уважаемые Борис Натанович и Аркадий Натанович!

Сценарий "Трудно быть богом" - в соответствии с решением Художественного совета 3-го творческого объединения, рекомендовавшего его руководству студии, - рассматривался дирекцией и главной редакцией.

Руководство студии не поддержало рекомендацию художественного совета объединения, указав на слабость драматургического решения сценария "Трудно быть богом". Условность и приблизительность композиции лишают читателя /а, следовательно, и зрителя/ возможности с доверием и интересом следить за развитием сюжета. "Несудая конструкция" этого сюжета - поиски и спасение ученого Будаха - не только малозанимательна сама по себе, но и невыгодна для характеристики главного героя сценария, Антона, или дон Румата. Миссия этого посланца земли на другой планете представляется в конечном счете весьма ясной. Многие его действия лишены логики, а его размышления лишь по достижении того земного оюнта и знания законов развития общества, которыми он, представитель свергнутой коммунистической цивилизации, казался бы, должен быть вооружен.

Дон Румата произвольно всемогущ в одних ситуациях и столь же произвольно беспомощен - в других.

Полагая, что опыт организации романа "Трудно быть богом" удачным признать нельзя, руководство студии не сочло возможным принять предложенный нашим объединением сценарий.

Учитывая вышесказанное, полагаю, что нам нецелесообразно
продолжать работу над сценарием.

Сумма ранее выплаченных авансов остается за Вами

С уважением

Директор А-го творческого объединения

Г. Малютин

"Утвержден"

Директор киностудии "Ленфильм"

И.И. Давыдов

" 26 " ~~декабря~~ 1968 г.

А К Т

на описание литературного сценария

Настоящий акт составлен директором 3-го творческого объединения Г.Д.Мальшев^{ны}, главным редактором Я.Н.Рохлин^{ны}, редактором-организатором А.В.Михайловой в том, что:

4 января 1966 года был заключен договор с А.Н.Стругацким и Б.Н.Стругацким на экранизацию их романа "Трудно быть богом". Сумма договора составила 4000 рублей, срок договора - 4 апреля 1966 года. Авторам был выплачен первый аванс.

8 февраля авторы сдали сценарий, который был принят как первый вариант. Авторы получили 10% договорной суммы.

Второй вариант был пролонгирован до 15 июня 1966 г., сдан в объединение 22 июня 1966 года и после обсуждения принят объединением. Однако ввиду того, что до сих пор сценарий не вызвал интереса у режиссера объединения, а редакторская работа над столь специфическим жанром, как научная фантастика без участия заинтересованного режиссера не представлялась перспективной, сценарий "Трудно быть богом" был законсервирован и выплата авторам третьего аванса была задержана.

С 12 февраля 1968 года работа над сценарием была возобновлена, авторам выплатили 15% договорной суммы. 26 июня 1968 года А.Н. и Б.Н. Стругацкие сдали третий вариант сценария "Трудно быть богом", который был представлен на обсуждение художественного совета.

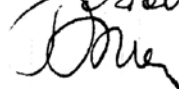
26 июля 1968 года художественный совет объединения одобрил сценарий и рекомендовал его в тематический план студии. Однако руководство студии не согласилось с рекомендацией объединения, осприв драматургическое решение сценария и отвергнув его по идейно-тематическим мотивам. Сценарий не был включен в тематический план студии.

В связи с этим договор с авторами был расторгнут на основании § 10 абз. I типового договора. За авторами оставлена сумма ранее выплаченных авансов.

Всего списанию подлежит 2750 рублей 67 копеек (две тысячи семьсот пятьдесят рублей 67 коп.)

Директор 3-го творческого
Объединения /Малышев/

Главный редактор объединения /Рохлин/

Редактор-организатор /Михайлова/

В КНИГЕ

От автора	5
---------------------	---

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Биографическая

«Это была потеря половины мира»	11
О времени и о себе...	19
Личное дело Натана Стругацкого	38
«Главная тема Стругацких — это выбор...»	51

ГЛАВА ВТОРАЯ

Миры братьев Стругацких

«Страна багровых туч» (1957)	61
«Возвращение. Полдень, XXII век» (1960)	68
«Далекая Радуга» (1962)	75
«Трудно быть богом» (1963)	81
«Понедельник начинается в субботу» (1964)	91
«Улитка на склоне» (1965)	97
«Обитаемый остров» (1969)	107
«Жук в муравейнике» (1979)	119
«Хромая судьба» (1967–1982)	130
«Град обреченный» (1975)	141

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Невеселые беседы при свечах

«Главное — чтобы не пролилась кровь»	152
Империя наносит ответный удар	169
Учитесь делать добро... из зла	176
«Президент сыграл не лучшую партию»	182
«Демократия кончается там, где начинается угроза демократии»	190
«Все, что не имеет отношения к реальности, мне просто неинтересно...»	197
«Демократия без границ нежизнеспособна, как человек без кожи»	207
«В молодости я был бесконечно далек от политики»	220
«Мы выкарабкаемся обязательно»	235
«Наступило разочарование в будущем»	247
«Перестройка была чудом и подарком истории»	261
«Нельзя бросать весла»	265

Это называется «конец оттепели»	271
«Стругацкие никогда не пытались предсказывать»	276
«Вперед! — Большое Огосударствление и Решительная Милитаризация»	279
Борис Стругацкий: «Нельзя бесконечно долго врать целому народу»	282
«Возвращение в совок» — итог «путинского десятилетия»	287
«...И никакой пощады»	294
Борис Стругацкий: Объявление о «рокировочке» Путина и Медведева нисколько не удивило	300

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Миры Стругацких сегодня

Менять этот мир придется самим...	307
«Будущее — это тщательно обезвреженное настоящее». И другое, сказанное Стругацкими	319

ГЛАВА ПЯТАЯ

Трудно быть богом

<i>Венера Галева</i> . Каким должен был стать фильм «Трудно быть богом» в 1969 году.	331
Повесть, созданная для экранизации	339

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сценарий фильма «Трудно быть богом» (1968)	351
Избранные страницы из «Сценарного дела»	436

Б. Л. Вишневский
ДВОЙНАЯ ЗВЕЗДА: МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

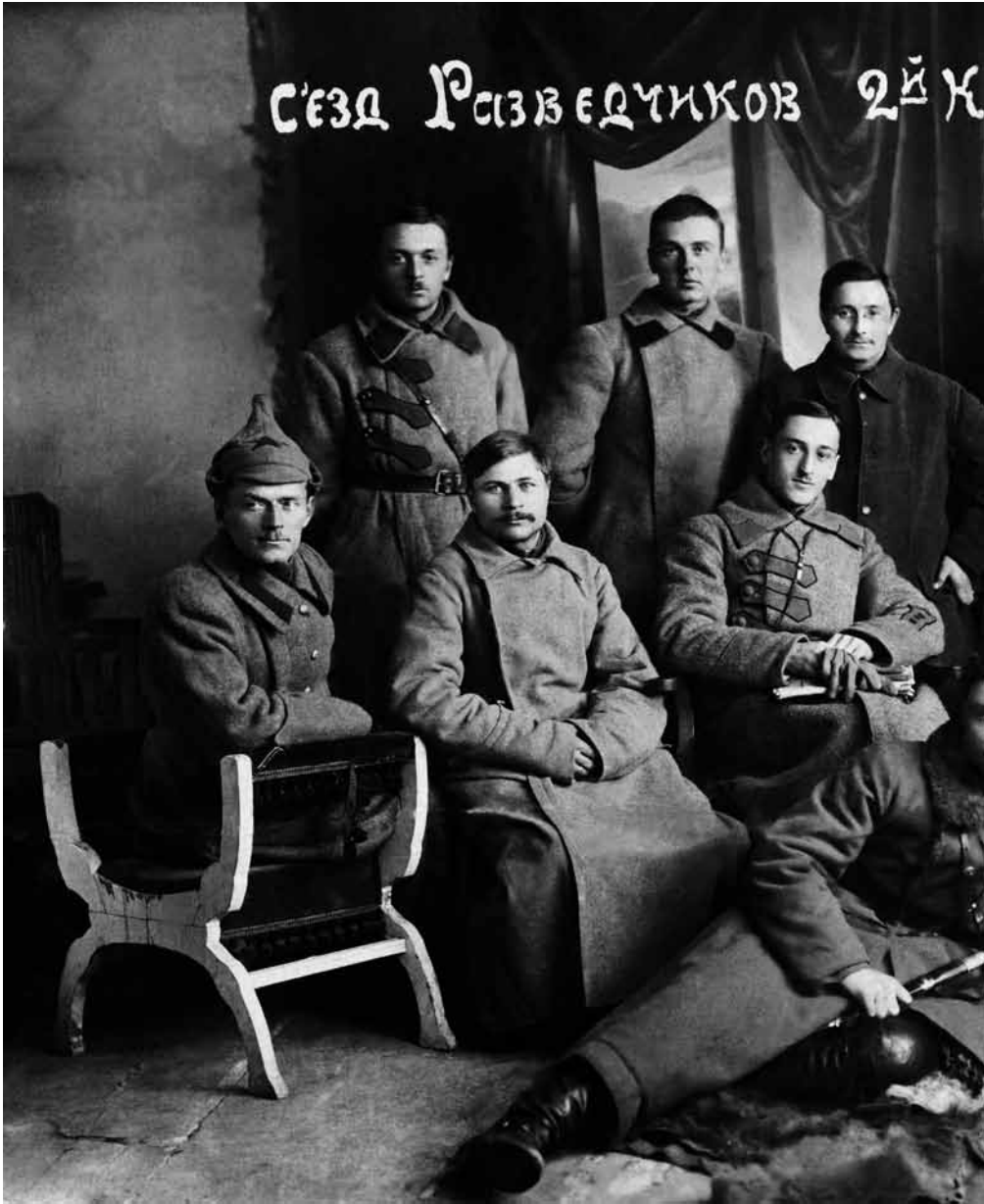
Верстка
Натали Введенской

Редактор
Андрей Чернов

Александра Ивановна Стругацкая с сыном Аркадием
1925

С'ЕЗД РАЗВЕДЧИКОВ 2-Й К.

Съезд разведчиков
2-й Кавдивизии.
Н.З. Стругацкий —
крайний справа во
втором ряду
Ставрополь.
Декабрь 1922 года

Александра Ивановна
и Натан Залманович
Стругацкие
Ленинград. 1920-е

Аркадий Стругацкий с родителями
Ленинград. Конец 1920-х

Аркадий Стругацкий с родителями
Ленинград. Март 1930 года

Аркадий Стругацкий с родителями
Ленинград. 1932

Борис Стругацкий с родителями
Алушка. 1939

Аркадий и Борис Стругацкие
Алутка. 1939

Борис Стругацкий
1940-е

Борис Стругацкий в школе (в центре верхнего ряда)
Конец 1940-х

Аркадий Стругацкий в период службы в армии
Конец 1940-х

Аркадий Стругацкий
в период службы в армии
Конец 1940-х

Аркадий Стругацкий
1950-е

Борис Стругацкий на отдыхе
Начало 1950-х

Борис Стругацкий
в Пулковской обсерватории
1950-е

НИИЧАВО (Пулковская
обсерватория)
Первая половина XX в.

Борис Стругацкий
1960-е

Аркадий Стругацкий в Уральске. Слева направо: представитель
комсомольской организации Уральска, Джим Патерсон, Аркадий Стругацкий,
Иван Лысцов, Бела Ключева, поэты-песенники
1962

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий
Алушка. 1963

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий
Алутка. 1963

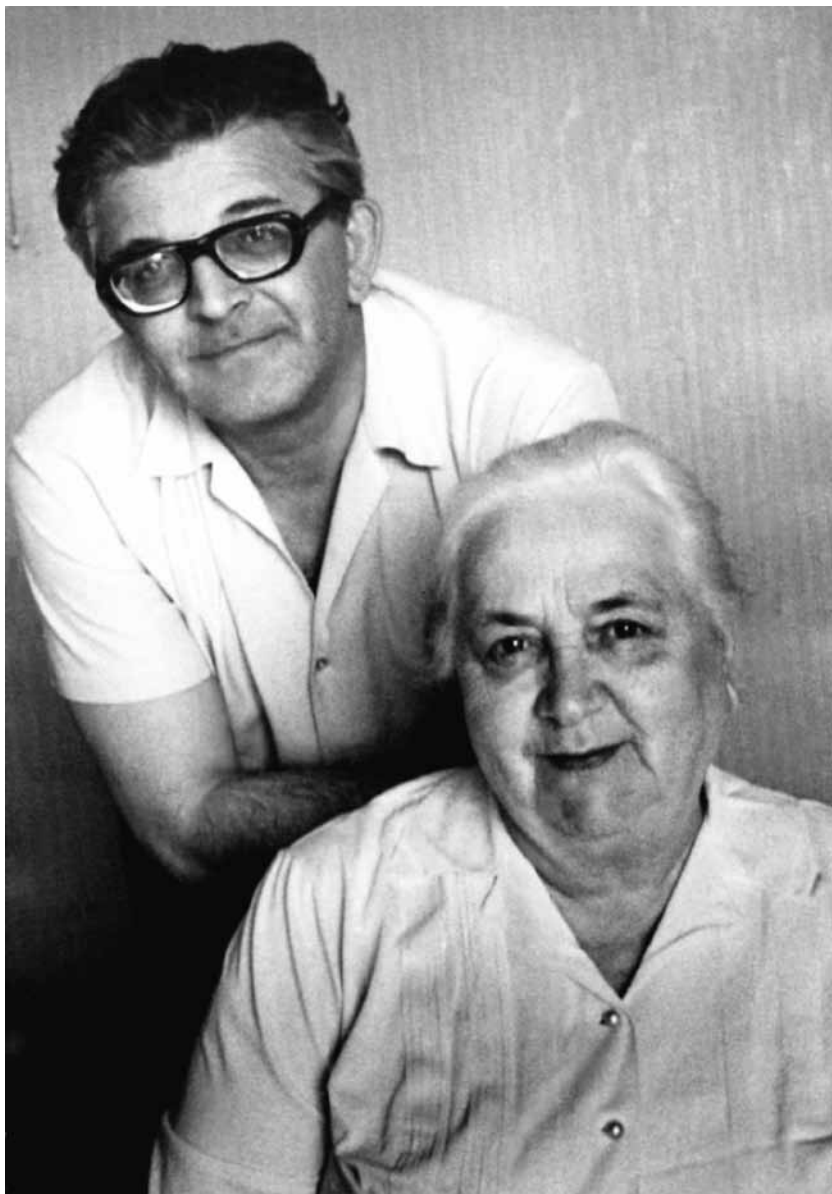

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий
1970-е

Аркадий Стругацкий
1970-е

Аркадий Стругацкий с матерью
1970-е

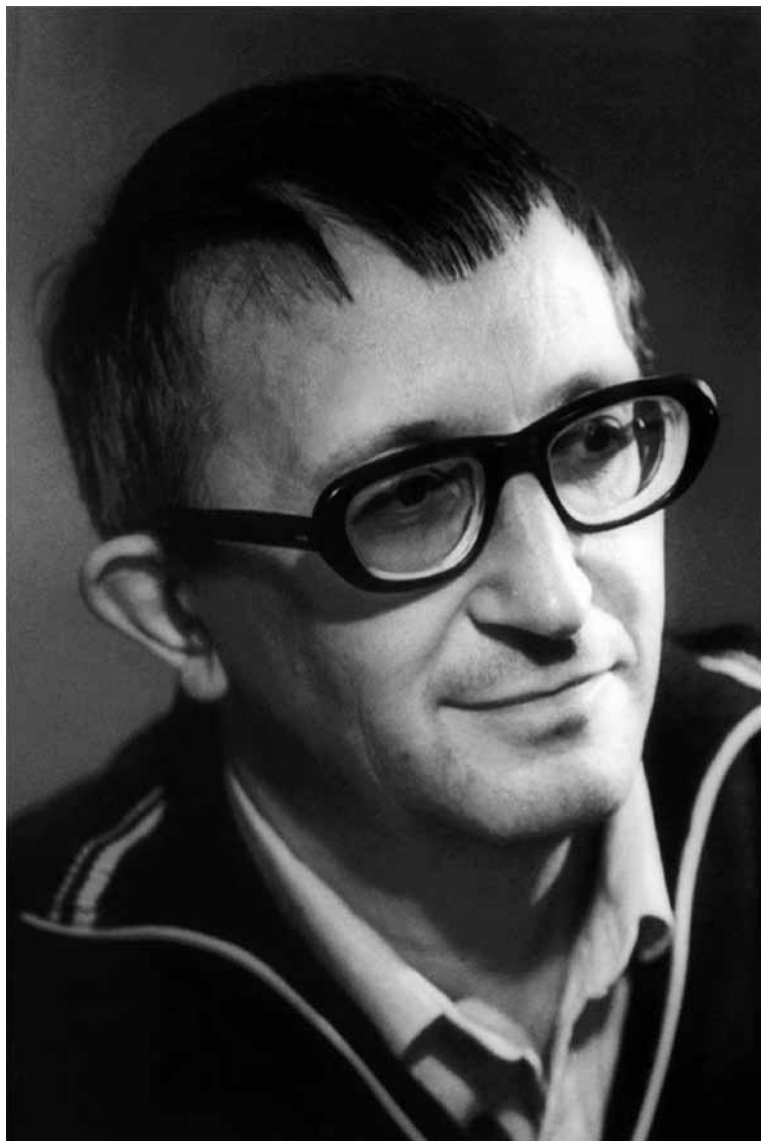
Аркадий Стругацкий, Александр Казанцев на «Аэлите-81»
Свердловск. Апрель 1981 года

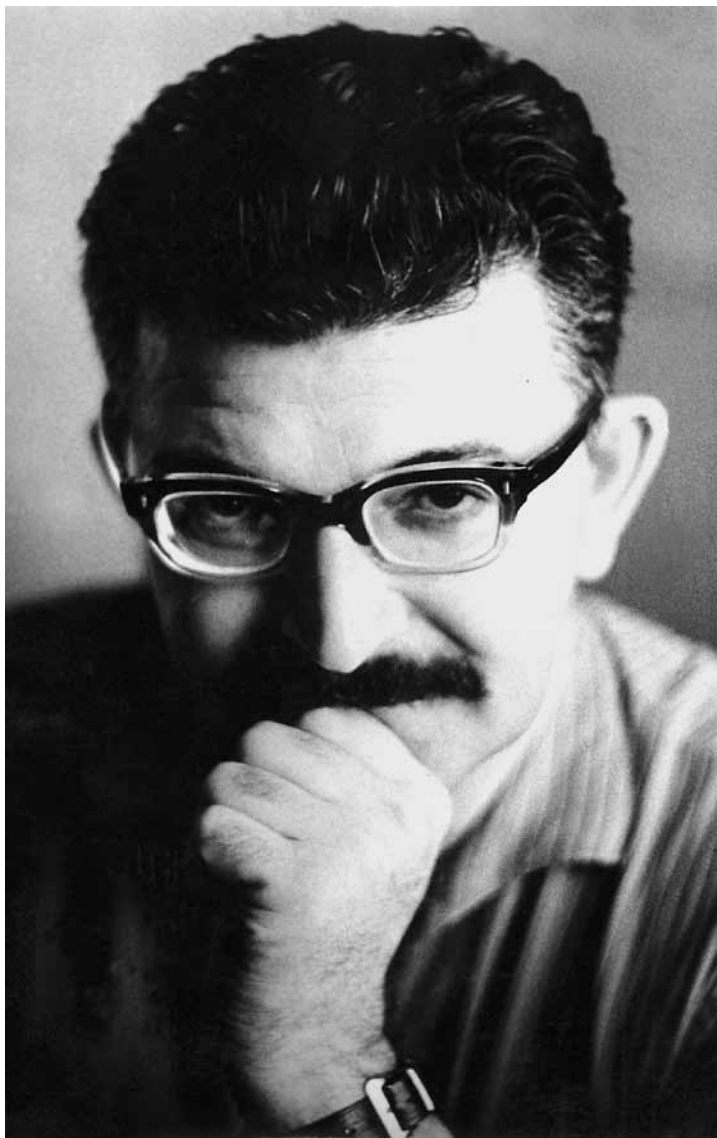
Борис Стругацкий ведет семинар молодых писателей
Дом писателей. Ленинград. 1980-е

Аркадий Стругацкий с внуком
1980-е

Борис Стругацкий
Середина 1970-х

Аркадий Стругацкий
Конец 1960-х

Аркадий и Борис Стругацкие с Александром Сокуровым
Резино. Середина 1980-х

Семинар Бориса Стругацкого. Слева направо: Андрей Столяров,
Андрей Измайлов, Борис Стругацкий, Святослав Логинов, Вячеслав Рыбаков
Ленинград. Начало 1980-х

Аркадий Стругацкий на вручении почетного диплома о присвоении малой планете №3054 имени Strugatskia Колонный зал Дома Союзов. Москва. Май 1987 года

Аркадий и Борис Стругацкие в Брайтоне (Англия) на Всемирном конгрессе любителей фантастики «Worldcon» 1987

Аркадий Стругацкий
1980-е

Аркадий Стругацкий на «Аэлите-88»
Свердловск. Апрель 1988 года

Группа «Людены» на квартире у Аркадия Стругацкого.
Слева направо: Юрий Флейшман, Вадим Казаков, Аркадий Стругацкий,
Сергей Лифанов, Игорь Евсеев, Светлана Бондаренко
Август 1990 года

Борис Стругацкий в Доме писателей
Ленинград. 1991

Борис Стругацкий
Март 1993 года

Борис Стругацкий у себя дома
со знаменитым Калямом
Середина 1990-х

Борис Стругацкий и депутаты Борис Вишневецкий
и Александр Смирнов
Московский районный совет г. Санкт-Петербурга, 28 апреля 1993

Критик Роман Арбитман и Борис Стругацкий на «Интерпрессконе-96»
Разлив. 1996

Борис Стругацкий
рассказывает о создании романа
«Полдень. XXII век»
«Странник-97».
Санкт-Петербург. 1997

Роберт Шекли и Борис Стругацкий
«Странник-97». Санкт-Петербург. 1997

Борис Стругацкий и Борис Вишневский с первым изданием книги
«Аркадий и Борис Стругацкие: Двойная звезда»
Санкт-Петербург. Сентябрь 2003 года

Борис Стругацкий вручает Георгию Данилии премию «Странник» за фильм «Кин-дза-дза»
Санкт-Петербург. 2002

Борис Стругацкий и координатор группы «Людены» Юрий Флейшман
Февраль 2011 года

Борис Стругацкий на будущей площади Братьев Стругацких
Ленинград. 1970-е